MADONNA

haar enige echte ...

... schokkende levensverhaal

BIOGRAPHIES

UNAUTHORIZED

RCV DVD 12 KL

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Опираясь на публикации в прессе и интервью с теми кто знает Мадонну или работал с ней, известный американский журналист, автор биографий-бестселлеров, нарисовал впечатляющий непредвзятый портрет феноменальной женщины и проследил историю ее невероятного успеха. Эту биографию можно с полным правом назвать «В жизни с Мадонной».

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Эпилог

Глава 1

«Я скорее пройду сквозь огонь, чем обойду его».

Мероприятие было спланировано с секретностью и тщательностью, достойными разработки упреждающего удара в ходе боевых действий. Приглашения с небрежным — рисовал брат жениха — изображением парочки в позе четы на картине «Американская готика» звали друзей на совместный «праздник по случаю дня рождения» (25-ему, 27-ей), который должен был иметь место 16 августа 1985 года. В приглашении от имени актера Шона Пенна и Мадонны говорилось: «Необходимость сохранить уединение и желание вас поинтриговать не позволяют огласить место проведения праздника в Лос-Анджелесе раньше, чем за сутки». Даже знаменитый ресторан «Спаго» в Биверли-Хиллз, избранный для обслуживания торжества, до последней минуты находился в неведении. Хозяин «Спаго» Вольфганг Пак предварительно получил фотографии места проведения свадебного торжества и план расположения мест для организации обслуживания, но лишь в последний час ему указали адрес. Газетчики со всех ног бросились искать и вынюхивать. Дом родителей Шона, продюсера Лео Пенна и его жены Эйлин, в Малибу был взят репортерами в осаду, хотя охранник не пустил их дальше тротуара. Так же хорошо охраняемый дом в Малибу друга Шона и члена Банды Ублюдков Тимоти Хаттона был еще одним вариантом. Потом разлетелся слух о возможном венчании в церкви, что вызвало шквал телефонных звонков в местные приходы. В назначенный день армия журналистов, предупрежденных одним из приглашенных, Энди Уорхолом, о действительном местоположении секретного объекта, рванула на Уайлдлайф-Роуд, дом 6970, к роскошному особняку стоимостью в 6,5 миллионов, принадлежавшему другу семьи Пеннов, торговцу недвижимостью Дэну Ангеру.

Сцена, разыгравшаяся у дома Ангера, напомнила скорее войну, чем свадьбу. В то время, как вооруженные охранники в инфракрасные бинокли озирали горизонт в поисках чужаков — а именно, представителей прессы, — их собратьев в блейзерах проверяли верительные грамоты у гостей, о пропускаемых через десятифутовые стальные ворота. Переодетые официантами репортеры перелезали через забор, подхватывали серебряные подносы и начинали обносить гостей суши и шампанским. Один итальянский фотограф, намазав лицо черной краской и

облачившись в армейскую камуфляжную форму, пролежал в кустах 17 часов, чтобы в итоге оказаться выброшенным за пределы усадьбы, лишившись при этом пленки, за 40 минут до начала церемонии.

Отогнать эскадрилья вертолетов прессы, которые крутились над головами собравшихся, поднимая вихри и заглушая ревом двигателей даже рокот Тихого океана, было не так-то просто. Пенна, который питал отвращение к объективам, присутствие вертолетов привело в ярость: он сбежал на берег и написал на песке громадными буквами «У М А Т Ы В А Й Т Е». Почти полчаса он метался по берегу грозя вертолетам воздетыми кулаками и изрыгая ругательства. По словам одного из гостей", он совершенно взбесился". Потом он вернулся в дом, зарядил пистолет и, как заправский коммандос, пополз в кусты.

Мадонна на грани истерики умоляла Пенна убрать пистолет. В ответ он обложил ее последними словами и отпихнул с дороги. Затем он расстрелял по вертолетам всю обойму. Ошеломленной невесте он заявил: «Хотел бы я поглядеть, как сгорит одна из этих чертовых тарахтелок со всеми, кто там есть». Правда, Пенн ни разу не попал в цель. «Мне кажется, что были в основном предупредительные выстрелы, чтобы отпугнуть нас, — вспоминает один из воздушных пиратов, — но все равно удивительно, что ни один вертолет не свалился и не сгорел прямо на глазах у участников свадьбы». Какими бы шокирующими ни казались выходки Пенна с пистолетом, Мадонну тоже нельзя было назвать образцом благопристойности: она не раз показывала вертолетчикам поднятый средний палец. Пенн, обращаясь к окружающим, пожелал узнать," кто выболтал". Невеста напомнила, что если бы он ее послушал и впустил одного-двух фотографов, воздушного нападения могло и не быть. Но человек, который постоянно отшивал фотографов и отказывался давать интервью даже для рекламы своих фильмов, вряд ли пошел бы на такую уступку. Когда кто-то из гостей спросил молодых, подыскивавших дом в Малибу, будут ли они обносить свое владение высоким забором, Пенн ответил не раздумывая." Забор — чепуха, — сказал он с нехорошей улыбкой, — мы поставим пулеметные вышки".

В 18.30 возле бассейна собрались 220 друзей, родственников, бывших любовников и интимных подруг Мадонны, и молодые вышли для совершения обряда. Жених был одет в двубортный смокинг от Джанне Версаче, купленный в модном магазине на Родео-драйв за 695 долларов. На ней было почти белое платье с десятифутовым шлейфом, серебристо-розовый пояс, украшенный засушенными розами и полудрагоценными камнями, и

элегантный черный котелок. Символично, что, обмениваясь брачными обетами перед лицом судьи Джона Меррика, Мадонна и Шон Пенн стояли на краю обрыва. «Несмотря на то, что в вашей жизни будут моменты, — сказал им судья, — когда сомнения посетят вас и вы будете задаваться вопросом, что побудило вас на этот шаг, взаимное доверие и любовь помогут вам понять, что это лишь минутные колебания». Затем, под трепетную мелодию «Огненной колесницы», жених приподнял вуаль нареченной и запечатлел поцелуй. Гости, из-за грохота вертолетов не слышавшие слов обета, повскакали и разразились ликующими возгласами. Несколько мгновений спустя новоиспеченная пара появилась на балконе дома. Шон поприветствовал собравшихся на "повторную съемку «Апокалипсис сегодня», потом с бокалом шампанского провозгласил тост за «самую красивую женщину в мире», а за тем не слишком галантно полез к Мадонне под юбку в поисках подвязки (которая, как положено, досталась его младшему брату актеру Крису Пенну). После обязательной церемонии бросания букета новобрачной, который перехватила младшая сестра и копия Мадонны Паула, все перешли под белый навес на открытом воздухе, чтобы закусить икрой, жареной рыбой — меч, седлом барашка, равиоли из омаров и устрицами под карри, запив все это вином «Пино-нуар» с принадлежащих Мадонне виноградников в северной Калифорнии. В оформлении скатерти, драпировки, букеты — доминировал белый цвет, а посредине каждого стола красовалась усыпанная драгоценными камнями золотая туфелька Золушки, — точная копия туфель Мадонны ручной работы на высоком каблуке. Целая комната была отдана под свадебные подарки, среди которых были музыкальный автомат старой модели, столовая посуда, (Мадонна записалась у Тиффани на посуду по рисункам Карневаля и Моне) и разрисованная шелковая ширма работы Энди Уорхла и Кийта Хэринга с изображением заголовка из «Нью-Йорк пост» — «Мадонна обнаженная: Ну и что?» «Полная мешанина из знаменитостей и ничтожеств, — вспоминает Уорхол, которого пригласили как „дружка“ бывшего сожителя и друга мадонны Мартина Бергойна. — Это и в самом деле было примечательнейшее событие… Все были на виду, собравшись под тентом, и народу было не слишком много. А молодые актеры, такие как Эмилио Эстевес и Том Круз, казалось, щеголяют в отцовских костюмах». Без сомнения, список знаменитостей, включавших Шер, Мартина Шина, Роба Лоу, Керри Фишер, Кристофера Уолкена, Розанну Аркет (снимавшуюся вместе с Мадонной в фильме «Безнадежные поиски Сьюзен»), магната пластиночной империи Девида Геффена, Тимоти Хаттона, Девида

Литтермана и Диану Китон, был весьма впечатляющим. Мадонна, никогда не полагавшаяся на волю случая, проконсультировалась со многими людьми из Голливуда, чтобы определить достойных прглашенния важных персон, и сама составила свой список гостей, включавший имена нескольких звезд, едва ей знакомых, и нескольких других, которых и в глаза не видала. Это не имело ни какого значения, например, Шер явно была в восторге, что ее пригласили на событие, которое кое-кто уже называл «голливудской свадьбой десятилетия». Она собиралась в очередной раз возвращаться на эстраду, и ее внимание к забойнийшей новой рок-звезде граничило с подхалимажем. Накануне Мадонна призналась друзьям: «Ах, я не выношу Шер, меня от нее тошнит. Ей, видите ли надо, чтобы я для нее песенки писала. Она мне все время названивает, недоедает. Но, думаю, что ее лучше пригласить». на свадьбе перед тем, как разрезать пятиярусный свадебный торт с орехами, Мадонна повернулась к Шер и выпалила: «Послушай, ты ведь уже этим занималась. Нужно вырезать только кусочек или резать всю эту штуку?»

Когда подошло время для свадебного танца молодых, диск-жокей вечера включил задушевную песню Сары Воен «Я схожу с ума по моему парню». Новобрачные кружились по площадке, устроенной на теннисном корте, и, когда у Мадонны взлетело платье, все могли полюбоваться на шелковую комбинацию кричащих тонов. Затем ее супруг позабавил толпу, как он выразился, «трехминуткой под Джона Траволту». Тем временем кое-кто из ближайших друзей Мадонны еще со дня ее безвестной и трудной юности в Нью-Йорке сплетничал о свадьбе и о том немногом, что могло бы сохранить этот брак. «Прошлые связи рвались, потому что шансы были неравные, — прикидывал Мартин Бергойн. — А тут — пятьдесят на пятьдесят, никто не сумеет давить на другого: она может учиться у него, а он у нее». Несмотря на оптимизм Бергойна, Пенн никогда не скрывал презрения к окружению Мадонны (особенно к Бергойну, присутствие которого в жизни Мадонны стало впоследствии причиной нескольких семейных скандалов). Для Пенна Бергойн с компанией были «психами, лесбиянками и гомосеками». И хотя их роман был одним из самых известных в истории шоу-бизнеса, даже для ближайших друзей Мадонны ее с Пенном сообщение для печати о помолвке прозвучало как гром среди ясного неба. Один из ее старинных друзей заметил: «Она никому из нас не сказала, что всерьез подумывает выйти за этого парня. Он всегда был таким агрессивным, несдержанным — временами становился просто невыносимым стервецом. Он никому из друзей Мадонны не нравился, и, кажется, она это знала».

Пока внизу веселились, наверху, в дамской комнате, многолетняя наперстница и гримерша Мадонны Деби Мейзер, известная всем как Деби М., пыталась счистить с платья блевотину Стива Рубелла. Рубелл, скандально известный в 1970-е годы владелец нью-йоркского ночного клуба «Студия 54», накануне перебрал снотворного, и по пути из отеля «Биверли-Хиллз» его стошнило в лимузине. Деби М. помогала еще одна нью-йоркская подруга Мадонны Эрика Белл. Зашла Паула Чикконе. Крася перед зеркалом губы, младшая сестра виновницы торжества бесилась от ревности. «Не могу поверить! Это должна была быть моя свадьба, а не ее! — вопила она. — Это я должна была прославиться! Такая карьера должна была быть у меня! Все должно было вертеться вокруг меня!» Подруги Мадонны почувствовали себя не в своей тарелке. «Если честно, — рассказывает Эрика Белл, — сцена была прямо из „Что случилось с Бэби Джейн?“ Дичь какая-то. Мы переглянулись и сказали что-то вроде: „Да нет, это она не серьезно“. Мы с Деби М., пятясь, вышли. С тех пор я все время боюсь, как бы Паула и впрямь не расправилась с Мадонной, до того она ревновала к успеху сестры». Среди всей этой круговерти Мадонна, подобно зоне затишья в центре тропического урагана, была совершенно спокойна. Несмотря на скептицизм своей нью-йоркской когорты, новобрачная умудрилась одним усилием воли заставить поверить практически всех присутствующих в то, что этот эксцентричный союз двух весьма темпераментных звезд может оказаться успешным. Судья Меррик, например, в это поверил. «Я чувствовал, что они любят друг друга не меньше, чем любая из пар, которые я сочетал браком, — сказал он, — а сочетал я не одну сотню». Тем не менее, бесконечная привязанность Мадонны к Пенну не помешала ей дать наказ своим адвокатам составить весьма жесткий брачный контракт. «У меня, конечно, куда больше денег, чем у него, — говорила она тогда друзьям, — и будет еще больше, когда это все закончиться». В конце концов, вся карьера Мадонны строилась на риске — правда, тщательно рассчитанном.

Брак Пенна с Мадонной, без сомнения, оказался одним из самых бурных и скандальных даже для города, ставшего притчей во языцех по части семейных катастроф. В последующие четыре года «Паскудные Пенны», как их называли, постоянно фигурировали в сенсационных газетных заголовках, пока, наконец, их брак не пал жертвой убийственного сочетания алкоголя, взаимного остервенения и ревности. Да и с чего бы ей было сомневаться? Ведь ее уже сравнивали с другой легендарной звездой, секс-символом 1960-х, и это сравнение представлялось в значительной степени обоснованным. Мадонна вполне способна

стать Мерилин Монро нашего времени, но с одной разницей: как рано или поздно поймут и Шон, и весь остальной мир, Мадонна отнюдь не жертва.

Глава 2

«Передо мной та же цель, которую я поставила перед собой в детстве: я хочу править миром!»

—Готовы?
—Si?
—Завелись?
—S-I-I-I-I!
—Отлично. Я тоже. Allora, andiamo!

С этими словами Мадонна в черном корсете и туфлях на шпильках вертелась, прохаживалась и дергалась перед ревущей толпой 65 тысяч ее итальянских поклонников, забивших до отказа футбольный стадион в Турине жарким сентябрьским вечером 1987 года. Через два часа она заработала самую горячую овацию за весь вечер, сказав собравшимся то, что они жаждали услышать: «Io sono fiera di essere italiana!» («Я горжусь тем, что я итальянка!»).

Признаки повальной истерии стали очевидны еще днем, когда полиция направила брандспойты на тысячи фанатов, столпившихся возле стадиона в надежде хоть одним глазком взглянуть на возлюбленную дщерь Италии."Скоты", пробормотал, переводя дехание, один полицейский, когда дюжину девченок типа «Хочу быть Мадонной» в бессознательном состоянии передали на руках через головы в относительную безопасность сооруженного на скорую руку пункта скорой помощи.

В то время как перед стадионом бушевал разгул страстей, Мадонна спокойно принимала за кулисами нескольких дальних родственников и официальную делегацию горожан, Пачентро, небольшого городка, из которого шестьдесят лет тому назад уехали за океан ее дед и бабушка. Восьмидесятидвухлетняя двоюридная бабка Мадонны Бамбина де Джульо была одной из жительниц Пачентро, отказавшейся от паломничества в Турин. «Конечно, мне хотелось бы увидеть ее и обнять; как-никак лестно иметь такую знаменитую родственницу», — сказала она в интервью одной римской газете, добавив при этом, что слишком слаба для поездки в Турин. Но после некоторого нажима Бамбина высказала, что думает о Мадонне на самом деле:"Чего вы от меня хотите? Девченка — певица, просто певица. В наше время мы себя так не вели!"

Три месяца спустя после отъзда Мадонны из Италии в Пачентро все еще переругивались из-за знаменитой землячки.

Правда, на этот раз в центре внимания была не сама Мадонна, а четырехметровая бронзовая статуя, которую собирались поставить в ее честь на городской площади. На пресс-конференйии в Риме скульптор Вальтер Пуньи показал масштабную модель скульптуры, из — потрепанный, перевязанный бечевками чемоданчик — символ двадцати тысяч эммигрантов, уехавших из Пачентро в Америку и оставивших в залитом солнцем средневековом городишке нищей итальянской области Абруцци всего две тысячи жителей. Бородатому художнику с трудом удавалось скрывать волнение, когда он делиля планами открытия памятника, разработанными до мельчайших деталей. Все это, по его замыслу, должно было сопорвождаться оперным пением. Впрочем, Пуньи упустил одну немаловажную вещь — стоимость монумента, составлявшую по предварительным расчетам около 416 тысяч долларов. Как утверждали сторонники проекта, эту сумму могли бы составить частные пожертвования из италии и Соединенных Штатов. Пуньи привел еще один аргумент в пользу своего детища: подобный памятник позволил бы проложить через сонный Пачентро туристические маршруты.

Священник местного прихода Джузеппе Лепоре первым высказался против устройства святыни в честь не слишком-то целомудренной Мадонны. Вторя мнению Ватикана, уже осудившего как святотатство использование певицей во время выступлений распятий и других религиозных символов, отец Джузеппе предупредил, что любая статуя такого рода оставит на Пачентро вечное клеймо современного Содома.

Мэр Раффаэле Сантини, в свою очередь, выступил против установкистатуи на том основании, что она «навлечет насмешки» на жителей городка. Больше того, после того как он взял на себя труд присвоить Модонне почетное гражданство, она и не подумала выразить признательность — ни лично, ни в письменной форме. «Мадонна, — с горечью заметил мер Сантини, — не проявила ни какого интереса к проблемам нашего городка».

Гаэтано и Мекелине Чикконе, покидавшим Пачентро шестьдесят восемь лет назад в поисках новой жизни в Новом Свете, в голову не могло прийти, что разногласия из-за их внучки будут в последствии грозить расколим их родному городу. Не могли они представить и того, что их плоть и кровь станет оъектом равно обожания и брани миллионов людей, что за каждым ее шагом будут пристально следить и бесконечно ее обсуждать, что ей предстоит сделаться постоянным источником скандалов и ожесточенных споров — одним словом, что их внучка

станет самой известной женщиной своего поколения и ее имя будет у все на устах.

И все же «корни» волшебства Мадонны уходят глубоко в почву Пачентро и в строгие католические верования, что привезли с собою в Америку ее дед и бабка по отцовской линии. Необразованные, не говорящие по-английски супруги Чикконе поселились в пригороде Питтсбурга Алликиппе, где Гаэтано смог устроиться на металлургический завод. Именно здесь, в одном из перенаселенных, закопченных домов в итальянском районе Аликиппы, 2 июня 1931 года появился на свет Сильвио, младший из шести сыновей Чикконе и, как выяснилось впоследствии, единственный, получивший высшее образование.

Поскольку родители даже не пытались выучить язык приютившей их страны, все потомство Чикконе говорило по-итальянски не хуже, чем по-английски. Всегда отличавшийся большим честолюбием, чем братья, — эту черту в конечном итоге передаст своей старшей дочери — худощавый, смуглый, с орлиным носом Сильвио Чикконе, видимо, еще в детстве решил избавиться от клейма эммигрантского воспитания. Подрабатывавший во многих местах для оплаты обучения в колледже, Сильвио за переделами семьи был известен под менее экзотическим именем «Тони».

Подобно родившемуся в Пенсильвании в семье итальянских эмигрантов Ли Якокке, целеустремленный Тони Чикконе направился на север, в Детройт, — искать доходное место инженера в процветающей автомобильной промышленности. И он его нашел — должность техника по оптическим и оружейным системам в компании «Крайслер», на заводе которой по происводству ракет и танков в Уоррене, штат Мичиган, он и начал работать над выполнением правительственных военных заказов.

События Корейской войны еще были свежи у всех в памяти, всеобщая воинская обязанность по-прежнему действовала, и Тони Чикконе решил послужить родине в составе резерва военно-воздушных сил. После службы на Аляске его на короткое время перевели в Техас. Здесь, на свадьбе своего сослуживца Дейла Фортина, молодой Тони Чикконе познакомился с младшей сестрой Фортина и потерял голову. Она была хрупкой темноволосой красавицей с широкопосаженными голубыми глазами и кожей цвета молочного фарфора. В ней было нечто неземное, отраженное в ее незабываемом имени: Мадонна-Луиза. Она не была итальянкой. Ее семья, проживавшая в Бэй-Сити, штат Мичиган, вела род от канадских французов.

Ничуть не смутившись тем, что она уже помолвлена, Тони

Чикконе начал встречатья с Мадонной Фортин. Уже через неделю после первого свидания она разорвала помолвку. Вскоре после этого в 1955 году Мадонна Луиза Фортин и Тони Чикконе сочетались браком в церкви Благовещения в Бэй-Сити. Молодая пара поселилась в небольшом кирпичном бунгало по Торстрит 443 в пригороде Понтиака, милях в двадцати к северо-западу от Детройта. Год спустя, 3 мая 1956 года, на свет появился их первенец Энтони, за которым 9 августа 1957 года последовал второй сын, которого назвали Мартином.

В августе 1958 года Мадонна Чикконе опять была на сносях. В этот раз ей хотелось, чтобы ребенка принимал шестидесятидвухлетний семейный врач Фортинов доктор Абрахам Х.Джейкоби. Супруги Чикконе по предварительной договоренности отправились в Бэй-Сити и ожидали появления ребенка на свет в доме бабушки Мадонны по матери Элси Фортин.

В отличие от Понтиака, Бэй-Сити — живописный портовый городок, тенистые улицы которого застроены особняками в георгиантском и викторианском стиле, воздвигнутыми в конце пошлого и начале нынешнего века лесопромышленными воротилами среднего Запада. Но и современные проблемы город тоже затронули: бабушка Элси (которую все ее тридцать четыре внука и внучки назвали На-ну) жила с подветренной стороны нефтеобрабатывающего завода «Доу», и соответствующие ароматы преследовали ее всю жизнь. И все же город, в основном типично провинциальный, средне-американский, был самым подходящим местом для появления на свет первой дочери Тони и Мадонны Чикконе, родившейся утром 16 августа 1958 года в больнице Милосердия Божьего. Дочери они дали имя матери, а называли ее Крошкой Нонни, чтобы не путать с Мадонной — старшей. Таким образом, вопреки расхожему мнению, имя Мадонны не итальянского, а франко-канадского происхождения.

В тот год, когда родилась крошка Нонни, президент Дуайт Дэвид Эйзенхауэр отработал половину второго срока в Белом Доме, к власти в Советском союзе пришел Никита Хрущев, самым популярным телесериалом на телевидении был «Пороховой дым», а Элвис Пресли был певцом Америки номер один. В эти времена редко случалось, чтобы в семье работали и муж, и жена. Тем не менее Мадонна Чикконе работала рентгенотехником, тратя оставшиеся от работы силы на стряпню, стирку, воспитание быстро растущего потомства. Вторая дочь, Паула, появилась на свет через год после Крошки Нонни, а за ней последовали Кристофер в 1960 году и Мелани в 1962.

Самые ранние воспоминания Мадонны о жизни на Тор-стрит

связаны с матерью. Мадонна делила комнату с двумя сестрами и часто, просыпаясь ночью, шла через гостиную и распахивала дверь в спальню родителей. «Они спали в кровати, — вспоминает она, — и я, наверное, проделывала так много раз, потому что, помниться, они приподнимались и говорили:» Господи, неужели опять?", а я говорила: «Можно мне к вам в кровать?» Я всегда сразу засыпала, когда ложилась к ним". Еще Мадонна хорошо помнит, что отец не хотел ее пускать, а мать, напротив, всегда радовалась ее приходу." У мамы была очень красивая ночная рубашка, красная, с шелковистым отливом. Я помню, как забиралась в кровать, терлась о ее рубашку и засыпала… Да, именно так. Для меня было блаженстовом поспать между родителями".

В детстве Мадонна была, по общему мнению, в равной степени милым и шаловливым ребенком. Впервые ее агрессивность проявилась в четыре года. Она сидела на дорожке возле дома, кипя от злости, потому что отец запретил ей уходить со двора. К ней подошла двухлетняя девочка и протянула одуванчик, Мадонна изо всех сил пихнула малышку, и та упала. «Я была просто вне себя от злости из-за того, что меня наказали, и мне первым делом хотелось сорвать злость на ком-нибудь послабее. В ее невинном взгляде я прочитала, что смогу стать хозяйкой положения». Кроме того, Мадонна терпеть не могла одуванчики; по ее словам, «Эти сорняки растут где попало, а мне нравиться то, что выращивается».

Еще одно отчетливое воспоминание связано у Мадонны с матерью, убирающейся на кухне. «Я помню ее великодушный, ангельский характер, — однажды рассказывала она. — Она держала весь дом в чистоте и все время прибиралась за ним. Мы были очень неряшливыми, ужасными детьми». Именно от матери Мадонна унаследовала музыкальные способности. «Она любила петь и знала слова всех песен, — вспоминает Элси Фортин. — Именно этого мне больше всего и не хватало, когда она (мать Мадонны) покинула дом».

Дети Чикконе, безусловно, были изрядными озорниками, что не слишком-то радовало соседей. Старшие братья Мадонны Энтони («Крошка Тони») и Мартин («Мард») бросали камни в окна, разжигали костры в подвале и постоянно дрались. «Я думаю, что родителям пришлось со многими из-за нас переругаться, — впоследствии говорила Мадонна, — ведь нас было так много, а они ни разу даже голоса на нас не повысили. Братья у меня были очнь буйные, но мать с отцом никогда на них не кричали. Они просто обнимали нас, прижимали к себе и спокойно с нами разговаривали».

Несмотря на терпимое отношение к шалостям своих детей, супруги Чикконе, особенно Тони, придерживались строгих моральных правил и от детей требовали того же. «Отец был очень сильным человеком, -рассказывает Мадонна, — прямым и честным, и если что-то нам запрещал, то распространял запрет и на самого себя. Многие родители… лишь говорят детям о скромности в сексе, а отец не только говорил, он и жизни был таким. Он считал, что заниматься любовью — дело очень интимное и до свадьбы этого следует избегать. Он твердо придерживался этих взглядов и казался мне очень сильной натурой. Он был для меня образцом для подражания». Кроме прочего супруги Чикконе были набожными католиками. С младенческих лет Крошку Нонни окружали всевозможные религиозные символы, которые она впоследствии столь успешно использовала на эстраде: четки, образки и, самое главное, распятья. «Распятья выглядят так сексуально, потому что на них обнаженный мужчина, — заметила она потом. — Когда я была маленькой, распятья висели у нас по всему дому… Распятья отложились в моей памяти, как одеяльце с завязками». Семья и вправду была настолько набожной, что детей каждое утро поднимали в шесть часов, чтобы они час провели в церкви, прежде чем их отвезут на автобусе в приходскую школу, расположенную в нескольких милях от дома. «Это была чистая пытка, — рассказывает Мадонна. — Я имею в виду, что школа была сущим наказанием». Бабушка Чикконе преподала крошке Нонни еще один незабываемый урок: «Когда я была совсем маленькой, бабушка частенько умоляла меня не гулять с мужчинами, любить Иисуса и быть хорошей девочкой. Я росла, имея представление о женщинах лишь двух типов: девственницах и шлюхах. Это было жутковато».

Мир стал еще страшнее для Крошки Нонни, когда у ее матери, вынашивавшей тогда ее младшую сестру Мадонны, Мелани, обнаружили рак груди. Она не жаловалась и, по словам дочери, «никогда не позволял себе упиваться своей трагедией». После рождения Мелани Мадонна Чикконе некоторое время еще продолжала выполнять работу по дому, но силы ее убывали, и она могла в разгар дня все бросить и «просто сидеть на кушетке», как вспоминает дочь. По мере развития болезни дети проявляли все большее нетерпение и замешательство. «Мы просто терзали ее, когда ей было плохо, приставая, чтобы она поиграла с нами, — говорит Мадонна. — Мне кажется, малыши всегда ведут себя так с теми, кто по-настоящему добр к ним». Однажды после обеда когда мать сидела на кушетке, Крошка Нонни забралась к ней на спину и потребовала, чтобы с ней поиграли. Мать, которой

от слабости было трудно пошевелиться, вдруг заплакала. В ответ на это Крошка Нонни вдруг стала молотить ее по спине и кричать:" Зачем ты так делаешь? Не надо так делать, пожалуйста, не надо, ну,пожалуйста! Будь такой, как раньше! Поиграй со мной!" Тут только крошка Нонни обнаружила, что мать плачет, и обняла ее. «Помню, я почувствовала себя сильнее ее, — говорит Мадонна. — Я была совсем маленькой, но все равно мне почудилось, будто ребенок — это она. С тех пор я перестала ее мучить. Мне кажется, после этого случая я стала быстро взрослеть».

Последний год жизни Мадонна Чикконе провела в больнице. Но даже в столь тяжких обстоятельствах она сохраняла такую жизнерадостность" — всегда смеялась и шутила", — что дети с нетерпением ждали дней посещений. «Она хорошо держалась, — говорит бабушка Элси, — потому что глубоко верила». 1 декабря 1963 года во время посещения Мадонна, которой было пять с половиной лет, рассмеялась, когда мать, уже несколько дней не принимавшая твердой пищи, попросила у нее в шутку гамбургер. После этого девочку увели из палаты, а через час мать скончалась. Было ей всего тридцать лет. «Отец сказал, что она умерла, — вспоминает Мадонна, — но я все равно ждала, что она вернется, и мы никогда об этом не говорили… Я только раз видела, как плачет отец». Впоследствии Мадонна пришла к выводу, что развитию смертельной болезни могла способствовать работа матери на рентгеновской установке. Элси Фортин вспоминает, что ее дочь Мадонна была «красивой девушкой. Все ее любили. Они с Тони хорошо жили. По-моему, они никогда не ссорились».

После смерти матери в семье осталась только одна Мадонна, и она решила не давать никому забыть об этом, в первую очередь отцу. «Как и все девчонки, я любила отца и не хотела его терять. Я потеряла мать, но я и наследовала матери: отец будет моим». Зависимость Мадонны от отца находилась на грани наваждения. Она по-прежнему требовала к себе больше внимания, чем любой другой из детей Чикконе, и по ночам заползала в кровать к отцу, трясясь от страха. Только после этого она засыпала, освободившись от навязчивого кошмара, в котором кто-то приходит ее убивать. «Я засыпала, — объясняла позднее она в документальном фильме „Правда или вызов“ ('Truth or dare'), снятом в 1991 году, — после того, как он маня трахал. Шутка». Мадонна не собиралась делить привязанности отца ни с кем — даже с братьями и сестрами. "Я все время повторяла: «Если ты умрешь, я лягу к тебе в гроб и пусть нас закопают», на что отец отвечал: «Не говори так. Это просто отвратительно».

Увещеваний отца было мало, чтобы удержать Мадонну от мыслей о смерти. Она на два года впала в ипохондрию, убедив себя в том, что у нее как у матери, рак. Дом стал для нее убежищем. Стоило ей на минуту куда-нибудь выйти из дома, кроме как в школу и в церковь, и ее тут же охватывал ужас, начиналась рвота. Как она позже заметила, «было — хуже некуда». Отец по-прежнему оставался для нее единственным смыслом существования. Чтобы сохранить привязанность Папочки, Мадонна научилась использовать всякие женские штучки. «Я знала, как обвести его вокруг пальца. Я знала, как добиться своего, не говоря ему: „Нет, этого я делать не буду“, и вовсю пользовалась своими возможностями». Одним из способов было забраться к отцу на колени и кокетничать с ним напропалую. «Я заигрывала со всеми: с дядями, с дедом, с отцом — со всеми. Я всегда осознавала свою женскую привлекательность».

Успехи в учении открывали ей еще один путь к отцовскому сердцу. Воспитательница Мадонны из детского сада прихода церкви св. Фредерика, Джозефина Энн Карпентер, сделала на ее личном деле пометку для учительницы первого класса сестры Нормы: «12.01.63. Умерла мать. Нуждается в повышенном внимании и любви». Судя по успехам девочки в учебе, сестре Норме не о чем было беспокоиться. Тони Чикконе выдавал детям по полдоллара за каждую отличную оценку в табеле. Мадонна всегда получала больше всех. «В нашей семье был силен дух соревнования, а я всегда стремилась завладеть вниманием отца и поэтому изо всех сил старалась лучше учиться. Я была круглой отличницей, и за это все меня ненавидели. Япросто старалась быть для отца единственным светом в окошке. Думаю, все в семье это прекрасно понимали. И я вроде как выделялась среди них». В значительной мере Мадонна делала это умышленно. «Она была действительно хорошенькой, — вспоминает бабушка Элси Фортин, — и до чего же нравилось привлекать внимание! Ей нравилось, когда в семье на нее обращают внимание, и она обычно этого добивалась. Я всегда жалела Паулу. Бывало скажет кто-нибудь: „Какая Мадонна хорошенькая!“ А Паула стоит тут же рядом».

Возможно, именно из-за стремления выделиться Мадонна росла, «не чувствуя особой привязанности ни к кому из домашних, чужаком в родном доме». Сильная и агрессивная Паула стала девчонкой-сорванцом, может быть, в ответ на то, что сестре удалось завладеть вниманием отца. Поэтому Паула объединилась с братьями, чтобы, по словам Мадонны, «мучить» ее. Одна из их излюбленных штучек заключалась в следующем:

добывали бельевые прищепки и вешали щупленькую Мадонну за трусики на веревки в заднем дворе. «Или еще: раскладывали меня на земле и плевали мне в рот», — вспоминает она. Но Мадонна была не из тех, кто позволяет над собой безнаказанно издеваться. Она стала семейной ябедой и постоянно стучала на своих братьев и сестер. «Я была неженкой, — заявила она, — но я была шумной неженкой». Уже тогда, если мне что не нравилось, я доводила это до всеобщего сведения". Ближайшей подругой Мадонны в Понтиаке была Мойра Макфарлин, Мать которой Ванда была лучшей подругой Мадонны Чикконе. Макфарлины жили по соседству, через два дома. Девочки часто устраивали на заднем дворе представления, собирая с терпеливых соседей по десять центов за вход. Одним из любимых нарядов было свадебное платье, которое они извлекали из шкафа Ванды. «Мы ссорились, кому быть звездой представления», — вспоминает Мойра. Со смертью матери Мадонна, как вспоминает Макфарлин, очень изменилась. «Я помню, как ей было плохо, когда умерла ее мать, — рассказывает Мойра, — но, наверное, поэтому она и стала сильнее, ведь для нее это был тяжелый удар. Она, вероятно, не добилась бы того, чего добилась, если бы не смерть мамы». Мадонна с этом согласна: «После смерти матери я чувствовала себя особенно одинокой, мне жутко чего-то хотелось. Ощущение пустоты не давало мне успокоиться, все время куда-то гнало»

После кончины жены Тони Чикконе за три года сменил несколько домохозяек: ни одна не смогла вынести неисправных детей Чикконе. Наконец в 1966 году он нанял блондинку атлетического телосложения Джоан Густафсон, чтобы та попробовала управиться с его отпрысками. Шесть месяцев спустя он женился на ней. Мадонна, переставшая быть у Папочки одной-единственной, была убита. Она льнула к нему все три года после безвременной смерти матери, а теперь ее вытеснила чуть ли не посторонняя женщина. «Отец заставлял нас называть ее „мамочкой“, — вспоминает Мадонна, -а я не могла, не хотела так ее называть». В девять лет она внезапно обнаружила, что на нее легло бремя воспитания младших сестер и брата. «Необходимость заниматься воспитанием младших сестер не вызывала у меня такого протеста, как то, что у меня больше нет мамы и что разбиты мои идеальные представления о нашей семье». Да и Джоан, по словам Мадонны, была не готова иметь дело с «кучей детей, которые совсем не желали признавать ее власть. Всем было тяжело, все обижались и возмущались».

Разница между матерью Мадонны и Джоан бросалась в глаза каждому, кто знал обеих. Даже во время болезненного и изматывающего курса химиотерапии Мадонна Чикконе «всегда

улыбалась», как рассказывает отец Мойры Патрик Макфарлин: «Если надо было оставить у нее в доме детишек, то с этим никогда не возникало проблем». Джоан он считает «более педантичной, но ей приходилось много работать, чтобы дети были ухоженными. Мы всегда шутили, что Тони женился на святых». Маленькая Мадонна таким пониманием не отличалась. Она чувствовала себя преданной, брошенной отцом и замкнулась в себе. «Вот тогда я сказала: ну и ладно, никто мне не нужен, — позже признавалась она. Больше никому не позволю разбить мне сердце. Не собираюсь я больше от кого-то зависеть. Я могу сама со всем справиться, быть самостоятельной и никому не принадлежать». Последующие двадцать пять лет Мадонна держала данное себе обещание. Если сердца должны разбиваться, то пусть это будут чужие сердца. А разбивать их будет она.

Глава 3

«Самым жестоким временем в моей жизни были подростковые годы».

Пока Мадонна привыкала к новым внутрисемейным обстоятельствам, Чикконе переселились в Рочестер, штат Мичиган, тем самым повысив свой общественный престиж. Это был процветающий городок неподалеку от богатого пригорода Детройта Блумфилд-Хиллз. К 1990-м годам Рочестер станет растущим конгломератом с весьма фешенебельной застройкой с преобладанием особнячков в различных стилях, от кирпичных георгианских домиков с колоннами образца первой половины 19 века, со сверкающими деловыми кварталами, торговыми улицами, площадками для гольфа — и все это в окружении покатых холмов и обширных сельскохозяйственных угодий. Впрочем, в середине 60-х годов, когда туда переехали Чикконе, Рочестер еще не потерял очарования маленького городка. Все улицы одного из старейших в Рочестере жилого района, в котором они поселились, носили имена штатов. Дом Чикконе находился в квартале, образованном пересечением Оклахома-стрит и Техас-стрит. Это был двухэтажный дом из кирпича и дерева с зелеными ставнями, голубой входной дверью, редкий изгородью и тележным колесом на газоне. Вряд ли это были те нищие улицы, которые, как в последствии заявила Мадонна, сформировали ее несгибаемый характер. Сегодня дом по Оклахома-стрит 2036 имеет примерно тот же вид, что и во времена ее детства: те же детские вырезки на окнах, те же качели в саду. Только в 1991 году все это принадлежит детскому саду, который в семейном доме Чикконе содержит мачеха Мадонны Джоан. Ну а если вернуться к концу 60-х-началу 70-хгодов, мы увидим, что дети Чикконе продолжали жить по заведенному ранее порядку: с восходом солнца надевали школьную форму и отправлялись в церковь на молитву. Только теперь уже не требовался автобус, чтобы из церкви добраться в школу. Церковь Сент-Эндрю — модернистское сооружение с парящей, крытой медью крышей, напоминающей крыло чайки, — располагалась через автостоянку от одноэтажной кирпичной церковной школы, похожей на бункер. «То было идеальное место для воспитания молодого поколения, — говорит один из соседей. О преступлениях тут, можно сказать, и не знали: дома не запирались. В таком месте Кливеры бы чувствовали себя как

дома. Конечно, в это же время в Детройте бушевали рассовые волнения, но с равным успехом они могли происходить на другой планете. Большой мир не имел к нам касательства». Идиллистическая обстановка для беззаботного детства? Как и ее ровесники, Мадонна каталась на велосипеде по усыпанным гравием дорожкам своего квартала и часами просиживала за такими не слишком серьезными играми, как «Монополия» и «Загадка». Но чем больше ей приходилось заниматься младшими братьями и сестрами, тем сильнее росли ее злость и обида. Вполне объяснимо и то, что с появлением на свет Дженифер и Марио — сводных сестры и брата — углубились ее чувство горечи и осознание самой себя как главной жертвы в семейной мелодраме Чикконе. Мадонне приходилось стирать пеленки и сидеть с детьми, и она постепенно начала считать себя эдакой современной Золушкой, а Джоан — злой мачехой. «Мне, должна я сказать, было обидно— подружки гуляли и веселились, а на меня навесили взрослые обязанности. Именно тогда, наверное, у меня появилось желание заняться чем-то другим и разделаться со всем этим». Она и вправду «спала и видела, как бы удрать».

Справедливости ради нужно сказать, что не меньшую роль в судьбе Мадонны почти наверняка сыграл помешанный на работе отец. Тони Чикконе считал, что праздно проведенное время — убитое время, что каждая минута бодрствования должна быть заполнена учебой, работой по дому или молитвой. Телевизор был под запретом. «Пока мы не подросли, жизнь у нас была очень строго регламентирована, — говорит Мадонна. — Отец не любил, чтобы мы сидели без дела. Если нам на надо было готовить уроки, он находил для нас какую-нибудь работу по дому. Он считал, что мы всегда должны быть при деле и толково использовать время. В этом он был очень тверд. Требование „держать дух и тело в постоянной готовности“, — признается Мадонна, — определенно повлияло на мой образ жизни, когда я выросла».

Особым пристрастием к музыке семья Чикконе не отличалась, но тем не менее каждый из детей по настоянию Тони выбрал себе какой-нибудь инструмент и ежедневно занимался музыкой. Мадонна брала уроки на фортепиано, но «терпеть их не могла». В конце концов она уговорила отца отдать ее в местную театральную студию" одно из таких заведений, где учат балету, джазовым танцам, чечетке и работе с капельмейстерским жезлом". Здесь Мадонна преуспевала. Особенно возмущало Мадонну желание родителей, чтобы она ничем не отличалась от остальных. Когда, например, ей не надо было надевать мрачную школьную форму, она носила такие же, как у сестер, платья,

сшитые мачехой из ткани, купленной в недорогом универмаге. «В сестрах я больше всего ненавидела одинаковые платья, которые мачеха упорно нам покупала, — вспоминает она. — Я шла на все, чтобы не быть на них похожей». Для этого она вплетала ленты в свои достигавшие до плеч темные волосы, носила носки кричащих расцветок и умопомрачительные розовые свитера — одним словом, все, что, на ее взгляд, позволяло ей выделиться из толпы. Однажды на Пасху Мадонна ехала вместе со всем семейством на машине в церковь и беспрерывно ныла насчет ядовито-зеленых одежд, в которые заставили облачиться ее и сестер. «Я что-то бормотала, — вспоминает Мадонна в журнале „Роллинг Стоун“, -…и мачеха мне врезала». Ядовито-зеленое платье было закапано кровью." В детстве у меня часто шла кровь из носа… Но хоть мне и было больно, я ликовала. Во-первых, мне больше не придется носить это платье, во-вторых, не надо было идти в церковь". Мадонна присоединилась к скаутскому отряду « Домовые» («Я съела у них все печенье»), а потом переметнулась к «Девушкам лагерного костра», потому что «форма у них была поприличней». Но большинство своих наградных значков она заработала на спортплощадке. Под школьной форменной юбкой она носила панталончики яркого цвета и большинство перемен болталась вверх тормашками на перекладине в окружении подглядывавших девятилетних мальчишек. В конце концов она бросила «Девушек лагерного костра» после того, как ее застукали на попытке установить контакты с отрядом бойскаутов." Я отправилась с мальчишками в поход, — признается она, — и нажила неприятности. В результате мачеха надавала мне пощечин". Тони Чикконе не давал воли гневу на неприличное поведение дочери — до концерта детской самодеятельности в приходской школе. Вместе с другими преисполненными гордости родителями он сидел в зале с «Поляроидом» в руках, ожидая выступления своего чада. После номеров крошечных скрипачей, пианистов и чечеточников на сцену выпорхнула Мадонна… в обнаженном виде. Собственно говоря, она была в бикини и с ног до головы покрыта флуоресцентной краской, переливающейся в инфракрасном свете, но казалось, что на ней ничего нет. "Я была практически голая, — вспоминает она, — но ведь этот концерт раз в год давал мне возможность показать всем, кто я на самом деле и какой могу быть, так что мне хотелось отмочить что-нибудь «сногсшибательное». Пока Мадонна выдавала композицию в стиле зажигательных танцев Голди Хоун из телепрограммы «Смейся снами», Тони кипел от злости. Родители-зрители устроили ей самую шумную овацию за вечер, но отец был убит. «Как ты могла со мной так поступить?» — спросил он у дочери и

тут же посадил ее под домашний арест на две недели. С самого начала Мадонна делала все, чтобы завладеть вниманием окружающих. Частенько это выражалось в том, что она сама называет «недержанием речи» по отношению к домашним, друзьям, учителям. «Сколько я себя помню, мне всегда говорили, чтоб я заткнулась. И дома, и в школе мне всегда попадало за то, что я высовывалась, когда не спрашивают». Самым строгим наказаниям она подвергалась в приходской школе, где монашки мыли ей рот с мылом, а если это не помогало, заклеивали его липкой лентой. Не обходилось и без несколько старомодного телесного наказания. «Я получала линейкой по голове от разозленных монашек», — вспоминает Мадонна.

Как ни странно, это никак не повлияло на ее отношение к Богу. Если у нее и был кумир в юном возрасте, то, по ее словам, это был Христос. «Когда я росла, я была набожна, очень истово, по-детски. Христос для меня был как кинозвезда, самым любимым кумиром». Помимо Христа, Мадонна творила себе кумиров из тех же самых монашек, которые ее наказывали. По ее собственному признанию, лет до двенадцати она была, «одержима» желанием стать монахиней. «Они казались всемогущими и совершенными. Выше всего, небесными созданиями. А еще я считала их очень красивыми… Они никогда не пользовались косметикой, у нее были по настоящему безмятежные лица. Монашки вообще очень сексуальны». Этого мнения Мадонна придерживалась впоследствии. Когда в 1989 году ее попросили сказать, на кого она хотела быть похожей в жизни, она ответила: «Мы не читали журналов и не слишком часто смотрели телевизор. Единственно, на кого я хотела бы походить, — это на Поющую Монахиню». Мадонна и ее подруга Кэрол Белангер, попав под бесконечное обаяние сестер — монахинь, которые учили их в школе, однажды перебрались через монастырскую стену и стали подгладывать в окна, чтобы увидеть монахинь без их обычных одеяний. "Тогда мы выяснили, — говорит Кэрол, — что у них, оказывается, есть волосы. В качестве христианского имени Мадонна выбрала Веронику — в честь доброй женщины из Евангелия, которая подала Христу несшему свой крест на Голгофу, платок отереть чело. Мадонна считала этот жест «здорово впечатляющим». Стань она и в самом деле монахиней, ей пришлось бы менять имя, поскольку послушницам не позволяется оставлять свое мирское имя при вступлении в монашеской орден. «Но как я могла решиться сменить имя? — задает она риторический вопрос. — ведь у меня оно -самое святое из всех, что только может носить женщина».

В десять лет Мадонна начала уделять серьезное внимание

противоположному полу. «Помнится, мне нравилось мое тело, я его не стыдилась. Я помню, что мне нравились мальчики, и я не чувствовала себя скованной. Я некогда не играла в игры для маленьких. Если мне нравился мальчик, я выступала с открытым забралом. Я всегда была такой. Может, это потому, что у меня были старшие братья и мне приходилось делить с ними ванную и прочее». Как и ее сверстницы, она играла с куклами Барби и Кеном, только использовала их для воплощения своих эротических фантазий. «Они у меня все время занимались сексом, — говорит она, — я частенько терла Барби и Кена друг об друга». И Барби у Мадонны была "подлой стервой. Она могла заявить Кену: «Я не собираюсь торчать дома и заниматься посудой. Дома останешься ты! А меня сегодня вечером не будет… Она хотела стать сексуальной, но при этом сильной и гордой».Нельзя сказать, что Джоан Чикконе очень понравилось, когда, стянув покрывало с кровати, она обнаружила, что ее падчерица раздела Барби и Кена и пристроила их под простыней в недвусмысленной позе. Пробудившийся у маленькой Мадонны интерес к мальчикам вызывал у монашек Сент-Эндрю серьезную озабоченность. Как-то раз она стянула с себя блейзер и блузку и стала гоняться по спортплощадке за мальчиком по имени Томми. После уроков Томми сменил гнев на милость и наградил Мадонну первым в ее жизни не родственным поцелуем. Она до сих пор помнит, как у нее «дух захватило».

Приключение с Томми в четвертом классе лишь раздразнило ее аппетит. « Мне хотелось гоняться за мальчиками, а монашки твердили, что так делать нельзя, что хорошие девочки-католички не гоняются за мальчиками. Я не понимала, что тут плохого, и все равно продолжала это делать, и меня за это наказывали». А поскольку она верила в отпущение грехов, то продолжала следовать своим инстинктам: «Я делала много нехорошего, потому что знала — в конце недели схожу на исповедь и получу полное прощение». Хотя в зрелом возрасте Мадонна потратила немало времени на громкие выступления против церкви и ее учения, она признает, что в ней осталось «огромное чувство вины перед католической церковью, которое пронизывает мою повседневную жизнь, хочу я этого или нет. Если я никому не сказала, что поступила в чем-то неправильно, то всегда боюсь наказания… Католическая церковь учит, что ты — грешница, что каждый человек -грешник. Ты постоянно должна просить Бога очистить твою душу и умолять его о прощении». До двенадцати лет она «глубоко верила в то, что Бог наблюдает за каждым моим шагом. Я верила, что у нас в подвале сидит дьявол, и всегда очень быстро взбегала по ступенькам, чтобы он не успел схватить меня

за ноги. У нас была лестница с промежутками между ступеньками». Секс, семья, религия, понятие вины безнадежно переплелись для Мадонны в неразрывное целое. Часто трудно было определить, волнуют ли ее неувязки веры или она расстраивается всего лишь по поводу своих биологических особенностей. «Вы знаете, что такое религия, — как-то раз разоткровенничалась она. — Ребятам все можно: они могут стать алтарными служаками, гулять до поздна, ходить летом без рубашек, писать стоя. Они запросто могут трахать сколько угодно девчонок и не бояться забеременеть. Впрочем, к религиозности все это не имеет никакого отношения». В это время Мадонна так стремилась к такой же свободе, что даже попробовала мочиться стоя. Она поднимала сиденье и вставала лицом к унитазу, широко расставив ноги. «С ума сойти», — призналась она потом. Напряжение в семье нарастало по мере того, как Мадонна становилась все более напористой и независимой. Каково же было рядом с ней братьям и сестрам? «Тогда она еще не стала ни богатой, ни знаменитой, — говорит о сестре Мартин Чикконе. — Но уже тогда она была такой же». В переводе Мадонны это означает: «Я была стервой. В детстве я всегда считала, что со мной должны обращаться как со звездой, и норовила отхватить себе самый большой кусок порога».

Супругов Чикконе это не слишком радовало. В школе Мадонна продолжала оставаться отличницей и по дому делала работы больше, чем причитались на ее долю, но постоянно растущий в ней дух противоречия лишал их покоя. По словам кого-то из ее братьев или сестер, «не очень-то приятно было находиться с ней рядом». Мадонна на это отвечала взаимностью. «Мне до смерти хотелось, чтобы мои родители оказались не настоящими родителями, — признается она, — чтобы я оказалась сироткой и жалела себя, или чтобы все погибли в аварии и у меня бы не стало родителей, которые все время мной командуют. Отец обычно отсылал меня в мою комнату, а я хлопала дверью и говорила „Ненавижу тебя“ — не так громко, чтобы он мог услышать слова, но достаточно, чтобы понял, что я что-то буркнула». Короче говоря, в ее душе перемежались чувства любви и ненависти, характерные для большинства подростков, чувства, которые только усилились в последующие годы. Расцветать Мадонна начала уже в одиннадцать лет. «В то самое время я взбунтовалась против церкви и семьи, — говорит она, — у меня стала расти грудь. Я созрела раньше большинства одноклассниц… они меня за это ненавидели».

Однажды Джоан Чикконе, к тому времени уже формально усыновившая и удочерившая всех детей Тони, взяла на себя труд

прочитать Мадонне маленькую лекцию о птичках и пчелках, когда они вдвоем мыли посуду на кухне. Мадонна была ошеломлена. Когда мачеха произносила слово «член», она включала воду, чтобы заглушить ее слова. Полученные сведения Мадонна сочла «совершенно ужасными». В довершении ко всему Джоан сообщила, что использовать тампоны до замужества -"все равно, что заниматься сексом". Так что Мадонне пришлось обратиться за советом к своей подруге Мойре Макфарлин. Однажды, когда одна из них осталась ночевать у другой, девочки разделись и стали разглядывать друг друга. Именно Мойра, как рассказывает Мадонна, и научила ее пользоваться тампоном. («Я криво его вставила и проходила целый день раскорякой».) А еще Мадонна поведала, используя свою далекую от деликатности лексику, что Мойра ее «оттрахала пальцем». Годы спустя Мадонна выставила свою ничего не подозревавшую подругу детства перед миллионами кинозрителей, рассказав эту историю в фильме «Правда или вызов». «Весь мой сексуальный опыт в юности был связан с девочками, — утверждает она. — Я имею в виду, что мы не просто так бегали ночевать друг к дружке». Другой ее одноклассник, Коллин Мак-Грегор, вспоминает, что уже в шестом классе Мадонна была вполне развита физически и ребята из школы Сент-Эндрю обратили на это должное внимание. «Она носила узенькие трусики и самые короткие в школе мини-юбки, чтобы мальчики обращали на ее внимание», — говорит Мак-Грегор. Однажды он с несколькими одноклассниками пытался уговорить девченок из тамбур-мажерской команды показать кое-что из их программы. Отказались все, кроме Мадонны. «Она прогнала всю программу и в конце прошлась колесом. Юбка у нее задралась до пояса, и мы все хорошо разглядели ее красные трусики». На следующий день Мадонна послала Мак-Грегору страстную записку с объяснением в любви. После уроков он предложил ей прогуляться по муниципальному парку имени Сэмюела А.Хайлетта, клочку земли с небольшим, окруженном деревьями прудом за школой, который местные называли просто Болото. Мак-Грегор рассказывает, что он «Все продумал. Я остановил ее, развернул лицом к себе и крепко поцеловал. При этом я нервничал. Когда я в конце концов решился на поцелуй, она не сопротивлялась. Поцелуй получился довольно долгим. Коленки у меня дрожали, я чувствовал слабость, и она, как мне кажется, — тоже. Я понял, что мне и в самом деле удалось поцеловать девочку, и это Мадонна. После этого мы во время обеденных перерывов начали бегать на Болото пообжиматься».

Через некоторое время Мак-Грегор набрался храбрости пригласить Мадонну на свидание, которое, по имеющимся

сведениям, было у нее первым. Они пошли на фильм ужасов «Дом темных теней». И на этот раз у Мак-Грегора был план: «Когда появился вампир, я обнял ее одной рукой и провел пальцем ниже по плечу — посмотреть, что она буден делать. Она никак не отреагировала, и тогда я расстегнул на ней блузку и запустил руку под лифчик». Мак-Грегор ожидал, что лифчик набит прокладками, но он ошибался. «Для своего возраста она была отлично сложена, а луче всего у нее были груди». Перейдя в седьмой класс в 1970 году, Мадонна попала в Западную среднюю школу — одноэтажное строение из белого кирпича на рочестерской улице Олд-Перч-Роуд. Здесь она впервые поняла, что такое обычная, а не церковная школа, и впервые вкусила относительной свободы. Ее лучшая в то время подруга Лори Саржент (сейчас — Лори Джанс) вспоминает ночные посиделки, когда они составляли списки мальчиков, с которыми им больше всего хотелось поцеловаться. У Мадонны список получался длинный, включающий не менее дюжины соседских мальчишек. Мадонна (которая теперь называла себя Мадд) все еще получала хорошие оценки, но уже начинала приобретать в школе вполне определенную славу. Она частенько принимала участие в смешанных вечеринках, где бывали и девочки, и мальчики, но охраняла свое целомудрие, для чего порой надевала красное трико с воротом под водолазу. Насколько дурной славой пользовалась Мадонна, стало очевидно, когда однажды после уроков к ней подошла светловолосая одноклассница Катрина, считавшаяся самой популярной девченкой в школе. «Ее приятель стал за мной приударять, мы, вполне возможно, даже целовались разок, — говорит Мадонна, — но больше ничего не было, и я помню, что она закатила мне оплеуху на улице, у всех на глазах. Это меня потрясло». Сомнительная репутация Мадонны волновала родителей ее подруг. «Мадонна наведывалась ко мне, и мы трепались у меня в комнате о всякой всячине, — вспоминает Лори Сарджент, — но мама не хотела, чтобы я с ней дружила. Маме очень не нравилось,как она одевается, как себя ведет».

Большую часть времени девочки слушали музыку. Им нравились Мотаун, Арета Фрэнклин, Джонни Митчел («Ее альбом „Двор и искра“ целый год были моей Библией», — говорит Мадонна). Первым кумиром Мадонны в Музыке стала Нэнси Синатра: «Модерновые сапоги, мини-юбка, светлые волосы, накладные ресницы — выглядела она потрасно». Больше всего Мадонну волновал недвусмысленный подтекст самой забойной песни Нэнси Синатра «Сапожки — чтобы в них ходить». «Эта песня чертовски сильно на меня подействовала, — рассказывала она впоследствии на страницах журнала „Тайм“. — И когда она

пела: „Вы готовы, сапожки, топаем“. я чувствовала себя так, словно мне самой дали эти модерновые сапоги. Я-то знала, к кому бы потопала». Как ни забавно, но голосовые данные Мадонны Лори Сарджент в то время оценивала невысоко. «Ничего особенного в ее голосе не было. Она точно не проявляла тогда никакого интереса к карьере певицы. Ни малейшего».

Лето 1972 года после восьмого класса Лори и Мадонна провели в Бей-Сити у бабушки Фортин, которая придерживалась куда менее строгих правил, чем отец Мадонны. («Я любила там бывать: бабушка выставляла нам по двенадцать десертов, мы могли задерживаться после6 десяти, гулять с мальчиками и пить пиво».) Дяди Мадонны играли в своей рок группе, и она ходила за ними по пятам. Впервые в жизни она надела джинсы в обтяжку, курила, выщипывала брови и начала ощущать" вот оно, то самое. Я потрасная девченка".

Вернувшись в Рочестер, Мадонна тут же получила от мачехи ярлык «потаскушки». С тех пор они с Лори стремились понарошку соответствовать этому титулу. «Мы набивали лифчики так, что груди стояли торчком, а еще носили свитеры в обтяжку. На нас были тонны губной помады и кое-как наложенной косметики, а еще — мушки (в дополнение к натуральной родинке Мадонны), и прически мы делали под Тэмми Вайнетт». Потом они принимали разные позы на кровати Мадонны и фотографировали друг друга. «Это были наши десятицентовые эротические открытки. Мы собирались когда-нибудь разглядывать их для смеха, потому что понимали, какие они нелепые». Примерно в это же время Мадонна решила выступить в восьмимиллиметровой короткометражке, снятой одним из ее соучеников. В этом фильме на животе Мадонны «жарилось» яйцо. Это была первая киносъемка одного из самых знаменитых пупков в истории. Впрочем, под напускной бравадой скрывалась смятенная душа. К Мадонне вернулся страх перед раком, и она убедила себя в том, что любое новое пятнышко на теле или родинка — признаки меланомы. Страдала она и то постоянного ночного кошмара, в котором ее убивал зверским образом безликий безымянный человек. Этот до ужаса правдоподобный образ преследовал ее многие годы.

Глава 4

«Потерю девственности я рассматривала как шаг на пути к карьере».

В 1972 году Мадонна перешла в Рочестерскую среднюю школу им. Адамса. Подобно многим школам в зажиточных американских городках, рочестерская школа, расположенная на углу Тинкен-роуд и Адамс-роуд неподалеку от аллеи Медобрук-Виллидж, больше напоминала сельский клуб, чем учебное заведение. Оштукатуренное главное здание из кирпича и бетона раскинулось на широком поле в окружении сосен и теннисных кортов. Под стать зданию атлетического вида была и украшавшая его фреска с изображением олимпийцев. Большинство спортивных машин на стоянке было последних моделей, и многие из них принадлежали школьникам. Впоследствии Мадонна будет рассказывать, что она росла одной из немногих белых среди черного по преимуществу окружения и несколько лет посещала школу, где совместно обучались черные и белые. Однако в рочестерской средней школе белые ученики составляли (и составляют) подавляющее большинство.

Четыре года, что она там проучилась, Мадонна вела совершенно нормальную, по американским стандартам жизнь. Покупать одежду они с мачехой ходили в универмаг Митцельфилда, а сладости она покупала на углу Главной и Четвертой улиц в «Д.С.Даймстор». Как все подростки, она часами торчала в городском кинотеатре, а потом отправлялась в молочный бар Наппа или молочное кафе «Дэри-Квин», чтобы съесть гамбургер и запить коктейлем. В прохладные осенние дни устраивались вылазки на Йейтскую полодоперерабатывающую фабрику за горячим яблочным сидром. Впоследствии, когда Мадонна стала заводилой школьной команды, повозка под сено превращалась с ее помощью в средство для возвращения домой. Если судить по оценкам, Мадонна все еще оставалась образцовой ученицей. По результатам тестирования она входила в первые два процента с коэффициентом интеллекта более 140 единиц. Она соответствовала своему уровню, получая сплошь отличные оценки по предметам, перечень которых простирался от психологии подросткового возраста, поэзии, негритянской истории и французского языка до анатомии, драмы, теории музыки и новейшей истории России. «Отлично» она получила по курсу «Брак и семья».

Внеклассная жизнь Мадонны была не менее насыщенной. Она состояла в добровольном обществе помощи детям, а летом работала спасательницей и инструктором по плаванью в фешенебельном плавательном клубе Эвон-Хиллз. В течение первых двух лет обучения она была заводилой болельщиков школьной команды «Хайлендеры» (любопытно, что школьная газата называлась «Под килтом»), вступила в французский клуб и пела в школьном хоре. Все ее братья играли на музыкальных инструментах, а некоторые принимали участие в школьных спектаклях. Мадонна организовала школьный драматический клуб «Феспидианцы» и играла во всех постановках от сказок «Золушка» и «Волшебник из страны Оз» до мюзиклов «Годспел» и моя прекрасная леди". «Роли простушек всегда были за мной, — рассказывает она. — Но как только при распределении ролей всплывала роль нахальной нехорошей девчонки, все единодушно переводили взгляд на меня». И для этого были основания. Дурная слава Мадонны обгоняла ее саму. «Если ты так агрессивна в средних классах, — сказала она однажды, — мальчишки принимают твое нахальство за половую распущенность, а потом, когда не получают того, на что надеялись, начинают тебя честить на все корки».

Мадонна не пыталась развеять такие о себе представления. Карен Крейвен, ее коллега по тамбурмажерской команде, вспоминает, как они делали живую пирамиду и Мадонна «подпрыгнула, а потом взлетела на самый верх». Толпа обалдела, когда юбка у нее задралась и оказалось, что под ней ничего нет. По крайней мере, так это выглядело: на самом деле на ней были колготки телесного цвета. «Она только и думала, как бы кого ошарашить, — говорит Крейвен. — но в этом и вся Мадонна». Еще одна подруга, Мэри Конли Билоут, добавляет: «Она отличалась прямотой и говорила, что думает, без всяких обиняков. Она не выбирала слов и не одергивала себя, как делаем все мы. Ничего не боялась». Не всякому прямота Мадонны была по вкусу, ее подруга Кэрол Белангер вспоминает, как однажды они с Мадонной отдыхали на местном озере. Несколько мотоциклистов стали бросать в них зажженные шутихи. «Мадонна расшумелась и велела им уматывать», — говорит Белангер. Вдруг спутница кого-то из шутников подскочила к ним и пару раз врезала мадонне по лицу, подбив ей глаз. После этого случая Белангер «буквально зажимала ей рот, чтоб она заткнулась».

Но Мадонной было не так-то легко управлять. В составе спаянной команды отверженных она ходила поворовывать к Митцельфилду и в «Д.С.Даймстор». При этом ее добыча была неизменно богаче, чем у других. Как только Мадонна получила

водительские права, отец купил ей красный «Мустанг», за что она отплатила ему черной неблагодарностью, удрав с мессы и поехав с друзьями пить кофе. На обратном пути они прихватили церковную программку — доказать отцу, что она была на службе. Все чаще и чаще Мадонна спорила с отцом о религии, подвергая сомнению устои католицизма. Она начала спрашивать, почему должна ходить в церковь молиться и почему надо исповедоваться священнику, а не напрямую Богу. «Мне казалось бессмысленным, — говорила она. У отца на все был железный ответ: „Потому что я так сказал“. А меня это не устраивало. У меня появилась мысль о том, что все это сплошь глупость и лицемерие… Эти дурацкие правила придумал не Бог, а кто-то другой». Мадонна все реже посещала церковь. Иногда она брала с собой подругу Кэрол, причем они надевали пальто на голое тело. Всю службу они многозначительно переглядывались, с трудом подавляя смех. Все эти детали начали складываться в личность, с которой в конце концов стало однозначно ассоциироваться ее имя. «Было время, когда девченки считали меня совсем пропащей, а парни называли ненасытной, — вспоминает Мадонна. — С ребятами я обжималась, как и все остальные… Так, что не понимаю откуда такое про меня пошло. Мне тогда приходилось слышать слова вроде „шлюха“, какие я и сейчас слышу. Все повторяется по новой. Меня обзывали такими словами, когда я была еще девушкой. Я выпадала из общего ряда и поэтому занялась танцами. Я оторвалась от всего этого и спаслась».

Когда Мадонна поступила в Рочестерскую среднюю школу Кристофера Флина, ему было сорок два года, а ей — четырнадцать. Школа занимала второй этаж каменного здания, выстроенного в 1899 году под городской массонский храм и находившегося по адресу Мэйн-стрит, дом 404 (угол Мейн-стрит и 4-ой Ист-стрит). Школа располагалась через несколько домов от кинотеатра прямо на против универмага Митцельфилда, то есть в самом центре Рочестера. Но что касается Флина и Мадонны, то они, можно сказать, пребывали от всего этого за миллион миль. Когда Мадонна впервые появилась в школе ее самоуверенность была ниже некуда. И все же Флинн, бывший танцовщик с незадавшейся карьерой, заинтересовался этой женщиной-ребенком. «Она была очень юной, совсем еще подростком, — вспоминает он, — играющим роль ребенка; темные волосы — ничего особенного». В памяти Флина запечатлелась одна забавная деталь: она часто приходила на занятия «с куклой, маленькой девочкой в коротком платьице, ростом примерно два фута. Мадонна выглядела самым невинным ребенком на свете».

Подражала ли она женщине — ребенку в исполнении Кэррол Брейкер из нашумевшего фильма «Куколка» или пазаимствовала образ из «Лолиты» Владимира Набокова — трудно сказать, но вряд ли Мадонна, таскавшая с собой на занятия в балетный класс куклу в коротеньком платьице, имела другие намерения, кроме как привлечь к себе внимание. Если на уме у нее было соблазнить Флина, то она зря старалась: Кристофер Флинн был однозначно гомосексуален. Основной причиной такого поведения Мадонны был просто страх. До этого она занималась лишь эстрадным танцем, а тут вдруг очутилась среди молодых женщин, посвятивших себя танцу классическому. Мадонна подчинялась жестким требованиям Флинна («Мне приходилось работать в два раза напряженней, чем все остальным».), и вскоре ее отчаянная решимость произвела впечатление на учителя. Усердные занятия, помимо всего прочего, превращали ее округлые формы в более аскетичную фигуру танцовщицы.

Как-то после особо изнурительных упражнений Мадонна обернула голову полотенцем на манер тюрбана и уставилась в окно, переводя дух.

—Бог ты мой, — произнес неожиданно Флинн, напугав ее, — ты и вправду очень красива.

—Что?

—У тебя лицо античного типа, — продолжал он. — Как у древнегреческой статуи. И отошел. «Мне было четырнадцать лет, я чувствовала себя жутко некрасивой, непривлекательной, неинтересной и невзрачной, — вспоминает Мадонна об этом эпизоде. — А Кристофер сказал: „Боже, ты красива“. Никто никогда мне такого не говорил. Он сказал, что во мне есть изюминка, и научил ценить красоту — красоту не в обычном понимании слова, а красоту души». С этого момента, как говорит Мадонна, «вся моя жизнь изменилась. Не потому, что это было так уж важно изучать танец под руководством Кристофера, а потому, что он дал мне отправную точку и вытащил из того, что я считала своим унылым существованием».

Мадонна охотно пошла в Галатеи к Пигмалиону Флинну. Чтобы ей стало понятно, что он имел в виду, сравнивая ее с римской статуей, он водил ее в музеи и картинные галереи. «Поверьте мне, она была девственно невежественной, вспоминает он, и отчаянно хотела все знать. Мадонна не имела ни малейшего представления об искусстве, классической музыке, скульптуре, моде, цивилизации — вообще о жизни. Я хочу сказать, что она была таким ребенком. Но у этой девочки было жгучее желание учиться. Жажда знаний у нее была ненасытной. В этом ей невозможно было отказать». О своих отношениях с Флинном

Мадонна отзывается с характерной для нее прямотой: «Я присосалась к нему как пиявка и брала от него все, что могла». Флинн находил искренность Мадонны и ее диковинное простодушное чувство юмора восхитительно свежими. Как-то раз они ехали по Мичигану, и она на одном дыхании больше часа сыпала анекдотами. «Обычно до меня не доходят такие вещи — я никогда не знаю, когда надо смеяться, — говорит Флинн. Но ей нравятся анекдоты, и она выпаливала эти пошлые шуточки с пулеметной скоростью и с таким упоение, что невозможно было удержаться от смеха».

И все же были минуты, когда на Мадонну накатывало мрачное настроение; она признавалась Флинну, что смерть матери ее так потрясла, что ее до сих пор из-за этого мучают кошмары. Она не скрывала, что все еще страшно обижена на отца и на мачеху, отнявшую у нее, как ей казалось, место хозяйки дома. «Мадонна ненавидела мачеху и не прощала отцу, что тот ее предал, женившись во второй раз. По крайней мере, именно так она думала, — рассказывает Флинн. Мадонне казалось, что домашние ее ненавидят, и она даже мечтала поубивать их всех. Дело было, как я думаю, в желании показать родным — они еще пожалеют, что обходили ее вниманием, что не любили ее. Вероятно, я первым сказал ей, что она — звезда — или, по крайней мере, имеет все, чтобы стать таковой». Дабы способствовать этому, Флинн не ограничивал наставничество посещениями музеев, концертов и картинных галерей. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, он стал водить ее на дискотеки гомосексуалистов в центре Детройта. «Ничего подобного я в жизни не видела», — вспоминает Мадонна. И как ни странно, она, единственная женщина среди сотен танцующих мужчин, чувствовала себя здесь в своей тарелке. Хотя она и будет питать всю жизнь отвращение к наркотикам, здесь она не отказывалась от лошадиных доз кокаина и амилнитрата. «Мужчины там накачивались таблетками и балдели, — вспоминает она. — Все они было по настоящему хорошо одеты и вели себя куда раскованней, чем дубоголовые футболисты из школьной команды».

Не видя бдительных взоров своих родственников-католиков и не слыша презрительного хихиканья одноклассников по поводу ее «дурной репутации», Мадонна расслаблялась душой на танцевальной площадке «Она любила танцевать, и все тут, — говорил Флинн, -нравилось ей танцевать. И темперамент у нее был дай Бог. Она просто летала над полом, мы заводились, и все ее любили. И вовсе она не выпендривалась, она от всей души наслаждалась танцем, и это просто рвалось из нее». В

танцевальных клубах гомосексуалистов Мадонна часто поддразнивала окружающих, как всегда делала в школе, — только здесь это получалось куда веселей. Она выходила на площадку одна, а заканчивала танец довольно рискованно — с двумя — тремя партнерами одновременно. «От нее все балдели, — вспоминает Флинн. — Она была очень забавна в своей неистовости. Мальчишки прями с ног сбивали друг друга, чтобы с ней потанцевать». Иногда между любовниками разгорались драки из-за благосклонности Мадонны. «Голубые ведь любят меня?» — задавала она риторический вопрос. Именно тогда, как в последствии решил Флинн, Мадонна впервые обнаружила, что по крайней мере в качестве танцовщицы она очень привлекательна в глазах зрителей — гомосексуалистов. «Она была неистова, — говорит он, — и ее неистовство их зажигало». Что касается секса в тех заведениях, которые они часто посещали, то здесь любопытство Мадонны не знало границ. "Там, по углам, мальчики делали, пожалуй, все, говорит Флинн, — так она шла прямо к ним и смотрела.

Несмотря на свою просвещенность в области плотских утех гомосексуалистов, сама Мадонна все еще оставалась девицей. Но, приняв решение расстаться с девственностью, она занялась этим с присущей ей напористостью. Было ей пятнадцать лет, и она была заметной фигурой в тамбурмажорской команде, когда осенью 1973 года познакомилась с семнадцатилетним старшеклассником Расселом Лонгом. Он полагал, что ей еще шестнадцать, и признавался:"…узнай мои старики, что ей только пятнадцать, поднялся бы еще тот хай".

Мадонна выбрала Лонга в качестве первого любовника, потому что « у него был характер. Я танцевала очень рискованно, и другие мальчишки меня боялись. Рассел завоевал мое сердце, потому что смелости у него хватало». По выходным дням парочка раскатывало по окрестностям Рочестера в светло-голубом «Кадиллаке» выпуска 1966 года ("До чего ж ей нравилась эта машина, — говорит Лонг.), но его попыткам заманить ее на заднее сиденье она сопротивлялась. Как-то родители Лонга уехали на выходные, и Мадонна зазвала его в кино, после чего они зашли в молочный бар Наппа на гамбургер с кокой. Они сидели там и пялились друг на друга, пока она, наконец, не предложила пойти к нему домой. «Меня удивила такая прямота, — сказал он впоследствии, — но в то же время как-то воодушевила».

Лонгу уже приходилось заниматься любовью, хотя он признает, что « местным жеребцом отнюдь не был. Я так нервничал, что никак не мог расстегнуть у нее лифчик». Они и

впрямь с полчаса пролежали на его кровати полностью одетыми, пытаясь пиодолеть смущение и успокоиться, чтобы что-то предпринять. В конце концов Мадонна повернулась к нему и выпалила: «Так ты собираешся это делать или нет?» Они неуклюже разделись. « Мы все возились, возились. Меня так и подмывало рассмеяться, но Мадонна, будто она поставила перед собой задачу — лишиться девственности во что бы то ни стало».

Недостаток опыта Мадонна возмещала нежностью. «Пока мы пыхтели и сопели, она несколько раз назвала меня „милым“, — вспоминает в последствии Лонг. И когда они кончали, она завопила: „О, милый!“ или что-то вроде». Лонга удивило, что она «не вскрикнула и не расплакалась, как можно было ожидать. Она, похоже, решила, будто чего-то достигла». Лонг, положа руку на сердце, теперь утверждает, что "не назвал бы это «любовным актом». Впрочем, Мадонне он этого тогда не сказал. Она умоляла его ответить, хорошо ли ему с ней было, и Лонг вспоминает, что Мадонна «прямо расцвела, когда я сказал, что просто великолепно. На самом-то деле для нас обоих то была не лучшая ночь, но так уж случилось». Потом Мадонна признается, что после этого первого, добросовестно проведенного опыта она все еще продолжала чувствовать себя девицей. «По-настоящему я избавилась от девственности лишь тогда, когда стала понимать, что делаю». С этого времени «Кадиллак» Рассела Лонга стал обычным местом их свиданий. По заведенному порядку они останавливались на какой-нибудь не слишком оживленной дороге и забивались на заднее сиденье. Он закуривал сигаретку с травкой (попробовав несколько раз Мадонна отказалась), а потом они трепались, целовались и ласкали друг друга.

По скорости раздевания Мадонна оказалась первой. «Она сворачивалась в клубочек на сиденье и просила, чтобы я побыстрее согрел ее, — рассказывает Лонг, — а я в то время возился с ботинками и молнией на штанах». После того, как все заканчивалось, Мадонна часто говорила о ранней смерти матери и своей обиде на братьев и сестер. "Она все время говорила, что еще им покажет. Она собиралась рассчитаться с ними со всеми. Но даже теперь она не хотела разочаровыыать своих зрителей и продолжала выступать в роли львицы класса. Она обнималась с мальчишками в коридорах, причем всегда с открытыми глазами, а некоторым даже позволяла, говоря на тогдашнем молодежном жаргоне, «пообжиматься». Но по крайней мере до окончания школы Рассел Лонг оставался ее единственным любовником

От своих соучеников она этого и не скрывала. «Мадонна не оставила у нас никаких сомнений в том, что спит с Расселом», — вспоминает школьная подружка Мадонны Мэри Бет Глейзер.

Бывший староста класса Барт Бернард придерживается того же мнения: «Все знали, что Рассел и Мадонна регулярно занимаются любовью на заднем сиденье его „Кадиллака“. Мы называли эту машину „фургоном страсти“. Однако в школе было не слишком известно о том, что Мадонна, если ей верить, попробовала заниматься лесбиянством. Впоследствии она заявила, что впервые испробовала однополую любовь в пятнадцать лет с подругой детства. Лонг мог быть первым и единственным любовником Мадонны в школе, но Флинн продолжал оставаться главным мужчиной ее юности. Даже когда от дыхания Мадонны и Лонга запотевали стекал „Кадиллака“, привязанность Мадонны к своему балетному учителю — гомосексуалисту, который был старше ее на двадцать восемь лет, продолжала расти. Когда ей исполнилось шестнадцать, ей удалось его соблазнить, но их связь продолжалась не долго. Короткое увлечение Флинна бисексуальными отношениями было, строго говоря, „экспериментом“. Конечно, я любил ее. Она была моей маленькой Мадонной, — размышляет он годы спустя, — Мы были родственными душами, а это куда важнее физической близости».

Постепенно Мадонна все меньше ощущала себя школьницей и все больше — раскованной современной артисткой, принадлежащей флиновскому миру классического танца и дискотек гомосексуалистов. Решив утвердится в роли школьной притчи во языцах, в предпоследнем классе она ушла из тамбурмажорской команды. Кроме того, она покончила с гамбургерами из молочного бара и заделалась вегетарианкой. На ее штанах зияли дыры, стянутые по краям огромными булавками. она перестала брить ноги и подмышки — тоже из числа вполне очевидных ее попыток шокировать соучеников и преподавателей. «Это бросалось в глаза, — вспоминает один из ее соучеников. Еще вчера Мадонна была круглой отличницей, а сегодня — извольте — эдакая созерцательная европейско — интеллектуальная богема. Дошло до того, что волосы на ногах она могла заплетать косичками». Ее наставница Ненси Митчел говорит: «Ее новая внешность меня шокировала, еще бы нет, но я сделала вид, будто ничего не замечаю». Примерно в это же время Мадонна столкнулась с другими трудностями, которые подвергли ее верность родной семье суровому испытанию. Ее брат Марти увлекся наркотиками, что, по словам ее одноклассника, «постоянно ставило ее в сложное положение. Он стал психом, а этого она терпеть не могла. Сама она никогда не баловалась наркотиками, но если кто-то задирал Марти, она и ее сестра Паула бросались его защищать».

Хотя Мадонна и воздерживалась от наркотиков, алкоголь

отнюдь не вызывал у нее отвращения — так, по крайней мере казалось. «В школе пьянство для Мадонны было большим кайфом, — вспоминает ее бывший приятель Мак-Грегор. На всех вечеринках и сборищах она падала со стула „поддатая“. Но штука в том, что у нее не было ни в одном глазу». Она изображала из себя пьяную, чтобы под этим предлогом заняться менее безобидными делами. «Она распаляла ребят как могла, — утверждает один из ее бывших приятелей, — только что в постель не тащила, а на другой день вела себя как ни в чем не бывало, словно ничего такого не помнит». «Понимаете, — заключает Мак-Грегор, — жизнь для Мадонны всегда была одним большим бесконечным спектаклем».

Глава 5

«Я — губка. Я впитала в себя из жизни все, и вот как оно проявилось».

«Если вы хоть раз видели Мадонну, — говорит Нэнси Райэн Митчел, — то никогда не забудете ее глаза — эти невероятно красивые, волнующие голубые глаза». По словам Митчел, за этими глазами таились острый ум и железная решимость добиться успеха. Митчел знала, что говорит. Помимо того, что она была наставницей Мадонны в школе (и в следствии этого наставницей всех детей Чикконе в течение многих лет), она стала еще и близким другом семьи. Несмотря на свои превосходные успехи в учебе (за последние два года она получала в школе только отличные оценки), Мадонна не была, по утверждению Митчел, «типичной зубрилкой. И при всем этом преподаватели испытывали перед ней нечто вроде страха. На инстинктивном, эмоционально-животном уровне она казалась более уличной, чем другие школьники-дети предместий. Это непонятно — ведь росла она в том же районе, облюбованном зажиточными слоями среднего класса, что и все остальные. У Мадонны были все преимущества. Но она была смышленой и всем давала понять, что сумеет за себя постоять». Другие школьники просили совета, какие предметы выбрать и на какой колледж ориентироваться, но Мадонна «никогда не спрашивала нашего мнения ни о чем, — говорит Митчел. — Мадонна всегда точно знала, чего она хочет и как этого добиться. Обычно она приходила ко мне подписывать разрешение. До сих пор помню, как она влетала в мой кабинет, остервенело жуя резинку. Она выкладывала заполненный бланк мне на стол и говорила: „Эй, мне надо подписать эту бумагу“. говорила не грубо — она всегда благодарила меня, — но очень прямолинейно». Нельзя сказать, что Митчел и другие преподаватели не знали о ее дурной славе («На школьных танцах Мадонна была довольно развязна, вкладывая в свои движения больше чувственности, чем остальные», — вспоминает Митчел.), но в классе она вела себя образцово. «На моих занятиях Мадонна появилась в предпоследнем классе, — говорит Мэрилин Фэллоуз, которая вела курс русской истории. — Она сидела прямо напротив меня. Я сосредотачивалась на ней, она привлекала мое внимание. В ней была какая-то притягательная сила». Мадонна окончила школу на семестр раньше и, по настоянию Флина, подала заявление о приеме на танцевальное отделение Музыкальной школы при Мичиганском университете с

предоставлением стипендии. Флинн, в то время уже работавший там преподавателем, помог ей. Нэнси Райэн Митчел и Мэрилин Фэллоуз, со своей стороны, написали ей блестящие характеристики. В ответ на запрос из университета перечислить сильные стороны Мадонны Митчел написала, что она «весьма талантлива, упорна, целеустремленна, эрудированна, способна к совершенствованию» и представляет из себя «яркую личность». На вопрос о ее характере Митчел ответила, что Мадонна «динамичная, живая, по-настоящему жизнерадостная».

2 апреля 1976 года Мэрилин Фэллоуз написала в университет, что считает Мадонну «разумной, чуткой девушкой с творческими задатками. Она обладает пытливым умом, старается во всем разобраться, не ограничиваясь простой констатацией фактов. У нее прекрасное чувство юмора, которым она, однако, никогда не злоупотребляет за счет других. К товарищам относиться с чуткостью и добротой». По окончании учебы Мадонна подарила любимой учительнице свою фотографию с надписью на обратной стороне: «Миссис Фэллоуз, не могу сказать, какие чувства я к вам испытываю и как я всегда буду ценить ваши напутственные слова. Иногда мне кажется, что вы — сумасшедшая, и я, право, люблю эту вашу сумашедшинку и вас, конечно». Мадонна была принята в Музыкальную школу мичиганского университета и весной 1976 года приехала в Анн Арбор, преисполненная решимости в очередной раз выделиться из толпы будущих балерин с лебяжьими шеями. В этой атмосфере искусственной изысканности, где вид «под мальчика» в духе Одри Хепберн был бы неуместен, Мадонна ходила с панковской прической из коротких черных волос, торчащих во все стороны, и носила драное трико, еле державшееся за счет булавок. Хотя то, что ее сразу зачислили на полную стипендию, поначалу и произвело впечатление, особой популярности среди соучениц Мадонне добиться не удалось. "Она так старалась быть «не похожей», — говорит одна из них, — что это воспринималось как явный выпендреж. Выдающихся успехов она в классическом танце отнюдь не достигла, но недостаток мастерства заменяла элементарной напористостью. Ей нравилось всех будоражить и выглядеть этакой возмутительницей спокойствия. Никто, однако, не считал это уж таким забавным ".

Тех, кого Мадонна могла назвать друзьями, вне класса было немного. «Не знаю, были ли у нее вообще друзья, — вспоминает ее одноклассница. — Если и были, то не в классе. Никто из нас, насколько я знаю, с ней не дружил». Замкнувшись в себе, Мадонна запоем читала мрачные стихи Сильвии Плат и Энн Секстон. Она любила побродить по городским клубам, нередко

одна. В «Голубые лягушки» ходили преимущественно студенты, но именно в этом месте Мадонна положила глаз на официанта-негра Стива Брэя. Высокий, худощавый, исполненный уверенности в себе, Брэй был еще и ударником в рок группе, которая играла в нескольких местных клубах, но Мадонна, впервые обратив на него внимание, знала лишь то, что он казался «Таким красивым. Такой синтементальный и робкий с виду, что его нельзя было не заметить. впервые в жизни я попросила парня угостить меня». За неимение более подходящего слова, скажем, что Брэй оказался первым случайным знакомством Мадонны. Она стала таскаться с ним по всем местам, где он выступал с группой. Обычно это были местные гостиницы и мотели, где имелся достаточных размеров зал и требовалось развлечь клиентуру. Мадонна и ее подружка частенько оказывались единственными танцовщицами. Это было ее первое, хоть и незначительное соприкосновение с музыкальным бизнесом. «Тогда она еще не была настоящим музыкантом; она просто танцевала», — говорит Брэй. Но у него не было ни капли сомнения в том, что она «единственная в своем роде. Она выделялась. Энергия из нее била ключом. Тогда она еще не решила, куда направить эту энергию, но последней ей было не занимать». Не успела Мадонна освоиться в университете, как Кристофер Флинн понял: его подопечная сможет найти то, что ищет, только в Нью-Йорке. «Я посоветовал ей сняться с места и ехать туда, — вспоминает он. — классический танец способен захватить человека, но только до определенных пределов. Мадонне было тесно в его рамках — она этого не понимала, но я-то видел. Ей еще столько предстояло узнать, и все это было только в Нью-Йорке. Кончай терять время в захолустье. Двигай в Нью-Йорк. Вперед! В конце концов, она так и сделала». "Он все время зудел мне насчет Нью-Йорка, — вспоминает Мадонна. — Я колебалась, отец и все остальные были против, но он так и сказал: «Езжай туда». У Мадонны не оставалось другого выхода, кроме как послушаться человека, оказавшего на ее жизнь огромнейшее влияние. «Он был мне наставником, отцом, воображаемым любовником, братом — всем, чем угодно, — говорит она, — потому что понимал меня».

Мадонна накопила денег на билет до Нью-Йорка и сообщила Флину о своем решении бросить школу и уехать, у наставника вырвался вздох облегчения. «Я разжег огонек в Мадонне. Я разжег огонек во многих, но растопка оказалась сырой. Мадонна была единственной, из кого разгорелось пламя». Знай Стив Брэй, что играет с огнем, его бы не обожгло так больно, когда Мадонна уехала, не попрощавшись. «Оглядываясь назад, — сказала она в интервью журналу „Роллинг Стоун“, — думаю, что, наверное,

заставила его помучаться, но тогда я была совершенно бесчувственной. Я была занята лишь собой». Эта черта, как будут впоследствии утверждать ее критики, характерна для Мадонны на всем протяжении ее карьеры.

Глава 6

«Я упряма, честолюбива и точно знаю, чего хочу. Если это превращает меня в стерву — ну и пусть».

Теплым июльским утром 1978 года девятнадцатилетняя Мадонна Луиза Вероника Чикконе, не послушавшись отца, села в самолет на Нью-Йорк. Это был ее первый полет — и наиболее важный, с какой стороны не посмотреть. Она сошла с трапа в аэропорту Ла-Гардия. С собой у нее был небольшой чемоданчик, одежда, что на ней, балетные тапочки и 37 долларов скомканными бумажками в кошельке. Мадонна взяла такси и, совершенно не зная Манхеттена, просто велела водителю отвезти ее «в самый-самый центр». Таксист немного подумал и доставил ее прямо на суматошный, обшарпанный, преступный Таймс-Сквер. «С чувством юмора у него, верно, все было в порядке», — съязвил как-то по этому поводу брат Мадонны Кристофер Чикконе. Поездка обошлась в 15 долларов — чуть меньше половины всего состояния Мадонны. Мадонна со своим чемоданом в плотном демисезонном пальто — странное зрелище в разгар обычной для Нью-Йорка в это время жары — направила свои стопы на восток вдоль порнографических магазинчиков, выстроившихся по 42-ой улице, а затем повернула направо на Лексингтон-авеню. Через несколько кварталов она попала на толкучку. Пробираясь сквозь толпу, она обнаружила, что ее преследует какой-то мужчина. Вместо того, чтобы попытаться удрать от него, она повернулась и сказала:

— Привет.

— Почему ты расхаживаешь в зимнем пальто и с чемоданом? — спросил он.

— Я только что с самолета, — ответила она.

— А почему не идешь домой и таскаешься со всем этим?

— Мне негде жить, — заявила Мадонна незнакомцу.

После этих слов он предложил ей остановиться у него, и она согласилась. «Мне частенько приходилось очаровывать людей, чтобы что-то от них получить», — сказала она однажды. Незнакомец (имени его она не запомнила) две недели кормил ее завтраками, а она подыскивала жилье — и работу, чтобы было, чем платить за жилье. Она смогла себе позволить лишь кишащий тараканами четвертый этаж без лифта в расписанном шпаной подъезде дома по 4-ой Восточной улице, 232, между авеню А и Б. «Я не рисковал заходить к ней туда, — признался как-то Стив

Брей. — Боялся, как бы меня не прихлопнули наркоманы». Чтобы платить за квартиру и за осуществление мечты о блестящей танцевальной карьере, Мадонна устроилась на роботу в кафе «Данкин Донатс» напротив Блумингдейд. Но не успела она обосноваться в Нью-Йорке, как ей позвонил Кристофер Флинн и сообщил о ежегодном фестивале танца — шестинедельном семинаре, проходившем в том году в Дюкском университете в Дареме, штат Северная Каролина. Продвинутый курс техники танца там вела хореограф Перл Ленг, основавшая совместно с Элвином Эйли Американский центр танца в Нью-Йорке. За несколько месяцев до того, когда Ленг вела занятия в Мичиганском университете, Мадонна пришла на выступление, устроенное ею в студенческом городке, и была ею очарована.

Мадонна еле наскребла денег на автобус до Дорема и оказалась среди трехсот соискателей, состязавшихся за получение одной из полдюжины стипендий для занятий по шестинедельной программе. Она вышла в число победителей. «Когда объявили ее имя, — вспоминает Ленг, — Мадонна подошла прямо к столу, посмотрела на меня в упор и заявила: „Я участвую в этом конкурсе, чтобы поработать с Перл Ленг. Я однажды видела ее работу и хочу учиться только у нее“. Естественно, — продолжает Ленг, которая до организации собственной труппы была примой у Марты Грэм, — у Мадонны глаза на лоб полезли, когда я сказала, что я и есть Перл Ленг». Все это было неожиданностью для одной из соучениц Мадонны. «Перл Ленг ей показали до просмотра, — говорит она. — Мадонна совершенно точно знала, к кому обращается. Штучка избитая, но сработала».

К концу первой недели занятий Мадонна нахально спросила у Ленг, не возьмет ли та ее в свою нью-йоркскую труппу. "Я была ошарашена, — вспоминает Ленг, — и ответила, что надо посмотреть, но, возможно, место найдется. Я спросила, как она намерена добираться до Нью-Йорка. Она сказала: «Не волнуйтесь, доберусь». Потом в заявлениях для прессы Мадонна утверждала, будто «выступала в танцевальной группе Элвина Эйли», но на самом деле она начинала заниматься в третьем составе труппы Американского центра танца. И все же этот опыт оказался волнующим и полезным: Мадонна впервые попала под пристальные взгляды молодых артистов, не менее честолюбивых, чем она сама. «Мне показалось, будто я оказалась на съемках „Славы“, — сказала она в интервью журналу „Роллинг Стоун“, — там были сплошь латиносы и черные, и все рвались в звезды». В Нью-Йорке Мадонне было одиноко; она часто ходила в Центр Линкольна, садилась у фонтана и плакала. «Я вела дневник, — говорит она, — и молилась, чтобы у меня появился хоть один

друг… Но мне ни разу не захотелось вернуться домой. Ни разу». Столкнувшись со столь суровой конкуренцией, Мадонна в конце ноября 1978 года оставила занятия у Эйли и перешла в танцевальную школу Перл Лэнг. Требовательный стиль Лэнг предполагал жесткую дисциплину. Как и Марта Грэм, она видела современный танец лаконичным, драматичным, угловатым. Мадонна определяет хореографию Лэнг как «болезненную, мрачную, проникнутую чувством вины. Очень католическую по духу».

В отличие от прочих танцовщиц, занимавшихся в трико, Мадонна носила мешковатую футболку, порванную на спине и скрепленную огромной булавкой. Но эксцентричная манера одеваться не умаляла ее таланта импровизационной танцовщицы. Лэнг вспоминает, что Мадонна была «исключительна. Она была талантлива — такая хрупкая, но взрывная. Многие способны выполнить любые акробатические элементы, но в ней было нечто поэтическое». Благодаря своей худобе Мадонна впервые появилась на сцене в роли голодающего ребенка из гетто в спектакле о Катастрофе «Я никогда больше не видела бабочку». «Она была достаточно тощей, чтобы сойти за еврейского ребенка из гетто, — вспоминает Лэнг. — И танцевала она восхитительно». Но больше всего ей запомнилась поза Мадонны — танцовщицы из другой современной вещи « La Rosa en Flores». «Там был очень эффектный, но сложный мостик. Мадонна сделала его с таким блеском, что у меня перед глазами она до сих пор в этой роли и в этом изгибе».

Лэнг признает, что у Мадонны была «мощь, энергия, чтобы перейти от чисто внешнего эффекта к чему-то более волнующему. В танцоре я первым делом ищу именно эту внутреннюю силу, и в Мадонне она была». Еще у Мадонны была пылкость, привлекавшая Лэнг, — некоторое время. Но вскоре Мадонна стала «гулять» с наиболее темпераментными танцорами труппы и опаздывать на репетиции. Лэнг не могла спокойно выносить столь вопиющий вызов своему авторитету, и вскоре они начали переругиваться на глазах у всей труппы. «Они походили на двух тигриц, которые ходят кругами, примериваясь одна к другой, — вспоминает бывшая танцовщица группы Лэнг. — Перл была очень требовательна ко всем ученикам, но Мадонна не из тех, кто легко подчиняется приказам, особенно если чувствует себя правой». Спорили они ожесточенно, и не раз Мадонна в ярости выбегала из студии. «В конечном итоге, — говорит танцовщица, — она всегда возвращалась и делала так, как требовала Перл. Мадонна хотела совершенствоваться в танце и прекрасно все понимала». Были у Мадонны и другие, не менее насущные проблемы. Она все еще

жила на 4-ой Восточной улице, с трудом сводя концы с концами и все больше полагаясь на помощь друзей в том, что касалось еды и средств к существованию. В поисках пищи она, бывало, даже шарила по мусорным бакам. Если ей попадался пакет с эмблемой «Бюргер Кинг» или «МакДональдс», то мясо она, будучи вегетарианкой, выбрасывала, но булочку и жареную картошку съедала. Бывали дни, когда она маковой росинки во рту не держала, но, по словам коллег, это никак не отражалось на ее работе.

Чтобы немного подзаработать, Мадонна подалась в натурщицы и стала позировать обнаженной. Этот промысел она испробовала еще в Мичиганском университете. «Я действительно была в хорошей форме, — вспоминает она, — и мой вес был даже немного ниже нормы, так что мышцы и скелет хорошо прорисовывались. Я была у них одной из лучших натурщиц — меня легко мыло рисовать. Поэтому у меня сложилось что-то вроде постоянного круга». Она выяснила, что может зарабатывать до ста долларов в день, в то время как восемь часов изнурительной работы официанткой приносили всего пятьдесят. Вскоре она стала позировать обнаженной перед группами из трех-четырех человек. «Так я подружилась с этими людьми».

Мадонна уже имела опыт позирования в нескольких манхэттенских студиях живописи, когда незадолго до Рождества 1978 года попала в студию ветерана фотографии Билли Стоуна на 27-ой Западной улице. На него произвела впечатление ее идущая от танца грациозность, а на не ее мастерство, с которым он снимал Русский Балет из Монте Карло в первом составе еще конца 1930-ых годов. Стоун, в свое время штатный фотограф журналов «Лайф» и «Эсквайр», был, пожалуй, больше всего известен как автор в высшей степени романтических, тонированных сепией портретов обнаженных женщин, позирующих в стиле полотен Тициана, Боттичелли, Мидильяни и других художников. Мадонну он собирался снимать в духе Матисса, но она сама выбирала позы — к большой радости Стоуна, почувствовавшего, что она «точно знала, что делает. Она была превосходной танцовщицей и очень помогала в поисках поз». Во время съемок их разговор вертелся вокруг танцев. Новая загадочная натурщица Стоуна отчаянно кокетничала, поигрывая сосками, раскинувшись на викторианской кушетке; потом она вскочила и изобразила несколько «болезненных, исполненных раскаяния» поз современного танца, отработанных под пристальным оком Перл Лэнг. Результаты съемок превзошли все ожидания: темноволосая, большеглазая Мадонна со своей худощавой до бесплотности, чуть лине мальчишеской фигурой

выглядела на снимках воплощением современной эфемерной красоты.

После двух весело проведенных часов Мадонна заявила, что ей надо идти. И когда она проставила в расписке просто «Мадонна», Стоун спросил, как ее фамилия.

— Мадонна, и все, — ответила она.

— Дорогая, — сказал Стоун, — у всех людей есть фамилии.

А если Мадонна Мадонна? Так лучше? — с улыбкой спросила она.

— Нет — нет, — рассмеялся он. — Сойдет и просто Мадонна.

Уходя она спросила Стоуна, что он о ней думает. «Вы фотографировали многих женщин, которые собирались прославиться. Как вы думаете, мне это удастся?» «Деточка, — ответил Стоун, — у вас есть красота и талант, при хорошей поддержке и рекламе, глядишь, и смогли бы». Стоун заплатил ей 25 долларов — почти вдвое больше обычной почасовой оплаты натурщицы в 7 долларов — и спросил, где она живет, чтобы связаться с ней для продолжения совместной работы. В ответ она загадочно бросила: «Здесь и там». Для Мартина Шрайбера знакомство с Мадонной было не менее памятным. Шрайбер вел десятинедельный курс фотографии при Новой школе в Гринвич-Виллидж. В середине этого курса 12 февраля 1979 года перед его учениками появилась Мадонна. «Порой натурщицы ведут себя общительно, раскованно, со всеми болтают, — говорит Шрайбер. — Мадонна же появилась очень тихо». Хоть Шрайбер ее и не выбирал — всех натурщиц нанимала школа, — он вспоминает, что она была не только «счастливым исключением на фоне нескладных, пусть и милых средних учебных фотомоделей, но также одной из самых чудных натурщиц, которых я когда-либо фотографировал. Она появилась в пижамных штанах, как маленькая девочка. Когда она разделась, у нее оказалось потрясающее тело — диво пропорциональное, мускулистое, сильное. Прекрасная кожа. Она была идеальна.» По плечам Мадонны рассыпались темные волосы. Столпившимся вокруг мужчинам — примерно дюжине любителей и профессиональных фотографов — она казалась отсутствующей. «Думаю, чувствовала она себя не слишком уютно, — предполагает Шрайбер. — Она была неразговорчива. Лицо ее мало что выражало. Ее сила появлялась в молчании, в том, чего она не говорила». В отличие от Стоуна Шрайбер снимал в более жесткой, урбанистской манере. На некоторых кадрах Мадонна стоит на коленях, опираясь о пол руками, и смотрит прямо в объектив. На других — гладит кошку или лежит откинувшись на металлическую решетку электрообогревателя. В течение полуторачасового сеанса, за

который Шрайбер заплатил ей 30 долларов, она сохраняла непринужденность и невозмутимость профессионалки. После занятия Мадонна дала Шрайберу свой телефон, и они начали встречаться. Она посещала его мансарду, а он, в обмен на ее общество, угощал ее дорогими обедами и устроил работать на своих частных курсах совершенствования фото мастерства. Порой ее богемные замашки казались ему шокирующими. "Как-то мы пошли на вечеринку в Нижнем Ист-Сайде, так она вырядилась в те самые пижамные штаны! Там были люди разного возраста, в том числе несколько малышей. Она предпочла играть с ними, усевшись прямо на деревянном полу. Я хотел, чтобы она занималась моей особой, но она и не смотрела в мою сторону. Потом Шрайбер понял, что его недолгая связь с Мадонной была вызвана не только его мужским обаянием, сколько его возможностями продвинуть ее в модные фотомодели: «Наверное, она увидела в этом свой шанс». Каковы бы не были, однако, ее мотивы, даже после этого краткого знакомства Шрайберу стало ясно, что Мадонна «обладала железной выдержкой и честолюбием. Я понял, что никто и ничто не устоит на ее пути».

Исключением была, возможно, Перл Лэнг. С начала 1979 года напряжение между этими двумя волевыми женщинами продолжало нарастать. "Она могла прогулять один, а то и два дня в неделю, — вспоминает Лэнг, — и ее недисциплинированность стала меня беспокоить. Если я просила повторить ее какое-нибудь движение, она говорила: «Я и не знала, что это будет так тяжко». Каждый день Лэнг требовала от своей непокорной ученицы повторить то или иное упражнение, пока после нескольких подобных случаев «унижения» Мадонна не ударилась в слезы перед всей труппой. Однажды Лэнг заставила ее несколько раз подряд повторять одно сложное па. Мадонна, которая и с семи попыток не сумела повторить этот элемент к удовлетворению Лэнг, двинула головой о стену на глазах у изумленных коллег. «Вы этого добиваетесь? — закричала она. — Так лучше?»

Что касается Лэнг, то она не слишком переживала из-за такого отношения Мадонны. «Она мне нравилась. Она огрызалась, но не до такой степени, чтоб я не могла с ней управиться, — говорит она, — Это лишь одна из сторон жизни артиста. Мадонна бывает задиристой, но это, наверное, потому, что она росла среди братьев и сестер и ей приходилось отстаивать свои права». Примерно в это время, весной 1979 года, Тони Чикконе, обеспокоенный судьбой дочери, неожиданно появился у Мадонны. «Когда приехал отец, — как-то вспоминала она, — он жутко расстроился. Дом кишел тараканами. По коридорам бродили алкаши, повсюду воняло прокисшим пивом».

Как и следовало ожидать, Тони умолял ее отказаться от «дурацкой» мечты стать танцовщицей и вернуться с ним в Мичиган, чтобы закончить колледж. Ее отказ был также вполне предсказуемым. Мадонна и в самом деле подумывала сменить профессию — отчасти из-за напряженных отношений с Перл Лэнг, но в основном — по той очевидной причине, что конкуренция оказалась суровой. Наблюдалось явное перепроизводство танцовщиц, и у Мадонны ушло бы по меньшей мере три года, а то и все пять, чтобы получить место в какой-нибудь крупной гастролирующей труппе. Раньше она не проявляла особого интереса к музыке, но теперь стала участвовать в просмотрах и прослушиваниях на роли с пением и танцами в мюзиклах и снимаемых по ним видео — фильмах, а также на игровые роли в кино. Среди многих ролей, в которых ей отказали за несколько месяцев, — главная в имевшем большой успех фильме «Вольная пташка» и одна из второстепенных в телесериале «Слава». Мадонна не была этим обескуражена и продолжала ежедневно рыскать в поисках работы; там, где объявляли открытый конкурс, ее наверняка можно было найти в очереди жующих резинку соискательниц. В перерывах между прослушиваниями и занятиями у Лэнг Мадонна свела знакомство с компанией художников-графиков. Кое-кто из них, мечтавших о лаврах Пикассо, например, Футура 2000, Кийт Херринги Жан-Мишель Баскья, вскоре стали высокооплачиваемыми любимцами мира искусств Нью-Йорка. Но тогда это были просто веселые уличные бродяги, и Мадонне было хорошо в их компании. Она не позволяла другим хоть в чем-то себя превзойти, а поэтому постоянно таскала в кармане фломастер и пачкала стены домов, автобусы и вагоны метро своей размашистой подписью.

Одним из тех, кто сумел обратить свой талант в звонкую монету, занявшись рисунками для украшения теннисок и маек, был Норрис Берроуз. Через несколько недель знакомства Мадонна переселилась к нему. А через три месяца их связь оборвалась ввиду того неоспоримого факта, что и он, и она были не прочь погулять на стороне. Обзаведясь новой любовью Берроуз не забывал и о Мадонне. Он организовал вечеринку на которой свел Мадонну и Дэна Гилроя, музыканта, автора песен и комика — приятного человека глуповатого вида. Его шляпы с загнутыми краями и мешковатые пальто полностью отвечали эксцентричным одеждам самой Мадонны. Нельзя сказать, что между ними сразу же проскочила искра. Она нашла его бесцеремонным, а он ее -"унылой". Но в течение вечера они прониклись взаимным расположением, и к концу сборища Мадонна без обиняков спросила Гилроя: «Ты не хочешь меня поцеловать?»

Он хотел, и вскоре они занимались любовью в доме «Корона», район Куинз, перестроенном из синагоги, где Гилрой жил со своим братом Эдом. Здание, на котором еще сохранились звезды Давида и другие иудаистские символы, служило братьям также и студией: они порой выступали на эстраде как музыканты и комики под псевдонимами Бил и Гил. Уже первый вечер в синагоге Гилрой повесил на шею Мадонне гитару, и она с его помощью первый раз тронула струны. В этот миг, как она вспоминает, «у меня в голове что-то щелкнуло». Этим "что-то было осознание того, что именно музыка, а не танец может стать ее проездным билетом в мир звезд. Мадонна не прожила с Гилроем и двух недель, когда Жан Ван Лье и Жан-Клод Пеллерен, французские музыкальные продюсеры, на счету которых был успех европейской звезды диско Патрика Эрнандеса, устроили в Нью-Йорке открытое прослушивание, чтобы подобрать в шоу-группу Эрнандеса свежую молодежь. Сингл Эрнандеса «Рожденный для жизни», практически неизвестный в США, стал, тем не менее, международным хитом и принес более 25 миллионов долларов.

Мадонна пошла на прослушивание, где станцевала и что-то спела под стандартную мелодию в стиле диско. Ее эмоциональное выступление произвело на Ван Лье и Пеллерена такое впечатление, что они предложили забрать ее с собою в Париж и превратить в звезду. «Мы сразу же смекнули, что в ней больше энергии, чем во всех остальных, — сказал Эрнандес. — Мы не поставили ее дергаться как дурочка у меня за спиной, но отделили от остальных исполнителей. Мы хотели отвезти ее во Францию, чтобы она могла записаться». Мадонне надоело копаться в мусорных баках в поисках еды, и она согласилась. Известие о том, что Мадонна через несколько недель уезжает во Францию, принесло Гилрою, избегавшему прочных связей, нечто вроде облегчения. Теперь, когда их совместной жизни был поставлен четкий конечный срок, он мог предаться нежным чувствам. «Они походили на русские горки, — сказал Гилрой об отношениях, — Несколько раз дух захватывает, а потом все, конец».

В Париж Мадонна прилетела в мае 1979 года. Из аэропорта имени Шарля де Голля до элегантной квартиры Жана-Клода Пеллерена на Правом берегу ее домчал лимузин. Кроме изысканных апартаментов и возможности в любое время пользоваться машиной с шофером, ее новые хозяева предоставили новооткрытой диве личную горничную, секретаря, учителя вокала и неограниченные средства на туалеты. Вечера были калейдоскопом шикарных приемов, ужинов у Максима и в

«Тур д'Аржан», танцев до упаду в «Режин». Где бы они не появлялись, патроны представляли Мадонну как «вторую Эдит Пиаф». Ван Лье и Пеллерен взяли на себя труд еще и познакомить ее с избранными отпрысками старейших родов Франции. Она нашла в этом мало удовольствия. «Они заставляли меня знакомиться с этими ужасными французскими мальчиками, — вспоминает она. — Я прямо бесилась, но они только посмеивались и давали мне деньги, чтобы я не дулась».

«Она была очень хороша собой и многим французским ребятам назначала свидания, — вспоминает мадам Пеллерен. — Но она считала их весьма старомодными, сама же была очень свободной. Очень свободной. Очень раскованной. Ей хотелось побольше мальчиков». «В Париже Мадонна каждый вечер куда-нибудь отправлялась, — говорит Эрнандес. — А что касается ее приятелей в это время, скажем так: у нее был здоровый аппетит». Внимание со стороны этих вкрадчивых плейбоев, щеголявших итальянскими костюмами и средиземноморским загаром, лишь усилило подозрения Мадонны, что ее привезли в Париж в качестве трофея, а не будущей звезды. Ее парижские благодетели с лихвой выполнили все свои обещания. Впервые Мадонна почувствовала вкус сладкой жизни. Но обещанная карьера никак не материализовалась. Больше того, никому не позволялось разговаривать с ней по-английски — можно предполагать, это было частью их генерального плана превратить ее в новую Пиаф. Их отношение к ней недвусмысленно проявилось, когда, представляя Мадонну пестрому европейскому сброду на одном из многочисленных приемов, Ван Лье сказал, погладив ее по голове: «Полюбуйтесь, что мы раскопали в сточных канавах Нью-Йорка».

В свою очередь Мадонна не скрывала презрения ко всему французскому. «Мадонна не интересовалась европейской культурой, — вспоминает Эрнандес. — Она даже не пыталась говорить по-французски, она говорила только по-английски. Ее не привлекала возможность изведать изысканнейшие французские блюда. Для нее все это было пустым время провождением». Вновь обратившись к роли enfant terrible, Мадонна подняла бунт наилучшим из известных ей способов. Она потребовала еще больше денег, и когда ее французские спонсоры не пикнув выдали затребованную сумму, она потратила свои франки на мужчин, причем выбирала их не из европейских аристократических кругов. «Я связалась с алжирскими и вьетнамскими подонками, которые сидели без работы, но зато разъезжали на мотоциклах и терроризировали прохожих, — вспоминает она. — Такие люди всегда меня привлекали, потому что они бунтари, не отвечают ни за что и плюют на все правила.

Меня привлекают бродяги!»

Мадонна, раскатывавшая в кожаной куртке то с одним, то с другим из них на «Харлее» по узким улочкам Левого берега, острая на язык, пользовалась, что вполне объяснимо, большой популярностью у парижских пост-панков. Они боготворили все американское, особенно если это напоминало Джеймса Дина. Любимое развлечение Мадонны и ее друзей-мотоциклистов: подъехать поближе к каким-нибудь незадачливым американским туристам и проорать им по-французски всякие гадости. Во время своего недолгого пребывания в Европе Мадонна поменяла с дюжину любовников. Впрочем, на какое-то время она привязалась к одному, как сама в последствии говорила, вьетнамскому уличному головорезу. На самом деле «мятежный» любовник был избалованным чадом преуспевающего южновьетнамского бизнесмена. «О да, он был очень красив и имел мотоцикл, — сказал один из друзей, — но еще и изрядный капиталл в придачу». Эрнандес считал, что с самого начала было ясно: Мадонне никогда не стать французской звездой диско. «С той минуты, как она спустилась на землю Франции», — утверждает он, отношения Мадонны с ее продюсерами не складывались. «Она не хотела делать того, что мы для нее планировали. Ей не хотелось петь, она делала это под нажимом. Ей хотелось одного — танцевать. То, что мы собирались превратить ее в певицу, стало для не большой неожиданностью». Даже когда речь зашла о танце, Мадонна и продюсеры не смогли придти к согласию. «Ее интересовал авангард, а в моде было диско, — вспоминает Эрнандес. — Мы хотели, чтобы она танцевала как Донна Саммерс, Мадонна же хотела по-своему». Попав в этот безвыходный тупик, она все больше разочаровывалась. Во время пребывания во Франции Мадонна находила утешение в письмах своего старого друга Дэна Гилроя из «Короны», в которых он пылко призывал ее «вернуться в Америку. Нам тебя не хватает». А между тем вспышки раздражения случались у нее все чаще и принимали все более бурных характер. Но к ее досаде, Эрнандес, Пеллерен и Ван Лье видели в них лишь новое доказательство того, что их находка из «сточных канав Нью-Йорка» обладает неукротимым темпераментом настоящей звезды.

Мадонну раздирали противоречия. С одной стороны, это были первые люди в шоу-бизнесе, которые разглядели в ней задатки певицы и подтвердили свою веру в нее звонкой монетой. И однако они ничего не сделали для ее карьеры с тех пор, как она появилась в Париже. Ей ведь надо было записать хотя бы одну песенку, хоть раз выступить. Когда Пеллерен и Ван Лье подобрали для нее песню «Она настоящая королева диско»,

Мадонна отказалась ее исполнять. «В то время ее интересовали панк-рок и Новая волна, — говорит Эрнандес. — Забавно, что когда через несколько лет она стала знаменитостью, славу ей принесли танцевальные поп-мелодии, которые мы пытались с ней записывать с самого начала. В конечном итоге ее музыка оказалась вовсе не авангардной».

После трех месяцев во Франции Мадонна почувствовала, что ей манипулируют и, того хуже, пренебрегают. Она захотела выйти из игры. Письма от Дэна Гилроя, каждое новое настойчивее предыдущего, служили ей моральной поддержкой, но в то же время напоминали, что роскошная парижская жизнь ей может стоить карьеры звезды, которой ей так хотелось стать по возвращении в Штаты. Она все больше тосковало по родине, и психологическое напряжение отразилось на ее здоровье. Летом 1979 года она сильно простыла, а через неделю простуда перешла в воспаление легких. Оказавшись в постели Мадонна проанализировала свое положение. Едва поправившись, она заявила шефам, что хотела бы ненадолго слетать в Америку повидаться с родными. В подтверждение того, что она вернется в Париж, она попросила оформить билет туда и обратной оставила у Пеллеренов свои новые дорогие наряды. Но мадам Пеллерен не обманывалась на ее счет. «Мадонна хотела только одного, — сказала она, — стать звездой. И, покидая Париж, она поклялась, что вернется звездой».

Патрик Эрнандес убежден, что именно в Париже Мадонне «запала в душу мысль, что она может петь. Не появись Мадонна в Париже, она, возможно, так бы и продолжала брать уроки танца, ходить на просмотры — но в жизни не подумала бы о карьере певицы!» В Париж Мадонна не вернулась, и ее французским продюсерам оставалось лишь горько пожалеть о черной неблагодарности протеже. На Эрнандеса же произвели впечатление ее «смелость и прямолинейность. Как-то она мне сказала: „Сегодня ты имеешь успех, а завтра он будет моим“. Тогда я удивился, то есть подумал, а не блеф ли это — или она действительно верит тому, что говорит? Тогда, в Париже, Мадонна погоды не делала, но настроена была очень решительно. В своем успехе она не сомневалась. Она знала, что будет звездой». Слово Мадонна сдержала и вернулась в Европу лишь тогда, когда достигла звездной вершины, причем самым нелегким путем — завоевав славу в Америке. «Надо работать, чтобы чего-то добиться, на блюдечке тебе готовенькое не выложат, — говорила она. — А если и выложат, так надолго не хватит».

Глава 7

«Любой из тех мужчин, через которых я перешагнула, чтобы достичь вершины, принял бы меня обратно, потому что они все еще любят меня и я люблю их».

Оставив за плечами горько-сладкую вылазку в Париж, Мадонна вернулась в Нью-Йорк в августе 1979 года. Могло показаться, внешне, по крайней мере, что ее положение — бездомная, без гроша в кармане и без отчетливых надежд на карьеру — ничуть не лучше, чем было до того. И тем не менее со своего французского пикника она привезла кое-что ценное — убеждение в том, что способна стать рок-певицей. Но это означало бы необходимость отодвинуть на задний план мысли о танцевальной карьере и сосредоточиться на музыке. Дэн Гилрой не слишком удивился, когда у его дверей появилась Мадонна с короткой стрижкой под Лесли Карон. Он знал, что в Париже ей было безнадежно и одиноко и что пустые обещания французских спонсоров ненадолго ее убаюкают. Когда она попросила научить ее игре на каком-нибудь инструменте, Гилрой недолго раздумывал, что лучше всего подойдет ее темпераменту: он выбрал ударные.

Дэн Гилрой и его брат Эд отсутствовали, убирая днем со столов в ресторанах, а по вечерам выступая со своими комическими номерами по всему городу. Все это время Мадонна по шесть часов кряду, а то и больше, занималась на ударных в их студии-синагоге. Еще она начала писать песни, подбирая мелодии на старенькой гитаре Эда. Дэн Гилрой был благодарной аудиторией, состоявшей из одного человека. «То были одни из самых счастливых дней в моей жизни, впоследствии вспоминала Мадонна. — Я ощущала себя по-настоящему любимой. Иногда я сочиняла печальные песни, а он сидел рядом и плакал. Очень трогательно». Хотя великодушие Дэна Гилроя и позволяло Мадонне целиком отдаваться музыкальному самообразованию и не ходить каждый день на работу, она не отказывалась от случайных заработков, чтобы внести свою долю в общий котел. Она работала гардеробщицей в нескольких ночных клубах и ресторанах, из которых самым знаменитым заведением была почтенная Русская Чайная на Западной 57-ой улице неподалеку от Карнеги-холла. Русская Чайная с ее ярким убранством в зеленых и красных тонах, сверкающими самоварами и картинами,

изображающими «Baller Russe», была истинным раем для охотников за знаменитостями: то было одно из немногих мест, где кинозвезды, рок-звезды и политики причудливо перемешивались с авторами бестселлеров, ведущими теленовостей, представителями высшего света, модельерами и художниками, работающими в классической манере. Директор ресторана Грегори Камилуччи вспоминает тот день 1979 года, когда принял Мадонну на работу с почасовой оплатой в 4 доллара 50 центов. «Я совершенно отчетливо помню нашу первую встречу, — говорит он, — потому что Мадонна приковывала взгляд какой-то диковатостью. Не то, чтобы она была деревенщиной. Нет, она была премилой, но чем-то напоминала незаконченную скульптуру». И имя ее тоже произвело не него впечатление. «Даже тогда она была просто Мадонна — необычное имя, заставляет навострить уши и внимательней присмотреться». Что касается внешности, то Камилуччи помнит — она была «сухощавой. Ее тело, безусловно, было телом танцовщицы, и у меня сложилось впечатление, что она ела только у нас, а больше нигде. Она была очень темноволосая, очень итальянского типа, очень красива».

Мадонна оказалась на отшибе в тесном помещении гардероба сразу слева от входа в ресторан, ни с кем не заводила знакомства. «Она была очень тихой, с сослуживцами не приятельствовала — одним словом, одиночка», — говорит Каммилуччи. Она была «добросовестной работягой», но на ее манере одеваться это не отразилось. Ее платья с картинками диких зверей, носки по щиколотку и туфли на шпильках не вписывались в фешенебельный облик Русской Чайной. Два месяца спустя Камилуччи ее уволил. «Она восприняла это нормально, — рассказывает он. — Я не стал говорить прямо, что она ужасно одевается и все такое. Мне было ее жалко. Я чувствовал себя ужасно, потому что сразу было видно, как она одинока. Остальные, что здесь работают, как вы знаете, если не становятся актрисами или певицами, то и без этого прекрасно живут. У них есть чувство уверенности, они знают, что, могут опереться на семью. Мадонна такого впечатления не производила, она явно была неприкаянной». Прошло более десяти лет, но Камилуччи все еще продолжали преследовать «ее пристальные глаза. Стоило на ее посмотреть, как в ответ она награждала вас чуть ли не мистическим взглядом. Его невозможно забыть».

В трудовой деятельности Мадонны того времени есть по крайней мере один редкий случай, когда ей пришлось выступить в качестве актрисы. Когда в августе 1979 года ей в руки случайно попал номер «Бэк стрейдж», одно из объявлений привлекло ее

внимание. Режиссер-авангардист сообщал, что ищет актрису с очень специфическими данными на главную роль в фильме: «темноволосую, темпераментную молодую женщину с лидерскими задатками, обладающую большой энергией, которая умеет танцевать и желает поработать бесплатно». Замечание о работе задаром Мадонну, естественно, в восторг не привело, но она понимала, что сейчас ей нужен опыт и возможность лишний раз себя показать. Три дня подряд Стивен Левицки торчал в своей студии без кондиционера на Вест — Сайде, просматривая сотни анкетных данных с приложенными к ним фотографиями размером восемь на десять и мучительно размышляя над тем, кого выбрать на роль. Совсем отчаявшись, он начал проглядывать письма, швыряя их одно за другим в мусорную корзинку. Один конверт из корзинки выпал, он наклонился за ним, и оттуда выскользнуло написанное от руки письмо на трех страничках. Каким-то образом он умудрился пропустить это письмо и поэтому присел его прочитать.

"Дорогой Стивен, — начиналось письмо. — Я родилась и выросла в Детройте, где преждевременно и суетливо началась моя карьера. Когда я была в пятом классе, мне хотелось стать или монашкой, или кинозвездой. Девять месяцев в монастыре излечили меня от любви к монахиням. В старших классах я стала немного психопаткой, поскольку никак не могла решить, кем мне быть: примерной девочкой или наоборот. И то, и другое, насколько я понимала, имело свои преимущества.

В пятнадцать лет я начала регулярно заниматься балетом и слушать музыку барокко; медленно, но верно во мне развилась нелюбовь к одноклассникам, учителям и школе в целом. Единственным исключением были уроки драматического искусства. Все наши меломаны и эгоманы ежедневно собирались на час, чтобы распределить роли и поспорить об их интерпретации. Мне страшно нравилось, когда все взгляды были устремлены на меня, а я притворялась то очаровательной, то развращенной и пресыщенной, готовая себя, таким образом, к выходу в большой мир. Крайняя нетерпеливость заставила меня уйти из школы на год раньше. Я поступила в школу изящных искусств при Мичиганском университете, где изучала музыку, танец, искусство и постоянно участвовала во всех постановках. Через два года замкнутой бездумной жизни мне жуть как захотелось схватиться с жизнью. Поэтому я и приехала в Нью-Йорк недоучившейся студенткой". Когда он закончил читать, из конверта выскользнула фотография, которую Мадонна приложила к своей лживой автобиографии. Ее внешность сразу поразила Левицки, да и моменты сходства с его собственной

биографией произвели на него сильное впечатление. Их дни рождения приходились на одно и то же число:16 августа. Они оба были изгоями среднего класса, удравшими в Нью-Йорк на свой страх и риск, имея за душой массу творческой энергии, но не зная, куда сунуться. И оба они были решительно настроены преуспеть вопреки всему. Мадонна получила роль, а Стивену потребовалось два года, чтобы за смехотворно низкую сумму в двадцать тысяч долларов, которую ему приходилось выклянчивать буквально по центу, снять эротический боевик «Конкретная жертва» («A Certain Sacrifice»). Героиня фильма Бруна, роль которой исполняла Мадонна, — обитательница нижнего Ист-Сайда с семьей из трех «рабов секса». К ней приходит любовь, но тут ее зверски насилуют в туалете при кафе. Для мщения Бруна прибегает к помощи своих «рабов», которые выслеживают, похищают и казнят насильника, а затем пьют его кровь — некий эротический ритуал жертвоприношения.

С самого начала Мадонна зарекомендовала себя как аккуратная и усердная профессионалка, особенно когда дошло до сцен, где ей предстояло сниматься обнаженной. Как-то Левицки отозвал в сторонку актера, исполнявшего роль насильника, и велел ему разорвать на ней блузку, что не было предусмотренно сценарием. Ошарашенный вид Мадонны перед камерой придал эпизоду несомненную достоверность. Тем не менее, нельзя сказать, что она идеально вписывалась в актерский ансамбль. По словам Левицки, она явно терялась и чувствовала себя не в своей тарелке, когда камера была направлена не на нее. Это не помешало Левицки увлечься своей кинозвездой, столь откровенно зацикленной на самой себе. Они не бели любовниками, хотя Мадонну едва ли следует в этом винить. Однажды днем в нью-йоркском парке Бэттери, где они сидели на скамейке вдвоем, она предложила своему режиссеру вылизать у нее из уха черничную простоквашу. Он согласился. «У этой женщины в оном ухе больше чувствительности, — вспоминает он, — чем у большинства других во всем теле».

Через несколько месяцев Левицки попросил ее пересняться в нескольких эпизодах; Мадонна не возражала — за деньги, которые ей были нужны на оплату квартиры. Левицки согласился выписать ей чек на 100 долларов. Это была не только полная сумма того, что Мадонна получила за время работы над фильмом, но и все, что Левицки вообще заплатил актерам. В музыкальном видео Мадонна впервые снялась в 1980 году, когда продюсер — первооткрыватель в этой области, Эд Стрейнберг, набрал статистов для съемок видеоклипа подающей надежды группы «Конг». Сюжет снимался в Дэвис-Лофт, уголке в центре

Манхеттена. «Во время съемок, — рассказывает Стрейберг, — эта статистка лихо отплясывала, но все время норовила выскочить и влезть в камеру. Более энергичных девиц мне редко приходилось встречать, но я попросил ее немного успокоиться». Статисткой, ставшей центральной фигурой эпизода, была Мадонна.

Мадонна жила не у Гилроев, хотя и проводила там дни напролет, занимаясь на барабанах и сочиняя песни. Она перебиралась из одной квартиры в другую, испытывая на прочность давно уже не беспредельное терпение и великодушие своих друзей. Когда, наконец, стало ясно, что Дэн Гилрой и не думает предложить ей остаться, она взяла инициативу на себя. Он согласился скрипя сердце, но при условии, что сначала спросит разрешения у своего брата Эда. «Эда? — переспросила не поверившая своим ушам Мадонна. — Ты должен спрашивать у Эда?»

Обосновавшись у Гилроев, Мадонна сразу же затеяла компанию за включение ее в состав новой группы, которую сколачивали братью. Не обошлось без колебаний. Дэн, уважавший в ней талант автора песен, не был, однако, убежден, что она достаточно музыкальна, чтобы выступать перед публикой, которая платит за билеты. Впрочем сопротивлялся он недолго, и Мадонна пригласила в группу еще и свою разочаровавшуюся в танцах подругу Энджи Смит. По настоянию Мадонны группа безостановочно репетировала в студии -синагоге Гилроев. Ночные репетиции заканчивались под утро, когда изнеможенные музыканты плелись завтракать в соседнее кафе. Через несколько недель работы в таком режиме выбор названия не вызывал сомнения. С этого момента группа получила известность под именем «Клуб завтраков» («Breakfast Club»). «Клуб завтраков» начал давать концерты во всех «чертовых дырах нижнего Ист — Сайда»— таких клубах, как «ЮК», «Усадьба моего отца» и «Дом ботанических бесед». Скоро стало ясно, что даже Мадонна, добросовестно барабанившая на своей установке, явно уступает Энджи Смит в симпатиях публики. На гибком теле экс-танцовщицы, ставшей гитаристкой, кроме белья почти ничего не было, а пела она еле слышно, зато все время зазывно тряслась и покачивалась, полностью оттеснив на задний план Мадонну вместе с Гилроями. По инициативе Мадонны ей вежливо, но настойчиво предложили покинуть группу.

Уход единственной солистки предоставил Мадонне уникальный шанс, и она его не упустила. Она упрашивала Гилроя позволить ей выйти из-за ударных и спеть несколько своих песен. Он с неохотой согласился. Впрочем, самым ценным ее качеством была в глазах группы пробивная способность. Она целыми днями

висела на телефоне, уговаривая продюсеров грамзаписей, владельцев клубов, агентов и менеджеров — всех, кто мог помочь группе, устроив запись на студии или концерт в клубе. «Думаю я просто производила на этих старых тертых деляг более приятное впечатление, чем Ден и Эд». — говорила она. Партнеры Мадонны были довольны, что их ударница успешно выколачивает деньги, но ее неукротимое честолюбие их шокировало. Подобно многим представителям нью-йоркской художественно-артистической среды, они были слишком увлечены своей музыкой, чтобы задумываться о чем-то другом. «В отличие от меня они не интересовались коммерческими делами, — говорит Мадонна. — Мне и в голову не приходило, что можно пойти на эстраду и не добиться огромного успеха. Какой толк быть лучшим певцом в мире или иметь самую талантливую труппу, ели об этом знают лишь несколько человек. Я же всегда хотела, чтобы мир заметил меня». Публика действительно начинала замечать Мадонну. Трудно было не обратить на нее внимание, когда она выскакивала из-за барабана, хватала микрофон и начинала петь, бешено крутясь по сцене. Беда была в том, что остальные участники группы порой смахивали на фон ее сольных выходов. Особенно не нравились Эду Гилрою попытки Мадонны стать основной певицей, к тому же оба брата сомневались, певица ли она вообще. Даже Мадонна была вынуждена признать, что Дэн «взрастил чудовище», поощряя ее музыкальные устремления. Но как бы там ни было, она должна была стать центральной фигурой на сцене, а если Гилрои не готовы отодвинуться и дать ей место — что ж, придется ей сколачивать собственную группу.

За восемь с лишним месяцев Дэн Гилрой дал Мадонне не только основы музыкального образования, но и работал с девяти утра до пяти вечера, что позволяло ей сидеть дома и оттачивать мастерство. Теперь же, когда она, по ее собственным словам, «высосала, что было нужно» из братьев, она заявила Дэну, что все кончено и она перебирается из Куинз назад на Манхеттен, чтобы организовать свою группу. Гилрой не удивился. Тогда он мог иметь не высокое мнение о ее таланте, но не о ее наглости. Он был взволнован, возможно, даже немного огорчен, когда она собиралась, но вместе с тем, по его признанию, испытал некоторое облегчение. Требования Мадонны довели напряженность в отношениях между братьями до критической точки. Теперь, по крайней мере, ничто не мешало им вернуться к размеренному образу жизни.

Ввернувшись в нижний Ист-Сайд, Мадонна не теряла времени даром и стала набирать новую группу, хоть и боялась, что ей не хватит ни знаний, ни опыта отличить приличного музыканта от

безнадежного ремесленника. А когда она все-таки нашла ударника Майкла Монахэна и бас-гитариста Гэри Берка, ей опять пришлось мучаться с названием. сначала они назвались «Миллионеры» ('Millionaires'), потом «Современный танец» ('Modern dance'), несколько недель выступали под именем «Эманон» ('Emanon' — no name -" без имени" наоборот) и наконец остановились на «Эмми» — еще одном из многочисленных прозвищ Мадонны. Большую часть весны 1980 года «Эмми» играла в любой дыре, где им были готовы платить по 25 долларов за вечер. Поскольку эта сумма делилась на троих, Берк и Монахэн — они работали днем — не спешили увольняться с работы. Мадонна однако на этом настаивала, но когда она почувствовала, что группа вот-вот достигнет успеха, Монахэн объявил, что собирается жениться и уйти из группы. «В китайском языке „кризис“ и „риск“ передаются одним и тем же иероглифом, — размышляет старый друг Мадонны Кристофер Флинн. — У нее хватало сноровки оборачивать трудности в свою пользу, и извлекать из них выгоду. Тут требовалось везение, а его она, похоже, всегда притягивала, как громоотвод молнию».

Действительно, проведение вмешалось за несколько дней до того, как Манахэн собрался уходить. Мадонне неожиданно позвонил ее бывший любовник и первый наставник в поп-музыке Стив Брэй и сказал, что ему осточертела жизнь на Среднем Западе и он готов штурмовать Нью-Йорк. "Как ни странно, — вспоминает Брэй, — ей как раз нужен был ударник. И я сказал: «Буду на следующей неделе».

До приезда Брэя Мадонна нелегально поселилась на каком-то чердаке. Там она спала на обрывке ковра, окружив с себя хитро расставленными электрообогревателями. Однажды ночью она проснулась и увидела, что ее коврик загорелся от обогревателя и она окружена «кольцом огня». Она пыталась тушить пламя водой, но безуспешно. Пока она металась в поисках воды, загорелась ее ночная рубашка. Мадонна ее сорвала, схватила в охапку свои скудные пожитки и сбежала, не дожидаясь, пока огонь охватит весь чердак. Именно тогда «задушевнее друзья», как они сами себя называли, Мадонна и Брэй возобновили свой роман. «Он стал моим спасителем, — говорит она. — Я не настолько разбиралась в музыке, чтобы иметь право кому-то орать, что но слишком громко играет». Вдвоем они въехали в Дом музыки на 8-ой авеню в центре Манхэттена, где размещались десятки студий звукозаписи и репетиционных залов.

«Считалось, что этот похоже на Брилл-Билдинг», — сказал один музыкант, арендовавший там помещение в начале 1980-х годов. Брилл-Билдинг было легендарное здание в стиле «ар-деко»

в центральной части города, где обосновались несколько музыкальных издательств и откуда вышли такие знаменитые авторы песен, как Кэрол Кинг и Джерри Гоффен. «Да вот беда — в Доме музыки было грязно и опасно, кругом кишели тараканы и наркоманы. В коридорах воняло мочой, все стены были разрисованы; в общем, местечко было весьма отвратительное». Это негостеприимное здание притягивало низкопробные группы, стремившиеся заполнить пустоту, образовавшуюся с уходом Новой Волны. Среди них был еще неоткрытый доселе Билли Айдл. Большинство музыкантов, однако, там не жили. Мадонна и Брэй все же продержались там всеми правдами и неправдами почти год, между выступлениями отрабатывали номера со своим материалом и питались дешевыми рыбными консервами и воздушной кукурузой. («Я до сих пор люблю воздушную кукурузу, — как — то сказала Мадонна. — Ей можно за недорого набить брюхо».) Оказавшись в гуще своеобразной общины музыкантов, она быстро обзавелась врагами. «Все, у кого явно есть „это самое“, вызывают большую неприязнь, — говорит Брэй. — Музыкантов — то там до черта, а искорка Божия есть у немногих. Тамошняя компания вроде как дулась на нее из-за этого. Подружиться с кем-нибудь для нее было проблемой». Другой питомец Дома музыки выражается не столь деликатно: «Уверенность в себе — это хорошо, но она была невероятно нахальной. Квалификации никакой, на всех плевать. По характеру она смахивала на типов Сэмми Глика — голые амбиции, за которыми ни капли таланта. Именно по этому ее никто и не любил». К недостатку мастерства у Мадонны Брэй относился спокойно. Он помнил ее мичиганской студенткой, которая таскалась за его группой, когда они выступали в местных гостиницах, а теперь его вдохновляла отчаянная решимость Мадонны пробиться в мире музыки. «к тому времени она написала четырнадцать песен, — говорит он, — что произвело на меня впечатление. Раз уж она бросила танцы и на голом энтузиазме принялась писать песни, я прикинул, что мне это тоже по силам».

Под каким бы сильным впечатлением не находился Брэй, это однако не помешало ему однако сопротивляться постоянным требованиям Мадонны в очередной раз поменять название группы. На этот раз она хотела сменить «Эмми» на простое и запоминающееся имя «Мадонна». несколько месяцев спустя у Брэя стали появляться сомнения на счет выбранного Мадонной музыкального направления. Она была искренней поклонницей Крисси Хайнд и «Притендерс», а также Пэт Бенатр, «Полис» и еще нескольких групп, чьи участники выступали в кожаных куртках,

играли тяжелый рок и мечтали стать «Роллинг Стоун» своего поколения. Насколько Мадонна была убедительна в образе уличной дивы с томным взглядом, настолько ее группа, по словам владельца одного клуба, была «отвратительна. Она-то пела потрясно. На сцене выкладывалась до последнего. Но ребята портили все дело. Она была, на мой взгляд, ничуть не хуже Крисси Хайнд, но группа была такая паршивая, что забивала Мадонну». Брэй думал иначе:" Найди мы приличного гитариста, нам удалось бы подняться… но в Нью-Йорке полным-полно поганых гитаристов, и они все, похоже, у нас перебывали". К началу 1981 года «Эмми» развалилась. Теперь Мадонна, предоставленная самой себе, сосредоточила все силы на продвижение на рынок единственного товара, в котором была уверена: самой себя.

Глава 8

«Я честолюбива, но не будь во мне столько таланта, сколько честолюбия, я стала бы жуткой уродиной».

Однажды утром Эдам Олтер из «Готем Продакшинз» спешил по обшарпанному вестибюлю Дома музыки, когда его остановила девица в драных джинсах, жевавшая резинку. «Ого, — сказала она, перед тем как исчезнуть, — да ты вылитый Джон Ленон» Олтер не знал, что почти в это же время его деловая партнерша Камилла Барбоун столкнулась в лифте с девушкой диковинного вида. "Весь второй этаж был нашим, — говорит Барбоун, привлекательная рассудительная жительница Нью-Йорка, много лет работавшая с такими звездами, как Мельба Мур и Дэвид Йохансен, и для таких компаний, как «Коламбия», «Пилигрим», «Будда Рекордз» и «Ариста». — Когда я однажды утром я зашла в лифт, то увидела эту сногсшибательную юную леди с рыжими волосами, взбитыми в стиле «Принц Валиант». На следующий день девица с челкой «Принц Валиант» появилась опять.

— Еще не сделали? — спросила она.

— Простите? — переспросила Барбоун.

— Еще не сделали?

— Нет.

— Ладно.

Этот загадочный разговор в лифте повторялся несколько дней подряд. «Она меня дразнила, и я была заинтриговала», — признается Барбоун.

Несколько дней спустя Барбоун не сразу нашла ключи от двери в коридор, где находилась ее контора, и та же самая бойкая девица в темных очках открыла ей дверь. «Ничего, — сказала таинственная незнакомка самым обычным тоном. — Когда-нибудь вы будете открывать мне двери». Тем временем Олтер уговорил Барбоун прослушать демонстрационную пленку, записанную неизвестной, но многообещающей певицей, которую он откопал. Он назвал ее имя: Мадонна. Большую часть записи Барбоун сочла не заслуживающей внимания, кроме одного куска — ранней версии композиции «Горение» ('Burning Up'). После этого олтер затащил Барбоун на репетицию этой самой Мадонны. И только тогда она обнаружила, что Мадонна с пленки и таинственная незнакомка, на которую она постоянно натыкалась, одно и то же лицо. «Я была потрясена, — вспоминает она. —

Мадонна судя по всему, это планировала, а я ни о чем не догадывалась». Барбоун не стала обижаться, что оказалась игрушкой в чужих руках, напротив Мадонна покорила ее «очарование беспризорности. Уже тогда она была личностью». Барбоун приняла приглашение Мадонны посмотреть ее выступление в обшарпанном заведении в центре города -"Канзас-Сити", но из-за сильной мигрени не смогла поехать. Однако головная боль не шла ни в какое сравнение с тем, что ей пришлось испытать на другое утро, когда ее посетила Мадонна. "Она влетела ко мне в кабинет, — вспоминает Барбоун. — «Вы такая же как все!»— кричала она. — «Как вы могли не прийти? Ведь в этом вся моя жизнь!» Барбоун застыла в кресле, лишившись дара речи. «Впечатление было сильное, — признается она. — Она орала мне прямо в лицо, но я восхищалась ей. Мне еще не доводилось сталкиваться с таким напором». Барбоун извинилась, согласилась сходить на концерт в следующую субботу и потянулась через стол за записной книжкой, чтобы записать место и время. Мадонна перехватила книжку и ткнула ей в грудь Барбоун. «Нет, — сказала она, — извольте запомнить». Потом она ушла.

В «Канзас-Сити», вспоминает Барбоун, она заняла место в зале среди публики, и Мадонна «высунулась из-за кулис, отыскивая меня взглядом. Убедившись, что я на месте, она начала концерт. На ней была серая мужская пижама с красными полосками и зашитой ширинкой. Волосы она перекрасила из рыжего в темно-каштановый цвет. С того момента, как я ее увидела, я уже знала, что это звезда первой величины. Ух ты, подумала я, с таким-то лицом многого можно добиться». Барбоун и в самом деле так разволновалась, что после первого номера спустилась в бар. «Она была на сцене всего полторы минуты, да еще с паршивой группой, но в ней было что-то потрясающее. От возбуждения мне не сиделось на месте. Потом она пришла ко мне и сказала, что у нее болит горло. Я сделала ей чай с медом и спросила: „Менеджер тебе нужен?“ Она завопила: „Ура!“ и бросилась меня обнимать».

В день св. Патрика в 1981 году Мадонна сидела на полу в кабинете Барбоун, потягивая зеленое пиво, и слушала, как та разъясняет ей статьи контракта с «Готем Продакшинз». Затем Барбоун порекомендовала адвоката, который бы дал заключение по контракту. «Я знала, что она прославится, — говорит Барбоун, — и по мере сил постаралась предусмотреть любые возможные осложнения в будущем. Мне не хотелось, чтобы возникли какие-нибудь недоразумения, когда дело дойдет до официального заключения договора». Первоначальный контракт

предполагал, что Барбоун будет единственным менеджером Мадонны в течение шести месяцев, затем договор предполагалось продлить на три года. Первым делом Мадонне требовалось подыскать жилье поприличней. Мадонна поездила и нашла комнатушку за 65 долларов в неделю на 30-ой улице напротив «Медисон-Сквер-Гарден». Барбоун выписала ей чек на оплату комнаты и, собрав все пожитки Мадонны — гитару со сломанным грифом и несколько старых, грязных, заношенных тряпок, — запихнула все это в такси. «Когда мы добрались, — говорит Барбоун, — я пришла в ужас от этой убогости. Место было просто неприличное, да и небезопасное. Но она относилась ко всему с легким сердцем, для нее, казалось, все это не имело никакого значения». Не жаловалась Мадонна и на голод, хотя Барбоун вскоре поняла, что она нередко ходит голодной. «Каждое утро, когда я приходила в Дом музыки, они сидела у дверей моего кабинета. И тут начиналось -»Дай мне яблоко", «Принеси йогурта» или «Хочу воздушной кукурузы с сыром». До меня быстро дошло, что ей, скорее всего, больше не на кого рассчитывать в смысле поесть". Подписав контракт, Барбоун дала Мадонне денег, чтобы та смогла продержаться неделю с лишним. Часть денег ушла на ремонт велосипеда — единственного транспортного средства будущей звезды. «После этого она не стеснялась просить еще денег», — вспоминает Барбоун, интерес которой к Мадонне был не только профессиональным.

Барбоун было двадцать девять, то есть она была старше Мадонны всего на семь лет, но изначально ее чувство к пытающейся пробиться певице было сродни материнскому. Как-то Барбоун и Олтер появились в отсутствие Мадонны в комнатке на 30-ой улице и решили переселить свою подопечную в комфортабельную квартиру на Ривесайд-драйв (там жили еще симпатичный мужчина средних лет и его взрослые сыновья близнецы), платить ей 100 долларов в неделю и позволять ей бесплатно пользоваться их студией. Взамен она дала «Готем Продакшинз» согласие на организацию своих выступлений, подбор музыкантов, руководство ее карьерой, а также — на 15 процентов всех прибылей. Здравый смысл не позволял Бароун и Олтеру рассчитывать, что Мадонна принесет им реальный доход в ближайшие месяцы, а то и годы. Чтобы помочь своей подопечной сводить концы с концами, Барбоун нашла для нее место домработницы. Через несколько дней перепуганная Мадонна позвонила Барбоун. Она перерезала палец осколком стекла, когда мыла посуду, и требовала, чтобы Камилла отвезла ее в больницу. «Крови было много, — признает Барбоун, — но в конце-то концов речь шла всего лишь о порезанном пальце. Мадонне хотелось,

чтобы с ней нянчились как с маленькой, и я в первую очередь». Впоследствии Барбоун скажет, что Мадонна была «тогда почти наивной в своей милой несносной манере. И все время она кого-то просила ее чему-нибудь научить». Однажды она пришла в восторг, увидев, как одна из многоопытных подруг Барбоун держит сигарету. «Она подошла к моей подруге и сказала: „Научи меня курить“. Подруга слегка обалдела, но показала Мадонне, как надо прикуривать, как держать сигарету, как затягиваться. Отходя, та уже знала, как надо курить, чтобы произвести впечатление. В этом была вся Мадонна». Пока Мадонна днями возилась с пылесосом, а по ночам сочиняла песни, Барбоун разогнала третьесортных музыкантов из ее группы и стала сколачивать новую команду. Это заняло несколько месяцев ("У меня до сих пор в ушах хныканье Мадонны: «Мне нужна своя группа. И нужна сейчас», — вспоминает Барбоун.) В итоге она подобрала столь авторитетных музыкантов, как Джон Кей (бывший бас-гитарист у Дэвида Боуи), гитарист Джон Гордон, клавишник Дейв Френк и ударник Боб Райли. Со стороны Мадонны последовала лишь одна заявка: взять ударником все того же Стива Брэя. Барбоун отказала: у Мадонны уже есть ударник, Боб Райли. К тому же Барбоун знала, что Брэй и Мадонна были любовниками. Как менеджер, Барбоун решительно выступала против связей внутри группы, так как они обычно вели к дрязгам.

«Я изложила Мадонне правила, — говорит она. — Никаких интрижек с музыкантами из своей группы. Вокруг и без того полно разбитых сердец, нечего множить их число. Она ответила: „Не волнуйся насчет этого“, после чего первым делом затащила к себе в постель Райли». Когда Барбоун прижала ее к стене, Мадонна поначалу отпиралась, а потом потребовала, чтобы выгнали Райли, а на его место взяли Брэя. «Мне пришлось уволить Боба, — вспоминает Барбоун, — и это разбило ему сердце». Потом она собрала всю группу. Мадонна сидела, болтая ногами, и жевала резинку, выдувая огромные пузыри. Барбоун уже тем временем весьма недвусмысленно посоветовала музыкантам «держаться от Мадонны подальше». Материнская забота Барбоун и выражалась во внимании, которое она проявляла к здоровью Мадонны. Когда ей удалили сразу четыре зуба мудрости, именно Барбоун оплатила счет дантиста и отвезла ее к себе домой, в Бейсайд, район Куинз. «Она хотела покончить с этим раз и навсегда, поэтому ей удалили все четыре зуба одним махом, — вспоминает Барбоун. — Лицо ее опухло, всю ночь шла кровь, и всю ночь она проплакала. Она меня разбудила, я ее обняла и как могла успокаивала». Участие Барбоун не

ограничивалось заботой о зубах Мадонны. Она даже сводила Мадонну в пункт планирования семьи и договорилась, чтобы ей выдавали предохранительные таблетки. «Меньше всего мне хотелось, — говорит она, — видеть Мадонну беременной». Мадонна не возражала против того, чтобы Барбоун с ней нянчилась. На двадцать месяцев Барбоун стала главным человеком в ее жизни — вскармливая ее талант, дирижировала ее карьерой и вскармливала ее самолюбие. «Мадонна буквально сидела у меня на коленях, — говорит Барбоун. — Ей необходим физический контакт с другой женщиной, ей нужно, чтобы с ней нянчились. Смерть матери по-прежнему гнетет ее. Она еще не перестала искать мамочку».

С самого начала Барбоун сумела разглядеть возможности Мадонны и успешней, чем кто-либо, убедила ее в том, что она может стать звездой. Барбоун и Эдам Олтер говорили ей, что успех неминуем, если она поменяет хард-рок на что-нибудь более облегченное, коммерческое. Вкусы Мадонны претерпевали колоссальные изменения, но — в противоположном направлении: в сторону тяжелого городского фанка. Чтобы угодить патронам, она делала музыку, соответствующую главному направлению даже в большей степени, чем им хотелось, но потом до утра просиживала в студии с Бреем, где писала и записывала скрипучие мелодии вроде тех, что звучали на улицах.

До конца 1981 года у Барбоун и Мадонны сложились очень близкие отношения. День рождения обеих приходился на одно и то же число — 16 августа, и они вместе отмечали двадцатичетырехлетие Мадонны и тридцатилетие Барбоун. «Росла она в Детройте и океана никогда не видела», — вспоминает Барбоун. На белом «Шевроле Импала» модели 1975 года, принадлежащем ее отцу, она свозила Мадонну на побережье у Фар-Роквей на Лонг-Айленде. Здесь они пошли на пляж, и Мадонна «почти два часа бултыхалась в бассейне с горками». День они завершили ужином с омарами — впервые в жизни Мадонны. «Потом она мне сказала, — с грустью вспоминает Барбоун, — что это был лучший день в ее жизни». Как ни странно, но до Мадонны с трудом дошло, что означает для нее надвигающаяся слава. «Мы шли по берегу, и она была просто зачарована там, что я ей рассказывала, — вспоминает Барбоун. — Я ей объяснила, что это такое — разъезжать на лимузинах, иметь полную свободу творчества и, появляясь на улице, всякий раз собирать вокруг себя толпу. Я ей сказала — пусть готовиться быть все время на ввиду у публики и к перегрузкам, которым подвергается звезда. Поначалу она казалась несколько обалдевшей; она и в самом деле не верила, что все это когда-

нибудь будет».

Часто казалось, что Мадонна ничего не воспринимает всерьез и ее игривость может принимать совершенно неожиданный оборот. Однажды Барбоун, уезжая на несколько дней, попросила Мадонну посмотреть за ее двумя пуделями, Норманом и Моной. По возвращении Барбоун обнаружила, что Норман выкрашен в оранжевый цвет, а Мона в розовый. В добавок Мадонна написала краской на одной собаке FUCK, а на другой SEX. «Мне было тоскливо, — сказала она Барбоун. — Хоть чем-то надо было заняться». Некоторое время Барбоун подпитывала Мадонну «маленькими радостями». Они обе были заядлыми киношницами, «особенно Мадонна. В кино ходили почти ежедневно». Еще им нравилось мотаться по магазинам подержанной одежды, где они искали всякие экстравагантные штучки для уже самобытного гардероба Мадонны. «Она могла нацепить на себя что-нибудь кошмарное — и выглядеть сногсшибательно, — говорит Барбоун. — Могла купить рубашку за полдоллара и сделать в ней разрезы. Обычно она носила вещи, которые были ей велики, заляпанные краской мужские штаны, туфли на высоком каблуке, какой-нибудь лоскут в спутанных волосах». Любимая драгоценность Мадонны: бирюзовые четки, принадлежавшие еще ее бабушке.

Выходные они проводили в художественных музеях, бродили по Центральному парку или ходили в кино. Пока за нее оплачивали счета другие, Мадонна казалась довольной всем, что ей предлагала Барбоун, но за одним немаловажным исключением. Камилла Барбоун, мысли которой были заняты не только музыкальной карьерой Мадонны, предвидела, что ее юная протеже пожелает податься в актрисы. По этой причине Барбоун записала ее в студию знаменитой актрисы и педагога Миры Ростовой. Мадонна сбежала оттуда через день, потому что сочла учебу «слишком тяжелой», а педагога «стервой» По свидетельству Барбоун, Ростова была рада от нее избавиться. «Эта девица никогда не станет актрисой, — сказала Ростова Камилле. — Она слишком вульгарна и думает, что уже все знает. Кроме того, она мне не нравится». «Актерское мастерство всегда было у нас камнем преткновения, — говорит Барбоун. — Я хотела, чтобы она развивалась. Но ей совсем не светило потеть, чтобы стать настоящей актрисой». Мадонне больше нравилось валяться на полу в своей комнате и фотографировать себя «Поляроидом». «Кого она в последствии сыграла в „Безнадежных поисках Сюзен“, так это Мадонну, — говорит Бароун. — То, что она делает в фильме, она сотни раз делала на моих глазах».

В середине 1981 года Мадонне пришло время выступить в

новом своем амплуа. Первое ее появление состоялось в клубе рокеров под названием «Ю.С.Блюз» на Лонг-Айленде. За несколько дней до концерта Барбоун шла через Таймс-Сквер, когда заметила толпу, собравшуюся вокруг молодых танцоров-брейкеров. Она положила в их сигарную коробку банкноту в двадцать долларов и свою визитную карточку. В тот вечер Мадонна совершила свой первый выход под эгидой Барбоун: она появилась на сцене в мужском смокинге и в золотистом свитере с бисером и огромной красной буквой "М" на груди" точь в точь девица-тамбурмажор". Под аккомпанемент классных музыкантов и в сопровождении трех брейкеров она вертелась, прохаживалась и прыгала, исполняя свою песню «Разговор на тротуаре» ('Sidewalk Talk') (эта вещь позже появилась в дебютном альбоме ее будущего друга «Мармелада» Бенитеса).

«Она потела так, что зрители в первом ряду промокли», — заметила Барбоун об этом первом незабываемом выходе. В одном эпизоде Мадонна подошла к самому краю сцены и выудила из зала маленького мальчика, чтобы спеть лично ему. «После этого я велела ей приласкать мальчишку, когда она будет ему петь», — вспоминает Барбоун. Начиная с этого случая в «сценарии» выступления Мадонны всегда предусматривался мальчонка в первом ряду — не старше тринадцати — четырнадцати лет, — с тем, чтобы она могла его ласково поглаживать во время пения. «Ей действительно нравился этот трюк с мальчиком, — говорит Барбоун, — но вне сцены она совсем не любила детей. Ее интересы были направлены в сторону взрослых». Наркотики в эти интересы не входили. В то время, как почти все вокруг пристрастились к тому или иному зелью, Мадонна от этого в основном воздерживалась. По свидетельствам Барбоун и других, она от случая к случаю баловалась марихуаной. "Однажды она нюхнула кокаина, скривилась и сказала: «Уберите от меня это мерзкое дерьмо!»

Решительное «нет» Мадонны наркотикам в меньшей степени объяснялось заботой о сохранении здоровья или страхом перед законом, чем стремлением в любую минуту быть хозяйкой самой себе. Один из ее тогдашних знакомых сказал: «Она могла смотреть на это людское море и знать, что она здесь практически единственная, кто полностью не принадлежит толпе. Уверен, она чувствовала себя богиней». За десять лет работы в музыкальном бизнесе Барбоун навидалась всяческих отклонений и извращений человеческой природы, по крайней мере считала, что ее мало чем удивишь. Но она утверждала, что сексуальными играми Мадонны была ошарашена. Когда к Мадонне приезжала ее близкая подруга из Мичиганского университета. Барбоун порой чувствовала себя

мамашей двух расшалившихся подростков. Она вспоминает:" Они вели себя как маленькие девочки — менялись одеждой и играли друг с другом. У них была привычка садиться на заднее сиденье моей машины и просто целоваться". Проявив интерес к мужчине, Мадонна и ее подруга подвергали того своеобразному испытанию: начинали целоваться у него на глазах и смотрели, как он на это отреагирует. «Если его это не смущало, — рассказывает Барбоун, — они решали, что с ним все в порядке. В этом случае он доставался той, которая его хотела». Была ли она бисексуальна? «Мадонна любит красивых женщин, — утверждает Барбоун, — и испытывает сексуальное влечение к любому красивому человеку, будь то мужчина или женщина». Мадонна не пыталась скрыть свою сексуальную двойственность. Барбоун вспоминает, что Мадонна, которая «обильно потеет на сцене», по окончании каждого концерта вбегала в свою гримерную, сдирая на ходу промокшую одежду, и требовала, чтобы Барбоун «вытирала ее. Конечно, она меня дразнила».

Еще меньше Мадонна пыталась скрыть свою бисексуальность, когда ходила на концерты одной из своих кумиров -Тины Тернер. По утверждению Барбоун, Мадонна упорно держалась ближе к самой сцене — «чтобы разглядывать снизу ноги Тины». Когда речь заходила о противоположном поле, Мадонна большей частью использовала все тот же обезоруживающе прямой подход, который еще в юности весьма успешно применяла по отношению к мальчикам из Сент-Эндрюс. «Она любит секс, — замечает Барбоун, — и будет преследовать любого мужчину, кого захочет. В Мадонне сильно мужское начало. Она соблазняет мужчин подобно тому, как мужчины соблазняют женщин». По свидетельству Барбоун, даже тогда, когда Мадонна боролась за признание, выступая в самых паршивых клубах нижнего Манхеттена, «она всегда поражала мужчин. Она очаровательна и соблазнительна. Она часто гладит мужчин по плечам, шее и лицу, если те ей нравятся». В результате, заключает Барбоун, «она обладает поразительной способностью манипулировать мужчинами, основанной на ее чувственности и потенциальной склонности к соискателям. Молодые люди из ее окружения просто ждали своей очереди улечься с нею в постель. Но она была большой кокеткой — держала их на расстоянии, не позволяя однако, угаснуть их интересу и любопытству. Она никогда не была вынуждена с кем-то там переспать».

Обычной стратегией Мадонны было — выводить мужчин из равновесия. «Она умела приручать мужчин, подходя к ним вплотную, — рассказывал Барбоун. — Выбирает кого-то одного и говорит нечто вроде „Не хочешь остаться после репетиции

немного поиграть?“ И вот, они играют, а потом она говорит: „Почему ты не пригласишь меня куда-нибудь выпить?“ Потом она смотрит парню прямо в глаза и говорит: „У тебя роскошные губы, почему ты меня не поцелуешь?“ Как-то Барбоун привела на концерт Мадонны своего шестнадцатилетнего двоюродного брата, красивого брюнета, и та весь вечер пытался его соблазнить. „Встань так, чтобы я тебя видела“, — сказала она ему. Уже во время концерта она схватила его за шиворот и пела только ему. Потом Барбоун застала их обнимающимися в гримерной Мадонны и растащила в стороны. „Ты что, на видишь — он совсем еще мальчик?“ — воскликнула Барбоун. „Верно, — ответила Мадонна, пожав плечами, — но чертовски миленький“. Барбоун не сомневалась в том, что если бы она не отвезла его домой, к родителям, то эту ночь он провел бы в постели с Мадонной. Но даже при этом она утверждает: „Ни один мужчина, находившийся рядом с ней, на мог в нее не влюбиться“. Но никто лучше самой Мадонны не мог оценить ее совершенство. Однажды во время фотосъемок с ее шеи соскользнули любимые бабушкины бирюзовые четки с распятием и упали прямо в джинсы, которые она застегивала. „Смотрите“ — радостно завопила она. — Даже Бог лезет ко мне в штаны!»

"Она — чрезвычайно сексуальное существо, — вздыхает Барбоун. — Она умеет общаться только таким образом, других способов просто не знает. Это для нее все. В то же время секс для Мадонны ничего не значит. Он лишь средство, а не цель. Она относится к сексу также, как некоторые мужчины из самых неразборчивых. Побить Мадонну ее собственным оружием удалось музыканту — виртуозу Кену Комптону. Светловолосый голубоглазый, худощавый Комптон не относился к типу мужчин, которые нравились Мадонне. «Мадонна обычно гоняется за латинозами или светлыми неграми, — говорит Барбоун. — Кенни отличался весьма арийской внешностью и отменным хладнокровием. Он проделал с Мадонной то же самое, что она делала с другими: не отвечал на звонки, опаздывал, крутил шашни с другими девицами. Она ему названивала, кричала, рыдала в трубку. Кен заставил ее сходить по нему с ума».

Если не считать Кена Комптона, Мадонна так гордилась своей властью над мужчинами, что это порой приводило к трениям с Барбоун. Как-то раз вечером Мадонну, ее мичиганскую подругу и Барбоун не пустили в модный нью-йоркский клуб «Андерграунд». Напрасно Барбоун спорила и пыталась доказать, что их имена есть в списке, — швейцар стоял на своем. Тогда Мадонна заорала во всю глотку:"Эй, парень, ты, что меня не помнишь? Мы ведь недавно провели ночку вдвоем!" всю троицу

тут же впустили. Барбоун развязность Мадонны по меньшей мере смущала. В тот вечер, когда они возвращались домой, Мадонна и ее подруга обнимались на заднем сиденье. «Всю дорогу я обзывала ее шлюхой. Мадонна очень гордилась своими амурными похождениями и хотела, чтобы об этом знали все. Я же, напротив, хотела, чтобы в глазах публики она выглядела вполне благопристойно. Чистая глупость с мое стороны». Их стычки по этому и другим поводам набирали обороты. «Мы постоянно орали друг на друга, — говорит Барбоун. — Мы так скандалили, что музыканты вставали и уходили. Она была стервой, но я могла быть еще поизрядней. Я была единственной, кого ей не удавалось переспорить».

Несмотря на все их разногласия, Барбоун следила за тем, чтобы Мадонна всегда знала себе цену. Даже в замызганных клубах с посыпанными опилками полами Мадонна, получая 10 долларов за вечер, держалась так, будто выступала в забитом до отказа Мэдисон-Сквер-Гарден. "Уже тогда она вела себя как истинная звезда, хотя была еще пустым местом, — вспоминает обозреватель журнала «Виллидж войс» Майкл Масто, который тогда состоял в другой группе. — Микрофон она проверяла со всех сторон. Нас она к нему близко не подпускала. А когда мы заканчивали первое отделение, она не пускала нас в раздевалку. Ее менеджер говорила: «Вам придется уйти. Мадонна одевается». И это при том, что раздевалка была единственная на всех мы все же настаивали на своем и оставались. Я подумал: «Из этой девицы толку не выйдет. Она изрядная стерва. Она перессориться с кем только можно и быстро останется у разбитого корыта». Получилось как раз наоборот. Именно потому, что Мадонна не желала щадить чувства миллионов людей, Мадонна стала в итоге самой знаменитой женщиной в мире. Но сперва ей надо было добиться хорошего контакта на запись. Мадонна с Брэем и еще двумя музыкантами в студии «Готем» записала демонстрационную кассету с тремя песнями: «Вставай» ('Get Up'), «Парень из общества» ('Society's Boy'), «Любовь на ходу» ('Love On The Run') и балладой, которую Мадонна посвятила Барбоун «Ты мне нужна» ('I want You').

Барбоун распространила запись, и к осени 1982 года представители, продюсеры, агенты компаний и составители радио — и телепрограмм всех мастей уже соперничали, стремясь заполучить Мадонну. Прослушав демонстрационную кассету, в «Готем» из не менее чем девяти компаний грамзаписи, чтобы сообщить о готовности заключить договор с заводной певицей, обладательницей провокационного имени. Камиле Барбоун и Эдаму Олтеру очень хотелось подписать контракт и пополнить

капиталы компании, которой поддержка восходящей звезды нанесла изрядный урон. «Бывали дни, — говорил Олтер, — когда я приходил в банк, а счет оказывался пустым. Пустым. Все уходило на проталкивание Мадонны». Барбоун добавляет: «Мы держали Мадонну на плаву, сколько могли. Но теперь нам требовался приток средств».

Но пока вокруг Мадонны шла возня, Барбоун заметила, что сей предмет всеобщих домогательств повел себя несколько странно. Мадонна тихим голосом говорила о том, каким ударом для нее была трагическая смерить матери, и о яростном соперничестве в семье. Однажды вечером она высказала убеждение, что Элвис Пресли умер в день ее рождения « не случайно. Его душа перешла в меня и дала мне силы выступать». Не касаясь вопроса о переселении душ (Мадонне исполнилось девятнадцать лет 16 августа 1977 года, когда умер Пресли), Барбоун была совершенно убеждена, что Мадонна говорила вполне серьезно. Так оно и было. С ходом лет Мадонна начала верить, что она обладает еще и даром предвидения. «Мадонна была очень чувствительной, с очень тонким душевным настроем, — утверждает Кристофер Флинн. — Иногда случались вещи, которые люди могли бы списать на счет совпадений, но мы-то знали, что к чему». Мадонну не оставляло предчувствие, что ее могут убить прямо на сцене, как звезду «кантри» которую застрелили на глазах у публики в известном фильме «Нэшвилл». В сознании Мадонны эта сцена превратилась в живую пугающую действительность. «Ей неизменно казалось, что среди публики есть некто, кто собирается вскочить на сцену и застрелить ее», — утверждает Барбоун. В результате Мадонна еще не успела стать звездой, а Барбоун уже наняла ей в телохранители Романа Фандадора по прозвищу Фанди. «Уже в то время она доводила публику до неистовства, — рассказывает Барбоун. — После выступлений Фанди буквально сгребал ее в охапку и, подняв над головами зрителей, уносил в безопасное место. Она жутко боялась». После каждого представления Мадонна «страшилась оставаться в одиночестве, — говорит Барбоун. — поэтому я часами катала ее на машине, пока к ней не возвращалось ощущение безопасности. Она терпеть не могла оставаться одной».

Мадонна редко оставалась одна. В компании новых друзей и поклонников она лихо отплясывала не в клубах тяжелого рока, выбранных для нее Барбоун, а в молодежных дискотеках «Рокси», «Парадайз Гараж», «Континентал», «Пирамид Клаб» и «Данстерии». Мадонна, которая по-прежнему не стеснялась попросить об одолжении почти незнакомых людей, не слишком сопротивлялась льстивым речам продюсеров и боссов индустрии

звукозаписи, которые хотели обойти «Готем» на повороте. «Больше двух лет я была ей вместо мамочки, и она была благодарна за те простые вещи, которые я для нее делала, — вспоминает Барбоун. — Потом Мадонна поняла, что может иметь все, что захочет. Я наблюдала за ее превращением из действительно милой девушки в существо, которое по-настоящему уверовало в свой рекламный имидж. Мои усилия придать ей самоуверенности обратились против меня. Я понимала, что теряю ее. Те самые люди, с кем я же ее познакомила, теперь приглашали ее на концерты у меня за спиной и водили на вечеринки». Напряжение в их отношениях возросло, когда Барбоун попыталась как-то защитить свои значительные вложения в Мадонну. Во время одной ожесточенной перепалки Барбоун пришла в ярость. «Я на нее наорала и заявила, что она игрушка в чужих раках, что она эгоистка, которая плюет на всех». Мадонна расплакалась, но малоубедительно. «В эту минуту я поняла, что утратила над ней контроль. Я обнаружила, что создала чудовище, которое на меня же и набросится». Разъяренная тем, что она считала предательством Мадонны, Барбоун пробила кулаком дверную филенку, сломав руку в запястье. Мадонна даже не пыталась помочь. «Она даже не открыла мне дверь, даже не шелохнулась, — вспоминает Барбоун. — Я испытывала страшную боль, но в Мадонне не было ни капли сочувствия. Сострадание ей не знакомо. В ее глазах это признак слабости».

В эту минуту отчаяния духовно сломанная Барбоун призналась Мадонне, что больше не сможет содержать певицу. «Я больше не смогу делать все, что ты хочешь, — сказала она. — Не смогу выполнять твои прихоти». Мадонна согласилась. «Я стерва». Потом пожала плечами: «Мне всегда хочется большего». «Мадонна похожа на губку, — замечает Барбоун. — Она высасывает все, что можно, и высосав досуха, переходит к следующей жертве». В середине 1982 года, когда у «Готем» истощились запасы наличности и не было постоянного контракта на запись, музыканты из группы Мадонны ушли туда, где им платили. Для Мадонны, казалось, самое время переоценить свое положение. Они с Брэем вынуждены были признаться, что не просто не довольны песнями в стиле рок-поп, которые их заставляет писать Барбоун, но ненавидят их. Во время очередной перепалки Мадонна бросила Барбоун в лицо: «Я не могу больше этим заниматься! Я собираюсь все начать заново».

Этот удар оказался сокрушительным для Барбоун. «Я все поставила на Мадонну, — сказала она, — а та меня чуть не уничтожила. Но, — добавляет она уже годы спустя, — у меня нет

к ней ненависти.Мне ее не хватает». По здравом размышлении Барбоун пришла к выводу, что Мадонна рассматривает себя «как продукт непорочного зачатия. Правила обязательные для всех на нее не распространяются. Она была ненамеренно зловредной — просто неспособной смотреть на жизнь глазами других людей. Она хотела именно то, что хотела, а если ей этого не давали, она поворачивалась к вам спиной». Компания «Готем» не собиралась просто так отпускать Мадонну. Барбоун и Олтер объявили о намерении подать на нее в суд на основании того, что их контракт не был расторгнут в установленном порядке. Что касается демонстрационной кассеты с четырьмя композициями, которая стала известна в музыкальном мире как «Готемская запись», то Барбоун и Олтер ввязались в многолетний судебный процесс за право на потенциально ценную запись, процесс, не завершившийся и в 1990-е годы. Кассета, которой совместно владеют «Готем», Мадонна и студия «Мидиа Саунд», где она была записана, может быть тиражирована лишь с согласия всех трех сторон. «Мадонна никоим образом не позволит мне сделать миллионы на этой кассете, — говорит Барбоун. — Она все еще меня наказывает».

Одна лишь Мадонна не захотела увязнуть в трясине судебного крючкотворства. Она вернулась со Стивом Брэем в Дом музыки, где их единственной мебелью стали ящики из-под яиц. Снова представленные самим себе, Мадонна и Брэей опять сели на вынужденную диету, состоявшую из кукурузных палочек с сыром, к которым иногда добавлялся консервированный тунец. Успев отшить Перл Лэнг, Патрика Эрнандеса, Дэна Гилроя, а теперь и Камилу Барбоун из «Готем», Мадонна уже без колебаний сбрасывала за борт друзей и любовников, как только в них отпадала нужда. Еще оставался Брэй, но однажды уже Мадонна покинула его не моргнув глазом, когда перебралась из Мичигана в Нью-Йорк, и сейчас он не питал никаких иллюзий по поводу будущего. С верным Брэем, всегда готовым ее поддержать, Мадонна с головой окунулась в бурлящий, угарный мир ночной жизни Нью-Йорка. Она искала стиль, который вознесет ее к звездам, — и достаточно влиятельного и могущественного в музыкальных сферах человека, который дал бы ей старт.

Глава 9

«Порой я испытываю чувство вины из-за того, что как бы прохожу сквозь людей. Это присуще многим честолюбцам. Забираешь, что можешь, а потом двигаешь дальше».

Эрика Белл впервые попала в «Континентал клаб», и все, что она о нем слышала, оказалось правдой. «Мне говорили, что не успеешь войти, как тут же сунут в руки пакетик с кокаином, — говорит Белл, аспирантка отделения социологии Нью-йоркского университета, которая незадолго до этого открыла свой ночной клуб „Лаки Страйк“ в самом центре города на углу 9-ой улицы и 3-ей авеню. — Оказалось еще хуже:мне уже у дверей предложили кокаин, только я не употребляю». Все подробности того вечера в 1982 году отчетливо врезались в память Эрики Белл. Когда эффектная черная танцовщица, она же фотомодель, она же аспирантка-соцоилог, она же владелица ночного клуба, раздвинула пышную занавеску при входе в зал, она была поражена ультрасовременным убранством в светло-голубой гамме. «Все прямо как из „Джетсонс“, — говорит Белл. — Огромный бассейн с рыбками, какой-то бесконечный бар и белые четырехфутовые коринфские колонны для пущего эффекта. От всего этого, казалось, исходило сияние. Очень по-голливудски». У противоположного конца длинного бара на одной из коринфских колонн сидела, скрестив ноги, «эта женщина, вся в белом — в белом смокинге, в белых брюках и здорово мятой белой рубашке. Ее темные волосы торчали во все стороны; вокруг нее, естественно, вились мужчины». Это была Мадонна. «Как я на нее сразу посмотрела, — вспоминает Белл, — так просто оторваться не могла. У нее были невероятно красивые глаза. Великолепные. Она уставилась на меня, а я на нее. Эти мгновения казались мне вечностью. Из тех самых загадочных случаев, которые выпадают из жизни, когда встречаешь человека и влюбляешься в него с первого взгляда. Как ни банально, но это напоминает стоп-кадр в фильме. Потом мы часто об этом говорили».

Мужчины, болтавшие с Мадонной, разошлись, некоторые — разжились номером ее телефона, остался только один — Питер Шульц, — сосед Белл по квартире. Белл подошла к ним и велела ему уматывать. «Двигай, — сказала я. — С тобой она не пойдет. Я хочу с ней поговорить». Потом Белл обратилась к красотке в белом и пояснила: «Я с ним живу». Шульц поспешил добавить, что

они просто соседи и между ними ничего нет. «Питер волновался, как бы Мадонна не подумала, что мы любовники, но ей это было без разницы. Захоти она с ним пойти, так пошла бы». (Шульц тоже ушел с телефоном Мадонны и дважды назначал ей свидания.) С Мадонной у Эрики Белл было много общего. Белл, которую ее новая подруга тут же окрестила «Рикой», тоже росла в процветающем пригороде. Только в ее случае это был Грэйт-Нек на Лонг-Айленде. Как и Тони Чикконе, отец Эрики имел хорошее образование, он был ученым и долгое время работал в Комисси по контролю за ядерной энергетикой. Требования к Белл тоже были повышенными, и она тоже отлично училась в школе. Она тоже занималась танцем, а теперь пыталась завоевать себе место в головокружительной, залитой неоновыми огнями жизни Манхеттена. Обе юные дамы прекрасно знали, что хотели, были привлекательны и уверены в себе, хотя в последнем одна из них сильно уступала другой.

До этого часа их биографии отличались лишь тем, что Эрике не приходилось голодать. Белл поражалась изобретательности Мадонны в добывании еды. «Даже потом, когда мы уже кое-чего достигли и стали разъезжать по городу на лимузинах, — говорит Белл, — она показывала мне какой-нибудь переулок и говорила: „Здесь я рылась в мусорных баках и искала чего-нибудь поесть. Удивительно сколько добра люди выбрасывают“. К Мадонне подходили владельцы закусочных и ресторанов, и она их сразу же узнавала. „Рика, я люблю этого парня. Он когда-то меня подкармливал, оставлял мне еду“. То были для нее тяжелые времена. Я хочу сказать, иной раз ей приходилось выбирать: съесть яблоко или поехать на метро. От этих ее рассказов мне хотелось реветь». Но Мадонна была не из слезливых. «Она не склонна поддаваться эмоциям, — говорит Белл, ставшая вскоре ближайшей подругой Мадонны. — В Мадонне есть внутренняя сила. По сравнению со всеми, кого я когда либо знала, у нее феноменальная воля. Насколько мы были близки? Что ж, могу сказать, что спали мы в одной постели», — говорит Белл. Еще она вспоминает об одной любопытной привычке Мадонны — полоскать горло соленой водой в шесть утра — «для голоса, наверное». Проникнувшись сочувствием к стесненным обстоятельствам своей новой подруги, Белл дала ей место в баре «Лаки Страйк». Мадонна проработала там всего два вечера — все свои силы она стремилась отдавать карьере, о которой могла говорить беспрерывно", — но этот краткий эпизод стал очередной вехой ее биографии. Барменом в «Лаки Страйк» служил высокий светловолосый флоридец с лицом херувима и обезоруживающей улыбкой, и Белл их познакомила. Как и первый наставник

Мадонны, Кристофер Флинн, Мартин Бергойн был гомосексуалистом. Они с Мадонной быстро нашли общий язык, и вскоре он сподобился стать ближайшим из ее друзей обоего пола. «Мартина все любили, — вспоминает Белл. — Он был забавным и милым, красивым и приятным. Но они с Мадонной общались на своем особом уровне. Конечно, будь он гетеросексуален, их отношения не стали бы столь тесными». По словам Белл, по вечерам они с Мадонной чаще всего куда-нибудь выходили. Нередко это был один из самых модных городских клубов «Данстерия». «Мы ходили туда на свидания, — вспоминает Белл. — Мы занимались террором — так мы это называли, потому что именно это и делали — терроризировали людей. Она, бывало, говорит: „Рика, я здесь — самая красивая из белых девушек, а ты — лучшая из черных. Так что — вперед!“ Тут мы разгоняли всех с танцевальной площадки и занимали ее. Мы высматривали самых смазливых парней, подходили прямо к ним и, не говоря не слова, целовали прямо в губы. Потом мы брали у них номера телефонов, отходили и, пока парень хлопал глазами, сминали бумажку с номером и выбрасывали ее». Еще им нравилось дожидаться возле лифта какого-нибудь мужчину, войти с ним в кабину и там неожиданно его атаковать. «Помню, у Мадонны был такой случай, — рассказывает Белл. — Она просто покаталась с одним парнем на лифте вверх-вниз, а когда он вышел, у него глаза смотрели в разные стороны. Он говорил об этом несколько месяцев». По поцелуям Мадонна дотягивала, пожалуй, до олимпийского уровня. «В постели она, скорее всего, хороша, — замечает Камила Барбоун, — потому что совершенно раскована и сильна физически. Но заводится она от поцелуев». Перечисляя откровенные бисексуальные заигрывания Мадонны, Эрика Белл подчеркивает: «Я заинтересовалась Мадонной еще до того, как она меня поцеловала. Но могу сказать одну вещь: стоит ей разок тебя поцеловать, и этот поцелуй останется с тобой как печать». Когда Мадонна и Белл не ошивались по клубам, они делились друг с другом своими надеждами и страхами. Несмотря на свою кажущуюся бесшабашность, Мадонна заметно боялась смерти или, точнее, забвения. «Она не раз говорила мне, что хочет стать знаменитой, — рассказывает Белл, — что она обязана прославиться. Мадонна говорила: „Мне нужно не просто внимание, а все внимание. Я хочу, чтобы все в мире знали, кто я такая, и любили меня“. Это было года два до того, как она записала свой первый хит. Мне кажется, что она больше всего боялась, что может вдруг умереть и ее забудут». Однажды вечером, когда они сидели на полу в комнате Мадонны («Ничего другого не оставалось, потому что не было стульев», — говорит

Белл.), она, к удивлению Белл, достала из какого-то конверта фотографии, на которых была снята в обнаженном виде в те голодные дни, когда подрабатывала в качестве фотомодели. «Рика, ты не поверишь, — сказала она своей худощавой подруге, указав на снимки, — но тогда я была такой же плоской, как ты!» "Мы покатились со смеху, эти голые снимки показались нам жутко забавными, — вспоминает Белл. — «Ах, я просто не дождусь, когда прославлюсь и они увидят свет, — сказала Мадонна. — Кто-нибудь захочет продать их в „Плейбой“. — Она посмотрела и скривилась. — Но там их не захотят печатать. Смотри, какая я здесь плоская». (Через несколько лет, когда фотографии были опубликованы в «Плейбое» и «Пентхаусе», произведя фурор в масштабах страны, Мадонна позвонит Белл. «Рика, не могу поверить, — скажет она, давясь от смеха. — Ведь я же такая плоская».)

В другой раз Мадонна, очень хотевшая соответствовать образу «крутой девчонки», решила, что ей надо овладеть одним из видов уличного искусства. «Она попросила меня, — говорит Белл, — научить ее сплевывать. Мы остановились на тротуаре и принялись остервенело плеваться, пока она не сочла, что теперь умеет делать это в лучшем нью-йоркском стиле. Прохожие были в ужасе, но нам было дико смешно». Успехи в музыке доставлял и Мадонне меньше радости. Не имея возможности единолично распоряжаться четырьмя композициями «Готемской записи», Мадонна с помощью Брэя сделала еще одну демонстрационную запись. На этот раз вошли четыре их «уличных» танцевальных мелодии: «Каждый»('Everybody'), «Невыгодная сделка»('Ain't No Big Deal'), «Останься»('Stay'), и «Горение». Мадонна в одиночку развернула компанию, чтобы пленку прослушали нужные люди. Для этого она избрала «Данстерию» на Манхеттене, которая продолжала традиции заведений, где пересекались пути прессы, таких как «Студия 54», «Мадд-Клаб» и «Ксенон». Открытая в 1981 году одним из импресарио ночной жизни Рудольфом, «Данстерия» быстро прославилась как суперсовременное заведение, о котором больше всего говорили и писали. Неизбежной частью его клиентуры был разный сброд из Европы, высокооплачиваемые молодые бизнесмены и служащие с Уолт-стрита, озабоченные тем, как бы попакостней промотать лишнюю наличность, и всякие знаменитости с обоих побережий, имена которых частенько мелькали и рубрике «В мире звезд» в журнале «Пипл». Но значительную часть публики «Данстерии» составляли те, кто и в правду задавал тон в музыке, изобразительном искусстве и моде. Среди завсегдатаев клуба были художники Энди Уорхол, Кийт Херинг, Жан-Мишель Бакья; дизайнеры Уилли

Смит и Бетси Джонсон; группы «Блонди», «Кид Креол», «Такседо Мун» и даже эксцентричные первопроходцы нового музыкального направления — рэпа (например, «Бисти Бойз» и «Ран-Д. М.С.»)

Мадонна выделялась даже на этом блистательном фоне, когда субботними вечерами появлялась здесь на танцплощадке со своими лучшими друзьями Мартином Бергойном (тот здесь работал Барменом", Эрикой Белл и приятелем Эрики Бейгеном Райлсом по прозвищу «Багз». Это произошло как-то вдруг, — вспоминает Белл. — Все спрашивали: «Кто эта девушка?» Мадонна заставила о себе говорить". Она и в самом дуле заставила — с помощью француженки по происхождению Мариполь, располагавшей большими связями. Мариполь была лет на десять старше Мадонны и, подобно Камиле Барбоун незадолго до этого, стала для будущей звезды матерью-на-час. Когда Мадонна подрабатывала гардеробщицей в дискотеке, она сошлась с помощником официанта Джо Джонсом, который был родом из Англии. «Как-то вечером Джо Джонс и Мадонна решили покрасить волосы в одинаковый цвет, — вспоминает Белл. — На другой день они так и явились на работу — светлый блондин и блондинка. Он выглядел ужасно, она — великолепно. Тогда мы впервые увидели Мадонну блондинкой». Своими связями с общественностью Мадонна наилучшим образом занималась сама. Наиболее значительным знакомством Мадонны в «Данстерии» был, без сомнения, Марк Кейминс. Родившийся на Манхеттене в семье страстных любителей джаза, он вырос под звуки музыки Джона Колтрейна и Майлза Дэвиса. Получив по окончании итанского колледжа степень бакалавра киноискусства, он отправился совершенствоваться в Париж и Афины. Вернувшись в 1978 году в Нью-Йорк, он извлек выгоду из своей неувядающей любви к музыке, поработав диск-жокеем в модном клубе «Трэкс». Когда Рудольф открыл «Данстерию», Кейминс стал там единственным диск-жокеем, и вскоре его зажигательный стиль завоевал ему славу короля диск-жокеев Новой волны. Но больше всего на свете Кейминсу хотелось заняться звукозаписью. «На всех вечерах я был тем, кто ставит записи, — говорит он. — Но попав как-то в студию, я принял решение стать продюсером». Написав песню «Фотография», он заключил договор на производство альбома для вокалистки из «Кэпитол Рекордз» Деклорес Холл. За этим последовала работа над альбомом Дэвида Бирна из группы «Токинг Хедз». Именно в один из тех решающих дней Мадонна бочком протиснулась в операторскую кабину Кейминса в «Данстерии». Она не скрывала свои намерений. «Я видел, как она танцует, — говорит Кейминс, — очень эффектное зрелище, но видел я ее только из далека. Когда она подошла и представилась,

на меня произвела сильное впечатление ее врожденная сексуальность. Она красива, но красота для нее — чувство стиля, индивидуальность. Она излучает магнетизм». Белл и изумлением наблюдала, как ее подруга проводит в жизни план завоевания Кейминса. Ее тактика оставалась неизменной. «Она соблазняет людей, — говорит Белл, — твердит им, какие они восхитительные, льстит им, кокетничает, а потом высасывает из них все, что ей нужно». Скоро Кейминс и Мадонна стали любовниками, причем одной из самых заметных пар в клубе. «Она всегда обладала сексуальной агрессивностью, и это было не просто стремлением поддерживать образ, — говорит Кейминс. — Своей сексуальностью она пользовалась в выступлениях, но вне сцены вела себя так же». Из своих намерений она секрета не делала. «Она всегда отличалась прямолинейностью и четко давала понять, что хочет стать звездой. Но была в ней и какая-то невинность. Невинность, — грустно добавляет он, — которая быстро улетучилась». Через несколько дней совместной жизни Мадонна не постеснялась подсунуть Кейминсу свою демонстрационную запись. Он не просто прослушал ее — он прокрутил ее в «Данстерии». Толпа пришла в восторг от кустарной записи, и Кейминс убедился, что у Мадонны все задатки звезды.

Кейминсу уже доводилось подыскивать исполнителей для репертуально — исполнительского отдела фирмы «Айленд Рекордз», которой он незадолго до того устроил контракт с английской группой «Ю-Ту», чьи пластинки в середине 1980-х годов расходились самыми большими тиражами из всех выпускавшихся этой фирмой. Кассету Мадонны он отнес Крису Блэкуэллу, исполнительному директору «Айленд», который сразу же ее завернул. Блэкуэлл уже не первый раз отфутболивал предложения Кейминса. Двумя годами раньше он отказался подписать договор с необычной группой «Калчер Клаб», ведущий вокалист которой Бой Джордж, судя по всему, произвел на него не слишком сильное впечатление. Тогда Кейминс предпринял следующий шаг, доставил кассету в «Уорнер Бразерс», где только что закончил работу над новым альбомом Дэвида Брина. Он подружился с подающим надежды художником и ответственным за репертуар в «Уорнер Сир» Майклом Розенблаттом. Пока большинство фирм грамзаписи, отпихивая друг от друга, гонялись за каким-нибудь очередным рыкающим панк-рокером, затянутым в кожу, Розенблатт культивировал такие танцевальные команды, как «Б-52» или английский дуэт «Уэм». "Кейминс позвонил Розенблату и пригласил зайти в «Данстерию» познакомиться с молодой певицей, от которой, как пообещал

Кейминс, Майкл «обалдеет». Через несколько дней Розенблатт на правах хозяина повел приехавших из Англии «Уэм» в «Данстерию»; ведущий вокалист группы Джордж Майкл заметил симпатичную молодую женщину (светлые волосы которой уже начали темнеть у корней) в стильной кепочке и бросающихся в глаза непарных чулках. Независимой походкой она направлялась к будке диск-жокея. Она непрерывно жевала резинку, с мочки левого уха у нее свисало распятие. Еще до того, как Кейминс их познакомил, Розенблатт понял, что эта женщина «невообразимого вида» и есть Мадонна. Он назвался, представил обалдевшего Джорджа Майкла, а затем пригласил ее зайти к нему в контору с демонстрационной кассетой.

Через несколько дней Кейминс отвел Мадонну в офис Розенблатта в конторе «Уорнер», располагавшейся в Рокфейлеровском Центре. Он поставил на стол магнитофон «Сони» и включил его. Первой песней была «Каждый». Они сидели, ожидая решения, а Розенблатт тем временем прослушал еще четыре песни, перемотал пленку и прослушал еще раз. «Пленка была хорошая, — вспоминает он, однако ничего выдающегося. Но здесь же, у меня в кабинете, сидела девушка, от которой определенно исходили „то самое“. Как там его не называй, в ней „этого самого“ было больше, чем в других женщинах, которых я знал. Я понял, что здесь сидит звезда». Прослушав пленку, Розенблатт помолчал и обратился к Мадонне.

— Итак, чем хотите заниматься?

— Хочу записываться, — заявила она.

— О'кей, — ответил он, протягивая руку. — Давайте попробуем!

Розенблатт, Кейминс и Мадонна набросали пункты контракта на стандартном желтом бланке. По условиям договора Мадонна получала аванс в 5000 долларов, а за каждую написанную песню — гонорар и плату за публикацию в размере 1000 долларов. Теперь единственным препятствием Мадонны на пути к карьере оставался президент «Уорнер Сир» Сеймур Стейн, который утверждал все контракты фирмы. Не прошло и часа после ухода Мадонны и Кейминса, как Розенблатт доставил пленку неунывающему Стейну, оправлявшемуся в больнице «Ленокс-Хилл» после операции на сердце. Стейн так разволновался, прослушав запись, что потребовал доставить Мадонну прямо к нему. На следующий день Мадонна, Кейминс и Розенблатт пришли в палату к могущественному президенту «Сир Рекордз», который, как вспоминает Мадонна, приветствовал их «в трусах и с иглой от капельницы в вене руки!»

Впервые после недолгой работы с Патриком Эрнандесом в

Париже Мадонна позволила себе не рыться в мусорных баках в поисках пропитания. Половину аванса она сразу же потратила на синтезатор «Роланд». В потенциальных возможностях своей находки Стейн и Розенблатт, видимо, были уверены, но не настолько, чтобы пойти ва-банк и выпустить сразу альбом. Розенблатт разработал план продвижения Мадонны за счет выпуска танцевальных синглов. Первый сингл — больше всего понравившаяся Стейну песня «Невыгодная сделка» с демонстрационной кассеты, на обратной стороне «Каждый», на которого с самого начала не возлагали надежд. Теперь предстоял выбор продюсера для работы над первой пластинкой Мадонны, и та решила, что пришло время вознаградить за верность Стива Брэя. «Она мне сказала, — вспоминает Кейминс, — что хочет, чтобы этим занялся Брэй. Я послал ее к черту и сказал, что для меня это точно такой же шанс, как и для нее». Кейминс и Мадонна пришли к компромиссному решению: они предложили Брэю сделать аранжировку для сингла. Стив ответил ультиматумом, сформулированном в недвусмысленных выражениях:! А пошла ты… — сказал он Мадонне. — Я или делаю запись, или не делаю ничего". Не имевшая выбора Мадонна пошла на встречу пожеланиям Кейминса. Брэй, которого, естественно, расстроило то, что он счел еще одним предательством Мадонны, не разговаривал с ней почти два года.

Результатом их двухнедельной работы стал сингл, который, по их убеждению, должен был в мгновение ока вознести ее в число лучших сорока исполнителей. Но, прослушав то, что она считала стопроцентным хитом, Розенблатт приуныл. «Невыгодная сделка» такой и оказалась. Времени на перезапись не было, они взяли и поместили разухабистую «Каждый» и на оборот сингла. неординарное решение Розенблатта окупилось сторицей. В считанные недели «Каждый» взмыла в верхние строчки таблиц популярности танцевальной музыки. Не будучи еще готовыми к выпуску альбома, Розенблатт и Стейн, тем не менее, накачали отдел рекламы «Уорнер» дать Мадонне такую рекламу, которая редко выпадает только что появившимся на публике артистам. «Поначалу мы удивились, — вспоминает бывший работник рекламного отдела. — На рекламу Мадонны было потрачено больше, чем мы расходовали на некоторых наших звезд с именем, а ведь у нее выходил всего лишь сингл, даже не альбом. Но потом мы увидели Мадонну и перестали удивляться. Начальство питало к ней слабость и было исполнено решимости ее осчастливить». Хотя Розенблатт и не имел романа с Мадонной, кое-кто из приближенных тогда к ним людей утверждает, что он был в нее влюблен. Настолько, что когда Розенблатт женился не соседке

Мадонны Дженис Гэллоуэй, шутили, что на самом деле он женился на Мадонне по доверенности. «Если бы Майкл хотел жениться на Мадонне, — сказал о них их общий знакомый, — то ближе к своей цели он не смог бы подобраться». Впоследствии Гэллоуэй и Розенблатт развелись. Следующим этапом кампании Розенблатта по продвижению Мадонны стала организация ее сногсшибательного выступления, что должно было привлечь внимание к ее новому синглу и одновременно послужить подготовкой к неизбежному терне. Для организации концерта Мадонны был выбран Хауи Монтог, который раньше был менеджером «Лаки Страйк» Эрики Белл, а теперь заправлял собственным кабаре «No Entiendes» (по-французски «Вы не понимаете»). Импозантный импресарио и цилиндре и фраке представил Мадонну и трех ее танцоров — Мартина Бергойна, Белл и Бэгза — толпе в «Данстерии» (только стоячие места). На глазах у начальства из «Сир Рекордз» Мадонна привела в раж вспотевшую публику — около четырехсот человек. Розенблатт повернулся к Стейну и, попытался перекричать толпу, проорал одно-единственное слово: «Видео!»

Было начало 1983 года, и в течение своего всего трехлетнего существования телекомпания Эм-ти-ви вывела в мир поп-музыки на новую орбиту и теперь по ходу дела загребала сотни миллионов. Но на музыкальных видеоклипах по-прежнему царили немногие — и прежде всего Майкл Джексон, чьи клипы «Билли Джин», «Триллер» и «Сматывайся» утвердили его как идола видео. Перед тем как бросить вызов мастеру на его поле, Мадонна и ее небольшая труппа, включавшая Мартина и Эрику, усиленно занялась отработкой техники выступления. Во время репетиции перед концертом во Флориде они рази навсегда приняли решение по одному щекотливому, но важному предмету. «Мы назвали это „Неделей Семицветья Волос“, — вспоминает Белл. — Мартин, Мадонна и я перекрашивались каждый день и по очереди ходили рыжими, каштановыми, черноволосыми, оранжевыми, светлыми и даже белыми». Мадонна выбрала себе «красновато-коричневый» и очень рассчитывала на одобрение со стороны руководства компании. «Ну, я надеюсь, Майклу (Розанблатту) понравятся мои волосы, когда он увидит», — сказала она Белл. Не понравились. "Когда он ее увидел, у него отвалилась челюсть, — вспоминает Белл. — Он сказал: «Мы столько потратили на твою рекламу, что я никак не могу позволить тебе так выглядеть. Никак!» Розенблатт приказал Мадонне превратиться в блондинку и таковой оставаться.

Глава 10

«Вы ведь наверняка предпочтете прочесть статейку о какой-нибудь шлюхе, чем о дурнушке Джейн, у которой нет ухажера? Уж я-то точно».

Администратор «Уорнер» Майкл Розенблатт отдавал себе отчет в том, что наиболее привлекательна в Мадонне — ее внешность; Мадонна приковывала взор, а не слух. Однако он опасался, что ее преимущественно танцевальная музыка не слишком впишется в основное направление Эм-ти-ви. Тем не менее, фирма была настолько довольна неуклонным продвижением композиции «Каждый» в верхние строчки таблиц танцевальных хитов и зажигательными выступлениями Мадонны в «Данстерии», что решила записать ее на видео, правда, с оговорками. Розенблатт и шеф «Сир» Сеймур Стейн сошлись на том, что видеоклип надо ориентировать не на массовую аудиторию, а непосредственно на посетителей танцевальных клубов по всей стране Что до затрат, то из миллионов «Уорнер» они выделили на первый видеоклип Мадонны ничтожную сумму в 1500 долларов, что составляло менее одного процента ассигнований на видеосъемки Майкла Джексона, Принца, Дюран-Дюран, Лайонела Ричи, «Полис» или других звезд того времени. Чтобы первый видеоклип Мадонны был снят по графику и в пределах отпущенных средств, они выбрали в продюсеры Эда Стейнберга, сладкоречивого президента компании «Рок Америка» и поставщика видеоклипов для сотен клубов от побережья до побережья. Он уже был немного знаком с Мадонной. Это был тот самый продюсер, который всего год назад нанял Мадонну в статистки для съемок клипа группы «Конк», а потом ошарашено наблюдал, как она завлекательно скачет перед камерой.

С самого начала на Стрейберга произвел впечатление холодный профессионализм Мадонны. Когда кто-то из ее трех танцоров не появился на съемке, Мадонна молниеносно приняла решение. «Любой на ее месте мог бы рассердиться, — вспоминает Стрейберг, — но она лишь сказала: „О'кей, значит у маня двое танцоров вместо троих. Не имеет значения“ — и тут же внесла поправки в хореографию». Ему понравилось и то, что во время съемок видеоклипа «Каждый» Мадонна не давала вили своему норову. «Она вела себя отлично, как опытная артистка, — рассказывал он. — Иной раз скажешь артисту, что надо сделать

еще один дубль, а он как с цепи срывается. Но Мадонна выдержала двадцать дублей без единой жалобы. Ей хотелось добиться такого совершенства записи, какое в человеческих силах, и она была не против ради этого попотеть». Ее труды не пропали даром. Разрекламированная клипом, композиция «Каждый» взлетела на третье место в таблицах танцевальных хитов, а потом перекочевала в «100 самых популярных» журнала «Биллбоард». Редко случается, чтобы сингл без альбома прошел по таблицам, и этот успех не остался незамеченным в правлении «Уорнер». Розенблатт, Майкл Алаго и другие «малодурки», составившие «детский корпус» «Уорнер», теперь убедились, что пришло время сделать очередной бросок — выпустить альбом. Впрочем, пока что фирма умудрилась сорвать хороший куш при минимальных затратах. Чтобы оправдать значительные расходы на производство и распространение альбома, Сеймур Стейн хотел убедиться, что успех «Каждого» не случаен и что Мадонне достанет очаровать не одних лишь посетителей клубов. Чтобы прощупать почву, он дал добро на выпуск 12-дюймового миньона. Если его успех хоть отдаленно напомнит успех «Каждого», то дебютному альбому Мадонны будет дан зеленый свет.

Сознавая, что поставлено на карту, Мадонна встретилась с представителями «Уорнер» и настояла на том, чтобы вместо Кейминса был подобран более опытный продюсер. Она объяснила, что сильной стороной Кейминса была работа с музыкантами, но не с вокалистами. Подобно тому, как Джордж Кьюкор считался «женским режиссером», несколько продюсеров звукозаписи были известны способностью выжимать из певиц все, на что те были способны. Одним из таких был Регги Лукас, который незадолго до того выпустил ставший популярным альбом Стефани Миллз. Мадонна хотела заполучить именно его. "Да, мне было обидно, я чувствовал себя обоссаным! — говорит Кейминс, отныне ставший вы один ряд с Гилроем, Брэем, Барбоун и многими другими, кто помог Мадонне и был за ненадобностью отброшен. — Она требовала кого ни будь, кто разбирается в вокале, и была права. Это было моим слабым местом. Но как она это сделала! Мадонна так и не сказала мне прямо, что вместо меня будет Регги Лукас, и я узнал это только от ребят из «Уорнер». Но последнюю милость она ему все-таки оказала — подписала обязательство отчислять Кейминсу определенный процент от всех своих гонораров. Как и Камила Барбоун, Кейминс впоследствии увяз в затяжном и жестоком судебном процессе, пытаясь заставить Мадонну выполнять это соглашение. Не теряя времени даром, новый продюсер Мадонны написал для нее хит. Регги Лукас видел ее выступление в «Данстерии», и ее потная

фигура тогда же вдохновила его на создание «Физической привлекательности» ('Phisical Attaction'). Сеймеру Стейну и его коллегам из «Сир» не пришлось разочароваться. «Физическая привлекательность» тоже достигла в таблицах популярности самого верха, и Розенблатту дали добро на выпуск альбома. Кейминс и Брэй опять потребовали работы. «Жуть как неприятно, — сказала Мадонна, — но я просто не слишком доверяла Стиву». А что касается Кейминса, «я не думаю, что Марк был готов к работе над целым альбомом». Пока шли приготовления к записи альбома, Мадонна совершала секс-тур по Манхеттену. Продолжался ее бурный роман с Кенни Комптоном, да и с Кейминсом она поддерживала отношения, хотя и променяла его на Регги Лукаса.

Как ни была она увлечена музыкой, сюрреалистический мир любителей расписывать стены из СоХо все так же имел в ее глазах особое очарование. Всего за несколько лет перед тем приятеля Мадонны Кийта Хэринга застукали, когда он вырисовывал мелом свои странные фигуры на стенах подземки, и засадили в каталажку за порчу общественного имущества. А теперь те же неземные фигуры — лающие собаки с крокодильими челюстями, испускающие ослепительное сияние грудные младенцы, безликие люди под парящими НЛО — оценивались до 35000 долларов, что делало Хэринга любимцем городского мира искусств. Хэринг был гомосексуалистом; не прошло и двух лет, как у него обнаружили СПИД, от которого он скончался в 1990-м на тридцать втором году жизни. Однако некоторые молодые рисовальщики, с которыми Хэринг познакомил Мадонну, оказались людьми с обычной половой ориентацией, и на 1983 год в списке любовников Мадонны числились несколько многообещающих художников-модернистов страны. Как и Хэрингу, Ленни МакГэрру не было и двадцати, когда он спустился в подземку размалевывать аэрозольной краской кафельные стены и вагоны переливающимися абстрактными композициями, которые загадочно подписывал «Футура 2000». К 1983 году худой чернокожий художник стал известен во многих странах, а его творения оценивались от 10000 долларов и выше.

«Мадонна как ракета обрушилась на Футуру 2000, — говорит Эрика Белл. — У него не оставалось ни единого шанса. Он был как раз ее тип — светлый негр, творческая личность, бунтарь, но не агрессивный. какое-то время у них продолжался бурный период, он тогда был ей предан». Однажды Мадонна, снимавшая скромную квартиру в Ист-Виллидж, предложила Футуре 2000 украсить стены ее жилища его знаменитой подписью. «Ты должен везде поставить свое имя», — заявила она. Но хозяин смотрел на

вещи несколько иначе и выселил ее. Ничего страшного. На деньги от «Уорнер» она могла позволить себе снять мансарду в СоХо. А ее страсть к Футуре 2000 стала угасать, когда она воспылала чувством еще к одному черному графику Майклу Стюарту, которому не было и двадцати лет. Казалось, он был на пороге блистательной карьеры. Обнаружив, что ее тянет все более и более юных, Мадонна не пыталась скрыть свою привязанность к Стюарту. Промелькнув мимоходом в первом видеоклипе Мадонны, Стюарт не успел даже краешком глаза увидеть богатство и славу, доставшиеся обреченному Кийту Херингу. В 1987 году, как сообщалось, он был избит нью-йоркскими транспортными полицейскими, когда его задержали в подземке за порчу имущества. Его смерть, наступившая в результате этих побоев, подняла бурю возмущения, что в конце концов привело к расследованию. У многих, едва ли не у большинства друзей Мадонны жизнь сложилась трагично. Жану-Мишелю Баскья не было и двадцати трех лет, когда он с помощью своего друга и наставника Энди Уорхола уже стал признанным художником, и на одной вечеринке в 1983 году Мадонна положила на него глаз. Баскья родился в семье бухгалтера из Гаити и пуэрториканки. В пятнадцать лет он сбежал из дома. Отец, с которым у него были такие же напряженные отношения любви-ненависти, как у Мадонны с ее отцом, через четыре дня обнаружил Жана-Мишеля сидящим с обритой наголо головой на скамейке в одном нью-йоркском парке. Он сказал: «Папа, однажды я стану очень, очень знаменитым». Сходство биографий Мадонны и Баскья на этом не заканчивалось. В семнадцать лет уйдя из дому, он жил на подачки и ночевал у друзей на полу, пытаясь найти свое место в мире искусства. Чтобы поддерживать свое существование в этот период, он занимался проституцией на улицах. В то время, когда Мадонна обзаводилась жизненно необходимыми связями в городских танцклубах, Баскья ошивался в «Клубе 57», «Мадд-Клубе», «Ура», «М.К», «Данстерии», «Си-Би-Джи-Ви» и других ночных заведениях, которые, по словам одного наблюдателя нравов, «плодили звезд и прихлебателей восьмидесятых годов». Известности он добился за счет псевдосемейных отношений с дельцами от искусства, подобно тому, как это проделала Мадонна с Кристофером Флинном, Перл Лэнг, Камилой Барбоун, Мариполь и другими. В начале 1983 года он уже продавал свои работы за суммы, превышавшие 10000 долларов, ценителям искусства вроде Ричарда Гира и Пола Саймона. Укрепилась и репутация Баскья в качестве возмутителя спокойствия городского мира искусства. Однажды его вышвырнули из музея Уитни за то, что он разрисовал там стены. Во время обеда в фешенебельном

ресторане мистера Чоу он швырнул тарелку с едой в женщину за соседним столиком. Когда чуть не сгорел «Клуб 57», оттуда были эвакуированы все, кроме Баскья, который стоял в углу, покуривал травку и истерично хохотал.

Наркотики уже начали портить Баскья жизнь, когда он встретился с Мадонной. С марихуаны он перешел на ЛСД, потом на кокаин и, в конечном счете на героин. Он начал терять почву под ногами. Несмотря на огромные суммы, которые приносили его полотна, дорогостоящие привычки Баскья (только на кокаин у него уходило 2000 долларов в неделю) и расточительный образ жизни — он мог спокойно потратить 10000 долларов в день на модные костюмы — привели его к финансовым затруднениям, которые время от времени заставляли его снова браться за торговлю собственным телом. Для Мадонны все это не имело никакого значения. "Она подошла ко мне на вечеринке и попросила познакомить «с тем красивым парнем в углу», — вспоминает Эд Стейнберг. В то время Баскья, который впоследствии прославился своими устрашающими прическами, щеголял панковской конструкцией из обесцвеченных волос. Их роман был бурным и скоротечным и закончился отчасти из-за его пристрастия к наркотикам. «Мне кажется, — говорил один его приятель, — что он так и не смог пережить то, что она его соблазнила и бросила». Через пять лет Баскья был найден на полу своей спальни; он скончался от чрезмерной дозы героина. Еще одним любовником Мадонны среди «графиков» был шестнадцатилетний Бобби Мартинес. Если в Майкле Стюарте и Жане-Мишеле Баскья ее привлекала трогательная беззащитность, то в Мартинесе волновала его неистовость. Мартинес был уличным парнем, впоследствии отсидевшим срок за мелкие правонарушения. Впервые о Мадонне он узнал от своего приятеля Кийта Хэринга. "Как-то я зашел к Кийту, — вспоминал он, — и тот спросил: «Не хочешь сходить к Мадонне?» А я в ответ: «А кто это?» Мадонна и Мартине нашли общий язык и протанцевали допоздна, а на следующий день он принес ей в подарок одну из своих картин. Через пару недель она зазвала его на вечеринку в узком кругу и оставила у себя на ночь. После этого Бобби Мартинес четыре года то появлялся, то исчезал из жизни Мадонны. «Мадонна ничего не боится, — говорит Эрика Белл. — Но Бобби был из тех парней, рядом с которыми она ощущала, будто ходит по лезвию ножа. От него исходила атмосфера опасности, как и от многих мужчин в ее жизни. Это придает ей жизненный тонус».

В начале весны 1983 года Мадонна прибавила к списку своих побед честолюбивого молодого музыканта из

латиноамериканских трущоб Нью-Йорка Джона «Мармелада» Бенитеса, который уже завоевал славу классного диск-жокея в конкурирующей с «Дансткрией» дискотеке «Фан-Хаус». Объединяло Бенитеса и Мадонну жгучее честолюбие и склонность к беззастенчивому самовыдвижению. На первые деньги заработанные в «Фан-Хаусе», Бенитес нанял личного журналиста. «Мармелад» — такой человек, — говорит Джонни Дайнелл, певец и приятель Мадонны того периода, — который входит, бросает «привет» и первым делом обшаривает комнату взглядом — нет ли тут какой-нибудь важной персоны, с которой следует побеседовать". Как и Кейминс Бенитес был фигурой достаточно влиятельной в мире ночных клубов, чтобы Мадонна сочла его стоящим знакомства. «Мадонна домогалась „Мармелада“, — вспоминает Джонни Дайнелл. — Она слышала о нем и знала, что он способен помочь. И вот как-то вечером она зашла прямо к нему в кабину, вцепилась в него и поцеловала. Они настолько похожи, что это было неизбежно». Отвращение Мадонны к моногамии не осталось незамеченным. «У Мадонны всегда было не меньше трех парней в одно время, — говорит Марк Кейминс. — Каждому было положено выполнять в ее жизни какую-то конкретную задачу. одно время это были я, „Мармелад“ и Кен Комптон. Состав действующих лиц менялся чуть ли еженедельно. Само собой и ревность имела место. Нам это не нравилось, но мы знали, что она делает».

Наиболее авторитетный свидетель этому вопросу Стив Брэй, который впоследствии был ощутимо вознагражден за неизменную верность Мадонне, публично простил ей, что она дала ему отставку как любовнику. «Иногда со стороны может показаться, что ты кого-то бросаешь или переступаешь через человека, — сказал он одному журналисту, — а на самом-то деле штука в том, что ты идешь вперед, а остальные стоят на месте». Мужчины были для Мадонны, в лучшем случае, эпизодом. Теперь, имея за плечами уже два хита, она не собиралась тратить время даром и удвоила усилия по наращиванию связей. Влиятельная француженка Мариполь, похоже, заняла в ее жизни постоянное место: все время держалась рядом, представляла новую звезду «нужным» людям и опекала Мадонну во многом подобно Камиле Барбоун два года назад.

«Я до сих пор помню голос Мариполь с ее нелепым акцентом, — говорит Эрика Белл. — „Ах, Мадонн! Если ты хочешь бить большой суперзвездой, то тебе надо познакомиться с этими людьми“. Она прости пихнула Мадонну на Мика Джэггера. И заметьте, что сильно толкать ее не пришлось». В то же время Мариполь была вполне откровенна насчет тех, с кем, по ее

мнению, Мадонне не стоит иметь дела. «Мариполь советовала Мадонне не тратить время на тех, кто уже на верху, — рассказывает Белл. — Ставками в игре были могущество и влияние. Если от человека уже не было прока для карьеры Мадонны, она не обращала на него внимания. При этом она могла быть очень грубой». «О, да, — соглашается Мариполь. — Я раньше всех поняла, что Мадонна суперзвезда, даже раньше самой Мадонны. Поэтому она любит меня, а я -ее». Почти каждый вечер Мариполь приводила на встречу с Мадонной своих знаменитых друзей, среди которых были Джэггер, Энди Уорхол и Дебби Херри из «Блонди». «Это чертовски забавно, — говорит Джонни Дайнелл, — потому что Мадонна позаимствовала так много от Дебби Хэрри по части внешности и манеры петь. В то время Мадонна боготворила Дебби, но еще больше она млела от Джессики Ланж. Она все время говорила, что если ей кем-то и хочется быть, то только Джессикой Ланж, но не классной актрисой, как Ланж, а эффектной крошкой из „Кинг-Конга“, которую Ланж сыграла». Дебби Хэрри и Джессика Ланж были не единственными женщинами, у которых Мадонна многое взяла. «Мадонна всегда говорила, что ей хотелось бы стать комедийной актрисой, — замечает Дайнелл, — как Кэрол Ломбард, Джуди Холлидэй или Мэрилин Монро. Это пришло после. Мне все время казалось, что музыка для нее была ступенькой к карьере кинозвезды». В то время как «Каждый» ползла вверх в таблицах популярности, у Дайнелла тоже был свой хит под названием «Джем от». Но никто не мог сравниться славой с Боем Джорджем, неожиданное появление которого со своим другом трансвеститом Мэрилин в один прекрасный вечер произвело фурор. "Мадонне до смерти хотелось с ним познакомиться, — вспоминает Дайнелл, — но когда она подошла к нему и протянула руку, он ее отшил. Это вывело ее из себя, и она мне злобно сказала: «Каков засранец! Я его переплюну, и когда он захочет со мной познакомиться, тогда я его отошью!»

Два года спустя Дайнелл имел возможность наблюдать месть Мадонны. «К тому времени она переживала свой звездный час, а его дела пошли под уклон. Когда Бой Джордж ее увидел, то разволновался как какой-нибудь звездострадалец. Но только он к ней подошел, как он резко отвернулась и с кем-то заговорила. Это происходило у всех на глазах и было порядком унизительно для Боя. Мадонна была собой очень довольна». Дайнелл утверждает, что этот случай выявил для него в характере Мадонны очень важную черту. «Она все помнит, — со вздохом говорит он, — и вполне способна носить камень за пазухой хоть всю жизнь».

Глава 11

«Быть одной — самое лучшее: всегда найдется еще кто-нибудь. Кроме того, мне не хотелось бы вешать себе на шею кого бы то ни было».

Весной 1983 года во время работы над записью дебютного альбома Мадонна переменила с полдюжины любовников. В «Уорнер» считали, что альбом разойдется в 250000 экземплярах. Регги Лукас сработал, по всеобщему мнению, отлично, за исключением одной немаловажной детали. «Невыгодная сделка», которую предполагалось сделать ведущей песней альбома, по-прежнему никуда не годилась. Ее надо было заменить. Но раскошелится ли «Уорнер» еще на одну песню? Розенблатт усадил новоиспеченную звезду в самолет в Лос-Анджелес и дал ей приказ одержать победу над финансистами фирмы. Когда Мадонна появилась в кабинетах «Уорнер», все так и разинули рты. «Пела она в негритянском стиле, — говорит бывший чиновник фирмы, который до того не видел ее клипов, — а тут заваливается эдакая блондинка. Все прямо остолбенели. Она охмурила всех подряд». Затея удалась, и Мадонна вернулась в Нью-Йорк с благословением на новую песню. Но где найти замену «Невыгодной сделки»? "Позвонил растерянный Сеймур Стейн, — вспоминает Кейминс, — и сказал: «Нам нужна другая песня!» Мадонна пошла к «Мармеладу» Бенитесу, у которого как раз оказалась одна незастолбленая вещь под название «Праздник» ('Holiday'). За несколько дней «Праздник» записали и вставили в альбом, но оставалась еще одна проблема: как назвать альбом? В качестве запоздалого признания вклада Кейминса в ее успех Мадонна написала песню «Счастливая звезда» ('Lucky Star') и ему посвятила. Песня попала в альбом, и Стейн решил, что она-то и даст ему название. С оформлением конверта для диска тоже возникли сложности. Если на альбоме вместо ее имени будет красоваться название «Счастливая звезда», то тогда Мадонну так или иначе следовало изобразить на конверте. Но этого делать не хотели. Ведь если работники фирмы, послушав ее пение, решили, что она негритянка, то публика придет к такому же выводу. Кроме того, ее ранние записи чаще всего гоняли радиостанции для черных. Будут ли эти радиостанции и дальше крутить ее музыку, если вдруг выясниться, что Мадонна не имеет к ним никакого отношения? В конце концов альбом решили назвать

«Мадонна», а ее портрет на конверте не помешать. "Они не стали давать на альбоме ее фото, — говорит Кейминс, — потому что не хотели, чтобы стало известно, что она белая, пока этот очень важный диск не завоюет популярности.

Альбом вышел в июле 1983 года и в число хитов сразу не попал, поскольку большинство критиков сочли его посредственной подборкой мелодий в стиле диско. Не обескураженная этим, Мадонна в одиночку начала компанию за признание диска по всей стране. Своими сексуально заряженными танцевальными программами в лучших нью-йоркских дискотеках она смогла привлечь к альбому внимание тех, чье мнение имело вес в музыкальном мире. В течение последующих пяти месяцев основная композиция альбома «Праздник» — ее гоняли по радио и на дискотеках — поднималась вверх в таблицах популярности. В начале 1984 года еще две композиции из альбома — «Счастливая звезда» и «Граница» ('Border') Регги Лукаса — вошли в десятку лучших. Столь же важным для Мадонны был прорыв на Эм-ти-ви. Видеоклипы «Каждого» и «Праздника», как и предполагали работники «Уорнер», пользовались успехом в клубах, но и для телезрителей, привыкших к длинноногим блондинкам и головокружительным акробатическим трюкам «Ван Хэлен», они были слишком танцевальными. В доказательство приверженности компании своей новой звезде Стейн дал добро на суперсовременную съемку видеоклипа «Горение». Использование лазеров и других специальных приемов дало сюрреалистический эффект с оттенком садомазохизма. Большую часть клипа Мадонна с массивной цепью, все туже сжимающей ее белую шею, зазывно извивается посреди шоссе, а на нее наезжает блондин решительного вида в голубом автомобиле. На фоне всего этого звучат нарочито смиренные слова песни: «Другие — нет, а я готова на все. Я уж не та, у меня нет стыда». Впрочем, в заключительной сцене блондин куда-то исчезает, а на водительском месте с торжествующим видом восседает уже Мадонна. Выставив их личный конфликт на всеобщее обозрение — характерная особенность Мадонны к своему искусству, — она избавилась от своего любовника Кени Комптона, с которым то сходилась, то расходилась, точно так же, как и от блондина за рулем. В жизни, как и на видеоклипах, она явно стремилась в конечном итоге оказаться за рулем и управлять их бурными отношениями.

Теперь, когда был заложен фундамент, фирма щедро субсидировала съемки видеоклипа «Граница», оказавшегося первым клипом Мадонны, долго продержавшиеся на Эм-ти-ви,

что было крайне важно для ее карьеры. Здесь она мечется между властным юным латиноамериканцем и фотографом мод среднего возраста, который подобрал ее на улице и взял в фотомодели. Вся история, искусно отснята в черно-белом и цветном изображении (кадры с участием зажиточного фотографа — черон-белые, уличные сцены с молодым латиноамериканцем — цветные), приходит к неизбежному концу: размалевав студию и дорогой спортивный автомобиль фотографа краской из баллончика, Мадонна возвращается в объятия своего жгучего латиноза в футболке. Следующий видеоклип, «Счастливая звезда», позволил зрителям Эм-ти-ви как следует разглядеть Мадонну во время выступления на сцене. Ее оголенный живот, экстравагантные обноски и сексуальная походка резко выделялись на фоне прилизанного, высокотехнического стиля прочих клипов. «Ее образ в этом клипе — моих рук дело, — говорит Эрика Белл, которая тоже снялась там в качестве одной из двух танцовщиц на заднем плане. — В „Счастливой звезде“ мне принадлежит каждый стежок на ее наряде — от стянутых в узел волос до чулок и обуви; все, что вы видите, — мое. Я даже надорвала ее майку именно так, чтобы хорошо был виден пупок». Постепенно вырисовывалась мода «под Мадонну», которой вскоре суждено было охватить всю Америку: кружевные перчатки без пальцев, рваная одежда, дополненная резиновыми браслетами, болтающимися серьгами в форме крестов и огромными распятиями, созданными по эскизам ее наперсницы и как бы второй матери Мариполь. Одна из ее курток была украшена узором по Эскизу Кано и надписью «WEBO GALS». «Webo», как с нескрываемой гордостью объясняла Мадонна, "в переводе с испанского означает «охмурительный». (Позже Мадонна назовет свое музыкальное издательство «Webo Girl Inc.»)

Она уже привыкла носить пояс с прогремевшей вскоре эмблемой «Boy Toy»-отголоском тех дней, когда она болталась со своим брейкером и друзьями, расписывающими стены художниками, в «Рокси». «У каждого было свое прозвище, — позже объясняла Мадонна. — однажды мне в голову пришли слова „Бой Той“, я тут же вывела их на стене, и все сказали, что это забавно. слова эти — чистый обман, их нужно понимать совсем наоборот». Пока «Счастливую звезду» снимали на видео, Эрика Белл заодно исполняла и другие обязанности. «Когда требовалось снимать крупный план, Мадонна просила меня стоять так, чтобы она могла меня видеть, — вспоминает Эрика. — Она говорила, что выйдет гораздо лучше, если будет петь тому, кого любит». По причинам, которые прояснятся позже, «Счастливая звезда» стала важной вехой в жизни Мадонны. Этот

сингл стал первым из пятнадцати, которые последовательно входили в первую пятерку хит-парадов — достижение, превзошедшее рекорд «Битлз». Тем временем по те сторону Атлантики «Праздник» прорывался в европейские хит-парады. В разгар Недели Моды в Париже дизайнер Элио Фьоруччи привез Мадонну с ее небольшой компанией во Францию выступить на приеме, где должны были быть такие знаменитости мира моды, как Ив Сен Лоран, Живанши, Иссей Мияке и Карл Лагерфельд. «Уорнер рекордз» отправили за Мадонной в аэропорт лимузин «Мерседес», и она, не теряя времени, нацарапала «Бой Той» несмываемым фломастером на обивке сиденья. Эрика Белл — она принимала участие в поездке — вспоминает: «Водителя звали Ги, и нет нужды говорить, что он был в бешенстве. Это было ужасно неловко, но в те дни мы были именно такими». Мадонну, Белл и Мартина Бергойна доставили на Вандомскую Площадь, где поместили в роскошный отель «Мерис». «Сначала все было потрясно, представляете — мы там, в нашем рванье. Но потом у Мадонны начались жуткие кошмары», — вспоминает Белл. По ее словам, Мадонне снилось, что она монахиня, которую преследуют нацисты. «Она так переживала, что у нее кусок в горло не лез. И только потом мы узнали, что в годы второй мировой войны в „Мерисе“ была штаб-квартира немцев».

«Она ненавидела этот отель, ей на нравилась машина и водитель, которых мы ей выделили, — рассказывает служащий „Уорнер“, работавший в Париже в то время. — Она не переносила французской прессы и поэтому отказывалась от интервью. Словом, ей устроили поезду большой звезды, хотя до звезды ей было еще далеко, и вела она себя так, что отталкивала всех, кто имел с ней дело». Исключение не составил и Филипп Маневр, продюсер и ведущий популярного во Франции теле шоу «Секс Машин», «Я считал, что „Праздник“ — отличная вещь, — говорит Маневр, — и, как продюсер, хотел, чтобы она выступила у меня в шоу. Оно напоминает ваше „В субботу вечером в живом эфире“, и я знал, что у нее это получится». Но едва появившись, Мадонна разругалась со всеми. Сюжет с ее участием должен был сниматься на пляже, но когда Мадонна со съемочной группой приехали на натуру, она была недовольна. — Я не собираюсь танцевать в грязи, — заявила она Маневру. — Но это на грязь, — возразил тот, — это мокрый песок. — А я говорю — грязь! — отрезала Мадонна. Тут одна буква из слов на ее поясе — «Бой Той», — упала в песок. «Она взорвалась, — вспоминает Маневр, — и заставила представительницу „Уорнер“ по общественным связям, шофера и двух танцоров разыскивать букву». — Или вы найдете букву, или ни черта делать не буду! — кричала Мадонна. «Она

заставила людей ползать на четвереньках — говорит Маневр, — и мы полчаса ковырялись в песке в поисках пропавшей буквы… Мадонна была отвратительна и вела себя безобразно. Я думаю, устрой она такое сейчас, ее нашли бы очаровательной. А тогда все возмущались: „Почему мы это терпим?“ Ведь тогда она была никто».

Из Парижа Мадонна, Белл и Бергойн отправились в Германию, где Мадонна опять жаловалась на гнетущее «чувство смертельного страха». Белл вспоминает, что когда их поезд прибыл в Мюнхен, «у всех было то же ужасающее чувство. Оказалось, что на этой станции евреев заталкивали в вагоны для перевозки скота и отправляли в концлагеря. Мадонна очень восприимчива, — добавляет Эрика. — Такая сверхчувствительность была у нее всегда, но она никогда не показывает этого». В другом из снов, какие5 преследовали ее в то время, она, по словам Эрики, видела себя «такой чистой, что не ходила по большому, а если ходила, то чем-то белым». Последним пунктом их путешествия было Марокко, где они погрузились в маленький покореженный автобус, чтобы добраться к подножию Атласских гор. На полпути к Марракену автобус сломался. «мотор просто вывалился на дорогу. Так мы и просидели несколько часов неизвестно где, дожидаясь помощи». Тем временем напряжение, вызванное появлением в их компании приведенной Мадонной незнакомки, нарастало. В этом кратком рекламном турне их сопровождала нанятая Мадонной женщина-тренер, и скоро ни для кого не было секретом, что она по уши втрескалась в свою нанимательницу. Пока дамы проводили тренировки за закрытыми дверями, Эрика Белл и Мартин Бергойн оставались наедине со своими невеселыми мыслями. «Мадонне нравится всех будоражить, — утверждает Эрика. — Она счастлива только тогда, когда назревает какой-нибудь скандал иначе ей просто скучно». Вернувшись в Штаты, где ее пластинки и снятые по ним клипы стали понемногу появляться в хит-парадах, Мадонна принялась просчитывать дальнейшие шаги в своей карьере. Она собиралась стать поп звездой номер один во всем мире, поэтому ей был нужен менеджер Майкла Джексона — Фредди Де Манн. Мадонна попросила Сеймура Стейна устроить ей встречу с этим суперагентом, даже не подозревая о том, что Майкл Джексон уже не был его клиентом.

«Фредди и впрямь повезло с Мадонной, — говорит Мелинда Купер, работавшая в то время ассистентом Де Манна. — Сеймур Стейн просто подарил ему Мадонну. Фредди был не в курсе, и пока ему не преподнесли Мадонну на блюдечке, он о ней и не слышал». Нельзя сказать, что Де Манн был покорен с первого

взгляда, когда Мадонна вошла в его офис на Биверли Хиллз в июле 1983 года. И хотя позже он говорил репортерам, что «у нее особое обаяние, присущее мало кому из звезд», его впечатление после первой встречи, видимо, были не столь приятными. «Кто эта девчонка? Что, черт возьми, она о себе воображает?» — спросил он тогда своих служащих, покачав головой. Однако скептицизм Де Манна мгновенно испарился, когда первый альбом Мадонны разошелся девятимиллионным тиражом, дав жизнь шести хитам. Он и десять лет спустя все еще оставался менеджером Мадонны, хотя иметь с ней дело ему никогда не было легко.

«Мадонна безжалостно гоняет Фредди, — говорит Купер. -Она может позвонить ему в любое время дня и ночи, вытащить егео из ванной, обращаться с ним как с лакеем». Но с лакеем, несомненно, щедро оплачиваемым. Как менеджер Мадонна, Де Манн получал 15 процентов от ее огромных доходов. Кроме того, существовала договоренность, что Мадонна даже в мелочах, сама управляет своей карьерой. «Мадонну создала Мадонна, — говорит Купер. — Порог офиса Фредди переступила уже готовая звезда». Де Манн скоро научился во всем, что касалось дела, считался со своей суровой клиенткой, и она ожидала такого же отношения к совей личной жизни. Но не так-то легко было приручить «Мармелада» Бенитеса. Измены Кена Кмптона не раз заставляли Мадонну швырять телефонную трубку, но ее роман с Бенитесом сопровождался скандалами, драками и битьем посуды. «Мармелад» был единственным, кто мог довести Мадонну до умопомрачения, — утверждает Белл. -Один — единственный раз я видела, как она билась в истерике из-за парня — когда «Мармелад» после очередной потасовки ушел, хлопнув дверью. Опустошенная, жалкая, она заходилась рыданиями, стоя на четвереньках. Это было так непохоже на Мадонну, но он действительно много для нее значил". То, что наблюдали их друзья, было конфликтом двух великих эгоистов. Сам Бенитес признался однажды журналисту Кристоферу Коннелли, что их объединяло только одно — честолюбие. «У нас одновременно начался взлет, — сказал он. — Моя карьера началась в шоу-бизнесе, а ее на потребительском рынке. Мы оба были ориентированы на то, чтобы сделать карьеру, на достижение цели». В последующие годы широко утвердилось представление, будто Бенитес помог Мадонне создать ее музыкальный стиль, однако их ближайшие друзья придерживались прямо противоположного мнения. «Мармелад» отнюдь не был сверхинтеллектуалом, — вспоминает Белл. — Нам приходилось объяснять ему, что ossobuco— это не японское блюдо. А в музыке

Мадонна разбиралась на порядок лучше него. Так что это он обязан ей своей карьерой". Джонни Дайнелл был одним из тех давних друзей Мадонны, кто считал, что «они были созданы друг для друга. Между ними было настоящее душевное сродство». К сожалению их бурные разрывы и примирения, тянувшиеся два года и едва не закончившиеся свадьбой, были подорваны свойством, в равной степени присущим им обоим: явной неспособностью хранить верность партнеру. Щуплый, ростом всего пять футов, с темными волосами до плеч, Бенитес считал себя неотразимым сердцеедом. Кроме того, он отличался классическим вспыльчивым темпераментом и был подвержен частым припадкам ревности. И Мадонна давала ему для этого поводы. В 1983 году Мадонна пела под фонограмму в нью-йоркском клубе хипарей и наркоманов «Фреш 14» на Юнион-Сквер. Там-то ей попался на глаза молодой журналист по имени Стив Ньюмен. Он был редактором захудалого ежемесячника контр-культуры «Айленд Мэгазин». Ньюмен был покорен с первого взгляда. «Я понял: „Класс! До чего хороша!“ Мои коллеги не разделяли моего восхищения, но я сразу захотел поместить ее фото на обложку. Почему-то я знал, что эта девочка далеко пойдет».

Из-за кулис Ньюмен наблюдал, как Мадонну фотографировали для обложки. «Когда щелкнул затвор, я понял, что попал», -вспоминает он. несколько дней спустя, на очередной вечеринке у художника Кийта Херринга, они встретились снова. «Мы танцевали, и она вовсю кокетничала, — продолжает Ньюмен. — А потом я сидел на одном подлокотнике большого кресла, а она — на другом. Мадонна поманила меня пальцем, наклонилась и крепко-крепко поцеловала. Я был убит наповал». Ньюмен уже был наслышан о Мадонне как о покорительнице сердец и не горел желанием завязать роман, который мог «разбить сердце. Поэтому я пригласил Мадонну сходить выпить и сказал ей, что если у нас не получится „на всю катушку“, то мне этого не надо. Или все, или ничего. Мое чувство к ней было настолько сильным, что иначе и быть не могло». Мадонна заявила, что настроена так же, и началось то, что Ньюмен описывал как «страсть, какую и представить невозможно. Она невероятно чувственная и совершенно раскованная. Мадонна было настоящей дикаркой. Она любила заниматься любовью при поднятых шторах и настежь раскрытых окнах. Казалось, даже в такие минуты ей необходима публика». Но однажды утром эту идиллию грубо прервало неожиданное появление в дверях «Мармелада» Бенитеса, с которым Мадонна была официально помолвлена. «Я сидел на окне в одних джинсах и курил сигарету:

сама Мадонна не курит, — вспоминает Ньюмен. — Внезапно врывается „Мармелад“, сгребает Мадонну и тащит ее в заднюю комнату. А я, как пришибленный, иду на кухню и жарю хлеб. Крику тогда было много. Они все еще были помолвлены, и Мадонна хотела эту помолвку разорвать, но он был против». Мадонна и Ньюмен еще продолжали встречаться, но этот случай напомнил ему, что он далеко не единственный мужчина в ее жизни. Однажды Ньюмен решительно заявил ей: «Я знаю твои игры, сука. И знаю, чего ты хочешь. Помучить меня». — О, нет! Я люблю тебя, Стив! Я никогда так не поступлю, — ответила Мадонна. «Разумеется именно так она и поступила, только гораздо позже, вздыхает Ньюмен. — Даже когда мы стали видеться реже, она то и дело звонила мне посреди ночи, чтобы поболтать. Она очень долго держала меня на привязи». Причиной их разрыва были не столько мужчины как таковые, сколько ее стремительный успех или, еще вернее, отсутствие такового у Ньюмена. «Как-то мы сидели в баре, и Мадонна сказала: „Вот ты, большой мастер издавать маленький журнальчик в нижнем Ист-Сайде, который никуда дальше не идет. А я делая двести тысяч в этом году, а на бедующий год заработаю в десять раз больше. У нас ничего не выйдет“. Однако Мадонна была очень сентиментальна. Уходя, она подарила мне этот чудный браслет… Я не могу на нее по-настоящему злиться. Все, что она сказала, — правда».

Ньюмена утешало лишь то, что он далеко не один такой. «Стив Брей рассказывал мне, что Мадонна учила его никогда не доверять женщинам. Мадонна снисходительна к странностям каждого — но ненадолго, пока ей не станет скучно. Тогда у нее появляется другой мужичина — или женщина, с другими странностями. Она вертит людьми как хочет». Но и после того, как их отношения поостыли, Ньюмен все еще чувствовал их отголоски. И хотя он привел двух приятельниц к Мадонне на вечеринку по случаю дня Всех Святых, взбешенный «Мармелад» ему угрожал. «Он подошел ко мне и сказал: „Надо тебя прикончить“. И ни слова больше. он водил знакомство с какими-то громилами, и я не сомневался, что он не шутит. Я здорово испугался». К счастью для Ньюмена, в разговор вмешалась их общая знакомая Эрика Белл, убедившая Бенитеса, что между Мадонной и Ньюменом все кончено. «Эрика точно спасла мне жизнь», — утверждает Ньюмен. Возможно, Бенитеса и не удалось бы так легко уговорить, знай он о Бобби Мартинесе. Почти подросток, Мартинес прямо-таки нарывался на неприятности, то и дело оказываясь в постели у Мадонны. «Мы обычно встречались в клубах или ходили в гостиницы, — вспоминает Мартинес. —

Если ей хотелось заниматься любовью, она так и говорила: „Пойдем трахаться“, — что мы и делали». Но никакие любовные приключения не могли отвлечь Мадонну от главного — ее карьеры. Она уже готовилась испробовать себя на актерском поприще и встречалась с продюсером Джоном Питерсоном, чтобы обсудить свое возможное участие в его новом фильме «Безжалостные люди». К огорчению Мадонны, Питерс пригласил на эту роль Бетт Мидлер. Но в сентябре 1983 года ему понадобилась актриса на маленькую роль певички из клуба в «Погоне за мечтой», романтической комедии о связи молоденького борца со взрослой женщиной. «Они не хотели приглашать актрису, которой пришлось бы все объяснять и которая играла бы певичку. Им нужен был кто-нибудь с уже сложившимся стилем», — рассказывает Мадонна.

Даже на бывшую подругу Питтерса Барбару Стрейзанд дебютантка произвела впечатление. Мадонна явилась к Стрейзанд с каким-то лоскутком в волосах, в коротенькой блузке выше пупка и с бирюзовым распятьем своей бабушки — на счастье. Во время ужина в китайском ресторане Стрейзанд расспрашивала ее больше двух часов. «Она хотела знать все: как я одеваюсь, какие украшения ношу, как пою и как росла в Детройте». Уходила Мадонна, чувствуя, что они искренне пообщались — «как певица с певицей». Стрейзанд, однако, была менее снисходительна в оценке своей сотрапезницы. По словам одного из знакомых, с которым она общалась вскоре после этого вечера, «Барбара отнеслась к Мадонне как к диковинке. Она восхищалась ее дерзостью, но у меня создалось впечатление, что она сочла пение Мадонны шуткой». В ноябре того же года Мадонна вместе с актерами и съемочной группой «Погони за мечтой» обосновалась в Спокане, штат Вашингтон. Скучающая, простуженная и одинокая, она звонила в контору Фредди Де Манна и умоляла отправить к ней Бенитеса самолетом, причем первым классом. Когда съемки закончились, она позвонила отцу и сообщила, что собирается нагрянуть в гости к семейству Чикконе. «Прихвачу „Мармелада“ — и прямиком в Детройт, — сказала она, — так что готовьтесь». Ради такого случая Мадонна решила одеться соответствующим образом или, по крайней мере, так, чтобы старая бабушка не слегла с сердечным приступом. "На мне были черные брюки и черная футболка; никаких украшений, продуманно-небрежная прическа — эдакий милый консерватизм. И ни ботинок, ни туфель на шпильках — ничего такого. Большую часть времени мой отец наблюдал, как я хожу: «Ты что, всегда так одеваешься? И это называется одежда?» — вспоминает Мадонна.

Казалось бы, принятое в последнюю минуту, решение

Мадонны привести Бенитеса и познакомить его с родней на самом деле было отнюдь не случайно. Красочные взрывы ревности ее вовсе не отталкивали, напротив, она находила его неистовую ярость волнующей. По общим отзывам, она любила Бенитеса. По словам Эрики Белл, она не раз недвусмысленно заявляла о своих чувствах к нему. «Я собираюсь замуж за „Мармелада“ и хочу иметь от него ребенка», — говорила она Белл. Тем не менее она не сделала ни того, ни другого, хотя у нее было много возможностей родить от Бенитеса ребенка. «За то время, пока они были вместе, Мадонна сделала несколько абортов — я по крайней мере, знаю о трех. Она не делала из этого секрета, не пыталась скрыть и рассказывала всем друзьям», — говорит Эрика Белл. Последнее ее возвращения в Нью-Йорк в декабре 1983 года, первым Франческо Скавулло. Во время съемок Мадонна чувственно извивалась на полу. Скавулло остался недоволен и велел ей закрыть глаза. Она повиновалась, и тут он, опустив камеру, непроизвольно воскликнул: «Боже! Да это крошка Дитрих!» Услышав такое, Мадонна, любившая прозвища, покатилась со смеху. Потом она какое-то время заставляла друзей называть ее «крошка Дитрих».

В деле создания своего имиджа Мадонна уже выказывала умение водить прессу за нос. «Она с удивительной легкостью врала репортерам. Для нее это было развлечение, игра», — вспоминает Эрика Белл. Вот характерный случай: Белл и Мадонна отправились к Хемптонам провести уик-энд в обществе Джеймса Трумена их английского журнала «Фейс». «Он собирался сделать первый большой материал о Мадонне для публикации в Англии, — рассказывает Белл. — Перед тем она позвонила мне и сказала: „Делай что хочешь, только молчи. Главное — поддакивай“. Во время поездки она и придумала весь набор своих невероятных историй — как она росла по соседству с трущобами, а ее лучшим другом был негр, обо всех драках, в которых она якобы участвовала, и как ее арестовали во время расовых волнений и неделю продержали в тюрьме. Сплошное вранье. Мы умирали со смеху, когда этот материал вышел в свет. И такие штучки Мадонна проделывала постоянно». Обзаведясь новым менеджером, Мадонна вплотную занялась новым альбомом. Рэгги Лукас, окрыленный успехом его первого гиганта, уже строил планы осуществить ее новую студийную запись, когда от «Уорнер» пришло сообщение, что ему тоже дали отставку. Поднимаясь все выше, Мадонна теперь поглядывала на Найла Роджерса, который записывал пластинки таких звезд, как Сестра Следж, Шик и Дайана Росс, и разработал концепцию главной вещи Дэвида Боуи «Потанцуем». «Рэгги был хорош в одном — он

делал ритм-и-блюз, — объясняла Мадонна. — Он хороший инженер звукозаписи, очень открытый и чуткий. Но Найл работал с такими разными музыкантами, и, насколько я знаю, каждый диск, им записанный, — шедевр. Он по-настоящему сечет поп… и в этом мы с ним близнецы. Он настоящий человек с улицы, мы околачивались в одних и тех же клубах».

Песня, которая в конечном счете дала название ее второму гиганту, едва не была вовсе исключена из альбома. Несмотря на то, что чувственно — душещипательная «Словно дева» ('Like a Virgin') написана гораздо раньше, она звучит так, словно была создана специально для Мадонны. Найл Роджерс был убежден, что эта вещь ей не подходит, однако изменил свое мнение, когда, по его словам, «никак не мог выкинуть ее из головы». Изначально «Словно дева» была задумана как баллада. Найл Роджерс превратил ее для Мадонны в стремительную танцевальную вещь — он наложил основную запись на заводную ритмичесую дорожку, благодаря которой сходство мелодии с «Билли Джин» Майкла Джексона уже нельзя было назвать отдаленным. Точно так же и другие на этом альбоме был введен моторный бит, воскрешавший в памяти танцевальные хиты 1960-х годов, но в данном случае углубленный синтезаторами, усиленный электроударником и «очищенный» с помощью новейшей по тому времени системы цифровой звукозаписи. Однако повторяющаяся тема альбома, игривый эротизм, затмевал все эти музыкальные и технические новшества. В заглавной песне настоящая любовь, вероятно, заставляет девушку чувствовать себя «сияющей и новой, словно дева, к которой прикоснулись в первый раз». Точно как же в «Я тебя одену» ('Dress You Up') Мадонна умоляет мужчину — «чувствуй легкий шелк моих объятий. В них ты как с иголочки одет». «Ты — ангел» ('You're an Angel'), если угодно, — захватывающее дух возвращение к сладким и беззаботным дням Лесли Гор и Шелли Фабарес («Ты ангел во плоти, от тебя мне не уйти»). Но самая откровенная и противоречивая песня этого альбома — «Меркантильная девица» ('Material Girl'), двусмысленная дань Мадонны материализму 1980-х годов и почетному промыслу золотоискательницы («У кого набит карман — это мой Избранник»).

Завершив работу над альбомом «Дева» весной 1984 года, Мадонна направила все организаторские способности, чтобы собрать оркестр для своего первого большого турне. Затем она отправилась в Италию — снимать клип «Словно дева» в Венеции. В клипе режиссера Мэри Ламберт Мадонна попеременно предстает то проституткой, съежившейся в гондоле, то разодетой в традиционное свадебное кружевное платье. Площади, дворцы,

змеящиеся каналы составляют роскошный романтический фон для песни; и все же продюсеры чувствовали необходимость хоть намеком включить в клип для эротических символа— льва, крадущегося по узкой улочке, и таинственного незнакомца в карнавальной маске. А тем временем в Нью-Йорке режиссер Сюзен Сейдельман подбирала актеров для очередного фильма — современной городской детективной комедии под названием «Безнадежные поиски Сюзен». Сценарий рассказывает о домохозяйке из Йью-Джерси, которая со скуки начинает следить за жизнью бродяжки по имени Сюзен, ставя себя на ее место, получает удар по голове, теряет память и начинает считать, что она и есть Сюзен. Скоро ей становится понятно, что за Сюзен, хоть та об этом и не подозревает, охотится убийца. Сценарий «Безнадежных поисков Сюзен» четыре года болтался по Голливуду, пока не был принят «Орион прикчерз». Изначально роль Сюзен была задумана как что-то вроде стареющей хиппи в исполнении Дианы Китон. Затем продюсеры решили сделать фильм поскромнее, с участием восходящей звезды, что позволило им снизить затраты до минимума — 5 миллионов долларов. Сейдельман, незадолго до этого получившая положительные отзывы за фильм «Осколки» (картина обошлась ей в 80000 долларов, часть которых она унаследовала после смерти бабушки), была принята в штат. По-настоящему машина начала раскручиваться в июле 1984 года, когда Розанна Аркетт подписала контракт на исполнение роли Роберты, скучающей домохозяйки. В свои двадцать четыре года Аркетт уже завоевала популярность на большом экране («Это ты, крошка», «Сильверадо», «После работы») и на телевидении («Песнь палача»).

«Мадонна была кем-то, о ком я слышала в местном клубе, — вспоминает Сейдельман. — Я время от времени заходила в „Данстерию“ и „Парадайз Гараж“ и видела ее там— я знала, кто она такая и как выглядит». Когда их общий знакомый Сеймур Стейн рассказал Сейдельман, что Мадонна интересуется ролью, та согласилась встретиться с певицей. Беда было в том, что к тому времени уже около двухсот актрис читали сценарий и пробовались на роль, в том числе Ребекка де Морней, Мелани Гриффит, Дженифер Джейсон Ли, Эллен Баркин и Келли Макгиллис. «Администрация „Ориона“ никогда не дышала о Мадонне, — говорит Сейдельман. — К счастью о ней слышал сын одного из администраторов. Поэтому мне сказали: если эта девушка тебя интересует — что ж, устрой ей пробную съемку». Сейдельман так и сделала. Она вспоминает, что когда Мадонна приехала на пробу, «у нее не хватило денег, чтобы заплатить за

такси. И вот первое, что она делает, приехав договариваться о работе с компанией киношников, — заставляет нас оплатить ей такси. Сюзен поступила бы точно так же!» Во время первой встречи Мадонна показалась Сейдельман «беззащитной, нежной и даже немного нервной. В ней не было ни капли самонадеянности, которой она успела прославиться. И у нее было чувство юмора. После всего, что я о ней наслышалась, я никак не ожидала, что таковое окажется». Сейдельман призналась: «Даже когда я пробовала других актрис» — таких как Гриффит и Келли Макгиллис, — я никак не могла забыть о Мадонне. Она ощущала себя каждой клеточкой, была полностью в себе уверена. Я не видела человека, более спокойного на свой счет, чем она. Мадонна считала себя необыкновенной и заставляла вас чувствовать то же самое". Мидж Сэнфорд, тоже продюсер фильма, разделяет восторги Сейдельман относительно Мадонны: «Это был эффект присутствия, от которого трудно было избавиться. И как не хороши были другие претендентки, мы снова и снова возвращались к той пробе».

То неуловимое, что увидели Сейдельман и Сэнфорд на экране, было самой сущностью Сюзен. «Дело было не в ее дурацкой одежде или ее украшениях, или резинке, которую она все время жевала, и всем прочем. И даже не в ее внешности, — вспоминает Сейдельман. — Дело было в ней самой. Она излучает колоссальную сексуальность. „Ключ“ к характеру Сюзен — в ее магнетизме, она притягивает людей против их воли. У Мадонны то же свойство, и оно бросается в глаза». Сейдельман подписала с Мадонной контракт и июле того же года, хотя ее решение взять относительно малоизвестную актрису не вызывало у компании восторга. «Вначале мой выбор решительно не одобрили, но я хотела рискнуть». За большую роль в фильме, который планировалось снимать четыре месяца, Мадонна получила 80000 долларов, а ее партнерша Розанна Аркетт -в пять раз больше. Деньги не были для Мадонны самым главным. Ей было отдано должное на Бродвее, когда лауреат «Премии Тони» танцор — режиссер — хореограф Томми Тьюн пригласил ее на главную роль в своем новом мюзикле «Мой единственный». Мадонна отказалась от предложения не потому, что гонорар был относительно невелик — 20000 в неделю, — а потому, что роль требовала профессионального исполнения степа. Мадонна знала, что этого у нее нет.

«Осколки» Сейдельман, где показана борьба за существование девчонки, ошивающейся при группе панк-рока в условиях мрачного, не прощающего слабости нижнего Ист-Сайда, несомненно привлекали Мадонну. Она во многом пережила то же

самое. Роль Сюзен, однако, была ей гораздо ближе. «Я задумала взять то, что заложено в человеке, и на этом создать роль. Мадонна привнесла в роль Сюзен кое-что от собственной личности. Это очень сложно, но если получается, — результаты удивительные. В Сюзен очень много от Мадонны», — рассказывает Сейдельман. Погруженная в себя и не считающаяся с удовольствиями, Сюзен скользит по жизни— жует надувную резинку, кормится от чужих щедрот, запивает дешевый кабаб шампанским «Дом Периньон». Сюзен все приемлет, она оппортунистка, — говорила Мадонна в своей роли. — Но на самом то деле люди ей не безразличны. Если человек ведет себя так, словно ему не до кого нет дела, то это, понятно, лишь самозащита и желание скрыть свои настоящие чувства". Сейдельман опасалась, что в работе Мадонна окажется такой же трудной и непредсказуемой, как и ее героиня, однако, к своему удивлению, нашла Мадонну «на редкость дисциплинированной. Когда в шесть утра объявляли подъем, всех нас надо было расталкивать из постели. Но закрепленный за Мадонной шофер каждое утро заезжал за ней в спортивный клуб, где к шести утра она уже успевала набегать 15 кругов». Что касается темперамента, Мадонна, по словам Сейдельман, была «очень простой и старалась всем угодить. Она совсем не походила на примадонну, с готовностью прислушивалась к критике и охотно шла навстречу. Мадонна хотела, чтобы у нее хорошо получилось, и без колебания принимала все указания. Чтобы эпизод вышел как надо, Мадонна, не жалуясь, делала любое количество дублей». В одном из эпизодов Сюзен (Мадонна) бродит по тому, что осталось от танцевального зала «Одюбон», заводит своего дружка (актер Роберт Джой) в заднюю комнату, служащую кладовой, и вскакивает на крышку игрального автомата. «Найдешь четвертак?» — спрашивает Сюзен. «Хочешь сыграть?» Он отпускает монетку в автомат, целует Сюзен и начинает игру. Она отшатывается, когда автомат начинает трезвонить под аккомпанемент вспыхивающих огоньков. Этот простенький эпизод потребовал десять дублей. В перерывах Мадонна смеялась над всеми незамысловатыми шуточками по поводу набора очков и игральных автоматов. Когда на вечеринке по случаю сорокалетия одного из членов съемочной группы появилась приглашенная стриптизерка, Мадонна охотно присоединилась к веселью. «Ты что, собираешься раздеваться?» — с досадой спросил стриптизерку один из присутствующих. «Нет, раздеваться будешь ты,» — вмешалась Мадонна. Она была разочарована, когда танцовщица остановилась, дойдя до черных трусиков. «Какой же это стриптиз», — пожаловалась Мадонна. Мадонна

прилагала титанические усилия, чтобы скрыть свою неуверенность во время съемок. «Было несколько эпизодов, когда я зверела от страха, — вспоминает она. — А иногда я так психовала, что только открывала рот и не могла выдавить из себя ни звука». Но для окружающих Мадонна оставалась абсолютно спокойной, даже когда у всех вокруг разом сдавали нервы. «Мы с Мадонной понимали друг друга с полуслова, чего нельзя сказать о других членах съемочной группы», — говорит Сейдельман. Режиссер, не привыкшая скрывать свое мнение, Аркетт и исполнители других ролей Эйдан Куин и Лори Меткаф постоянно вступали в шумные стычки. «С Розанной было ужасно тяжело. Мы никак не могли с ней поладить и постоянно между собой воевали», — вспоминает Сейдельман. Однажды, после горячей перепалки с Сейдельман по поводу степени амнезии ее героини, Аркетт разрыдалась. Сейдельман последовала ее примеру. Мадонна смотрела на все это разинув рот.

Примечательно, что, обходясь без прямого вмешательства в эти баталии, Мадонна косвенно являлась причиной нарастающего напряжения в съемочной группе. Никто — а Розанна Аркетт менее других — не мог ожидать столь стремительного вздета Мадонны той осенью. «За те четыре месяца, пока шли съемки, — с сентября по декабрь — она совершила громадный скачок от рок-звезды к кумиру», — говорит Сейдельман. Такому перевоплощению способствовали выход в свет ее второго альбома и первое выступление перед зрителями всей страны в прямой телетрансляции. 14 сентября, в четверг, весь высший свет рока собрался в «Радио Сити Мьюзик Холл» для вручения ежегодных музыкальных наград Эм-ти-ви. На открытии шоу Мадонна появилась в свадебном платье на верхушке шестиметрового свадебного пирога в компании жениха-манекена в натуральную величину. Закутанная в тюль и кружева, увешанная нитками бус и в неизменном сверкающем поясе «Бой Той», она спустилась с пирога-башни и принялась извиваться, скакать и пританцовывать под исполнение «Словно дева» в духе тяжелого рока; всего навидавшиеся деятели беспощадной музыкальной индустрии — и те сидели, разинув рты. Это представление, легшее в основу одного из популярнейших ее клипов, стало эталоном нарочитой безвкусицы; Мадонна долгие годы будет пытаться разрушить этот стереотип. Кое для кого из тех, кто знал Мадонну в то время, она уже воспаряла в заоблачные высоты. 7 ноября Мадонна вместе с Бенитесом явилась на вечеринку в «Прайвит Айз», и сам Скотт, всемогущий швейцар клуба, лично проводил их до площадки диск-жокея. Когда появился ее бывший любовник Жан-Мишель Баскья со своим "отцом и наставником Энди Уорхолом, он

прямиком направился к Мадонне поздороваться, однако приставленный к ней вышибала оттолкнул его. «Пропусти-ка мистера Уорхола, — он со мной», — сказал тот, оттеснив молодого чернокожего художника. «Все в порядке, -возразил Уорхол, — он со мной». Униженный Баскья подошел к Мадонне, и та страстно поцеловала его в губы. Бенитес был слишком занят Уорхолом, чтобы обратить на это внимание:он горячо благодарил того за свою фотографию, помещенную в «Интервью», где он выглядел дюймов на шесть выше, чем на самом деле.

Баскья, которому временно удалось сломать привычку к героину, был расстроен подобной встречей. «Жан-Мишель был подавлен, потому что Мадонна вознеслась слишком высоко и он ее потерял», — вспоминал Уорхол. Через несколько недель бывший любовник Мадонны снова сел на иглу, что в конце концов его и погубило. Для Сейдельман и Аркетт признаком того, что слава Мадонны поднялась на качественно новый уровень, стало первое появление ее портрета на обложке журнала «Роллинг Стоун», что случилось вслед за выходом ее нового альбома в середине ноября. Когда съемочная группа явилась в нью-йоркский «Мэджик Клаб» снимать один из главных эпизодов, она угодила в давку. «Там собрались сотни подростков, желавших хоть одним глазком взглянуть на Мадонну. В первый раз нам потребовались полицейские заслоны, разгон толпы и все прочие меры», — вспоминает один из членов съемочной группы. Мгновенная слава принесла с собой обычное половодье сплетен. Когда как-то утром ее везли на площадку, водитель Мадонны сказал ей: «Я поспорил с приятелем. Он говорит, что всю вашу музыку написал кто-то другой. Что они просто отобрали песни, сделали все от начало до конца и только искали подходящую певичку. И, послушав, остановились на вас. А Мадонна — не настоящее ваше имя, и вообще все подстроено». «Что-о-о-о!? — взвилась Мадонна и приказала остановит машину. — Да вы в своем уме?» — Именно тогда, вспоминает Мадонна, «меня как озарило: а ведь так, вероятно. думают многие».

«Мадонне было тяжело, — говорит Сейдельман. — Мне кажется, что она, также как и все мы, не была готова к такому повороту». Но куда сильнее переживала Аркетт. «Розанна была страшно расстроена. Представляете, как ужасно быть приглашенной на главную роль, а затем отвергнутой в тень какой-то новенькой? Розанна просто с ума сходила». Мадонна и Аркетт взаимно пытались высказывать на съемках дружеские чувства друг к другу и даже снялись в одинаковый черных кожаных шляпах с загнутыми краями. Их и в самом деле объединял мир поп-музыки: бывшая подружка ударника группы

«Тото» Става Поркаро, Аркетт была увековечена в хите, носившем ее имя «Розанна». На людях Аркетт превозносила «фотогеничность» Мадонны и называла их отношения «самыми тесными». Однако один из актеров вспоминает, что «Аркетт попеременно то кипела от злости, то ревела» из-за внимания, каким пользовалась ее внезапно вознесшаяся партнерша. Собственные проблемы Мадонны в ходе съемок носили более личный характер. Несчастные посещения «Мармеладом» Бенитесом ее студийного дома-прицепа неизменно заканчивались тем, что он в ярости вылетал оттуда, хлопая дверью. Его ярость можно было понять. Бобби Мартинес в промежутках между дублями тоже наведывался в ее автоприцеп. «Мы занимались этим прямо там, старина, — рассказывает Мартинес, — пока все толпились снаружи. Ее вызывали, она выбегала, чтобы отснять очередной дубль. Потом возвращалась — и все начиналось по новой». Один из рабочих утверждает, что развлечения Мадонны ни для кого не были секретом. «Ее прицеп то и дело раскачивался из стороны в сторону, точно при землетрясении. Иногда изнутри слышались стоны. Затем оттуда выходил парень, иногда за день два разных. „Словно дева“ тогда только-только вышла, и мы все здорово веселились. Но уж когда дело шло о работе, — добавляет он, — тут Мадонна было профессионалкой на все сто. И ладить она умела со всеми». Бурные отношения Мадонны с Бенитесом в некоторой степени напоминали личную жизнь Сейдельман. «Пока Мадонна воевала с „Мармеладом“, я вела хорошие сражения, — говорит она. — Ничто так не сближает женщин, как проблемы с любовниками».

Так совпало, что Мадонна и Сейдельман жили в одном и том же квартале СоХо и поэтому сталкивались не только во время съемок. «Однажды она сидела на ступеньках своего дома и читала пьесы Сэма Шепарда», — вспоминает Сейдельман. Позже, за чашкой кофе, Мадонна призналась Сейдельман, что больше всех звезд восхищается Кэрол Ломбард и Джуди Холлидэй и хочет на них походить. «Она видит себя комедийной актрисой, и даже когда ее повело, в ней все равно играет комедийное плутовство, которое было у них. Забавно, что она никогда не упоминала о Мэрилин Монро», — размышляет Сейдельман. Вечер, посвященный завершению «Безнадежных поисков Сюзен», состоялся в декабре в клубе «Камикадзе», расположенном в центре города и популярном среди пробивающихся к славе актеров и музыкантов Новой волны. Самой забавной достопримечательностью клуба, как вспоминают члены съемочной группы, был бармен, который трещал как пулемет, жонглировал бутылками, носил в ухе кольцо и называл себя

Бруно. На самом деле звали его Брюс Уильямс. «Он обслуживал Мадонну и всех нас, а спустя шесть месяцев был уже звездой в „Работе по совместительству“ — поражается Сейдельман. — В шоу-бизнесе все порой случается с бешеной скоростью». Другая провидческая встреча произошла, когда Сейдельман монтировала «Безнадежные поиски Сюзен». Уоррен Битти неожиданно позвонил и попросил разрешения взглянуть на материалы поденной съемки. «Он пришел в монтажную и посмотрел несколько эпизодов, — вспоминает Сейдельман. — Мадонна его явно заинтересовала. При виде того, как он на нее смотрит, я поняла, что он ее хочет. С того дня меня не покидало предчувствие, что когда-нибудь они будут вместе».

Глава 12

«Шон для меня — образец американского мужчины. Он вдохновляет и шокирует одновременно».

Вторая половина 1980-х ознаменовалась появлением новой разновидности певиц, которых «Ньюсуик» в ведущей статье одного из мартовских номеров за 1985 год окрестил «Новыми Женщинами Рока». Эти певицы с запоминающимся имиджем, как заметили теперь ведущие газеты и журналы, лидировали не только в хит-парадах, но и в конкурсах видеоклипов. В начале 1985 года почти наверняка можно было сказать, кто из них будет диктовать моду: Синди Лаупер. В конце концов, ее триумфальный дебютный альбом под удачным названием «Она так необычна» принес ей беспрецедентный успех; четыре песни попали в четверку хитов. А ее девиз — «Девочки хотят повеселиться» — был с радостью подхвачен уставшими от правил подростками, идущими к совершеннолетию в атмосфере раскованных восьмидесятых. На пару с Лаупер в авангарде этого течения находилась Мадонна, хотя, если быть точным, она стремилась вложить иной смысл в слово «веселье» как его понимали средние американки, в чьих жилах струилась красная кровь. Это новоизобретенное сознание «женской власти» разделяли с ними такие исполнительницы, как Чака Хан, сестры Пойнтер, Пэт Бенатар, Джоан Джетт, Шина Истон, Лора Брэниген, Крисси Хайнд, Энни Ленокс и Шила И, группы «Гоу-Гоуз» и «Бэнглз». Но всех их обещала затмить Тина Тернер, ветеран рока, под мини-юбку которой когда-то пыталась заглянуть Мадонна. В сорок пять лет Тернер организовала себе феноменальное возвращение на вершины славы трижды платиновым диском «Частная танцовщица», куда входила песня «При чем здесь любовь?», завоевавшая премию «Грэмми» в разряде синглов. Несмотря на острую конкуренцию, в центре всеобщего внимания, несомненно, находились Мадонна и Лаупер. Сходство их было очевидно: кичевые наряды из дешевых лавок, дикие прически, волосы крашеные в несколько красок, сама манера. Обе, казалось, бросали вызов условностям и противоположному полу — однако делали это по-разному. Один из хитов Лаупер, «Она-боп», представлял собой слегка завуалированную оду женской маструбации, он ее сценический образ, в сущности был безобиден, даже слегка старомоден — эксцентричное дитя

городских улиц в жутком рыжем парике и ярко-зеленых колготках. Имидж Мадонны был откровенно сладострастным и беспардонно грубым — современная Мэй Уэст в сравнении с лауперовской Бетти Буп. Поначалу большинство критиков явно отдавало предпочтение чудной неопасной Лаупер перед ее чувственной соперницей. О голосе Мадонны они пренебрежительно отзывались как о писке «Минни-Маус, нанюхавшейся гелия». Обращая внимание на ее распятия и четки, мелькающий пупок и пояс с пряжкой «Бой Той», автор статьи в февральском номере «Тайм» 1985 года Дэйв Марш писал, что Мадонна, похоже, «рекламирует некое кощунственное причастие». Были и выпады, соединявшие феноменальный успех Мадонны с уже ставшей притчей во языцах ее личной жизнью: «Мадонна — удовлетворяет аппетиты миллиарда людей одновременно».

Лаупер же, напротив, превозносили как «игривую», «жизнерадостную» и «с сумасшедшинкой». Обозреватель «Ньюсуик» Билл Бэрол отзывался о ней: «поистине обнадеживает… доказывает, что даже в век Мадонны не обязательно быть грубой, чтобы твои записи раскупались» Такой ветеран рока как Мик Джэггер, высмеивал то, что представлялось ему «изначальной тупостью» Мадонны. Редактор «Биллборд» Пол Грейн предсказывал, что «через шесть месяцев Мадонна исчезнет с музыкальной сцены. Ее образ полностью затмил ее музыку». Мадонна воздерживалась от публичных выступлений в связи с критикой ее работы. Однако относилась к этим выпадам болезненно. Она звонила своему старому другу Кристоферу Флину и говорила, как глубоко ее это все задевает. "Мадонна страшно переживала, — вспоминает Эрика Белл. — Она всю дорогу плакалась: «Ну почему обо мне пишут такие гадости?» Особенно раздражало Мадонну сравнение ее с Синди Лаупер в пользу последней, по свидетельству одного из ее знакомых, номер «Ньюсуик» с портретом Лаупер на обложке она разодрала в клочья. Другой приятель тех лет вспоминает: «Какое-то время Мадонна жутко ревновала к славе Лаупер». «Мадонна просто ненавидела Лаупер, — говорит Эрика Белл, — и то и дело злобно передразнивала Синди. По Мадонне вели прицельный огонь, и это уязвляло ее до глубины души».

Самыми обидными были заявления феминисток, обвинявших Мадонну в том, что та в одностороннем порядке саботирует женское движение. «Мадонна отбросила нас назад, — говорила Лорейн Сегато, солистка группы „Парашют-Клуб“. — Без сверхэкстравагантных нарядов и фразочек вроде „игрушка для мальчика“ мы выглядим бледными по сравнению с ней». На эту

критику Мадонна ответила. "Меня столько склоняют в прессе из-за моей откровенной сексуальности, — заявила она в интервью журналу «Ньюсуик». — Когда тем же самым занимаются, скажем, Принс, Элвис или Джэггер, то они — честные чувственные личности. Но когда это делаю я, то «Ах, Боже мой, Мадонна, ты отбрасываешь женское движение на миллион лет назад!» К этому времени, разумеется, Мадонна уже сорвала банк. Когда Де Манн позвонил ей, чтобы сообщить, что ей выписали первый в жизни чек с шестизначной цифрой в счет гонорара от фирмы «Уорнер», она ответила: «Отлично! Теперь не придется ездить подземкой». Перед гастрольной поездкой в японский город Осаку, задуманной как необычная репетиция ее предстоящего турне по Америке, Мадонна столкнулась с неожиданной неприятностью. «Мадонна понесла от „Мармелада“, — вспоминает Мелинда Купер, помощница Де Манна, которая как и сам Де Манн, не знала, что к тому времени у Мадонны был уже по меньшей мере один аборт. — Она пришла к нам с Фредди очень расстроенная — эдакая девочка, которая боится, как бы не прознала родня. Мадонна очень любила „Мармелада“, но и он, и она хотели сделать карьеру. Поэтому мы устроили ей аборт; отвезли к врачу и все прочее. Она выглядела тогда такой невинной. Только много позже я узнала, что ей это было не впервой. Но Мадонна не могла допустить, чтобы появление на свет какого-то младенца сорвало ей турне». Когда две недели спустя Мадонна приехала в Осаку, она, как вспоминает Купер, чувствовала себя «одинокой и подавленной». С нею чуть не случился нервный срыв, когда кто-то позвонил ей и сообщил о смерти отца. Злая шутка, однако ее было достаточно, чтобы довести Мадонну до ручки. «Она начинала названивать мне в четыре утра из Японии, в слезах, умоляя отправить к ней в Японию „Мармелада“. Что мы и сделали. В то время она его сильно любила страшно переживала, что у них ничего не клеится. Если бы „Мармелад“ согласился, она бы выскочила за него в мгновение ока». К февралю 1985 года, когда Мадонна отправилась в Лос-Анджелес для съемки клипа «Меркантильная Девица», альбом «Словно дева» всего за двенадцать недель успел разойтись в трех с половиной миллионах экземпляров и вытеснил диск Брюса Спрингстина с первого места. Заглавная песня альбома прочно утвердилась на первом месте по разряду синглов, а первая исполненная Мадонной лирическая баллада «Без ума от тебя» («Crazy For You») из только что вышедшего фильма «Погоня за мечтой» тоже обещала стать №1 по всей стране. К удивлению руководства компании «Уорнер», пластинки и записи Мадонны продавались в ошеломительном темпе — по 80 тысяч в день. Уже во время

записи сингла «Меркантильная Девица» — за несколько месяцев до съемки клипа — у Мадонны сложилось ясное представление о том зрительном образе, который она хотела создать. Одним из ее любимых кинофрагментов был музыкальный эпизод «Алмазы — лучший друг девушки» из фильма «Джентльмены предпочитают блондинок», который стал визитной карточкой Мэрилин Монро. «Я могу просто воспроизвести этот эпизод, и получится великолепно», — уверяла она Фредди Де Манна, а так же своего продюсера, режиссера и всех, имеющих отношение к съемкам клипа.

К ней никто не прислушался. Вместо этого на Мадонну обрушилась лавина самых разных предложений: от обращения к ее стандартной манере «кончась на полу» — до утонченного оруэловского кошмара, элементы которого позже вобрал в себя ее противоречивый клип «Будь собой». «Все предлагали свои идеи, а я продолжала гнуть свое, — вспоминает Мадонна. — Но никто, похоже, не желал принимать мое мнение всерьез». Расстроенная легкостью, с которой окружавшие отменили ее идеи, Мадонна в конце концов топнула ногой. «Я хочу делать именно это, — заявила она, — и я это сделаю». В итоге был отснят сатирический видеоклип в классическом духе, ставший поворотным пунктом в восприятии Мадонны широкой публикой. Ироническое начало клипа — сцена в комнате, где хозяин студии просматривает отснятый материал, — во многом проливает свет на то, какую карьеру прочила себе Мадонна.

— Она потрясающа, — роняет жующий сигарету магнат (которого играет Кийт Кэррадин). — Я знал, что из нее может выйти звезда.

— Из нее может выйти звезда первой величины, — подтверждает его прихлебатель.

— Она уже звезда, — произносит магнат.

— Крупнейшая во Вселенной, — с готовностью подхватывает прихлебатель, не желая отставать. — Прямо сейчас, покуда мы беседуем.

Мадонна снята в облегающем изящном открытом платье без бретелек из красного атласа — точной копии платья Мэрилин Монро. Билл Травилла, художник по костюмам, работавший для телесериалов «Даллас» и «Нотс Лэндинг», негодовал по поводу того, что Мадонна не отметила его в титрах как создателя подлинного платья Монро. «Словно деву, — в сердцах обронил он, — меня поимели первый раз в жизни».

Одетая и причесанная под Монро, с бриллиантовыми браслетами на запястьях, Мадонна, танцуя, наступает на взвод облаченных в смокинги и сгорающих от желания воздыхателей,

распевая бесстыдный гимн алчности. За всем этим блеском начисто теряется антимеркантильный финал клипа, в котором Мадонна уступает ухаживаниям магната лишь после того, как тот появляется перед ней с букетиком маргариток вместо роз и в обшарпанном пикапе. Мелинда Купер, которой довелось быть личным помощником и у Фредди Де Манна, и, позже, у Мадонны, вспоминает последнюю в тот период как «совершенно нормального человека. Она была в самом деле вполне спокойной и очень милой. Она нуждалась в защите, в ком-нибудь, кто бы ее оберегал. Я все время твердила ей, чтобы она не ходила одна вечерами за несколько кварталов из своего отеля в офис Фредди Де Манна в Сенчури-Сити, но Мадонна сама себе хозяйка. А поскольку водительских прав у нее тогда не было, кончилось тем, что я всюду возила ее сама».

Как-то раз по дороге в Голливудскую студию, где должен был сниматься клип, Купер спросила Мадонну, готова ли та к тому, что частной жизни у нее, можно сказать, не будет, ибо именно этим обернется для нее слава. «Мадонна и не подозревала, насколько изменится ее жизнь. Наконец я спросила: „Мадонна, ты и впрямь понятия не имеешь о том, что тебя ожидает?“ Она так и взвилась: „Нет, имею“. Но на самом деле это было не так. Перемене предстояло разом обрушиться на Мадонну как лавине и навсегда изменить». Съемки клипа «Меркантильная Девица» стали для Мадонны еще одной вехой, на сей раз более личного характера. Однажды утром режиссер Мэри Ламберт привела своего приятеля Шона Пенна посмотреть на съемки. Пенн, сын телережиссера Лео Пенна и бывшей актрисы Эйлин Райэн, вырос в тепличной привилегированной обстановке Биверили-Хиллз. Однако в двадцать четыре года грубость Пенна сделала его любимым «гадким мальчишкой» Голливуда — как на экране (в таких лентах, как «Перевод часов в Риджмонтской средней», «Наперегонки с луной», «Сокол и снеговик»), так и в жизни. Застенчивый в общении с прессой и подверженный вспышкам ревности, он рассвирепел, узнав, что его тогдашняя невеста Элизабет МакГоверн дает в своем прицепе интервью репортеру во время съемок «Наперегонки с луной». И покуда та беседовала с незадачливым журналистом, Пенн принялся с такой силой раскачивать трейлер, что МакГоверн упала на пол. Помимо МакГоверн Пенн прославился нашумевшими романами с такими особами, как актриса Сюзен Сарандон и младшая сестра Брюса Спрингстина — Пэм. Фанатизм, свойственный ему в любовных связях, Пенн перенес и на актерскую работу. Получив роль несовершеннолетнего гангстера в фильме «Поганцы», он отрастил волосы до плеч и вытатуировал в предплечье волчью голову.

«Помню, мы отправились в рейд с чикагскими фараонами, чтобы Шон мог все это прочувствовать, — рассказывает режиссер фильма Ричард Розенталь. — Во время рейда появились еще полицейские, которые приняли нас за уголовников и велели поднять руки. Я повиновался, но для Шона это был шанс узнать, каково приходится гангстеру, когда тот перечит полиции. Он повернулся к фараону, здоровенному лбу размерами с дом, и послал его куда подальше… Тот сгреб Шона в охапку и шарахнул об стену, чуть не сломав ему нос. Но потом Шон сказал мне, что именно в тот момент окончательно понял своего героя». В то утро их первой роковой встречи Мадонна стояла на верхушке декорации, изображающей лестницу, дожидаясь, пока подготовят освещение; она глянула вниз и увидела «этого парня в кожаной куртке и темных очках, он стоял в углу и вроде как смотрел на меня». Поняв, что это Шон Пенн, Мадонна, по ее словам, «в ту же минуту представила, что мы познакомимся, влюбимся и поженимся».

Предчувствия предчувствиями, но у Мадонны был явно не общепринятый способ выказывать интерес к человеку. Она спустилась с лестницы и прошествовала мимо Пенна, в котором роста 5 футов 6 дюймов, метнув в его направлении ледяной взгляд. Через несколько часов, заметив, что он все еще болтается у площадки, Мадонна спустила на него всех собак: «Пошел вон! Убирайся отсюда! Убирайся!» — бушевала она. Тут до нее дошло, что после того, как она раздарила по розе всем актерам и членам съемочной группы, у нее остался еще один цветок. «Поэтому, когда Шон уходил, я сказала: „Постой, у меня для тебя кое-что есть“. Я взбежала по лестнице и взяла для него последнюю розу». В тот же вечер Шон был в гостях у приятеля, и хозяин, достав книгу цитат, наугад зачитал: «Она обладала нежностью ребенка и умом мужчины». "Я только посмотрел на приятеля, — вспоминает Пенн, — а она сказал: «Пойди и возьми ее». Если у Мадонны и были столь глубокие впечатления от первой встречи с Шоном Пенном, с друзьями она ими делиться не стала. «Она позвонила мне в Лос-Анджелес поздней ночью как какая-нибудь школьница и, хихикая, доложила о всех знаменитостях, с которыми встретилась за день, — вспоминает Эрика Белл. — „Ни за что не угадаешь! Сегодня я встретила Элизабет Тейлор, Шона Пенна и Фрэнка Пердю!“ Я никогда не забуду — она не выделила ни одного имени. Мадонна с равным трепетом говорила и о бройлерном магнате Пердю, и о Шоне Пенне». Мадонну больше волновало, как бы завязать дружбу с другой крупной фигурой в мире рока, Принсом, чье восшествие на вершину славы началось в 1984 году, как раз когда феноменальная слава джексоновского

альбома «Триллер» начала клониться к закату. Однажды совпало так, что Принс Роджер Нельсон одновременно имел на своем счету лучший сингл страны — «Когда голуби плачут», лучший альбом — «Пурпурный дождь» и лучший фильм — «Пурпурный дождь», который принес свыше 70 миллионов прибыли. В 1985 году он получил «Оскара» за музыку к «Пурпурному дождю» и несколько призов «Грэмми». У Принса с Мадонной было больше общего, чем одна только фирма грамзаписи, выпускавшая пластинки того и другой. Принс тоже получил среднезападное воспитание (он родился и вырос в Миннеаполисе). Он боготворил Мэрилин Монро (его дом с пурпурными стенами в Миннеаполисе был обвешен плакатами с изображением Монро), и, трубя о своей застенчивости, тем не менее выламывался на подмостках — потный, в одних бикини и туфлях на шпильках.

Несмотря на низенький рост и малый вес (пять футов три дюйма, сто двадцать футов), а также двусмысленный в сексуальном отношении вид, Принс приобрел репутацию большого женолюба, чем даже Пенн. Он сыграл роль Свенгали в судьбе барабанщицы женского джаза, превратив ее из незатейливой Шилы Эсковедо в зажигательную певицу Шилу («Пленительная жизнь») И; Дэниз Метьюс, снимавшуюся в рекламе зубной пасты «Жемчужинки», он трансформировал в создательницу хитов Вэнити, а своей протеже и партнерше по «Пурпурному дождю» Аполлонии помог пробиться в звезды. Принс впервые увидел Мадонну за кулисами в Лос-Анджелесе на церемонии присуждения Американских Музыкальных премий 28 января 1985 года. Вместо того, чтобы представиться, он поручил своему менеджеру раздобыть после шоу ее телефон. Мадонна однако была слишком поглощена собой, чтобы что-либо заметить. «Она без умолку говорила о своей карьере, дисках, клипах», — вспоминает один из тех, кто обслуживал шоу. Она также проехалась по поводу Дарила Холла и Джона Оутса, известных как Холл и Оутс, в то время как самый удачный дуэт поп-певцов. Они тоже участвовали в программе, и Мадонна не думала скрывать, что они ей не нравятся, — отчасти потому, что из-за них урезали время ее выступления. «Она всем прожужжала уши, объясняя, как ненавидит Холла и Оутса, — рассказывает другое лицо из обслуживающего персонала. — Было очень неловко, ведь она ни о ком из них не могла ничего сказать, ни хорошего, ни дурного». На следующий день Принс позвонил Мадонне и предложил встретиться. Сначала она заподозрила розыгрыш со стороны Мартинеса, либо «Мармелада», либо кого-то еще из своих приятелей и уже открыла рот, чтобы обложить говорившего, как до нее дошло, что она действительно слышит

голос Принса. Она планировала вернуться в Нью-Йорк для репетиций перед намеченным турне, однако приняла приглашение Принса на его концерт в лос-анжелесском «Форуме». Опустив трубку, Мадонна, как вспоминает один из ее приятелей, «завизжала от восторга».

Принс, со своей стороны, был не меньше взволнован. Все три недели перед назначенной встречей он только и говорил о Меркантильной Девице. В день концерта Принс отправил за Мадонной в гостиницу длинный белый лимузин, который и доставил ее в «Форум». В конце концерта он пригласил ее подняться к нему на сцену, и она не заставила себя упрашивать. После концерта они втиснулись в личный лимузин Принса пурпурного цвета и понеслись в отель «Уэствуд Маркиз», где Принс и его команда занимали весь девятый этаж. Мадонну сразу поразило, как от Принса пахнет лавандой. («От него просто разит», — рассказывала она потом Эрике Белл.) Ужин оказался шумным — в какой-то момент Принс сорвал рубашку и предложил Мадонне станцевать с ним на столе, — разошлись только в пять часов утра. Мадонна и Принс снова встретились на его заключительном шоу и договорились через два дня поужинать после церемонии вручения призов «Грэмми», на которой оба должны были выступить. На этот раз пурпурный лимузин Принса доставил их в «Ямаширо», элегантный японский ресторан с видом на Лос-Анджелес. Мадонна и Принс отужинали вдвоем в пустом «Небесном Зале», рассчитанном на семьдесят пять мест. Они просидели там три часа, а остаток вечера провели в новой шикарной дискотеке «Фасад». На Мадонну произвело впечатление то, что она позже назвала «одухотворенностью» Принса. «Он словно читает мои мысли еще до того, как я открываю рот», — утверждала она. Он также удивил ее тем, что в личном общении оказался столь же скромным и чуть ли до самоуничтожения робким, сколь раскованным был на эстраде. Принс же, в свою очередь, поведал друзьям, что в Мадонне его поразил острый ум. «В ней есть то, что я искал, — красота и ум», — как говорили, заявил он. Они, разумеется, были достаточно проницательны, чтобы оценить, какой выигрыш с рекламной точки зрения может принести их знакомство. В последующие несколько месяцев Принс сопровождал Мадонну по Лос-Анджелесу, когда она была в городе. Они обедали в «Спаго», совершали вылазки в самые модные клубы — и не опровергали домыслы бульварных газет, трубивших о «пламенном романе». На всем протяжении этого искусственно раздутого «романа» Мадонна основательно занималась Шоном Пенном. Себе она позволяла любовников, но не желала делить Пенна с другими

женщинами. В конце февраля, когда они обедали в нью-йоркском «Кафе Сентрал», к ним неожиданно присоединилась бывшая невеста Пенна Элизабет МакГоверн. Она уселась рядом с Пенном и принялась болтать; после нескольких, как показалось Мадонне, нежностей Мадонна взорвалась, выложила все, что думает о сопернице, и демонстративно вылетела из ресторана вне себя от ревности. Спустя неделю, 2 марта, у Мадонны с Пенном опять был грандиозный скандал, на этот раз в ее лос-анжелесской квартире. Пенн пришел в ярость из-за сообщений в прессе о романе между Мадонной и Принсом. В разгар спора он выбежал вон, а она захлопнула за ним дверь. Клокотавший от бешенства, Пенн развернулся и проломил кулаком стену. На другой день довольная Мадонна горделиво показывала дыру Мелинде Купер. «Она сочла его выходку потрясающей, — говорит Купер. — Необузданность Шона тогда находила у нее горячий отклик, она вообще любит дразнить мужиков».

Через несколько дней Принс принес штукатурки и вместе с Мадонной починил стену. «Им казалось, что во всем этом довольно много истерики», — замечает Эрика Белл. Белл с самого начала поняла, что именно в Пенне очаровывало Мадонну. «Он играл роль эдакого паршивца в духе Джеймса Дина, она же, в свой черед, разыгрывала уличную хулиганку. Пенн говорил как бунтарь, но он был просто богатым мальчиком с Биверли-Хиллз. И, разумеется, он был кинозвездой, а она собиралась ею стать, так что их, понятно, тянуло друг к другу». То, что, в глазах Мадонны, составляло интеллектуальный багаж Пенна, произвело на нее достаточно сильное впечатление, чтобы заставить одну за другой проглотить книги Райнера, Марии Рильке, Джеймса Эйджи, Джека Керуака, Чарлза Буковски, Милана Кундеры, Бальзака, Мопассана, Д.Д.Сэлинджера и В.С.Найпола. «Вчера она и слыхом не слыхивала об этих писателях, а сегодня походя упоминает о Рильке в интервью, словно изучала его много лет. Мадонне хотелось, чтобы ее воспринимали всерьез», — вспоминает Белл. При всех претензиях Пенна и Мадонны на интеллектуальность, друзья этой пары понимали, что она и он органически не подходят друг другу. «Нам казалось, что их взаимное влечение не так уж серьезно», — говорит Белл. Вопреки своим предыдущим предсказаниям о любви с первого взгляда, Мадонна не была околдована Пенном в полном смысле слова, хотя именно он предложил им встретиться у могилы Мэрилин Монро. «Шон — человек, чьей игрой я восхищалась долгое время, — сказала Мадонна журналисту Карлу Аррингтону. — Правда, он совсем бешеный. Он, вероятно, умрет молодым». Мадонна настаивала, что Пенн подкупил ее сходством с ее отцом, когда тот был

молодым". Кроме того, она усмотрела некий смысл в том, что ее день рождения и день рождения Пенна не совпадают только на один день. Вернувшись в Нью-Йорк, Мадонна сосредоточилась на подготовке своего первого, сверхважного турне. Но скоро ее отвлекла Сюзен Сейдельман, сообщив, что фирма «Орион», продюсер «Безнадежных поисков Сюзен», намерена воспользоваться растущей славой Мадонны. Сроки выпуска фильма в прокат были отодвинуты на два месяца — чтобы выход картины совпал с турне Мадонны. «Я снимала эпизод, для которого мне нужна была песня с крепким танцевальным ритмом», — говорит Сейдельман, попросившая Мадонну принести пленку с новой песней, над которой та работала со Стивом Брэем.

«Вообще-то, я хотела проверить на статистках, хорошо ли под нее танцуется, чтобы увидеть, будет ли из песни толк», — вспоминает Мадонна. На завершающей стадии монтажа Сейдельман упросила Мадонну разрешить вставить в фильм ее новую песню. Та отправила Сейдельман оригинальную восьмиканальную демонстрационную пленку с записью песни «В кайф» ('Into the Groove'), и режиссер проницательно угадала в этой вещи качества колоссального хита — такового, который, безусловно, мог бы способствовать коммерческому успеху картины. Фонограмма была еще далеко не готова, но Эм-ти-ви согласилось пропустить в эфир наскоро сработанный по фильму клип, где Мадонна исступленно танцует под «В кайф». Этот клип быстро начал пользоваться самым большим спросом на Эм-ти-ви, а песня стала хитом на радио, при том, что сингл с записью песни появился в продаже только через месяц с лишним. Случай, как тогда заметил эксперт в области индустрии грампластинок Кэл Рудман, «фактически беспрецедентный». Неожиданная вставка в «Безнадежные поиски Сюзен» композиции «В кайф» повлекла и другие, более серьезные последствия. Мадонна написала «В кайф» для Чин, и эта многообещающая чернокожая певица уже записала песню для своего альбома. Продюсером Чин был Марк Кейминс. Он вспоминает: «Чин узнала, что Мадонна исполняет „В кайф“, и разбушевалась. „Я не буду черной Мадонной!“ — кричала она. Это было предательством по отношению к Чин, для молодой певицы настоящая катастрофа, но Мадонну это заботило меньше всего». На уме у нее было другое. «Безнадежные поиски Сюзен» вышли на экран в апреле, и Мадонна удостоилась слов «праздная богиня-бродяжка» от самой Полин Кайл, критика «Нью-Йоркер». «Никто не запоминается в этом фильме, кроме Мадонны, которая запоминается как Мадонна. У нее потрясающий апломб». «У Мадонны такой уверенный вид, словно она способна скалы

ворочать», — вторил Дэвид Денби из «Нью-Йорк мэгазин». К большой досаде Розанны Аркетт, «Орион», в погоне за колоссальной молодежной аудиторией, сосредоточил внимание на участии в фильме Мадонны. С песней «В кайф» в виде музыкального фона рекламный ролик «Безнадежных поисков Сюзен» скорее напоминал клип Мадонны, чем киноанонс.

Чтобы противостоять мадоннофикации фильма, Аркетт устроила блицкриг на рекламном фронте. Она признала, что была ошеломлена стремительным взлетом Мадонны. «Со мной такого… никогда не бывало. Я потерпела крушение. Меня очень легко обидеть. У меня не толстая шкура. Поэтому я так выбита из колеи. Я по-настоящему беззащитна», — заявила она Фреду Шруерсу, автору статьи «Мадонна и Розанна» в журнале «Роллинг Стоун». В каждой газетной строчке Мадонна представала самоуверенной, как и предполагал Дэвид Денби. «О, неужели? И кто еще со мной чего не поделил — кроме Розанны?» Мадонна не собиралась выступать в роли приманки — «Безнадежные поиски Сюзен» должны были утвердить ее как актрису, — но она понимала, как важно, чтобы фильм имел коммерческий успех: «Мою музыку любит масса подростков, и не мне вас учить использовать фонограмму для рекламы фильмов». Сравнивая картину с эксцентричными комедиями 1930-х годов, она хвалила «Сюзен» за «вкус настоящей жизни — и никаких тебе дерьмовых юношеских грез». Первый ход студии блестяще себя оправдал. Картина привлекла в залы зрителей много моложе, чем предполагалось руководством студии, и стала самым доходным фильмом сезона. В результате головокружительного успеха личность Мадонны претерпевала изменения отнюдь не в сторону утонченности. Поворотным пунктом для Мелинды Купер послужил ночной звонок от Мадонны в Лос-Анджелес. «Я послала шофера в лимузине „Дав-Эл“ встретить ее в аэропорту, но произошла какая-то накладка, и когда она прилетела, машины не было, — вспоминает Купер. — Она сорвалась на визг, осыпала меня отборными ругательствами, назвала подстилкой и кое-чем похуже. В первый раз она довела меня до слез». После бесконечных, казалось, репетиций в Лос-Анджелесе, Мадонна начала свое шумно разрекламированное турне под девизом «Девы» выступлением в Сиэтле в начале апреля. Для затравки она выпустила на сцену специально подобранных для этого случая «Бисти Бойз» — группу белых исполнителей рэпа, чья скандальная репутация — на них уже повсеместно обрушивались за прославление секса и насилия — весьма импонировала мятежной натуре Мадонны. За два месяца Джагернаутова колесница Мадонны прокатилась по двадцати восьми городам,

вызывая повальную истерию, сравнимую лишь с поветрием битломании в середине 1960-х годов.

Щеголяя горой туалетов, разработанных специально для турне Марлен Стюарт, — включая знаменитое белое кружевное свадебное платье, лиф «Меркантильной девицы» и розовую юбку с кринолином, на которой были нашиты пластмассовые фрукты, пепельницы, монеты и игрушечные часы, — Мадонна, скача и крутясь, исполняла дюжину песен. С нею на сцене были оркестр из шести музыкантов и два танцовщика; записанные на фонограмму голоса усиливали звук ее собственного слабого голоса. С первого номера, когда она важно спускается по лестнице под мощный ритм «Я тебя одену» в нео-психеделической куртке немыслимой расцветки, все семьдесят минут представления шли в одном и том же направленном ритме, который изредка перебивался рискованными выходками звезды. «Привет, Майами!» — кричала она. — На что глазеете?… Так я и думала". В другой раз, оседлав огромный динамик, она бросала в зал: «У каждой дамы есть шкатулка, но только у меня музыкальная». Доведя толпу до эротического экстаза темпераментным и откровенно сексуальным исполнением «Словно дева», она кричала публике: «Женитесь на мне?» В ответ раздавалось, естественно, тысячеголосое «Да!» Каждое представление заканчивалось тем, что богоподобный глас некоего отца строго напоминал Мадонне: она достаточно поиграла и ей пора домой. Этот необузданный, беззастенчивый энтузиазм публики и превращал Мадонну из простой рок-звезды в настоящий феномен. Тысячи женщин носили черные блузки без рукавов, пятнистые — под шкуру леопарда — мини-юбки, лифы из золотой парчи, кружевные облегающие трико и черные вечерние перчатки без пальцев. Нетренированному глазу могло показаться, что большинство этих молодых женщин просто выходит на люди в белье — что многие из них на самом деле и делали.

Это были «хочубытьтакойкакона» — целая армия женщин в возрасте от десяти до двадцати одного года, страстно желающие во всем походить на своего ломающего правила и крушащего традиции кумира. Демонстративно бросающие вызов условностям и — не случайно, родительскому авторитету, — эти молодые женщины тратили миллионы на товары с клеймом Мадонны, которые шли нарасхват, ибо были помечены ее славой: тенниски, гастрольные буклеты, серьги, перчатки, афиши спортивные свитера, пуговицы. «Если на вещи — лицо Мадонны, значит, вещь — для продажи», — заметил один остряк. Мадонна ликовала. А ведь кассовые аппараты по всей Америке только начинали

позванивать, когда она отметила начало турне в Сиэтле; подняв бокал шампанского после первого концерта, она провозгласила: «За нас, тех, кто правит миром!» Когда Мадонна прибыла в Сан-Франциско, пришла очередь Принса засвидетельствовать ей свое почтение. Он стоял со своими могучими телохранителями в «яме» для фотографов у самого края сцены и наблюдал снизу, как Мадонна выламывается перед пятитысячной толпой орущих фанатов. После концерта Мадонна приняла приглашение Принса заехать к нему в отель. Выходя из лифта со своим телохранителем Клеем Тейвом, она вздохнула: "Что ж, пора навестить «крошку». Принс все больше раздражал Мадонну. Она флиртовала с ним что было сил, но он последовательно отвергал ее сексуальные притязания. «Все в нем говорит: прикоснись ко мне, лизни меня, люби меня, но тут он притворяется, что на нем монашеская ряса», — жаловалась Мадонна. Кроме того, она поведала друзьям, что на ее вкус Принс «слишком изысканный. Я обняла его на прощанье, и он оказался таким хрупким, что чуть не рассыпался у меня в руках». Тем временем Шон Пенн выступал в роли верного воздыхателя. И, что более важно, он преследовал Мадонну, как никто из ее поклонников, появляясь на ее концертах в Майями, Сан-Диего и Детройте. После представления в детройтском «Кобо Холле» она повела его знакомить со своими родителями. (Незадолго до этого Пенн представил Мадонну своим родителям после ее выступления в Лос-Анджелессе в «Юниверсал Амфитиэтр») «Шон по-настоящему занялся ею, — говорит Мелинда Купер. — Он действительно любил ее, не то что „Мармелад“. Я хочу сказать, что „Мармелад“ любил только самого себя. Но она не торопилась отвечать Шону тем же». У Мадонны голова была занята другим, когда она с триумфом вернулась в родной Детройт. В зале сидели ее друзья, родственники, учителя. Прервав на полуслове «Праздник», она обратилась с теплыми словами к бабушке, — та тоже сидела в зале — и произнесла пятиминутную речь, от которой прослезились несколько оркестрантов. В первом ряду, сияя от удовольствия, сидел ее первый наставник Кристофер Флинн, скромно сложив руки на коленях. «Я был совершенно покорен. Я смотрел на нее, а видел ту маленькую четырнадцатилетнюю девочку, что прижимала к себе куклу. Теперь у нее было все, что ей хотелось, — и все, чего она заслуживает, как я ей говорил, когда выпихнул ее из Мичигана коленкой под зад и велел ехать в Нью-Йорк», — рассказывает он.

Но больше всего из тех, кто находился в зале, Мадонна хотела угодить Тони Чикконе. По-прежнему желая снискать одобрение отца, она выбросила из шоу большинство наиболее

откровенных сцен. «Представление, которое она дала в родном городе, была сама непорочность по сравнению с теми, которые видела публика в других концах страны, — рассказывает бывший участник ее команды. — Мадонна твердо настроилась не смущать отца». Нэнси Райан Митчел, школьная наставница Мадонны, вспоминает: «Она воздержалась от обычных своих выражений. Мадонна не собиралась рисковать отцовской любовью и уважением». Мадонна и сама признавалась, что при исполнении некоторых довольно скабрезных трюков чувствовала себя не с своей тарелке, зная, что в зале сидит отец. Однако подобная сдержанность никак не проявлялась, когда она смотрела на тысячи двенадцатилетних девочек, многие из которых пришли на концерт в сопровождении настороженных, по вполне понятным причинам, родителей. Проявлением очевидного желания наладить отношения с отцом было приглашение Тони Чикконе произнести знаменитые последние слова представления. «Папа, я хочу, чтобы ты вышел на сцену и сделал так, как когда я была маленькой, — сказала Мадонна. — Ты велишь мне уйти со сцены, потому что тебе кажется, что я плохо себя веду». Чтобы настроить отца на нужный лад, Мадонна напомнила ему о своем скандальном выступлении на школьном вечере, когда она училась в четвертом классе. «Ты по-настоящему меня прогони, потому что я собираюсь сопротивляться», — сказала она. Тони Чикконе последовал указаниям дочери, пожалуй, слишком усердно. Поднявшись на сцену, он так сильно дернул Мадонну за руку, что, по ее словам, «чуть не вырвал с мясом». Под занавес Мадонна вызвала его обратно на сцену — откланяться публике. Мадонна также озаботилась устроить для небольшой группы родственников, бывших одноклассников и учителей маленький прием у себя в номере детройтского отеля «Сен-Режи». Она расхаживала по комнате в бейсбольной шапочке, приветствую гостей и то и дело спрашивая: «Послушайте, правда, отец сегодня был великолепен?» «Это было действительно трогательно и в то же время несколько неловко, — вспоминает Нэнси Райан Митчел. — Много объятий и поцелуев, а Мадонна была очаровательна и приветлива с каждым». Особенно с Мэрилин Фэллоуз, учительницей старших классов, которая поддерживала Мадонну в ее мечтах десять лет тому назад. «Мадонна в своей бейсбольной шапочке подводила эту маленькую пожилую даму во всем и всех ей представляла. Было очень мило», — говорит Митчел. И все же Тони Чикконе в тот вечер чувствовал себя неловко. «Когда Мадонна превозносила его на все лады, он как мог старался ей подыграть, даже пытался завязать разговор и „Бисти Бойз“, хотя о чем ему было с ними говорить?» —

добавляет Митчел.

То, что отец не принял ее выступления с особым восторгом, как всегда, разочаровало Мадонну. «Он не слишком экспансивный человек, — заявила она, — и я достаточно реально смотрю на вещи, чтобы ожидать, что он изменится. И все же я чувствую себя чуть-чуть отвергнутой». На завершающих концертах турне Пенна не было, и Мадонна смогла на досуге поразмыслить об их отношениях. "Она позвонила мне из Кливленд часа в два ночи, чтобы поболтать о Шоне, о публике и о том, как ей надоели гастроли, — вспоминает Эрика Белл. — Шон не выходил у нее из головы, но мне казалось, что она говорила о нем без той страсти, с какой относилась, например, к «Мармеладу». Вознесенная на гребне своего триумфального турне, Мадонна по-прежнему оставалась кокеткой. Когда она пригласила Дэвида Ли Рота на вечеринку по случаю ее первого выступления в Лос-Анджелесе, она не пыталась скрыть интерес к этому бывшему солисту группы «Ван Халлен», отличающемуся сексапильной наружностью. «Мне привести подружку, или потом для меня найдется дело?» — спросил он Мадонну. «Конечно, приводи, — ответила та, — дело для всех найдется». На восточном побережье Мадонна оставалась верной Пенну ничуть не больше. Пока тот был в Мексике, где шли съемки фильма «Лицом к лицу», Мадонна повела своего постоянного любовника Бобби Мартинеса и еще восемь парней на дискотеку в «Палладиум» накануне своего первого из пяти концертов в Нью-Йорке, все билеты на которые — общим количеством 17000 — фанаты раскупили за полчаса, чего в истории «Радио Сити Мюзик Холл» еще не бывало. Когда Мадонну опознали там двое фоторепортеров, Бобби Мартинес с ее телохранителем Клэем Тейвом встали на ее защиту. Гибкий Мартинес погнался за Феликсом Квинто из «Ассошиэйтид Пресс», а Тейв тем временем прижал Дика Коркери из «Дейли ньюс» к стене. Мадонна хихикала, глядя на эту потасовку, а потом, надвинув на лицо шляпу и в сопровождении своего мужественного эскорта, ускользнула из клуба. Очутившись на улице, Тейв и Мартинес вновь накинулись на фотографа Коркери, задав ему крепкую взбучку. Позже Коркери возбудил иск, в результате которого Тейв вынужден был принести ему извинения, хотя больше тогда поусердствовал Мартинес. «Тейва тогда склоняли во всех газетах, но на самом деле измолотил мужика я, — признался Мартинес, — но все взвалили на Клэя». Почему? «Потому что Мадонна не хотела, чтобы мое имя мелькало в газетах. Она боялась, как бы Шон не прознал, что она со мной все еще встречается». В каждом городе, куда привозило ее турне, критики обрушивались на дилетализм Мадонны-

исполнительницы, но затем признавали, что именно это качество, пользуясь словечком обозревателя «Роллинг Стоун» Майкла Голдберга, в ней и «подкупает». После приезда Мадонны в Нью-Йорк 5 июня для заключительных выступлений в «Радио Сити Мюзик Холл» и «Мэдисон-Сквер-Гарден» «Нью-Йорк Таймс» опубликовала самый резкий отзыв из всех. «Суть в том, — писал обозреватель газеты Роберт Палмер, — что Мадонна… просто плохо поет. Интонации ее отталкивают, голос резкий и плоский, а неустойчивый слух в сочетании со слабым, дрожащим тембром приводят к тому, что долгие ноты в конце музыкальных фраз звучат в ее исполнении так, точно уползают подыхать куда-то на подгибающихся лапках». Палмер также отнюдь не по-джентельменски подчеркнул, что «ей не стоило бы подбрасывать тамбурин, если она не уверена, что сможет его поймать».

На протяжении турне Мадонна с каждым днем завоевывала себе репутацию примадонны — раздавая лающим тоном приказания музыкантам и танцовщикам, выкидывая фортели во время настройки инструментов и по малейшему поводу громко матеря всех подряд — от участников своей команды до шоферов. Мелинда Купер вспоминает: «Внезапно она стала маниакально требовательной. Невозможно было предугадать, что произойдет в следующую минуту. Вдруг: „Делай, делай сейчас же. И не задавай вопросов — иначе уволю“. Мадонна хвасталась: Да, я — стерва. Но я здесь хозяйка». Последний концерт в «Мэдисон-Сквер-Гарден» был волнующим для Мадонны. Когда-то она жила в грязной квартирке неподалеку, и ее старый друг Стив Брэй удивленно покачал головой, когда она обратилась к толпе: "Там, через дорогу, я и жила… я, бывало, смотрела на «Гарден» и думала: «Интересно, доведется ли мне в нем выступать?» После концерта Марвин Митчелсон, знаменитый адвокат по бракоразводным процессам, известный тем, что добивался для своих клиенток огромных денежных компенсаций, зашел за кулисы, чтобы сказать комплимент звезде. «Я все про вас знаю, — приветствовала его она, — и хочу поздравить вас с тем, что вы сделали для защиты прав женщин». Митчелсон ответил: «Если женщины и дальше будут добиваться такого успеха, как вы, мне, пожалуй, придется защищать мужчин». В этот вечер в «Палладиуме» праздновали возвращение Мадонны в Соединенные Штаты. Присутствовали более пяти тысяч человек. В клуб пускали всех, кто заплатил 15 долларов, но в «Комнату Майкла Тодда», вход в которую загораживали бархатный шнур и стена крепких телохранителей, впускали только очень важных персон. Комната была украшена белым кружевом, бармены, официанты и официантки также были в белых кружевах. Приемом

распоряжалась Мадонна, одетая в открытое черное короткое платье без бретелек и увешанная золотыми ожерельями в несколько слоев. Среди гостей были рокер Билли Айдл, Мэтт Диллон и Роб Лоу, который бросил свою невесту Мелиссу Гилберт в надежде завести серьезный роман с Мадонной. Через несколько лет Лоу попал в пренеприятнейшую историю, запечатлев как он и другой мужчина занимаются любовью с несовершеннолетней девочкой у себя в номере в гостинице города Атланта.

Около половины первого ночи Мадонна вошла в главный зал, поднялась на сцену и приняла охапку белых роз, которые ей преподнес владелец заведения, антрепренер Стив Рубелл. Она пожелала всем спокойной ночи, чем вызвала большое недовольство приглашенных, которые несколько часов ждали ее появления. Чтобы успокоить страсти, Мадонна исполнила несколько быстрых па в сопровождении темпераментных парней, выделывавших на заднем плане. После этого она удалилась к вящему разочарованию пяти тысяч поклонников. Одна из ближайших помощниц Мадонны наблюдала, как та прямо на глазах менялась в ходе гастролей. «Как только мы прибыли в Нью-Йорк, — рассказывает она, — Мадонна уверовала в свой рекламный образ. Она к тому времени уже снялась в нашумевшей картине, и несколько ее пластинок заняли первые места в хит-парадах. Но по-настоящему она изменилась только тогда, когда поднялась на сцену и ощутила ту волну энергии и поклонения, которая исходила от многотысячных толп зрителей. Если каждый вечер смотришь вниз со сцены и видишь море людей, одетых как ты и орущих твое имя, то неизбежно начинается мания величия». По словам Мелинды Купер, это новообретенное ощущение власти превратило Мадонну в «настоящую стерву. Она стала еще более маниакальной и требовательной». Во время гастролей в Нью-Йорке группа остановилась в отеле «Уэстбери» на Мэдисон Авеню, где заняла весь этаж. Купер вспоминает: "Две маленькие девочки, лет четырех и шести, целыми днями сидели и ждали в холле. Мы все время проходили мимо них. Наконец, я сказала Мадонне: «Они весь день ждут тебя. Дала бы им автограф». Мадонна подошла к двум девочкам и нарочито резко отказалась надписать книги, которые они ей протянули, сказав при этом: «Если надпишу вам, то придется надписать всем другим. Вы просто мелочь. Для меня вы пустое место». После чего Мадонна повернулась и ушла. «одна из девочек разрыдалась, — говорит Купер, — Я извинилась перед ее мамой, которая стояла рядом, не веря своим ушам». Это был не единственный случай, когда Мадонна проявляла жестокость по отношению к детям. Купер

вспоминает: «Она часто устраивала так, чтобы во время концерта дети оказывались на сцене, и тогда обнимала их на глазах у публики. Но она не любит, когда посягают на ее свободное время. У меня впечатление, что она ненавидит детей». Такое же впечатление сложилось и у многих других, кто был знаком с Мадонной. «Наверное, дети осточертели ей за время ее собственного детства и юности, — говорит один из ближайших консультантов. — У Мадонны начисто отсутствует материнский инстинкт».

К молодым парням, однако, отношение было другое. Согласно сведениям, полученным из разных источников, прибыв в Нью-Йорк выступить в «Радио Сити Мюзик Холл», новейшая американская суперзвезда разъезжала по улицам города в поисках столь любезных ей молодых латиноамериканцев. Белл вспоминает: «Мы все наряжались, садились в ее лимузин и отправлялись на Авеню Д. Заметив хорошенького пуэрториканца, она приказывала водителю остановиться, опускала стекло и кричала: „Эй, красавчик, садись — прокачу“. „И они никогда не отказывались. Иногда все ограничивалось лишь поцелуями. Но если парнишка действительно приходился ей по вкусу, то она просто срывала с него одежду и вытворяла с ним все, что хотела, пока машина колесила по Нью-Йорку. Стекла в машине были затемнены, поэтому снаружи не было видно, что происходит внутри. Иногда к концу прогулки в машине набиралось по два-три парня разом“. Потом, рассказывает Белл, — „мы отвозили их туда, где подобрали“. По словам Белл ребята были совсем молоденькие, как раз то, что ей нравилось». Бывало, Мадонна привозила этих парней с улицы, так называемых «банджи-бойз», в свою новую квартиру в верхнем Ист-Сайде. Ее бывший любовник и наставник Марк Кейминс вспоминает: «Она устроила там пуэрто-риканский племенной завод». «В этой квартире она частенько закатывал а вечеринки, на которых устраивала групповуху с тремя четырьмя мальчиками одновременно», — вспоминает близкий друг некоторых участников оргий. По ходу дела Мадонна продолжала измерять глубину собственной бисексуальности. Она пускалась в разговоры о том, как бы предложить своим танцорам — гомосексуалистам заняться любовью у нее на глазах. Или, наоборот, на глазах у любовника самой заняться любовью с женщиной. Сама она позже признавалась: «Меня возбуждает зрелище двух целующихся мужчин. Меня возбуждает мысль о том, что меня может любить женщина на глазах у мужчины или другой женщины. Может я извращенка?» Юный Бобби Мартинес был частым гостем ее дома. Как-то раз Мадонна, Мартинес и еще одна парочка разделись

догола и уединились в сауне, которую Мадонна оборудовала в своей квартире. Вот как описывает это сам Мартинес: «Мадонна с другой девушкой стали ласкаться, мы со вторым парнем смотрели на них, а потом все вместе славно поразвлеклись. По-моему, женщины ей нравятся не меньше, чем мужчины».

Объезды улиц нижнего Ист-Сайда в поисках молодых ребят продолжались многие годы — с небольшим перерывом во время ее брака с Шоном Пенном. Удивительно, но Мадонна не боялась, что ее могут узнать. Белл вспоминает: «Конечно же, ее узнавали. Можно хоть сейчас отправиться на Авеню Д и найти десятки ребят, которые скажут, что были с Мадонной. И это будет чистой правдой». Она была уверена, что истории об оргиях с незнакомыми парнями не выльются в скандал. «Речь шла всего-навсего об уличных ребятах, детях большого города, — поясняет Джонни Дайнелл, непосредственно наблюдавший за сексуальной жизнью певицы. — Расчет Мадонны был точен. Она знала, что им просто никто не поверит». По иронии судьбы, Мадонне вскоре все-таки пришлось столкнуться с неприятностями, но вызваны они были деяниями столь невинными по сравнению со всем остальным, что ее друзья в изумлении чесали затылки.

Глава 13

«Меня называли шлюхой, сукой и потаскухой и говорили, что такие как я заканчивают свою „карьеру“ на заднем сиденье машины. Если люди не могут понять, что я собой представляю, это их дело».

«Родители! Главное — спокойствие» — с этого начиналась ведущая статья «Таймс» в номере от 25 мая 1985 года, ему вторил журнал «Пипл», поместивший с разницей в какой-нибудь месяц две ведущих статьи на ту же тему: «Она резка, он очаровательна, она развязна, но застенчива, в мире попа она — воплощение личности как искусства». Статья была озаглавлена соответствующим образом: «Турне Мадонны-Покорительницы Мужчин». С той минуты, как Мадонна впервые вступила на подмостки всемирной сцены, не прошли и трех месяцев, а она уже являла собой социально-культурный феномен, с которым нельзя не считаться. Джоел Д.Шварц, профессор колледжа Уильяма и Мери, писал в газете «нью рипаблик»: «Кажется, все согласны, что в Мадонне есть что-то загадочное и непостижимое. И это ее качество во многом объясняет возведение ее в культ». Мадонна с виртуозным мастерством управляла прессой, выступая с провокационными заявлениями, которые заведомо подогревали интерес публики. Пылкие дискуссии, например, развернулись по поводу пупка Мадонны, прозванного журналом «Тайм» «Всем привет!». «Мой пупок-это само совершенство, он идеальной формы и чистоты. Когда я нажимаю на него пальцем, я чувствую, как центральный нерв в моем теле отдает в позвоночник. Я безошибочно найду свой пупок, даже если придется выбирать из целой сотни». Самые суровые критики Мадонны лишь играли ей на руку, подхлестывая споры вокруг ее имени. Сэм Дженус, адъюнкт — профессор психиатрии медицинского колледжа Нью-Йорка и автор книги «Гибель невинности», заклеймил Мадонну, назвав ее «Крысоловом дудочником, разлагающим ум и души восприимчивых девочек и ведущим их по пути наслаждений к развратному и унизительному образу жизни». Доктор психиатрии Гавайского университета Данило Понс вторил: «Образ, который создает Мадонна, — это образ потаскухи, уличной проститутки, ищущей клиента побогаче». Что касается комбинации из распятий и нижнего белья черного цвета, то Понс назвал ее «странным сочетанием, попыткой смешать в кучу секс и религию и

превратить духовность в посмешище». Мадонна упивалась полемикой. Пока публика не перестала обсуждать так умело состряпанный ею образ, ей оставалось лишь купаться в лучах собственной славы. «Я обязательно стану неким символом, - предсказывала она. — Как Мэрилин Монро, она тоже символ. Чего именно — не всегда можно точно назвать, но она просто стала именем нарицательным».

Это почувствовал Голливуд — и дрогнул. Студия «Голдвин» предложила ей главную роль в новой версии фильма «Огненный шар», снятого еще в 1941 году. Тогда роль стриптизерки сыграла Барбара Стенвик. Режиссер Херб Росс, который за три года до этого отверг кандидатуру Мадонны на роль Лори Сингер в нашумевшем фильме «Закусив удила», теперь настойчиво приглашал ее сняться в своем новом фильме. Кинокомпания «Тачстоун Пикчерс» также охотилась за Мадонной и чуть не подписала с нею контракт на съемки в фильме «Безжалостные люди». Мадонна подумывала сняться в фильме Рея Стака о жизни Либби Холман, сентиментальной певицы 1930-х годов, судимой и оправданной по обвинению в убийстве мужа, а потом много лет боровшейся с привычкой к спиртному. «Очень волнующая роль, — застенчиво говорила Мадонна. — В Голливуде, похоже для меня все складывается хорошо, но мне бы хотелось снимать собственные фильмы». На самом же деле она уже работала с супружеским дуэтом Эшфорд и Симпсон над проектом мюзикла «Третий калач» стоимостью в 15 миллионов долларов для «Уорнер Бразерс». Весь июнь Мадонна делила свое время между Бобби Мартинесом в Нью-Йорке и Пенном, который вот уже два месяца работал в Теннеси со своим братом Крисом Пенном и Кристофером Уолкеном над фильмом «Лицом к лицу». На выходные она инкогнито прилетала в Нэшвилл и прямо из аэропорта направлялась в номер Пенна в отеле «Максвелл Хаус». Как раз во время одного из таких свиданий Мадонна навела Пенна на мысль о женитьбе. Воскресным утром 17 июня голая Мадонна прыгала на гостиничной койке как на батуте, что, вероятно, входило в комплекс ее утренней гимнастики, как вдруг, вспоминает она, «я увидела то самое выражение в его глазах. Он делал мне предложение, хотя и молчал. У меня было такое чувство, словно я знаю, о чем он думает, и читаю его мысли». Она перестала прыгать и сказала Пенну: «О чем ты сейчас думаешь, так я согласна». Пенн понял намек и сделал ей предложение. Мадонна, как обещала, ответила «да». После этого они оделись и понеслись через дорогу в магазин-закусочную «7-11», открытую круглосуточно, где купили себе на завтрак леденцов, чем и отпраздновали помолвку. Позже они постоянно спорили о том,

кто же все-таки первым сделал предложение. Мадонна улетела назад в Лос-Анджелес, где у нее была пяти-комнатная квартира в доме на Голливудском холме, под знаменитым названием-вывеской «Голливуд»; за квартиру она платила 1.350 долларов в месяц. С тех пор, как Мадонна переехала в Нью-Йорк, у нее не было машины, теперь, имея в кармане калифорнийские права, она доставила себе удовольствие, купив за 44 тысячи долларов двухместный спортивный «Мерседес» темно-синего цвета. Пластиночный магнат Дэвид Геффен узнал от нее о помолвке с Шоном Пенном на одном из приемов, какие устраивал в своем особняке на побережье. «Мадонна» — остроумно заметил бисексуальный Геффен. -А я-то ради тебя собирался заделаться гетеросексуалом".

За неделю новость о помолвке просочилась в прессу. Агент Мадонны по связям с прессой Лиз Розенберг, которую Мадонна усадила в кресло вице-президента «Уорнер Рекордз», подтвердила, что самая невероятная пара со времен Элизабет Тейлор и Ричарда Бертона намерена сочетаться браком в следующем месяце. Эта новость застала врасплох даже самых близких друзей Мадонны. Мартин Бергойн услышал об этом по радио и сразу же позвонил Эрике Белл. «Когда Мартин сказал мне, я просто потеряла дар речи и только и смогла выдавить — „что?!“-вспоминает Белл. — Она ни одной живой душе на сказала о своем намерении выйти за Пенна. Даже его родители ничего не знали, пока не посмотрели новости по телевизору». Экс — любовники Мадонны также были ошарашены. Марк Кейминс рассказывает: «Когда мы с „Мармеладом“ узнали, что Мадонна выходит за Пенна, мы просто расхохотались. То есть, именно этого и следовало от нее ожидать — что она едет в Голливуд и выходит там за какого-нибудь сукина сына. Но самое смешное было то, что Пенн — самый настоящий псих и мы это знали». Пресса только и делала, что бубнила о их очевидной несовместимости. Чтобы выжить на этом свете, Мадонне больше шумихи и рекламы требовался разве что кислород, тогда как Пенн избегал представителей прессы. Однако он весело пригрозил журналистке, что обдаст ее струей мочи из водяного пистолета. Однако старинные друзья Мадонны искренне за нее волновались. Пенн, не скрывавший своей непримиримой ненависти к гомосексуалистам, нажил себе смертельных врагов в лице почти всех нью-йоркских знакомых Мадонны, как «голубых», так и нормальных. Джонно Дайнелл вспоминает: «Он мог запросто подойти к Мартину и ляпнуть: „Привет, гомик“. Или она с кем-нибудь разговаривает, а он ей орет: „Это еще, что за педрило?“ К ней было лучше не подходить, если он рядом. Он

просто подонок, самый но, скажу вам, меня просто выворачивало, когда он обзывал ее друзей гомиками и педиками. Его ненавидели все». Белл считает, что истинная причина этой ненависти к гомосексуалистам кроется в зависти. «Шон ревновал Мадонну к ее „голубым“ друзьям, особенно к Мартину. Отношения между ними были чем-то совершенно особенным и в некотором смысле гораздо более глубокими, чем она могла бы иметь с любым гетеросексуальным мужчиной». Спустя несколько лет Мадонна сама признавалась, что ее отношения с гомосексуалистами были «самыми дружескими». «К ним относятся как к выродкам, и это вызывает во мне сочувствие. А с другой стороны, я считаю, что большинство гомосексуалов, благодаря женскому в их натуре, способны чувствовать мир несравненно более остро, чем дано гетеросексуалом. На мой взгляд, они полноценные люди, и большинство гетеросексуалов, которых я знаю, уступают им в этом».

Белл гораздо больше встревожило внезапное увлечение Мадонны агрессивностью Пенна, о которой распространялась пресса. Мадонна защищала своего жениха: «Я чувствую, что Шон похож на моих братьев. Они были отвязными неуправляемыми — поджигали подвалы, били камнями в окнах стекла.». У Пенна садистские наклонности проявились еще в школе. Рассказывают, что однажды он с дружком, надев лыжные маски, привязали другого ученика к дереву, облили с ног до головы водой из канистры из-под бензина и бросили в онемевшего от ужаса юношу зажженную спичку. Пенн хвастался Мадонне:" Парня с тех пор ка подменили". В Лос-Анджелесе и Нью-Йорке Пенн частенько носил с собой оружие, когда выезжал в город: с его подачи Мадонна тоже начала увлекаться стрельбой по мишеням. Как-то раз Пенн похвастался Мадонне, что однажды в пылу спора выстрелом сбил часы с руки Элизабет МакГоверн. Мадонна тут же отзвонила Белл, дабы поделиться услышанным. "Ей это казалось очень забавным, -вспоминает Белл. -Я сказала: «Девочка, ты не спятила? Он же просто чокнутый». Мы все твердили ей: «Брось его, он не в своем уме, он псих». В добавление ко всему, по свидетельству Белл, «Пенн гонял на машине как стопроцентный маньяк. Я боялась, что даже если они никого не пристрелят, то обязательно грохнется с ней с какого-нибудь обрыва». Опасениям суждено было отчасти сбыться всего через несколько дней в Нэшвиле, где Мадонна и Пенн проводили очередной насыщенный уик-энд в отеле «Максвелл Хаус». Пенну досаждали слухи о том, что Мадонна якобы беременна, и когда они получили от кого-то букет из воздушных шариков и открытку с надписью «Шон и Мадонна, поздравляем вас, папочка и мамочка», он взорвался. На

следующий день Мадонна как всегда отправилась делать утреннюю пробежку вокруг отеля. Пенн выглянул из окна и, заметив подозрительную машину, отправился выяснять, в чем тут дело. В машине находились два независимых журналиста, Иен Маркем-Смит и Лоренс Коттрелл, командированные из лондонской «Сан». Когда Мадонна после пробежки возвращалась в отель, журналисты вылезли из машины и хотели сфотографировать певицу. Пенн подобрал с земли огромный булыжник и направился к ним. «Не сметь снимать! — заорал он. — Только попробуйте меня щелкнуть — я вам этим вот камнем все кости переломаю!» Свидетель Лори Малренин рассказывает: «Он орал во всю глодку, лицо у него сделалось красным как свекла. Он смахивал на готовую вот-вот взорваться бомбу». То, что произошло потом, описывает Коттрелл: «Мы поинтересовались, а в чем собственно дело. Он подошел ближе, со всей силы швырнул камень и угодил мне в поясницу. После чего выхватил у меня фотоаппарат и принялся им меня избивать, так что камера вышла из строя. Мне было ужасно больно, но он не останавливался. Он методично бил меня как настоящий сумасшедший — словно окончательно спятил. Я никогда не видел выражения такой лютой злобы на лице у человека». Уложив Коттрелла на землю, Пенн взялся за второго журналиста — принялся бить его кулаками по лицу. Маркем-Смит вспоминает: «Он напал на нас как бешеный зверь или смерч». Коттреллу удалось сделать несколько снимков Пенна, обрабатывающего кулаками журналиста, но Пенн это заметил и со всей силы запустил в Коттрелла еще одним камнем, метя в голову. Репортер увернулся, и камень угодил ему в ту же многострадальную спину. После этого Пенн снова принялся топтать ногами фотоаппараты. Мадонна, прикрыв от репортеров лицо бейсбольной кепочкой, краем глаза наблюдала побоище. «За все это время, — говорит Коттрелл, — она не проронила ни слова. Она просто стояла и смотрела, как он орудует камнями». Кое-как доковыляв до машины, журналисты поехали в полицейский участок и заявили о случившемся. Вечером того же дня местный полицейский Томас Нелсон арестовал Пенна в отеле и отвез в участок, где было зарегистрировано два проступка: угроза насилием и оскорбление действием. Пенну грозило 500 долларов штрафа и/или год тюрьмы по каждому обвинению. Доставленный в ночной суд, он предстал перед уполномоченным Биллом Норрисом, который спросил Пенна, понимает ли тот, в чем его обвиняют. Пенн сказал: «Ага». Норрис отпустил его под залог в тысячу долларов. На самом деле Коттрелл и Маркем-Смит всего и хотели, что услышать от них пару слов о предстоящей свадьбе и сделать

«один-единственный снимок счастливой пары».

Мадонна воздержалась от публичных комментариев по поводу вспыльчивости своего жениха. В кругу близких, однако, она стояла горой на его защиту. Что до избитых английских репортеров, которым наставили синяков, то своей парикмахерше и и конфидентке Деби М. Мадонна заявила — нападение было совершенно оправданным. «Переживут», — насмешливо заключила она. Через два дня после скандала в Нэшвилле Пенн и Мадонна вновь занялись тем же самым. На сей раз они спасались от журналистов в Нью-Йорке. Уходя от погони Пенн несся по улицам на скорости почти 90 миль в час. Он сделал лишь одну остановку — выволок на дорогу контейнер для мусора, чтобы перегородить путь преследователям. Две первые недели после помолвки парочка находилась в центре внимания средств масссовой информации почти непрерывно — Пенн бушевал, Мадонна наблюдала, но не вмешивалась. Однако ей предстояло сыграть главную роль в широкомасштабном скандале, и вызван он был событиями в жизни Мадонны шестилетней давности. Вдобавок она положила начало стоившей многие миллионы вражде между двумя ведущими американскими журналистами для мужчин.

7 июля «Пентхаус» с помпой объявил о том, что собирается опубликовать снимки Мадонны, сделанные с 1979-го по 1980 год, в пору ее недолгой карьеры фотомодели. Фотографии должны были занять семнадцать страниц юбилейного сентябрьского номера, посвященного шестнадцатилетию издания. «Масса фотографий обнаженной Мадонны сразу, и мы еще имели право первого выбора», — говорил издатель «Пентхауса» Боб Гуччионе, чье решение опубликовать весьма откровенные фотографии Ванессы Вильямс в 1984 году привело к отказу модели от титула Мисс Черная Америка. «Фотографии попали к нам по разным каналам — от учителей фотографии и их учеников, от любителей и профессионалов, и к тому же у нас была возможность выбрать самое лучшее». За снимки, сделанные Биллом Стоуном. Гуччионе в конечном счете выложил сто тысяч долларов. Однако ничего не подозревавшего Гуччионе поджидало разочарование. Журнал Хью Хефнера «Плейбой» объявил о том, что тоже владеет подборкой снимков обнаженной Мадонны и что их журнал обставит «Пентхаус» по количеству проданных экземпляров. Фотографии, которые собирался предложить своим читателям «Плейбой», были сделаны Мартином Шрайбером и Ли Фройдландером. Каждый положил в карман по сто тысяч за свои труды. Сообщение «Плейбоя» произвело эффект разорвавшейся бомбы; на это последовал ответный залп Гуччионе. Последний признал, что

качество имеющихся у него черно-белых снимков оставляет желать лучшего — «Она недостаточно ухожена, волосы на руках плохо побриты, подмышки не выбриты вообще». Он предложил Мадонне миллион долларов, чтобы та позировала «Скавулло, Эйвидону или любому другому фотографу, которого предпочтет». Предложение было отклонено. Гонку — соревнование между двумя журналами прозвали «морской баталией»; закончилась она тем, что «Плейбой» выпустил номер со снимками 11 июля, на день раньше своего конкурента. Мадонна в драчке не участвовала, и на то были причины. В бытность фотомоделью она в обмен на 25 долларов — гонорар модели — подписывала бумаги, дающие все права на снимки фотографам. Будучи не вправе хоть что-нибудь предпринять, она отделалась кратким заявлением, переданным через Лиз Розенбернг: «Мне нечего стыдиться».

Однако некоторым из ее ближайших родственников пришлось испытать это чувство. Ее бабушка Элси Фортин в Бэй-Сити, штат Мичиган, узнала о фотографиях из телевизионной программы Донахью. «Я пришла в ужас, — вспоминает она. — Я была дома одна и заплакала. Мне совсем не понравилось то, что я увидела на телеэкране». Местным властям города Бэй-Сити это тоже не очень понравилось: после того, как злосчастные снимки увидели свет, они взяли назад предложение вручить Мадонне ключи от города. По словам Эрики Белл, Мадонна «зашлась истерическим смехом», когда вспомнила, как три года тому назад они сидели на полу в ее комнатушке и отпускали шуточки по поводу публикации этих снимков. Но что действительно расстроило Мадонну, так это невозможность для нее — впервые за всю карьеру — контролировать положение. «Не могу сказать, что все это прошло безболезненно, — позже призналась она. — Вся история явилась для меня полной неожиданностью». Реакция ее отца также заставила ее пережить несколько неприятных минут. Сенсационную манеру, в которой «Плейбой» и «Пентхаус» преподнесли эти снимки, вряд ли можно было назвать комплиментарной. В то время, когда Мадонна для них позировала, ей, как она объясняла позднее, «и в голову не приходило, что в будущем это обернется скандалом». Не прошло и месяца, как поверенным Мадонны пришлось прибегать к тем же аргументам в тщетных попытках предотвратить выпуск на видеокассете фильма Стивена Джона Левицки «Конкретная жертва». Левицки пригласил ее на закрытый просмотр, куда Мадонна прибыла в сопровождении всей своей свиты. Во время просмотра Мадонна болтала не закрывая рта, за исключением, правда, тех моментов, когда появлялась на экране. По окончании

она встала и, обратившись к Левицки, произнесла: «Ну и говнюк же ты, Стив». А затем пояснила: «Мы всегда были с тобой противниками. По мне пусть так и останется». Будучи хозяйкой своего слова, она предложила Левицки жалкие десять тысяч о обмен на обещание не выпускать картину. Левицки, как и следовало ожидать, отказался. Имея предварительные заказы на шестьдесят тысяч кассет (каждая стоимостью 59 долларов 95 центов), он ожидал не меньше трех с половиной миллионов дохода от картины, которая обошлась ему в двадцать тысяч. Левицки вспоминает: «Ее адвокат жаловался мне, что „бедная Мадонна“ изо всех сил старается заработать себе на жизнь в Голливуде и что мой фильм может серьезно подпортить ее карьеру. Ей — Богу, я чуть не расплакался».

Мадонна приказала своим адвокатам из корпорации «Бой Той» подать официальное прошение о запрете распространения «Конкретной жертвы». В письменном показании она признала, что 20 сентября 1980 года подписала разрешение на коммерческие использование ее изображения. Однако, узнала она, «на использование моего имени разрешения не было». Она указала, что выход дешевого, с размытым сюжетом фильма, в котором она несколько раз фигурирует обнаженной, «сведет к нулю тот сценический образ и представление о себе, которое я создала». И хотя она называла фильм «посредственным», а сюжет «отвратительным», больше всего ее волновало, что сыграла она в нем «очень средне». Левицки защищал свой фильм как «произведение Новой волны, снятое в нижнем Ист-Сайде эпохи пост-панка и проникнутое сексом». «Образ Мадонны едва ли можно назвать святым», — добавлял он. «Иногда она ведет себя как взбесившаяся сучка, — заметил он позже, — но она честна. Она очень много вложила в эту роль, сыграв женщину сильную, но добрую и не озлобленную на мир.В этом смысле, я думаю, она действительно являет пример женщины своего поколения». в конечном итоге суд поддержал Левицки, разом сделав в его миллионером. Напряжение, связанное со всеми этими неурядицами, вылилось 11 июля, когда Мадонна вышла на сцену перед 90 тысячами зрителей; концерт в рамках благотворительного движения «Реальная помощь» транслировался по телевидению на многие страны мира. Она чувствовала себя оскорбленной и униженной событиями прошедших двух недель, однако на репетициях не сказала коллегам ни о скандальны снимках, ни о фильме Левицки. Но позже она призналась, что в глубине души чувствовала себя «ущемленной». Все это вместе взятое настроило ее «выйти и задать перца». Ведущая концерта Бетт Мидлер осложнила

выполнение этой задачи, объявив Мадонну как «женщину, которая вытянула себя за бретельки бюстгальтера и которая, как известно, периодически их спускает». Стояла одуряющая жара, но Мадонна, выдавая свои «коронки» — «Праздник», «В кайф» и «Любовь заставляет вращаться мир» («Love Make the World Go Round»), — не снимала длинного белолго парчового плаща. «Сегодня я буду в этом дерьме, — крикнула он изнемогающей от зноя толпе. — Через десять лет вы можете мне это припомнить». «Задав перца», Мадонна вернулась к заботам, связанным с предстоящей свадьбой и поисками подходящей квартиры. Когда кинопродюсер Билл Гербер выставил на продажу свою двенадцатикомнатную квартиру-лабиринт в «Сан-Ремо», кооперативном доме для избранных, Мадонна туту же перехватила ее за миллион двести тысяч долларов. Для завершения сделки было необходимо получить согласие Совета кооператива, в который входили представители квартировладельцев.

Согласно установленному порядку, Мадонне принадлежало лично предстать перед членами Совета. По этому случаю она решила одеться поскромнее: черное платье простого покроя, несколько ниток жемчуга, губы, как всегда, резко обрисованы ярко-красной помадой — и несколько массивных золотых распятий. Ее внешний вид шокировал кое-кого из пожилых членов Совета, но, принимая во внимание, что такие знаменитости, как Дастин Хофман, Пол Саймон и Диана Китон, были владельцами квартир в «Сан-Ремо», согласие Совета представлялось чуть ли не чистой формальностью. В предвкушении переезда на квартиру своей мечты с круговыми террасами и захватывающими дух видами из окон на Центральный Парк, Мадонна нарядилась в очередное черное платье и отправилась на предсвадебный девичник. Вечеринку устроили на квартире у богатой любовницы продюсера Найла Роджерса, Нэнси Хуанг, на Восточной 18 улице. Мадонна пригласила двадцать пять подруг, в том числе Аланну Карри из группы «Зе Томпсон Туинз», актрису Мариэл Хемингуэй и ближайших подружек Эрику Белл, Деби М. и Мариполь. Мужчины как бы не предполагались, но Мадонна решила, что представители сильного пола будут допущены, если вырядятся в женское платье, и на вечеринку явилось с полдюжины переодетых мужчин, среди них лучший друг Мартин Бергойн и бывший любовник «Мармелад» Бенитес. Белл вспоминает: «Одежду они одолжили у меня. Кстати, я все еще надеюсь получить назад пару платьев». Распечатывание пакетов с подарками сопровождалось треском фотоаппаратов. Дарили то, что принято в таких

случаях, — драгоценности, нижнее белье, стеганое одеяло. Выделялся только один подарок: кнопочный телефон, украшенный блестками. В разгар вечера на Мадонну обрушился новый удар. Ей сообщили, что Совет кооператива в «Сан-Ремо» принял решение отказать ей под предлогом того, что ее проживание в доме привлечет толпы поклонников, что, в свою очередь, нарушит покой и безопасность других жильцов. Из всех членов совета только Диана Киртон вступилась за Мадонну. В частном порядке другие члены Совета признались, что публикации снимков обнаженной Мадонны в «Плейбое» и «Пентхаусе» сыграли решающую роль в этом деле. «Ее имидж не сделал бы нам чести, — презрительно бросила одна дама. — Пустив ее, нам пришлось бы пускать кого попало».

Выйдя на улицу после вечеринки, Мадонна, как всегда, попала в кольцо поджидавших ее репортеров. На этот раз следую примеру своего жениха, она перешла в наступление. «Шли бы вы к чертовой матери, — завопила она, — которая вас породила!» После чего вся компания, включая мужчин в вечерних платьях и при полном макияже, влезла в лимузин и отправилась дотанцовывать в «Палладиум». Во время этой короткой поездки Мадонна пожаловалась еще на одну неприятность. Ее бывший менеджер Камила Барбоун подала на нее в суд, требуя выплатить 5 миллионов долларов на том основании, что их отношения как менеджера и клиента не были официально расторгнуты. 5 миллионов, вероятно, составляли 20% от 25-миллионного состояния Мадонны в то время. Эрика Белл воспользовалась случаем и поинтересовалась, подписали ли Мадонна и Пенн брачный контракт. «Еще бы, — простодушно ответила та. — У меня денег намного больше, чем у него, и я не намерена с ним делиться». Если у Мадонны и были какие-то сомнения относительно предстоящего замужества, она держала их при себе. Как любая двадцатишестилетняя невеста, она была увлечена предсвадебными заботами и волнениями. Следуя традиции, она заказала фарфор у Тиффани: «Живерни» по эскизу Моне — 250 долларов за прибор. «Сердцевина цветка» — по 600 долларов за прибор. В офисе у Фредди Де Манна в Лос-Анджелесе Мадонна, Мелинда Купер и две секретарши засели за телефоны в поисках адресов городских знаменитостей, которых можно было бы включить в список приглашенных. На несколько недель газеты многих стран словно обезумели, и помешательство это можно было сравнить только с тем, которое предшествовало женитьбе Принца Чарльза на леди Диане Спенсер. Когда состоится свадьба, где? Кто приглашен? В чем будет невеста? Неужели осмелится надеть белое платье? Все эти вопросы пережевывались и

обсасывались прессой и радио. Волнение достигло апогея 12 августа, когда Мадонну (вернувшую своим волосам их естественный темно-каштановый цвет) и Пенна видали у здания лос-анжелесского муниципалитета, где они забирали разрешение на брак. Лишь несколько избранных — по крайней мере, в то время — были удостоены чести узнать, что свадьба состоится 16 августа (день рождения обоих брачующихся) в принадлежащем земляному магнату, мультимиллионеру Дэну Ангнеру поместье Малибу на вершине скалы. У жениха и невесты, этих воплощений духа молодежного бунтарства, еще оставалось время пойти на попятную. Брат Пенна актер Крис и дружки Том Круз, Роберт Дюваль и Дэвид Кийт закатили дикий мальчишник для жениха, закупив море выпивки и пригласив стриптизерку по имени «Котеночек» Нативидад, которая сделала свое дело под аккомпанемент «Меркантильной Девицы». Актер Гарри Дин Стентон опоздал на час, и когда он появился, Пенн подозвал Нативидад, задрал ей кофточку и ткнул Стентона лицом ей в грудь. «Видишь, что ты пропустил?» — сострил он.

Мадонна не позволила себя переплюнуть и закатила грандиозный девичник. Раскрасневшаяся невеста и дюжина ее подкруг громко «болели» за борцов в «Тропикане», клубе, расположенном на одном из самых обшарпанных районов Голливуда и предлагавшем в виде аттракциона борьбу на ринге, залитом слоем грязи. Но даже в назначенный день торжества, когда репортеры вооружились замаскированными камерами и заправляли горючим вертолеты, готовясь к крупномасштабному вторжению во владения Ангера, целесообразность этого союза по-прежнему вызывала серьезные опасения. Мадонна любила шумиху, Пенн ее избегал. Как отмечал Марк Кейминс, Мадонна привыкла к тому, что у нее всегда не менее трех любовников. Он же был собственником до мозга костей. В добавление к этому оба делали каждый свою нелегкую карьеру и были фантастическими эгоистами; к тому же их ожидали долгие разлуки, неизбежные, когда супруги связаны шоу бизнесом. Можно было только дивиться, зачем двум знаменитым иконоборцам своего поколения, очертя голову, связывать себя узами законного брака. Не для того, разумеется, чтобы заводить детей. Если Пенн еще и хотел иметь семью, то Мадонна уже до свадьбы поведала своим близким друзьям, что «ни за что» не родит ребенка от Пенна.

Это был не единственный признак отсутствия большой любви со стороны Мадонны. Всего за несколько дней до свадьбы, если верить Бобби Мартинесу, он тайно встретился с Мадонной. Один из общих друзей Мадонны и Пенна размышляет: «С самого начала беда была в том, что он любил ее больше, чем она его». На

протяжении следующих четырех наполненных желчью лет вспыльчивый новобрачный и пылкая новобрачная натворят такого, что боевитые Бертоны с их скандалами покажутся Дуайтом и Мейми Эйзенхауэрами. Но в тот торжественный день Мадонна высказывала осторожный оптимизм. «У нас столько общщего, что он почти как брат, — объясняла она. — У нас и темпераменты схожи. Этого, может, и мало, чтобы стать идеальной парой, но кто знает, что будет…»

Глава 14

«Каждый раз, когда на меня наставляют камеры, меня словно насилуют. С таким же успехом могли бы взять „пушку“ и пристрелить». «Шон хочет меня защитить. Он… весь из одного куска, твердо держится своих взглядов и плевать ему на всех. Не так уж много людей способно на это».

Как только миновало безумство свадебных торжеств, Шон уселся за руль нового «Мерседеса» Мадонны, и парочка сломя голову понеслась по извилистому тихоокеанскому шоссе к неповторимому прибрежному городку Кармел. Местечко, выбранное молодоженами для медового месяца, уединенным уж никак было назвать. Гостиницу «Хайлэндз», прилепившуюся к высокой скале над изрезанным побережьем, уже несколько десятилетий как облюбовали новобрачные из Сан-Франциско и прилегающих к нему районов. Эрика Белл приглядывала тогда за виллой знакомых в Кармеле и пригласила Пеннов пожить в этом уединенном доме на вершине горы. «Когда Мадонна сообщила, что они проведут медовый месяц в „Хайлэндз“, я сказала, что она рехнулась — ведь там до них, ясно дело, доберутся репортеры. Но они и слушать ни о чем не хотели», — вспоминает Белл.

Номер за 250 долларов в сутки заказали для них на имя Майкла Окса, приятеля Мадонны, но бюро путешествий, забронировавшее номер, намекнуло администрации, что в действительности жить в номере будут весьма важные лица. Когда около 11 вечера измученные поездкой молодожены подъехали к отелю, коридорный хотел открыть даме автомобильную дверцу, но она отвернулась, отказавшись от его услуг. «Сперва я ее не узнал и подумал, что дамочка — из снобов, — вспоминает коридорный. — Но потом понял, что это Мадонна, и проводил ее с Шоном в номер». Номер 429 был одном из самых модных в «Хайлендз» — и по вполне понятным причинам: зеркальные стены о потолки, ванна с горячей водой рядом с огромной двуспальной кроватью и единственный в гостиннице личный солярий, где можно было загорать голышом. В номере Пенны тут же вскрыли жестянки с пивом и предложили польщенному коридорному составить им компанию. Наутро официанты «Хайлендз» тянули соломинки за честь лично

принести в номер Мадонны заказанный завтрак — свежую малину со сливками. Счастливчик, войдя в номер, увидел Мадонна — она забилась в дальний угол и прикрыла лицо книгой. "Я поздравил ее с замужеством, — вспоминает он. — Она отложила книгу, усмехнулась и сказала «Спасибо». Два дня супруги просидели в своем номере, украдкой выбираясь только за тем, чтобы купить конфеты, воздушную кукурузу и апельсиновый сок в продуктовой лавке гостиницы. Однажды вечером уже после закрытия ресторан отеля продолжал работу, обслуживая исключительно Пеннов, евших только салаты и фрукты. Персонал «Хайлендз» поражался «обычности» молодой четы, — но лишь до тех пор, пока другой официант не застал их плескающимися в горячей ванне — в одежде. Соскучившись, вероятно, по всеобщему вниманию, новоявленная миссис Пенн заказала на имя Мадонны столик в ресторане Клинта Иствуда, в гостиннице «Хогз Бретт». После обеда они отправились выпить в хорошо известное в Кармеле заведение «Тутс Лагун». Взбудоражив публику своим появлением, Шон и Мадонна вернулись в «Хайлендз», и тут уж, по словам одного из служащих отеля, «телефоны раскалились от звонков, поклонники повалили в гостиницу с цветами и записками, и спокойному медовому месяцу пришел конец».

Вскоре у номера 429 собралась буйная компания наркоманов, которые во весь голос принялись упрашивать Мадонну покурить с ними марихуану. Они, видимо, не слышали о широко разрекламированном отвращении Мадонны к наркотикам. Потерпев с полчаса, Мадонна распахнула дверь и обрушила на них поток ругательств. Через несколько часов Шон и Мадонна в черных тренировочных костюмах, которые носили уже третий день, прервали медовый месяц и вернулись в Лос-Анджелес. Пенны приобрели 50 акров земли в каньонах Малибу вместе с виллой в испанском стиле — массивные ворота, шикарный вид на океан, сзади высятся горы. Скрывшись от нескромных глаз, Мадонна убедилась в том, что не только любопытствующие поклонники и назойливые репортеры способны портить ей новую жизнь. Чрезмерные возлияния Шона, бешеные перепады его настроения уже начали сказываться на их совместной жизни за закрытыми дверями. По свидетельствам друзей обоих Пеннов, уже через полтора месяца после свадьбы Мадонна стала посещать психиатра. Она просила мужа последовать ее примеру, но тот отказался. Потерпев неудачу в своих попытках с ходу решить их личные проблемы, Мадонна вновь задумалась о карьере кинозвезды. Когда она еще только обручилась с Шоном они рассмотрели несколько сценариев картин, где бы могли сняться

вместе. Ни один не пришелся им по душе, но тут экс-битл Джордж Харрисон лично обратился к ним с предложением сыграть главные роли в фильме, который будет сниматься на его студии «Хэндмейд Филмз». Мадонне и Шону сценарий понравился. В «Шанхайском сюрпризе» («Shanghai Surprise»), фильме о приключениях американской миссионерши, сбежавшей от опостылевшего благополучного супружества, и грязного бродяги-янки, которого она встречает в Китае во время японо-китайской войны, соединены элементы киноклассики 1932 года «Шанхайский экспресс» с участием Марлен Дитрих и картины Джона Хьюстона «Африканская королева». Предложения сняться в «Знакомстве вслепую» на студии «Трай-Стар» тоже заинтересовало новобрачных. Это филь о бизнесмене, чья подружка, случайно встреченная им на вечеринке, напивается и губит на корню всю его карьеру. После месячных переговоров Пенн и Мадонна все же отказались от участия в комедии, предоставив сниматься в ней Брюсу Уиллису и Ким Бэсинджер.

Съемки «Шанхайского сюрприза» должны были начаться в первых числах января 1986 года, и Пенн преступил к изучению китайского языка, необходимого ему по роли, а Мадонна, у которой в фильме не было китайских текстов, стала готовить с бывшим любовником Стивом Бреем свой новый альбом. В это время Шон и Мадонна изредка выбирались в «Елену», знаменитое в Лос-Анджелесе заведение, совладельцем которого был их друг Джек Николсон, но в остальном старались держаться скромно. 17 октября, в разгар упорных слухов о том, что супруги ожидают прибавления семейства, Шон улетел в Нешвилл, чтобы предстать перед судом за нападение в июне на английских журналистов Лоренса Коттелла и Иена Маркем-Смита. Его присудили к штрафу в 150 долларов и 90 дням заключения условно, и в тот же день он вернулся в Лос-Анджелес, однако в Нэшвиллдском аэропорту успел «обложить» еще одного фоторепортера. «Вот был бы у меня СПИД, — заявил он угрожающе, хотя и не совсем понятно, — я бы тебя пристрелил, но не сразу, а постепенно, начав со ступней». Пенн вернулся в Малибу с твердым намерением осуществить свое обещание, сделанное в день свадьбы, — превратить свой дом в непреступную крепость. Ему казалось недостаточно, что над виллой нависали горы, укрывая ее от вездесущих объективов, и он отдал кое-какие распоряжения. От возведения охранной башни он в последнюю минуту отказался, зато нанял подрядчиков, чтобы обнести участок высокой стеной с острыми стальными зубцами поверху. Поскольку в это время Пенны давали публике ничтожно мало поводов повеселиться, Мадонна подумала доказать всем, что у

нее есть чувство юмора. С этой целью она появилась в Манхеттене 9 ноября в качестве ведущей программы Эн-би-си «В субботу вечеров в живом эфире». Это теле шоу, впервые появившееся в 1975 году и открывшее миру таких комических звезд, как Гилда Рандер, Чеви Чейз, Джон Белуши, Дэн Эйкройд, Билли Кристел, Джейн Кертин и Эдди Мерфи, дало Мадонне редкую возможность на глазах у всей страны потешиться над собственной популярностью — и обезоружить критиков. Среди публики в зале были в тот вечер Шер, актриса Дженнифер Билз и Кристофер Рив из «Супермена». Целых полтора часа Мадонна пародировала перед ними Мэрилин Монро и принцессу Диану. Но самый оглушительный хохот вызвал ее вступительный монолог-рассказ о «домашнем кино», снимавшемся во время свадьбы в Малибу, дополненный воссозданием вторжения вертолетов под музыку Вагнера. Свой монолог она закончила так: «У нас отличное представление. У нас есть „Симпл Хедс“. У нас есть Пенн и Теллер. Кстати, я не беременна, скоро вы нас увидите».

Когда представление окончилось, Шон и Мадонна вернулись к прежнему образу жизни; они не поехали на обычное многолюдное празднование премьеры в «Палладиуме» с участием Эдди Мерфи, питомца «В субботу вечером в прямом эфире», ставшего великой приманкой для публики. Если не считать участия Мадонны в шоу «В субботу вечером…», то Пенны по-прежнему вели уединенный образ жизни, скрываясь от фанатов — поклонников и репортеров. Как-то в кафе «Коламбус» на верхнем Вест-Сайде за Мадонной увязалась в дамскую комнату поклонница, которая рассыпавшись в извинениях, наговорила ей кучу комплиментов. Мадонна ответила надменным молчанием, и разочарованной женщине ничего не оставалось, как вернуться к мужу. Уходя из кафе, Пенн подошел к их столику и «полил» чету отборнейшей бранью. Мадонна восприняла его выходку с явным одобрением, посетители же ресторана было просто ошеломлены. Полной противоположностью этой сцене явилось их появление через несколько недель в педиатрическом отделении Нью-йоркской больницы в Корнеллском медицинском центре. Нагруженные яркими пакетами, Пенны обошли детские палаты, раздавая рождественские подарки ребятам, остающимся на праздники в больнице. На роли Деда Мороза и Снегурочки они согласились лишь после того, как руководство госпиталя заверило, что об их посещении не будет сообщено заранее. После этого Пенн в знак преданности вытатуировал на большом пальце ноги имя «Дэзи» — тогдашнее прозвище жены (в честь Дези Миллер). Мадонна, все еще переживала то, что Совет директоров «Сан-Ремо» отвел ее кандидатуру, пришла в восторг, когда

жильцы кооперативного дома.41 по Сентрал-ПаркВест дали «добро» на приобретение ею просторной квартиры в этом здании за 900000 долларов. В соответствии с условиями брачного контракта Мадонна совершила эту покупку на собственные деньги. В отличие от виллы в Малибу — их общей собственности, — квартира принадлежала исключительно ей одной. Мадонна дала четкие указания декораторам, после чего вылетела с муже в Шанхай — на съемки фильма, которые ей предстояло надолго запомнить.

8 января 1986 года после утомительного перелета из Лос-Анджелеса Мадонна и Пенн приземлились в Шанхае перед самым рассветом. Слишком возбужденные, чтобы спать, они отправились погулять по городу. Им открылось поистине сюрреалистическое зрелище: тысячи китайцев на улицах и в парках в нарочито медленном темпе выполняли упражнения гимнастики «тайцзы», грациозно взмахивая руками. На Мадонну здесь, как повсюду, обращали внимание, но совсем не такое, к какому она привыкла. Ее разглядывали не потому, что она Мадонна; людей привлекал ее внешний вид. Для соей роли в фильме Мадонна выкрасила волосы — стала платиновой блондинкой. Китайцам она казалась таинственной и нездешней, настоящей инопланетянкой. «Я для них как с другой планеты свалилась, — говорила она. — Марсианка, да и только. Мне это нравилось. Потрясающее было чувство». Из мрачного Шанхая съемочная группа перебралась в Гонконг, который по контрасту казался диким разгулом красок и звуков. Здесь лучше всего было ощутить ту атмосферу беспечности, которая царила в 30-е годы в Шанхае. Никто не рассчитывал, что съемки «Шанхайского сюрприза» будут легкими, но никто, и меньше всего Мадонна, не ждал встречи с такими устрашающими трудностями. Джим Годдард раньше ставил только телевизионные минисериалы, это был его первый полнометражный фильм. Местные гангстеры застали его врасплох, потребовав выложить изрядную сумму за разрешение проводить съемки в злачных районах города. Как-то раз Мадонна и Пенн в буквальном смысле попали в ловушку: неизвестный развернул автомобиль поперек улицы и запросил 50000 долларов за то, чтобы освободить дорогу. В другой раз толпа местных жителей вывела из строя электрогенератор, выдвинув Годдарда прекратить съемку. Погода тоже не благоприятствовала съемкам. По сценарию действие картины происходит летом, на дворе же стояла середина зимы. Пенн — тот хоть мог надевать теплое нижнее белье под мешковатые костюмы моды 30-х годов, а вот Мадонне приходилось дрожать от холода в легких летних платьицах. Но самый ужас был в том, что район Гонконга, где

велись съемки, буквально кишел паразитами и огромными черными крысами. Несколько последних обосновались прямо под трейлером, в котором жила Мадонна. Все это вместе взятое, да еще и сомнения в собственных актерских способностях («Я окажусь ужасной актрисой, он меня разлюбит и прочее в том же роде».) заставляли Мадонну бояться, что их брак после съемок распадется. Позже она говорила: "Как ни странно, мы никогда не ладили лучше, чем в те дни. Нам по очереди приходилось быть сильными… Мне уже не хватало нервов, я плакала, а он говорил: «Не волнуйся, крошка, мы вытянем». А через две недели наступала ее очередь поддерживать мужа, уже готового признать себя побежденным. Но и в стране, где Мадонну, по ее выражению, принимали за «марсианку», Пеннов все равно настиг злой рок. В погоне за неуловимой четой англоязычная бульварная газетенка «Гонконг стандарт» объявила вознаграждение в 500 долларов за любую информацию о местонахождении Мадонны. Разворот под броским заголовком «РАЗЫСКИВАЕТСЯ» гласил: «Мадонна Луиза Чикконе, рок-певица и звезда кино. Последний раз ее видели в субботу, 11 января, прогуливающейся по улице Чонг Чау в районе морского порта. Тот, кто может установить и сообщить, где и когда она будет находиться, или сфотографирует Мадонну здесь, в Гонконге, получит в „Гонконг стандарт“ 500 долларов. Обращаться в отдел новостей газеты. Известно, что Мадонна находиться в городе вместе со своим мужем-актером Шоном Пенном на съемках фильма „Шанхайский сюрприз“. За неделю, что она здесь пробыла, она ни разу не встретилась со своими поклонниками и журналистами. Срок нашего предложения истекает сегодня в полночь!»

При переезде в красочный город-порт Макао Пеннам удалось ускользнуть от небольшой толпы поклонников, поджидавших в вестибюле роскошного отеля «Ориентал». Преследуемые по пятам, они вбежали в лифт и поднялись на восемнадцатый этаж, где был их номер. Но едва двери лифта открылись, как перед ними возник владелец «Гонконг стандарт» Лионел Борральо и принялся лихорадочно щелкать камерой. Видимо он решил взять дело в свои руки, потерпев в Гонконге фиаско, несмотря на обещанное вознаграждение в 500 долларов. — Что вы тут делаете? — заорал Пенн. — Вы на деле же испугаться пришлось самому Борральо — Пенн набросился на него с кулаками. Громила — охранник пытался остановить хозяина, но в ходе потасовки лямка фотокамеры захлестнула журналисту горло. Охранники потребовали отдать кассету с пленкой, что Борральо и сделал — в обмен на обещание эксклюзивного интервью с Пеннами. Но когда ему стало ясно, что у супругов нет ни

малейшего желания отвечать на вопросы, Борральо предъявил Пенну иск в связи с применением физического насилия и потребовал за нанесенный ущерб компенсацию в миллион долларов.

Мадонна снова встала горой за мужа. Заявив, что ей и в голову не могло придти, что этот «репортеришка» ринется за ними в Китай («Мы-то думали, что здесь к нам не станут лезть».), она обозвала Борральо «м…ком», а о местных своих почитателях высказалась как о людях, «у которых такая занудная жизнь», что единственная их отрада — грезить о звездах. На следующее утро перед зданием полицейского управления Макао собралась кучка репортеров, чтобы лицезреть «героя». Угрюмый киноактер, выходя их машины, спрятал лицо от фотокамер, прикрыв голову кожаной курткой. Продюсеры фильма ни в коем случае не хотели ссориться с китайскими властями. И именно в это время местная пресса сделала из Пенна жупел, назвав его «мерзким американцем». Агент по рекламе Крис Никсон, ветеран Голливуда, состоявший в съемочной группе, предложил простое решение — Пенну и Мадонне появиться перед репортерами, дать себя снять и тем спустить дело на тормозах. Один из служащих студии так говорит об этом: «Крис правильно рассчитал — они уберутся, как только получат желаемое. Фоторепортеры всегда охотятся за знаменитостями, к которым не подобраться, но, получив вожделенное, уматывают восвояси». Пенн уперся на своем. «Твое дело не фотографов ублажать, а думать о фильме и обо мне!» — рычал он на Никсона. Тот в долгу не остался. «Мое дело заботиться об успехе фильма, — орал он в ответ. — А сейчас картине нужна реклама!» Привыкший все делать по-своему, Пенн потребовал уволить Никсона за дерзость. И того уволили. Но режиссеру это не принесло большого облегчения. Пенны имели право одобрить рабочий сценарий и постоянно перечили Годдарду, внося свои коррективы. Один из членов съемочной группы признается: «Это был сущий ад для всех и для каждого». Тем временем в Лондоне Джордж Харрисон полностью контролировал ситуацию. Экс-битл как никто мог понять неудобное положение, в которое попали его звезды, и все их трудности. Ему было чуть больше двадцати, когда он со своими друзьями — коллегами вносил такую же сумятицу на съемках «Вечера трудного дня» и «На помощь!». «Тогда с нами не было никакого сладу, — признался Джордж позднее. — Мы все время перевирали текст и валяли дурака на съемочной площадке; работать с нами наверняка было чертовски трудно». У Битлз, однако, было однако одно громадное преимущество, которого крайне недоставало Пеннам, — обаяние. И они прекрасно ладили

с прессой. Пол Маккартни, Джон Ленон, Ринго Стар и Харрисон часто давали пресс-конференции, в ходе которых вступали в шутливые перепалки с репортерами и смеялись над собственной славой. Харрисон срочно вылетел на съемки «Шанхайского сюрприза». Он решил сделать выговор звездам-забиякам и предложить им помириться с прессой. Ни Пенн, ни Мадонна так и не смогли заставить себя ублажать журналистов. Пенн, правда с ворчанием, согласился не лезть на рожон и думать только о съемках.

Мир установился — но лишь на оставшийся месяц их пребывания в Китае. Вылетая в Лондон для продолжения работы над «Шанхайским сюрпризом», Пенны искренне надеялись, что в Европе их отношения с прессой относительно уладятся. Они появились на Берлинском кинофестивале на премьере фильма «Лицом к лицу». По всему миру разлетелись фотографии агентства «Ассошиэйтид пресс», запечатлевшие Пенна и Мадонну в уже знакомых всем темных очках и все так же закрывающихся куртками от фотообъективов. «Ну почему эти двое ищут „убежища“ на столь людных мероприятиях» — горестно вопрошал один из журналистов. — Загадка, да и только". На спешно созванной устроителями фестиваля пресс-конференции Пенн, если верить отчетам, в одной руке — сигара и сигарета с марихуаной, в другой бутылка пива, на вопросы иностранных корреспондентов отвечал едва внятно. Не успел их самолет приземлиться 24 февраля в аэропорту Хитроу, как репортеры, под проливным дождем дожидавшиеся прибытия нашумевшей четы, взяли в кольцо их автокортеж. В возникшей свалке фоторепортер газеты «Сан» Дэйв Хоген угодил под колеса «Мерседеса» Мадонны и серьезно повредил ногу. Пенн, которого этот случай не больно-то привел в чувство, попытался плевками утихомирить другого нахрапистого фоторепортера. На следующий день съемочная группа «Шанхайского сюрприза» в полном составе собралась в лондонском отеле «Парк Лэйн» — предстояло снимать сцену бала. Сюзен Кримп, корреспондент самой крупной британской независимой радиостанции «Кэпитал Рэдио», решила во что бы то ни стало попасть на площадку и выдала себя за статистку. она вспоминает: «Я пошла к костюмеру группы и попросила подобрать мне костюм 30-х годов, чтобы проникнуть внутрь». Очутившись в отеле, Кримп прямиком направилась в туалет, что в подвальном этаже, чтобы лишний раз проверить, хорошо ли работает спрятанный в сумочке портативный магнитофон.

При выходе из туалета ее схватил за руку высокий мужчина в кожанке и джинсах и потребовал назваться. «Я очень испугалась, — рассказывает Кримп. — Я была одна в этом

подвале и сразу не сообразила, что это-ограбление, попытка изнасилования или что-то еще. Я закричала, на крик появились такие же типы, схватили меня и стали теснить. Мне было больно, я не могла вырваться из этого круга. Наконец кто-то из администрации гостиницы велел им прекратить, а мне принес бренди. Как-то стыдно признаваться, но я тогда разревелась». По словам Кримп, эти незнакомцы были «вышибалами при Мадонне — местными головорезами, которых наняли в телохранители». Администрация отеля принесла Кримп извинения, признав, что это не единственный подобный случай в гостиннице, связанный с наемниками Пеннов. «Он сказал, что на этих телохранителей нет управы, — вспоминает Кримп, — а Шону и Мадонне, видимо, на все плевать». В течение следующих трех недель напряженный нейтралитет в отношениях между «Паскудыми Пеннами», как их теперь окрестили, и непримиримой британской прессой постоянно нарушался прямыми стычками. репортеров отпихивали, избивали и даже поливали из пожарных шлангов, когда Пеннам казалось, что те не держаться на должном расстоянии. Однажды стащили несколько поляроидных снимков Мадонны и Пенна, сделанных по заказу режиссера фильма Джима Годдарда; звезды пришли в ярость и отказались появляться перед камерами до тех пор, пока вора не найдут, а украденные снимки не уничтожат. Совладельцу компании «Хэндмейд Филмз» американцу Денису О'Брайену пришлось несколько драгоценных часов чуть ли не на коленях упрашивать темпераментную пару, и лишь после этого они согласились продолжить съемки. Как ни странно, со всеми своими нападками британская пресса обрушилась не на Шона Пенна, а на его жену. На другой день бульварные газеты писали, что Мадонна хочет «все в Англии переиначить по-своему». «Сан» проявила больше беспристрастности, возложив вину на обоих. «Испорченный мальчишка властвует над Мадонной», — гласил заголовок. Вскоре Мадонна добилась еще одного знака отличия — стала первой в истории поп — звездой, чье поведение вызывало жаркие споры в Палате общин Британского парламента. А британские газеты, присовокупив к поношению еще и оскорбление, злорадно сообщили, что американский модельер Блэкуэлл включил Мадонну в свой ежегодный «Список лиц, хуже всех одевающихся». Блэкуэлл назвал ее «делегаткой от района притонов на конкурс королевы была нищих».

Пенн упорно не желал не перед кем и ни в чем оправдываться. В журнале «Вэнити Фер» с его фотографией на обложке были опубликованы откровения Шона журналисту Джеймсу Уолкоту: "По мне лучше бар, чем спортзал. Люблю

выпить люблю заваруху. По поводу места миссис Пенн в его жизни он высказался так: «Она важнее истребления китов, ядерной войны или голодающих стран». Агрессивность Пеннов и дорогостоящие простои на съемках вызывали у Харрисона все большее раздражение. он решил сам заняться улаживанием отношений с прессой. В лондонском частном клубе «Руф Гарденз» 6 марта он созвал пресс-конференцию, на которой появился вместе с Мадонной, крашеной под платиновую блондинку. Пенн предпочел не показываться. Сидя рядышком за небольшим столиком, Мадонна и Харрисон предстали перед семью с лишним десятками шумных газетчиков; радио— и телерепортеров на конференцию не пустили. она была вся в черном, он не переставая жевал резинку. По периметру комнаты фланировали около дюжины телохранителей, которых в Англии именуют «няньками». Началось все довольно мило. на вопрос, была ли Мадонна поклонницей Битлз, она спокойно ответила, что ей было всего шесть лет, когда Харрисон с друзьями покорили Соединенные Штаты, так что для битломании она была слишком мала. Однако, как отметил Джон Пил из «Обсервер», «атмосфера была ощутимо враждебной, и враждебность нарастала по ходу пресс-конференции». Забавно, что именно Харрисон, а не Мадонна, бросил прессе вызов, невозмутимо спросив, способны ли ее представители отличить правду от лжи. «Вы сами делаете из мужи слона, а потом преподносите публике это так, словно мы сами придумали все для рекламы». — А вы на что рассчитывали? — спросил озадаченный репортер. Мы рассчитывали иметь дело с людьми, а не со скотами, — ответил Харрисон. Из задних рядов немедленно прозвучало: «Кстати, о скотах, — это правда, что на съемочной площадке Шон Пенн всех погонял?» В ответ Харрисон пустился в рассуждения о сущности знаменитостей: «Звезды — это люди, к которым приходит слава. Но они всего лишь простые смертные. Наступает время, и не остается ничего другого, как только к ним придираться». Когда другой журналист подпустил шпильку Мадонне, спросив, доходит ли у нее с мужем до драк, Харрисон снова вмешался: «Это что еще за вопрос? Вы сами, что ли, деретесь с женой?» Как относится Мадонна к критике в свой адрес? «Мне не в чем оправдываться», — пожала она плечами. На вопрос, что может она сказать об Англии, она мило улыбнулась. «Должно быть, очень красивая страна, — вздохнула она, — но не здесь». Под занавес Мадонна сказала: «Не такие уж мы плохие ребята, верно?»

Наутро Мадонна, включив радио, услышала многократное повторение своей фразы: «Мне не в чем оправдываться». Если ее собственные слова вернулись, чтобы испортить ей жизнь, то

должного действия они не возымели. Замысел Харрисона сработал: бульварная пресса, найдя себе новую жертву, больше не цеплялась к Пеннам, предоставив им спокойно посещать рестораны и даже бегать трусцой (понятно, в сопровождении телохранителей). В конце марта завершились съемки «Шанхайского сюрприза» (они обошлись в 17 миллионов долларов),и съемочная группа, покинув возмущенную Британию, вернулась в Штаты. В то время Англичане ненавидели Мадонну, — говорит Сюзен Кримп, — потому что она и Шон вели себя просто откровенно по-хулигански. В любую минуту она могла приказать телохранителям: «Хватит!» Но она не делала этого, зная, что любой скандал попадет на первые полосы. У нее все было четко рассчитано". Мадонна понимала, что если кто и умеет по0настоящему обрабатывать публику, так это Джордж Харрисон. Хотя в беседе с одним журналистом она и назвала Харрисона "незадачливым симпатягой, абсолютно не способным на подлость, факт остается фактом: той пресс-конференцией он добился именно того, что хотел. Более того, она способствовала рекламе «Шанхайского сюрприза». средства массовой информации во всем мире представили конференцию как событие первой величины; журнал «Пипл» поместил на обложке фотографию сорокалетнего битла, ставшего киномагнатом, вместе с его светловолосой звездой, вызывающей столько споров. Неплохая реклама фильму, которому предстояло выйти на экран уже через несколько месяцев и в успехе которого, кстати, Мадонна уже сильно сомневалась.

Обогащенные опытом, Мадонна и Пенн, вернувшись домой в Лос-Анджелес, внезапно изменили свою позицию на противоположную. Воинственные супруги лично явились в компанию «Орион Пикчерс» и без всяких просьб предложили свои услуги для рекламы выходящего фильма Пенна «Лицом к лицу». Мадонна уже успела внести существенный вклад в фильм мужа. проглядев ряд газет и ознакомившись со сценарием, она сочинила и записала «Живой расскажет» ('Live to tell')- трогательную балладу, которая должна была стать лейтмотивом фильма и ведущей песней ее очередного альбома. Кое-кто из руководства компании «Уорнер» опасался, что эта печальная, чуть ли не похоронная композиция не будет иметь успеха у поклонников, приученных к заводному, острому репертуару Мадонны. Опасения не подтвердились. «Живой расскажет» пользовалась невероятным успехом, чему способствовал видеоклип, на котором жестокие эпизоды из фильма «Лицом к лицу», о конфликте отцов и детей, перемежались с кадрами Мадонны, поющей прямо в камеру. без украшений, в простеньком

цветастом желто-синем платье с короткими рукавами, распустив свои волосы естественного темно-каштанового цвета, Мадонна выглядела самим воплощением свеженькой и чистенькой сельской девчонки. Она явно и целенаправленно меняла свой имидж. Ушел в прошлое образ неопрятной, взъерошенной Девчонки — сорвиголова эпохи «Бой-той»; с нагловатой крутой Меркантильной девицей было покончено. Теперь она коротко стриглась и красилась под блондинку, дала отставку толстому слою косметики, рассталась с дешевой бижутерией, а безрукавки с оборками и рваные колготки в сеточку сменила на облегающие мини-юбки или джинсы и короткие блузки с открытыми плечами. От прежнего остались только ослепительно алые губы, гипнотические голубые глаза и, конечно, ее знаменитая мушка — родинка. Легионы ее почитательниц типа «хочубытьтакойкакона» немедленно подхватили эту моду, сменив форму Меркантильной Девицы на мальчишеский силуэт, который теперь предпочитала их дива. Черные дни настали для французского друга Мадонны Мариполь, тиражировавшей аксессуары ее вчерашних нарядов. огромные распятия, ремни-пояса «Бой-Той», резиновые браслеты и т.п. — спрос на все это начал падать в середине 1986 года. Став жертвой нового имиджа Мадонны, фирма объявила себя банкротом.

Новый внешний облик Мадонны не оставила без внимания и Седьмая авеню. Вопреки «Списку лиц, хуже всех одевающихся» мистера Бэкуэлла, молодая женщина с окраин Детройта явно начала оказывать бесспорное и долговременное влияние на американскую моду моду. Она стала популярной певицей на Эм-ти-ви, ее музыкальные видеоклипы, проникающие в любой дом, позволяли ей постоянно являться перед огромной аудиторией американок в возрасте от 12 до 25 лет, ежегодно тратящих на одежду многие миллиарды. Она менялась — и они вместе с ней. «Я хотела стать чище, — прокомментировала Мадонна свой новый имидж. — Я вижу себя невинной, женственной, без всяких украшений. И это мне нравится». Запершись в тесной студии «Бербанк» с музыкальным режиссером «Турне Девы» Патриком Леонардом, оператором Майклом Вердиком и Стивом Брэем, Мадонна большую часть апреля уделила перезаписи своего третьего альбома «Такая тоска» ('True Blue'). Безжалостный и строгий распорядитель, она правила твердой рукой и вовремя долгих изматывающих сеансов записи выкрикивала указания, понося коллег и ставя им ультиматумы. «Музыканты орут на меня, — признавалась она, — потому что всякий раз, как они садятся перекусить, я смотрю на часы. „Ладно, ребята, полчаса прошло, возвращаемся в студию“. Ненавижу перерывы; после еды

все становятся сонными, запал уже не тот».

Один из свидетелей этого странного рабочего процесса вспоминает: «Пат Леонаррд, конечно, начнет уверять вас, что она просто душка. Но с улицы и в самом здании — всюду был слышен мат — перемат, Мадонне обидеть человека-раз плюнуть, и что бы вам не говорили, там пострадало изрядно самолюбий, но только не ее». «Тут дело тонкое, — признается Брэй. — Эта ее целенаправленность… ее можно не так понять, если ждать от Мадонны того, на что у нее просто нет времени». Однако Мадонна и Пенн находили время каждый вечер бывать в «Елене», где встречались с Джеком Николсоном, Шер и прочими. Именно таи, в «Елене», 12 апреля случилось нечто, вернувшее Мадонну к суровой действительности. Когда к столику Мадонны подошел песенник Дэвид Волински, ее старый друг еще по Нью-Йорку, она бросилась его обнимать. Камила Барбоун, знавшая их обоих еще в Манхеттене, говорит: «Дэвид абсолютно в ее вкусе, не заигрывать с ним это выше ее сил». Роковой ошибкой Мадонны было то, что она не рассчитала силу ревности мужа. Увидав, как Волински целует его жену, Пенн бросился на него, крепко избил и излягал, а потом схватил стул и пригрозил заехать им в окровавленный лоб жертвы. Членовредительству положили конец возмущенные свидетели этой сцены, которым удалось оттащить остервеневшего, извергающего ругательства Пенна от ошеломленного Волински.

С помощью владелицы и «тезки» клуба Елены Каллианиотес Мадонна выволокла мужа на улицу. Один ее знакомый сказал, что этот случай был «первым по-настоящему для нее болезненным. Волински был ее друг, и происшедшее ее действительно потрясло». Бывший участник команды Мадонны того же мнения: «Не думаю, чтобы она переживала за избитых фоторепортеров. Может, ей даже в кайф было глядеть, как Шон их отделывает. Но тут ведь был ее близкий друг, пролилась его кровь, и она испугалась. Пенн и раньше грозился, но теперь она поняла, что он способен курочить не только представителей прессы». Мелинда Купер добавляет: «Мадонна любит парней, но еще больше любит держать все в руках. А Шон, когда выпивал, становился буйным, неуправляемым, и тогда она в этом впервые убедилась». Видимо, для того, чтобы доказать себе и другим, что она по-прежнему сама себе хозяйка, она появилась в «Елене» уже на другой вечер в сопровождении Пенна" и с таким видом, — по словам одного из завсегдатаев клуба, — словно ничего не было". На премьеру фильма «Лицом к лицу» в лос-анжелесском «Бруин Тиетр» собралось множество звезд. Пенны — он в безупречном костюме, но без галстука, она с новой короткой стрижкой и в

элегантном коротком черном выходном платье — лучезарно улыбались перед камерами, взявшись за руки. Когда занавес опустился и зал начал аплодировать, Мадонна обратилась к репортерам: «Я им горжусь!» И вновь они отправились в «Елену» на сборище знаменитостей. Дон Джонсон попросил Мадонну спеть с ним дуэтом для его новой пластинки (от прямого ответа она уклонилась, а позднее дала отказ). Мишель Филлипс, выступавшая ранее в группе «Мамас анд Папас», а ныне звезда популярной телепрограммы, одобрительно подмигнула своей новой подруге Мадонне. «Милая непослушная девочка», — такую оценку она дала ее новому изысканному имиджу. На протяжении всего вечера висел страх — вдруг Пенн снова взорвется. Слава Богу, обошлось. Ему даже удалось несколько дней ограничивать себя в выпивке — до тех пор, пока критики не обрушились на «Лицом к лицу». Пресса разнесла картину в пух и прах, и та канула в небытие.

Пока Пенн зализывал раны, нанесенные его самолюбию, продюсер Роберт Стигвуд чуть было не подписал контракт с его женой на главную роль в экранизации мюзикла «Эвита», который с огромным успехом шел на Бродвее и получил «Приз Тони». Другими кандидатурами были Барбара Стрейзанд, а также Патти Люпон, выступавшая в главной роли в оригинальной постановке. Но Стигвуд явно отдавал предпочтение Мадонне — и не без оснований. Как символ честолюбивой блондинки Мадонна по темпераменту великолепно подходила на роль Эвы, скандально властолюбивой жены аргентинского диктатора Хуана Перона. И та и другая были напористы, умны, практичны, сексуальны и, с помощью пероксида изменив внешность, стали обожаемым кумиром миллионов. Нельзя было сбрасывать со счетов и рыночную стоимость самого имени Мадонны — тем более, что в фильме ей предстояло петь и танцевать. Волынка в «Эвитой» могла бы тянуться долгие годы — проект экранизации киностудии отфутболивали одна к другой, словно речь шла о нелюбимой падчерице. С каждым новым продюсером появлялся новый режиссер, предпочитавший в свою очередь новую звезду на главную роль. Теперь конкуренткой Мадонны выступала уже не Стрейзанд (признанная слишком старой для этой роли) и не Люпон (малоизвестна), а разносторонняя Мерил Стрип. Их соперничество за роль длилось несколько лет, но тогда Мадонне казалось, что вожделенная роль у нее в руках. Фотография Мадонны — подновленный тип звезды 1950-х годов Джин Сиберг — появилась на обложке журнала «Роллинг Стоун» за 5 июля — светлые волосы, белые матовые плечи, пальцы изящно касаются огромного цветка за корсажем. Заголовок гласил: «Новая

Мадонна»; и верно: у женщины на снимке, спокойной и собранной, уверенной в своей карьере и личной жизни, не было ничего общего с разбитной девицей прошлых лет. Ее уверенности пришел, однако, скорый конец. 6 июня Пенн и Мадонна крупно поссорились в ночном манхэттенском клубе «Пирамида». Спор перешел в драку, сильно пьяный Пенн шваркнул жену об стену; выяснение отношений продолжалось уже на улице. Служащий «Пирамиды» Майкл Грегор и посетители клуба замерли в изумлении: супруги орали друг на друга до тех пор, пока Мадонна не остановила такси и не умчалась в ночь в полном одиночестве.

Яблоком раздора в их отношениях были агрессивность Пенна и то, что он воспринимал как неверность Мадонны. Она продолжала встречаться со своими старыми друзьями и любовниками. Однажды ночью пьяный, ошалевший от ревности Шон пошел с пистолетом охотиться на Бобби Мартинеса. «Я был в „Палладиуме“, — рассказывает Мартинес, — и мне передали, что меня разыскивает Шон. Он направился к диск-жокею, я подошел к нему сзади, но было темно, много народу, и он меня не увидел. Когда он одернул пиджак, я заметил у него пистолет. А видик у него, поверьте, был как у психа. Я, понятно, тут же слинял». Третий альбом Мадонны вышел в конце июня, когда «Живой расскажет» все еще ходила в хитах. Он вызвал бурю восхищения, но кое-кто его и ругал, чего следовало ожидать. Названием альбома стало любимое словечко Пенна, ему же был и посвящен диск" самому спокойному парню вселенной". Альбом, по словам Мадонны, отразил «чистое отношение моего мужа к любви». Это дает настрой всему диску, знаменовавшему переход от заводных, сверхсинтезированных танцевальных ритмов к более собранному и жизнерадостному музыкальному стилю начала 1960-х годов. Ствен Холден в «Нью-Йорк Таймс» писал: «Эти песни, композиции, проницательно и искусно сработанные под песенки, какие обожают подростки и дети, обнаруживают неистощимое рекламное чутье Мадонны. Да и ее пение, раскритикованное как слабое подражание солисткам женских вокальных групп шестидесятых, значительно улучшилось».

Новенький диск лоснился и переливался, как сама новоиспеченная Мадонна. «Это поп простой и с примесями, — писал Винс Алетти в „Виллидж войс“, — со всей его непоследовательностью, ограниченностью и прелестью. Мадонна безошибочно усекла искушенную наивность и немое веселье попа. Она понимает внешнюю его притягательность, но еще лучше сечет его душу, чувства и внутреннюю силу». С ним соглашался Рой Тракин из «Ю-Эс-Эй тудей»: «С помощью новонайденного

изысканного имиджа и манеры исполнения Мадонна должна завоевать даже самых суровых из ее критиков». Главная композиция диска, написанная Мадонной и Брэем, была не менее бурной и заводной, чем «Храм любви» или любая песня из репертуара знаменитых женских ансамблей, задававших тон в поп-музыке четверть века назад. Алетти назвал «Такую тоску» «долгим вздохом по Шону Пенну». «Мадонна с благодарностью погружается в это, — писал Алетти, — словно во взбитые сливки». Дэвид Хинкли верно заметил, что это просто тактических ход Мадонны, рассчитанный на то, чтобы удержать ее прежних молодых поклонников и поклонниц, пока она создает себе имидж классом повыше. «Мадонна прекрасно понимает, что если у вас есть такая преданная группа поклонников, как ее тинэйджеры, — писал Хинкли, то приходиться проявлять осторожность, чтобы не отпугнуть ее, завоевывая в то же время души и сердца всех остальных. В этом отношении „Такая тоска“ — настоящий шедевр». Страстную песню «Красивый остров» (« La Isla Bonita „) Мадонна, по ее словам, от всего сердца посвятила „прекрасным и загадочным людям Латинской Америки“. Более откровенная „Открой свое сердце“ („Open You Heart“)-“У меня замок, у тебя есть ключ» — милая мольба о любви, обращенная к потенциальному возлюбленному. А в композиции «Где веселье?» («Where's The Party?») Мадонна ближе всего подошла к откровенному разговору о том, что это такое — жить посреди тайфуна, поднятого средствами массмедиа, каково приходиться, если в прессе постоянно полощут мое имя, со всех сторон обложили репортеры и мой маленький мир вот-вот рухнет. Когда на меня находит такое чувство — а оно — таки порой находит, — я говорю себе: «Постой -ка, я ведь здесь для того, чтобы хорошо провести время, так где веселье? Да катись они к черту, я все равно могу наслаждаться жизнью». Всем этим песням предстояло через несколько месяцев стать грандиозными хитами, равно как и миленьким видеоклипам, которые выпускались одновременно с выходом каждого сингла. Альбом включал также композицию Джеймса Кэгни «Белый накал» («White Heat»), и еще одну темпераментную песенку «Джимми Джимми» («Jimmy Jimmy») и затрагивающую общественные проблемы «Любовь движет этим миром».

Но главные лавры на третьем диске Мадонны достались песне «Папа, не поучай» («Papa Don't Preach»), автором которой был Брайан Эллиот. В ней девочка-подросток умоляет отца позволить ей сохранить своего еще не родившегося ребенка. Мадонна говорит об этой песне: «Когда я ее впервые услышала, мне она показалась глупенькой, но потом я подумала — постой —

постой, это же песня о девчонке, которая сама выбирает себе жизнь! Они с отцом любят друг друга, и она хочет сохранить их душевные отношения. Я считаю, что это гимн во славу жизни». Она с удовольствием отмечает, что «Папа, не поучай» — это «песня-послание, которую все, конечно, поймут превратно. Сразу посыпятся заявления, что я призываю всех молоденьких девочек поскорее лечь с парнем и забеременеть». Видеоклип, снятый по песне «Папа не поучай» старым приятелем Мадонны Джейми Фоули на натуре, в облюбованном квалифицированными рабочими жилом районе на Статен-Айленд, был для Мадонны настоящей вылазкой в действительность; эту трогательную житейскую мини мелодраму поклонники Мадонны и критики приняла на «ура!» В роли отца, которому проходиться решать, сохранить ли его своевольной дочери внебрачного ребенка, снялся Дэнни Айелло; а двадцативосьмилетняя Мадонна доказала, что способна выглядеть столь же очаровательно хрупкой, как любая Лолита из рабочих кварталов. В конце клипа есть напряженная сцена-Мадонна с замиранием сердца ожидает согласия отца, — за которой следует трогательная развязка: отец заключает дочь (и, видимо, ожидаемого младенца) в объятия. Мадонна, однако, не думала полагаться исключительно на образ неискушенной девочки с улицы. Дабы оградить себя от возможных потерь, она заставляет свою героиня запросто расхаживать в майке с надписью «Итальянцы умеют лучше». Время от времени в клипе появляется и сама Мадонна в нескромно облегающем черном трико; она танцует и оглаживает себя, исполняя припев песни. Как вскоре выяснилось, уверенное предсказание Мадонны, что «Папа не поучай» вызовет бурю нападок, начали сбываться. Защитники права женщин на аборт выступили с гневной отповедью. Исполнительный директор нью-йоркского Центра по контролю над рождаемостью Альфред Моран Заявил: «Смысл песни в том, что забеременеть — плевое дело, а родить младенца — дело хорошее и правильное, поэтому не следует слушать ни родителей, ни учителей, ни кого бы то ни было, кто вас отговаривает, — Папа, не поучай. Мадонна, в сущности, толкает девочек-подростков на путь постоянной нищеты».

Однако консерваторы, выступающие за запрет на аборты, впервые запели Мадонне хвалу. «Молодая женщина может нынче прервать беременность практически где угодно, — заметила сторонница принципа „не родившиеся имеют право на жизнь“ Сюзен Карпентер — Макмиллан. — Мадонна им говорит: не торопитесь, есть и другой выбор». Даже Типпер Гор, чей Центр по музыкальному воспитанию детей, находящийся в Вашингтоне,

критиковал Мадонну за сексуальную ориентированность выступлений, это произведение похвалил: «Мне кажется, что в песне затронута серьезная проблема, причем сделано это с пониманием все ее остроты и в то же время с чувством — и в тексте, и в манере исполнения Мадонны. Эта песня также призывает к взаимной поддержке и большому взаимопониманию в данном вопросе во всех семьях, — отметил Гор, — а все, что способствует этому, я только приветствую». Приветствие Гора слилось с шумом звонкой монеты — не только в Соединенных Штатах, но по всему миру. «Такая тоска», самый раскупаемый альбом 1986 года, стал хитом номер один в Австралии, Австрии, Бельгии, Бразилии, Канаде, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Гонконге, Ирландии, Израиле, Италии, Японии, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии, Филиппинах, Швейцарии, Великобритании и Венесуэле. А если где-то диск и не достиг пика популярности, он все равно раскупался. В конечном счете, альбом «Такая тоска» разошелся фантастическим тиражом в 17 миллионов экземпляров.

Больше всех радовался Мартин Бергойн, лучший друг Мадонны. Теперь он работал в Нью-Йорке дизайнером-графиком, но продолжал посещать различные клубы и частенько сопровождал Мадонну, когда та была в городе без Пенна. Когда супруги устроили небольшой прием по случаю выхода клипа «Папа, не поучай», Пенн, что было для него не типично, сам пригласил Бергойна и Эрику Белл поучаствовать в праздновании. К тому времени тесная группка старых, еще по Манхеттену, друзей стала называть свою знаменитую подругу — Сама. На вечеринке обычно неутомимый Бергойн был непривычно тих. «С ним, ясное дело, что-то произошло, — вспоминает Белл. — Мартин сидел квелый, совсем на себя непохожий». Вернувшись в Манхеттен, Бергойн постепенно впал в полную апатию. «Мартин всегда был очаровательным проказником и чудесным парнем, красивым душой и телом, — рассказыкает Карин Махари, близкая подруга Бергойна, жившая когда-то на одной лестничной площадке с Мадонной. — Сейчас он был явно болен. Сперва, правда, никто не принимал этого всерьез». Махари сообщает, что Бергойн не хотел обращаться к врачу.

По правде говоря, Бергойн обратился-таки в бесплатную клинику, но там ему не смогли правильно поставить диагноз. «У него начались боли в желудке, и он все время ходил уставший, — вспоминает Белл. — В клинике его покололи витамином Б и отправили домой». В конце июня Махари Встретила его уже на улице и была просто потрясена: «Он стоял на углу, глаза у него были налиты кровью. Он был такой слабый, что с трудом

держался на ногах». Через несколько дней боли в желудке настолько усилились, что Бернойн позвонил Эрике Белл, чтобы та отвезла его в отделение неотложной помощи больницы св. Винсента. «Медсестра отвела меня в сторону и сказала, заметив при этом, что она могла бы и промолчать, но она уже видела молодых людей с подобными симптомами, и это вполне может быть СПИД. Меня как током хватило». Бергойн вернулся к своим родителям во Флориду, где после дальнейших анализов подозрения медсестры подтвердились. У Бергойна был СПИД. Он позвонил Мадонне и сообщил ей об этом. Известие повергло ее в отчаяние. Положив трубку, она разрыдалась. «С тех пор стоило кому-нибудь упомянуть имя Мартина, — говорит Мелинда Купер, — как Мадонна приходила в страшное волнение. У нее разрывалось сердце. Она любила его». Именно тогда, по словам Белл, «в Мадонне проснулась ее деловая натура». Сама сняла для Бергойна квартиру на Двенадцатой улице, рядом с больницей св. Винсента. Она взяла на себя немалые расходы по его лечению и уходу, равно как и оплачивала все его остальные счета. Бахари вспоминает: «Он делал для нее все, что мог, когда она только начинала карьеру. И теперь она платила ему тем же, что справедливо. Одно плохо — было слишком поздно». весь остаток 1986 года Мадонна ежедневно звонила Бергойну, стараясь как-то его ободрить, уверяла, что вот-вот будет найдено средство от смертельного заболевания. Сначала Шон Пенн отнесся ко всему этому с сочувствием. Он не одобрял ее «голубых» друзей, но, казалось, был твердо настроен сделать все возможное, чтобы она была счастлива, а их брак не распался. По словам их близких друзей, Пенн по настоятельной просьбе Мадонны слетал через границу в Мексику и привез оттуда экспериментальное лекарство от СПИДа, которого в то время еще не было в Штатах. То была рискованная затея, но он с готовностью на нее пошел, поскольку это давало ему давало ему возможность спасти их отношения. Бернойн был одним из двадцати гостей, приглашенных Пенном в нью-йоркский гриль-бар «Готем» на празднование двадцативосьмилетия Мадонны, но даже это не смогло вывести ее из мрачного настроения. Она продемонстрировала присутствующим, включая двух крепких телохранителей, дежуривших в баре, зеленый шелковый брючный костюм, купленный в Китае во время съемок «Шанхайского сюрприза», и заявила: «Мне он нравится, потому что зеленый. Это цвет зависти. А я всем вам завидую, вам не проходится жить все время на людях, как мне». Затем она извинилась и пошла в дамскую комнату — в сопровождении одного из телохранителей: без них она теперь почти не показывалась.

Непредсказуемые выходки Пенна, безусловно осложняли ей жизнь, но она все еще благоговела перед его талантом. Неудивительно поэтому, что она с радостью ухватилась за возможность сыграть одновременно с мужем в комедии-фарсе Дэвида Рэйба «Гусь и Том-Том», которую редко ставят на сцене. спектакль, поставленный самим Рэйбом, не предназначался для широкой публики, однако Мадонне хотелось набраться опыта и поупражняться в мастерстве, не волнуясь о реакции критиков. Но не всем лицам, занятым в работе над спектаклем, пришелся по вкусу проявленный в нему интерес. «Это вам не просто репетиции, — презрительно заметил представитель Центра Линкольна. — Раньше никому не было дела, репетируем мы его или нет. А тут, видите ли, вдруг всем интересно — и лишь потому, что заняты Пенн и Мадонна». И все же 29 августа в Центе Линкольна состоялось единственное представление-вход только по приглашениям. В тот вечер избранная публика лицезрела Пенна и Харли Кейта в ролях двух воришек по прозвищу, соответственно, Гусь и Том -Том, и Мадонну, играющую их подружку Лорэйн. Но само представление померкло по сравнению с жуткой сценой, устроенной Пенном после спектакля. Возвращаясь пешком домой — их квартира находилась в доме на углу Шестьдесятчетвертой улицы и Сентрал — Парк — Уэст, что всего в двух кварталах от центра Линкольна, Пенн и Мадонна заглянули поужинать в популярный ресторан «Джинджер мен». Когда они вышли, их уже поджидали фоторепортеры, в том числе Энтони Савиньяно. «Я последовал за ними, и во дворике перед их домом Пенн внезапно развернулся и обрушился на меня, — рассказывает Савиньяно. — Он промазал и тогда просто взял да и плюнул в меня». Все это Савиньяно умудрился запечатлеть на пленку, сняв в упор.

Репортер оттолкнул Пенна, и тот врезал ему кулаком. Но тут, как вспоминает Савиньяно, Пенн заметил другого фоторепортера. Мягкий по натуре, но цепкий Винни Зуффанте в дальнейшем продал ненасытным газетам и журналам достаточно фотографий Мадонны, чтобы получить право украсить свой «Мерседес» горделивым знаком — 10-Q MADONNA. Но тогда Пенн избрал его своей мишенью. «Винни такого хрупкого сложения, — говорит Савиньяно, — вот Пенн за него и взялся. Пенн очень храбрый, когда рядом телохранители, но когда он один, то предпочитает драться с тем, кто не может дать хороший отпор». Мадонна стояла в стороне, как всегда, даже не пыталась остановить мужа. Оттузив Зуффанте, Пенн ушел в дом. Пенн тогда был в расцвете таланта и, вероятно, всего лишь срывал на других злобу за безнадежный провал «шанхайского сюрприза». Фильм вышел на

экраны в праздничный День Труда и был встречен пустыми залами кинотеатров даже там, где пластинки Мадонны расходились всего успешней. Грэг Моррисон, призидент МГМ по реализации, говорил: «О фильме знали. Но интереса он не вызвал». Фактически звездная чета отреклась от фильма, чем обрекла его на провал и привела в ярость Джорджа Харрисона и руководство МГМ. Харрисон умолял Мадонну сделать видеоклип и тем самым помочь фильму, но она решительно отказалась. После очередного бесплодного разговора с Мадонной Харрисон признал, что «в отношении нее пресса оказалась права». Как свидетельствует один из его коллег по «Хэндмейд Филмз», «Харрисон был глубоко обижен на Шона и Мадонну. Он до последнего защищал их от нападок прессы, а они показали ему спину, по — крупному его заложили. Джордж Харрисон — настоящий джентльмен, но после такого даже он возненавидел Мадонну».

«Они само воплощение полного нежелания сотрудничать. Это было ясно с самого начала, — возмущался Грэг Моррисон. — Они и пальцем о палец не ударили для того, чтобы продать фильм». Моррисон признал, что Мадонна — поп-звезда высокого класса, но добавил, что она еще «не проявила свой талант актрисы. Что до Пенна, то его поведение в жизни всем только вредит. У таких звезд, как Марлон Брандо и Френк Синатра, отношения с прессой тоже никогда не были гладкими, но нельзя не отдать должного Брандо — актеру и Синатре — певцу. У нас сейчас полно молодых дутых звезд типа Шона и Мадонны, кто купается в лучах собственной славы, вторая, однако, не способна заставить людей выложить денежки за билеты». Пенны не просто махнули рукой на «Шанхайский сюрприз», они откровенно поливали картину грязью. «как выяснилось, режиссер не знал, что он снимает, — говорила Мадонна, — в результате мы оказались на корабле без капитана. На съемках мы чувствовали себя отвратительно, да это и видно… фильм был плохо поставлен, а уж смонтирован и того хуже. На ошибках учатся, и больше мне сказать нечего». «Шанхайский сюрприз» с треском провалился, и когда пыль осела, выяснилось, что катастрофа обошлась в огромную сумму-2.2 миллиона долларов. Мадонне это послужило еще одним доказательством, что ее брак с Шоном Пенном был серьезной ошибкой. Если одной из ее главных целей было научиться у него мастерству и обеспечить себе поддержку, чтобы попасть в мир кинозвезд, — а все ее друзья были согласны в том, что это в немалой степени повлияло на ее решение выйти за Пенна, — то шаг этот себя не оправдывал. Что касается все ухудшающихся отношений со средствами массовой информации,

представители которых, неоднократно битые Пенном, теперь прозвали пару ШиМ, то Мадонна продолжала прилюдно защищать своего мужа. «В отличие от Шона, мне с самых первых выступлений приходиться иметь дело с прессой и всем прочим. Я сама шла на это и, в общем, была ко всему готова, — объясняет Мадонна, — а Шон к подобному общению готов не был. Вот и вся проблема. Конечно, мне бы хотелось, чтобы был какой-нибудь мир, а не все это насилие, причем под насилием я имею в виду не только драки, но когда тебе визжат в лицо, цепляются, дергают. Мне такое совсем не по вкусу».

Все же насилие в виде драк и кое-чего похуже сильно тревожила Мадонну. Она готова была не только мириться с выходками Шона, но и молчаливо их одобрять до тех пор пока их жертвами оставались посторонние. Теперь же, когда он начал нападать на ее друзей, например, на Дэвида Волински, а саму ее начал оскорблять ан людях, как это случилось в клубе «Пирамида», она забеспокоилась о своей собственной безопасности. О том, что Пенн с пистолетом за поясом выслеживал в ночном клубе ее бывшего дружка Бобби Мартинеса, Мадонна не знала, но ее начала волновать его растущая привязанность к оружию. Ужаснувшись тому, как Пенн в день их свадьбы палил по вертолетам, вторгшимся в их «воздушное пространство», она с трудом убедила сего любителя огнестрельного оружия запереть последнее в сейф. «Она так прямо и выложила, — рассказывает их приятель, — что уйдет, если он это не сделает, а он знал, что так и будет». Однако такое положение вещей продолжалось недолго, и Мадонна не возражала, когда Пенн, к тому времени успевший обзавестись небольшим арсеналом ружей и пистолетов, оборудовал тир в звуконепроницаемом подвале их виллы в Малибу. Там он оттачивал свое мастерство, нацепив на голову наушники, чтобы защитить перепонки. Один из знакомых рассказывал, что он, бывало, прикреплял к мишени фотографию человека, которого в ту минуту больше всего ненавидел. В разное время Пенн изрешетил из большого пистолета изображения Принса, «Мармелада» Бенитеса, певца Ника Кеймена, Джона Ф.Кеннеди младшего и других признанных и даже потенциальных любовников своей жены. Еще немного — и он повесит на мишень фотографию самой Мадонны.

Глава 15

«Мне страшно, что через пять лет умрут все мои друзья».

СПИД. К осени 1986 года одно лишь упоминание о синдроме приобретенного иммунодефицита повергало в ужас всех американцев. Шон Пенн не был исключением. Ему никогда не нравились дружки гомосексуалисты Мадонны, теперь же, когда ее лучший друг умирал от СПИДа, он потребовал, чтобы она сдала кровь на анализ. Мадонна отказалась. Его беспокойство о том, что она, может быть, уже подхватила заразу, Мадонна расценила как явное проявление паранойи. Одному приятелю она призналась Шон мне так и сказал, что боится, как бы я не подцепила вирус, если еще не успела. Все время талдычил, что это возможно, — ведь о СПИДе почти ничего не известно. Я ответила, что пора бы ему повзрослеть".

У Мадонны были и другие причины не делать анализа. Одному танцору из своей команды она объяснила, что раз уж СПИД неизлечим, то она «и знать не желает», какая там у нее реакция на ВИЧ. Кроме того, требования Пенна она считала еще одним доказательством глубоко укоренившегося в нем чувства собственника. Его всегда раздражало, что Мадонна уделяет своим «голубым» друзьям столько внимания; теперь же, когда она каждый день названивала Бергойну и оплачивала его счета, Пенн как с цепи сорвался. 26 сентября 1986 года все эти трения вылились в публичный скандал, устроенный ими в офисе новой кинокомпании Мадонны на студии «Юниверсал». Свидетель этой сцены вспоминает: "Шон выскочил из офиса и начал орать: «О своих чертовых дружках ты думаешь больше, чем обо мне! Твои СПИДовые приятели тебе дороже!» Мадонна ответила: «Не будь ребенком. Катись отсюда подальше и пораскинь на досуге мозгами». Пенн еще немного покочевряжился — и вернулся в офис. Справедливости ради нужно сказать, что тревога Пенна была отнюдь не беспочвенной. По свидетельству ее бывшего менеджера, Мадонна сменила «не меньше сотни любовников» за период ее появления в Нью-Йорке 1978 году и до выхода ее первого хита четыре года спустя. Мадонна и сама похвалялась своей примечательной ненасытностью по части секса и даже как бы подыграла бытующему мнению о ней у широкой публики, назвав свое издательство «Слатко». Помимо ее распутного образа жизни, у Пенна были другие поводы для беспокойства, что Мадонна могла заразиться СПИДом. Ее любимый учитель танцев,

Кристофер Флинн, которого она называла своим «творческим любовником», не скрывал того, что он гомосексуалист, а в конце 1990 года умер от СПИДа (впрочем, это случилось через десять лет после их интимной связи). По словам Эрики Белл, Мадонна также соблазнила одного из бисексуальных приятелей Мартина Бергойна. Пенну сильно не нравилось ее пристрастие к латиноамериканцам из «Алфавитного городка» — той части нижнего Ист-Сайда, где улицы обозначены не номерами, а буквами алфавита. Можно было только гадать, кто из тамошних ребят был болен СПИДом, кололся наркотиками или вступал в половую связь с инфицированными наркоманами. Если верить ее друзьям, от которых она ничего не скрывала, и по крайней мере одному из ее бывших любовников, Мадонна до своего замужества в августе 1986 года не всегда проявляла должную предусмотрительность. И хотя снедавшая Пенна ревность к «голубым» друзьям жены, несомненно, стала первопричиной его требований, чтобы она проверилась на СПИД, к этому его подталкивало и еще кое-что.

Осенью 1986 года у Пенна объявился очередной соперник — новая привязанность Мадонны Ник Кеймен, высокий смуглый красавец. Мадонне попалась на глаза его фотография в английском журнале «Фэйс», но потом он заставил говорить о себе всю страну, раздевшись до подштанников перед дюжиной пялившихся на него женщин в телеролике, рекламирующем джинсы «Ливайс 501». Агент Мадонны в «Уорнер Рекордз» прислал ей демонстрационный ролик Кеймена, и она решила взять певца под свое крылышко. «Я сказала себе, — вспоминает Мадонна, — у этого парня есть абсолютно все: красивый голос, шарм, харизма и что-то в глазах, — и захотела для него что-нибудь написать». Она позвонила многообещающему певцу в его нью-йоркскую компанию звукозаписи и сообщила, что собирается написать для него балладу. «С ней было очень легко говорить, — вспоминает Кеймен. — Я ей ответил: „Потрясающе, тащи балладу сюда!“ И только когда я положил трубку, до меня дошло с кем я разговаривал». Через минуту Мадонна перезвонила — на сей раз с предложением сразу же сделать запись. «Понимаешь, — сказала она, — мне кажется, если мы сразу ее не запишем, то потом будет о чем жалеть, — ведь в ней могут что-нибудь изменить, и тогда я пожалею, что ее для тебя написала». Кеймен вылетел в Лос-Анджелес, и они пять дней без отдыха работали в студии. Результатом явилась песня «Каждый раз ты разбиваешь мне сердце» («Each Time You Break My Heart»). Вскоре они поняли, что у них много общего. Кеймен, в котором соединилась голландская, французская, ирландская, бирманская и яванская крови,

подарившие ему экзотическую красоту, также тяжело пережил раннюю смерть одного из родителей, в его случае — отца. Тот умер от рака, когда Нику было всего пятнадцать лет. «Ничего страшнее я в моей жизни не видел, — вспоминает он. — Пятнадцать лет — трудный возраст. Думаешь, что знаешь абсолютно все, и хочешь идти своей дорогой. Мне его не хватало, очень о многом хотелось с ним посоветоваться». Мадонна почувствовала в Кеймене не только родственную душу, но и талант, который ей захотелось поддержать. Это не ускользнуло от внимания снедаемого ревностью Пенна. Стараясь удержать жену он поехал с ней в Лос-Анджелес на массовый митинг в поддержку «Международной Амнистии» и там, явно играя на публику, вынес ее на руках на сцену. В сентябре, когда в Лос-Анджелесе должен был состояться благотворительный концерт в поддержку фонда борьбы со СПИДом, он повел себя совсем иначе — отказался сопровождать ее на это мероприятие, где было полно знаменитостей. Ведущий, очевидно, уверенный, что Мадонна не рассердиться на его шуточки, осведомился у публики, не видел ли кто-нибудь Шона. «Шон, — крикнул он, — поднимись сюда и вреж мне — и мне уже никогда не придется работать». Мадонна рассмеялась ничуть не обидевшись на остряка.

В остальном на протяжении 1986 года их взаимоотношения резко колебались — в диапазоне от любви до ненависти и от Тихоокеанского до Атлантического побережья. Пока Шон снимался в Лос-Анджелесе у Дэнниса Хоппера в ярком по изобразительному решению фильме «Краски» о войне между бандами, Мадонна начала работу в Нью-Йорке над комедией под условным названием «Тюрага» («Slammer»). Она все еще кипятилась из-за истории со «Знакомством вслепую», хотя с того времени прошло уже полгода. Тогда она официально заявила, что вышла из съемочной группы по причине переутомления; на самом то деле она разозлилась и отказалась сниматься из-за того, что ее, как она считала, бесстыже предали продюсеры. По условиям контракта с компанией «Уорнер», с ней должны были согласовывать сценарий партнера и режиссера картины. Но пока она находилась в Нью-Йорке, продюсеры в одностороннем порядке пригласили режиссером Блэйка Эдвардса («Слишком стар и занудлив», — сказала Мадонна одному из друзей), а затем дали роль Брюсу Уиллису («Ему? Ну-ну»). Она же хотела, чтобы режиссером был ее друг Джейми Фоули («Лицом к лицу»), а на главную мужскую роль прочила Пенна.

Но это было еще до выхода «Шанхайского сюрприза». Как только подсчитали убытки от невероятно низкого кассового сбора, Мадонна отказалась от дальнейших попыток сниматься

вместе с мужем. Она поспешно отказалась от участия в съемках «Тупика», ставить который к тому же должен был отец Шона, Лео. Тем временем биографический фильм об исполнительнице сентиментальных песенок Либби Холмен, в котором Мадонна намеревалась сниматься, тоже уплыл на сторону: продюсер Рей Старк пообещал роль Дебре Уингер. Мадонне очень хотелось повторить триумф Джуди Холлидей в «Рожденной вчера», но продюсеры пока что предпочли на эту роль Вупи Голдберг. На киностудии «Фокс» больше понравились именно ее кинопробы для новой версии ставшего классикой 1930-х годов «Голубого ангела» с участием Марлен Дитрих; над этим проектом ее приятельница Диана Китон работала вместе с продюсером Джо Келли. С режиссером Аланом Паркером велись переговоры, чтобы он взялся за постановку современной версии фильма, действе которого должно было развертываться в пятидесятые годы; Мадонна же обхаживала Роберта Де Ниро, чтобы тот согласился сыграть обезумевшего от страсти учителя. Когда восмидесятилетная Марлен Дитрих прослышала о том, что Мадонна собирается встретиться с ней, чтобы все обговорить, затворница, ставшая легендой кинематографа, нарушила молчание, чтобы высказаться со всей определенностью. «У меня нет ни малейшего желания, — заявила она в своем парижском доме, — встречаться с этой мисс Мадонной, да со мной никто и не связывался по этому поводу». Со знакомыми она была еще откровенней: «Чтобы эта женщина играла мою роль? Что она о себе воображает?» — говорят, отрезала она. От «Эвиты» Мадонна тоже не отказалась. На встречу с продюсером Робертом Стигвудом она явилась в вечернем платье времен 1940-х годов и в прическе Эвы Перон. Позже, когда этим несколько перезревшим проектом занялся режиссер Оливер Стоун, лауреат Премии Академии, она встретилась и с ним, предложив написать для мюзикла несколько песен в содружестве с композитором Эндрю Ллойдом Вебером. Откровенная наглость подобного предложения положила их разговору конец всего через четверть часа. «Оливер просто решил, — считает она, — что от меня у них будет один геморрой».

Теперь Мадонна решила во что бы то ни стало показать лицом свой комедийный талант в какой-нибудь эксцентричной комедии а-ля Кэрол Ломбард, где много действия. За несколько месяцев до этого она основала собственную компанию, которая расположилась в одноэтажном доме на территории «Юниверсал» в Бербенке. Кто был там главным, понятно и так. Среди пурпурно-розовых пятнистых драпировок Мадонна и ее консультант Кэрол Лис пролистывали сценарий за сценарием в поисках

эксцентричной комедии, способной быстро и наверняка превратить ее в Ломбард или Холлидэй своего поколения. На деле же сценарий, который она так долго ждала, буквально свалился ей на голову во время их свадьбы — она получила его от старого приятеля Шона Джейми Фоули; написал его Эндрю Смит, а разработала продюсер Розилин Хеллер со студии «Губер-Питерс Энтертеймент Компани». В «Тюряге» рассказывается о том как незадачливый адвокат (его играет Гриффин Данн) встречает у дверей тюрьмы убийцу Никки Финн (Мадонна), отпущенную под честное слово, и отправляет ее автобусом в Филадельфию. Она же, в свою очередь, полна решимости выследить мерзавца, который возвел на нее поклеп. Дальше, естественно, следуют сутки безостановочного насилия, включая погони, гангстеров, светскую свадьбу и появление 160 футового кугуара по кличке Мюррей. «Перекличка» с картиной 1938 года «Воспитывая Бэби», где Кэри Грант и Кэтрин Хепберн гоняются за леопардом, входила в замысел авторов фильма. Мадонна рвалась сниматься в картине, продюсеры же поначалу сомневались, стоит ли браться за фильм. Фоули, чьей последней работой была унылая драма «Лицом к лицу» с участием Пенна, никогда не имел дела с комедиями. Мадонна между тем превращалась в одну из самых широко рекламируемых суперкинозвезд последнего времени. Чтобы переубедить продюсеров и доказать, что они справятся с задачей, Фоули и Мадонна лично встречались с руководством компании «Уорнер». На этих встречах Мадонна неизменно появлялась в деловом темно-синем костюме. По настоянию звезды к работе над фильмом были привлечены новые сценаристы, которым предстояло заострить фабулу и четче обрисовать чувство, возникающие между скованным героем Данна и его свободолюбивой подопечной. Первоначально Фоули думал взять на главную мужскую роль своего друга Пенна, но после провала «Шанхайского сюрприза» Мадонна отнюдь не рвалась повторно сниматься со своим мужем. Все еще нежась в лучах славы после успеха комедии сюрпризов «После работы», где ему довелось играть в паре со старинной приятельницей Мадонны Розанной Аркетт, Данн не испытывал ни тени подобных сомнений: он уже доказал свою пригодность на амплуа прямодушных героев-неудачников. И он желал играть вместе с Мадонной с той самой минуты, как увидел ее на сцене Центра Линкольна в спектакле «Гусь и Том-Том». «Казалось, она была вся погружена в себя, — вспоминал он впечатление от ее игры в спектакле по пьесе Дэвида Рэйба, который шел всего несколько раз. — Когда она появилась на сцене с не зажженной сигаретой в пальцах, ты думал лишь о том, кто же поднесет ей огня. Играла

она потрясающе. Я понял — это настоящая актриса».

Чего не знал Данн, так это того, что где бы не появилась Мадонна, вокруг нее тут же собирались толпы поклонников. Стоило им выйти на улицу в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, чтобы отснять какой-нибудь эпизод, как актеров и съемочную группу начинали осаждать скопища зевак. Данн вспоминает, что первые несколько дней съемок он не раз думал про себя: «Боже, похоже, дело совсем сошло с рельсов. Мне все время казалось, что вот-вот произойдет что-то кошмарное, но каждый раз обходилось». И вновь коллегам довелось убедиться в сверхъестественной способности Мадонны отключаться от любых отвлекающих моментов, полностью сосредоточившись на стоящей перед нею задаче. Если она и была приманкой, собиравшей тысячи докучливых ротозеев вокруг съемочной площадки, то она же, казалось, в наименьшей степени страдала от этой обузы. «Сосредоточенность ее была непробиваемой, — свидетельствует режиссер Фоули. — Она ни на минуту не позволила себе стать прежней Мадонной — поп — звездой, общающейся с буйными фанатами». «Мадонна очень переживает за картину, — заметил Данн одному репортеру, — но по ней этого не скажешь». Фоули с ним согласился: «Она какая-то помесь бандерши с королевой бала». Когда Мадонна в промежутках между дублями отрывалась от чтения, она снимала напряжение тем, что шутила с коллегами по съемочной группе, забиралась на лестницы и притворялась, что сама будет ставить свет. Как-то один из техников разозлился на статистку и потребовал, чтобы «эту женщину отсюда убрали». Мадонна изобразила раздражение и в свойственной ей манере воскликнула: «Эту женщину! Эту женщину!» Тут все, включая саму актрису и техника, рассмеялись. Бывало, однако, что она крайне раздражала напарников. Мадонну, как правило, устраивал первый же отснятый дубль, а Данн, как большинство актеров, предпочитал отснять четыре, а то и больше, чтобы выбрать лучший. «Она все твердит — „Получилось, получилось“, — и этим просто сводит меня с ума, прямо как ее героиня в картине, — говорил Данн. — Понимаете, она очень шумливая. За ленчем или вообще между съемками она совсем другая, но на съемочной площадке у нее проявляется особый талант ее героини, с каким та действует моему герою на нервы, — трещать без умолку между дублями, — тогда я смотрю на нее и диву даюсь: да кто же она такая на самом деле?»

Этим вопросом вполне мог задаться и Пенн. Между Данном и Мадонной, без сомнения, не было никакого влечения. Но она делилась с ним кое-какими своими трудностями, поэтому Данну приходилось ее сочувственно выслушивать. Пенн, как и

следовало ожидать, заподозрил, что ему опять наставляют рога, и обвинил жену в том, что она якобы снова изменяет ему с главным партнером по фильму. Стоило Мадонне вернуться в Лос-Анджелес для съемок павильонных сцен «Тюряги» на студии «Уорнер», как Пенн ненадолго перебрался из их дома в Малибу к своему брату Крису, тоже актеру. Какое-то время супруги, презрев брачные узы, появлялись в городе врозь, твердо настроившись заставить ревновать другую половину. Пенн с Крисом объявились в «Елене», где Шон в свое время набросился на Дэвида Волински, друга жены, и публично провозгласили себя «эмансипированными мужиками». Но уже через несколько дней Пенн, видимо, передумал. Во время одного из своих редких появлений в «Вечернем Шоу» Пенн, которого Мадонна постоянно ругала за дрянную обувь, гордо продемонстрировал Джонни Карсону новые кожаные ботинки, объяснив перед камерой, что надел их «ради Мадонны — где бы ты не была». Через несколько дней, уже в Нью-Йорке, им вроде бы удалось помириться. Мадонна всегда ухитрялась выкроить время, чтобы часок пробежаться трусцой по Центральному Парку в спортивном костюме из парашютной ткани, темных очках и бейсбольной шапочке. Во время одной из таких пробежек с ней поравнялся Пенн, и вновь началось выяснение отношений. Повод был все тот же — ее привязанность к больному СПИДом Мартину Бергойну и продолжающаяся поддержка Ника Кеймена. Они остановились и принялись кричать друг на друга прямо на глазах у изумленных прохожих. Все это удалось заснять одному предприимчивому фотографу, следившему за ними от самого дома. На утро раскаявшийся Пенн купил в дорогой модной лавке за 5 тысяч долларов наряд и преподнес Мадонне в знак примирения. Уловка сработала — на время. Пенн вернулся в Лос-Анджелес, чтобы обсудить со своими адвокатами обвинение в оскорблении действием, предъявленное в связи с его нападением на Дэвида Волински в «Елене». Мадонна же осталась на съемках «Тюряги» и продолжала, невзирая на неудовольствие Пенна, встречаться с Ником Клейменом. Пригласив Кеймена выступить вместе с ней в Гала-концерте в пользу музыкантов, который должен был состоятся в Лондоне на другой вечер после Дня Благодарения, Мадонна наверняка знала, как отнесется к этому Пенн.

Свое отношение он выказал в «Елене». Когда диск-жокей поставил пластинку «Папа, не поучай», на танцевальную площадку выскочил Пенн и начал вертеться и дергаться, изображая Мадонну в отнюдь не лестном для нее виде. «А Мадонна-то здесь?» — спросил кто-то. «Мадонна? — проревел в ответ Пенн, опрокинув на себя очередную банку пива. — Какая

такая Мадонна? Не знаю никакой Мадонны!» Крис Пенн, как рассказывают, тогда же объяснил брату, что тому придется теперь либо разводиться, либо аннулировать брачный контракт. «Ну уж нет, — ответил Пенн, продолжавший шататься по Лос-Анджелесу с заткнутым за ремень пистолетом 22 калибра. Скорее я ее саму аннулирую!» Это заявление, если учесть природную склонность Пенна к насилию, прозвучало зловеще. Воссоединившись с Шоном на вилле в Малибу, Мадонна обнаружила, что упакованное до этого и спрятанное оружие теперь валяется по всему дому — в шкафах, в ящиках письменных столов и в ночной тумбочке у их огромной постели под пологом. Пока она занималась гимнастикой в специально для этого оборудованном помещении, Пенн часами просиживал на подоконнике у себя в кабинете, прихлебывая пиво и постреливая наугад в бассейн на заднем дворике. Возможно, в одном из побочных результатов брака с ведущей мировой секс-звездой было то, что Пенн собрал приличную коллекцию порно-клипов, а порнографические журналы валялись у него по всему дому. Мадонну же непристойные снимки оскорбляли, к тому же она все еще не до конца оправилась от удара после публикации ее фотографий в «Пентхаусе» и «Плейбое», она распорядилась выкинуть вон все журналы.

Эксцентричные выходки мужа Мадонна воспринимала как один долгий крик о помощи. Она была полна решимости спасти их брак и пойти Пенну навстречу, но сперва должна была сдержать обещание и принять участие в благотворительной акции по борьбе со СПИДом. 10 ноября вместе с Дебби Харри, Памолой Пикассо и Питером Алленом она неожиданно появилась в роли знаменитой манекенщицы на демонстрации мод, сбор от которой предназначался для одной нью-йоркской больницы для умирающих. На аукцион поступили семьдесят три джинсовые куртки, каждая расписана узором работы таких знаменитостей, как Энди Уорхол или Роберт Раушенберг; Мадонна прошлась по демонстрационному помосту в нескольких из этих курток, включая расписанную ее другом Мартином Бергойном, умирающим от СПИДа. По возвращении в Лос-Анджелес уже она поднесла мужу дары мира — большую коробку модельной мужской обуви, стоящей целого состояния. На этот раз их примирение не продержалось и одного дня; Мадонна перебралась в отель в Сан-Фернандо Вэлли, где сняла номер под именем Дэззи Миллер. Пенн, предавшись еще более сильным возлияниям, чем обычно, часами сидел в одиночестве на вилле в Малибу. Он просматривал их частные видеокассеты, на которых, по слухам, были запечатлены минуты их интимной близости, и фотографии

их самих en flagrante, отснятые на поляроиде и хранившиеся у него в сейфе. Учитывая бурный характер их супружеской жизни, для Пенна не должно было стать таким уж ударом сообщение Си-эн-эн о том, что Мадонна дала своим адвокатам указание подготовить все нужное для развода. Но для него это было ударом. Си-эн-эн это свое сообщение в дальнейшем опровергло как неподтвержденное, но Пенну хватило и того, что оно было передано. Просмотрев сообщение по телевидению, он разразился рыданиями. «Я люблю ее, — закричал он, обращаясь к экрану, — разве она не понимает, что я ее люблю?» Его родители, опасаясь, как бы сын с горя не натворил глупостей, попросили Криса отменить все дела и побыть с братом. Пенн, впадавший то в тоску, то в истерику, беспрерывно твердил о своей вечной любви к Мадонне. Так продолжалось до самого утра. Крис говорил друзьям, что никогда не видел брата таким удрученным.

Между тем в Нью-Йорке Мадонна все силы и внимание направила, как лазерный луч, на завершение «Тюряги». На съемочной площадке ее раскованность и любовь к шутке завоевали симпатии не склонных, как правило, к сердечности членов съемочной группы. Температура упала ниже нуля, и для нее соорудили маленькую будку с обогревом, где она могла передохнуть между дублями. Режиссер Джейми Фоули вспоминает: «Она сидела там как принцесса, ей чертовски это нравилось. О, это самая большая кокетка, какую я когда-либо знал!» Не то чтобы Мадонна оставалась такой милой и легкой в общении на всем протяжении съемок. Во время сеансов перезаписи звука, когда требовалось переозвучить неясные реплики, она постоянно отказывалась работать, настаивая на том, что ее самые первые дубли и были самыми лучшими. Уступала она лишь после того, как режиссер, умоляя перезаписать одну-единственную реплику в каком-нибудь диалоге, в прямом смысле становился перед ней на колени и прикладывался губами к стопам. Властные замашки Мадонны проявлялись за пределами съемочной площадки — теперь она замышляя всемирное турне, подгадав его под выход на экраны следующим летом своего фильма. Будучи отличным стратегом, она не желала отдавать успех ни турне, ни картины на волю случая. Пока Пенн и его адвокаты обдумывали, как ему избежать срока по делу нападении на Дэвида Волински, администрация «Уорнер» предусмотрительно решила, что название «Тюряга» может в этих обстоятельствах вызвать нежелательные ассоциации. Фильму дали новое рабочее название — «Кто эта девушка?» ('Who's That Girl?'). На этот счет Мадонна твердо решила поставить в известность своих почитателей. Она лучше, чем кто-либо,

понимала рекламную ценность шумихи. Бывший служащий киностудии свидетельствует: «В личном плане она могла быть жутко нетерпеливой, то есть — вынь да положь, и точка. Но когда речь заходила о ее карьере, она все рассчитывала на месяцы и годы вперед». Завершив, подобно хамелеону, превращение из чувственной девочки — сорвиголова периода «Бой-Той» в стройную изысканную красавицу, Мадонна занялась обработкой публики, посещающей кино и концерты, с тем чтобы приучить ее к своему новому имиджу. Для этого в нескольких читаемых американских журналах было организовано появление материалов о ней и подборок фотографий — с выносом на обложку. Майкл Гросс на страницах журнала «Вэнити Фер» взахлеб перечислял разительные перемены в ее образе жизни и в ней самой. Рассказав о ее строгой вегетарианской диете («У вегетарианцев светлее кожа.»), ежедневных трехмильных пробежках и изнурительных тренировках под бдительным оком ужасного тренера Роба Парра. Гросс отметил, что Мадонна похудела на десять фунтов, сменив так называемый «детский жирок» на мышцы и мускулы.

«Все звезды должны походить на нее, — писал он. — Юная телка стала блистательной королевой… Пухлый живот гладок как доска. Разбитной вид сменился нежным очарованием экранной сирены… И весь этот сияющий новый облик о чем-то нам говорит». И тут Гросс выдал фразу, которая через несколько лет стала девизом Мадонны. Гросс назвал ее «законной наследницей давно пустующего трона вожделенной блондинки». Сама Мадонна высказалась не столь поэтично: «Если у вас есть что предложить, — заметила она, пожав плечами, — запускайте рекламу». Своей мушкой и платиновой прической Мадонна по-прежнему вызывала воспоминания о Монро, но публике надлежало понять главную между ними разницу: в отличие от Монро, эта секс-звезда всем решительно заправляла — и сама распоряжалась своей судьбой. В этом смысле она решительно поставила все точки над "i", когда ее старый приятель Херб Риттс снимал ее для журнала «Венити Фер». Переспорив модельера Джо Маккенну, она отказалась сниматься в костюме 1964 года фирмы «Шанель», в котором однажды позировала Катрин Денев («Не мой стиль».). Вместо этого она велела своему помощнику доставить из Калифорнии один из старых нарядов Софи Лорен. Мадонна пришла в восторг, когда издатели «Лайф» предложили ей в паре с фотографом Брюсом Вебером поработать для журнала. Брюс славился как автор элегантных фотопортретов кинозвезд, ставших легендами Голливуда. Он в свое время сделал один из самых любимых снимков Мадонны — полный страсти портрет

актрисы Джессики Ланж, бывшей тогда кумиром Мадонны. Она говорила, что работы Вебера насыщены «сексуальной энергией». Ею же была насыщена их первая встреча. «Я хочу, чтобы мы сотрудничали, чтобы вместе участвовали в творческом процессе», — сказала она очарованному Веберу. Скомкав тщательно разработанный незадачливыми издателями «Лайф» сценарий, они принялись импровизировать.

На узких, людных улочках Маленькой Италии в Манхеттене вокруг них немедленно собиралась толпа зевак, глазея, как она заигрывает перед объективами с отобранными для съемки красавцами, облаченными в кожаные куртки. «Никакая она ни Мадонна, — ухмыльнулся какой-то скептик. — Для Мадонны она выглядит слишком пристойно». Это утверждение, однако, шло вразрез с мнением занятых в съемках парикмахера, гримеров и модельера. "Ее любимыми фразами были «Иди сюда» и «Сделай немедленно!», — вспоминает один из сотрудников «Лайф». По его словам, Мадонна «без конца орала, что кому делать» и «в буквальном смысле отпихивала всех, кто мешал ей пройти». После целого дня напряженных съемок Мадонна вернулась в Лос-Анджелес, где продолжила работу над фильмом «Кто эта девушка?». Результатом ее сотрудничества с Вебером стала очередная дань уважения Мэрилин Монро. Текст на обложке «Лайф» гласил: «Потрясающая пара — Мадонна и фотокамера», но роковая красавица с оголенными плечами и обесцвеченными перекисью волосами, которая смотрела с обложки в глаза читателей, более походила на героиню Монро из фильма «Зуд седьмого года». Разворот с самом журнале более полно раскрывал ее сущность: Мадонна, развязно перегнувшись через гримерный столик, целует собственное отражение в зеркале. Вернувшись в Лос-Анджелес Мадонна преодолела свою неприязнь к собакам («Они писают прямо в доме, шерсть липнет к одежде. Им нужен уход, как за грудными младенцами, но у тех хоть есть пеленки»). и купила для мужа щенка — помесь овчарки и волка. «Он чуть не заплакал, когда я принесла ему эту собаку», — вспоминает она. Щенка назвали Хэнк. «У меня словно ребенок появился… Он повсюду таскал Хэнка с собой, хотел даже взять в постель, тут-то я и задумалась — что же я натворила?» Дома она пробыла недолго. В субботу после Дня Благодарения из Нью-Йорка позвонила Эрика Белл и сообщила, что состояние здоровья Мартина Бергойна резко ухудшилось. «Он очень слаб, у него были просто чудовищные боли», — рассказывает его подруга и соседка Карен Бахари, полгода чуть ли не каждое утро забегавшая к Бергойну, чтобы приготовить ему завтрак. Некогда крепкий Бергойн, подхвативший на почве СПИДа разные болезни, весил

теперь менее ста фунтов.

Мадонна сразу же сорвалась в Нью-Йорк, чтобы в последний раз повидаться со своим ближайшим другом. Он то и дело терял сознание. Родные и друзья, собравшиеся у его постели, все время утешали его тем, что скоро приедет Мадонна. Появившись, она поцеловала его в щеку и сказала, что любит его. Она держала его руку в своей, пока он не умер. Бергойну было двадцать три года. Он умер в воскресенье после Дня Благодарения. «Мартин боготворил Мадонну, — вспоминает ее старый друг Джонни Дайнелл. — Он не мог умереть, не повидав ее». Эрика Белл, тоже находившаяся у смертного одра Бергойна, подтверждает, что они глубоко любили друг друга". И все же, по словам Белл, когда все вокруг рыдали, Мадонна хранила спокойствие, что для нее очень типично". Она в своей жизни видела безвременную смерть, поэтому выработала свой собственный защитный механизм, помогающий справиться с горем. «Если ты знаешь, что кто-то умирает, — считает она, — надо смириться с этой смертью еще до того, как она наступит. Я с этим смиряюсь заранее, чтобы не так страдать. Поэтому, когда смерть приходит, я уже ничего не ощущаю». Бергойна хотели проводить в последний путь по-скромному, но Мадонна настояла на более пышной церемонии. Своему старому приятелю, завсегдатаю «Данстерии» Джонни Дайнеллу она сказала: «Надо снять большой зал. Денег я не пожалею. Найди зал». Через пять дней большая толпа, в том числе многие близко знавшие Мадонну в самом начале ее карьеры, собрались под дождем у «Пак Билдинг» на Хьюстон-стрит в Манхеттене, чтобы попрощаться с Бергойном. В самом здании еще несколько сот человек заполнили весь девятый этаж. Среди них были импресарио клуба Стив Рубелл и художник Кийт Хэрринг, впоследствии тоже умершие от СПИДа. Многие плакали в открытую, когда Бахари исполняла песню «Над радугой», вкладывая в нее всю свою душу. В соответствии с волей Бергойна, поминки продлились до самого утра. На этой церемонии не было только самой Мадонны. Сразу после смерти Бергойна она вернулась самолетом в Лос-Анджелес. «Нам всем хотелось знать, к каким чертям она подевалась, — вспоминает Дайнелл. — Позже она объяснила, что не хотела притягивать толпы своих поклонников, но мне кажется, она просто не желала выходить из рабочего графика».

И все-таки именно Мадонна взяла на себя оплату всех медицинских, да и других, расходов Бергойна — они превысили сумму 100 тысяч долларов. Поэтому трудно объяснить ее реакцию на полученный счет за похороны и поминки в 4 тысячи долларов — она в начале вообще отказалась платить. «Она не хотела

оплачивать счет, — рассказывает один из ее знакомых. — Она, конечно, очень любила Мартина и была глубоко потрясена его смертью. Но когда дело касается бизнеса, она умеет быть твердой. Я думаю, она посчитала, что с нее слишком много запросили». Но в конце концов, посетовав на громадность суммы, она выписала чек. Трагическая смерть Мартина Бергойна подвела черту под определенным этапом жизни Мадонны. В то же самое время нарождался ее новый эффектный имидж. Наступило Рождество, и видеозапись с песней «Открой свое сердце» поднялась на первое место в списке хитов Эм-ти-ви. На создание песни Мадонна вдохновили ее давнишние тщетные попытки подружиться с ожесточившимися от жизни ребятишками в районе нижнего Ист-Сайда, где она тогда жила. Эти попытки могли бы стать основой удачного сценария для видео, когда Мадонна выступала в образе уличной девченки-сорвиголовы. Но теперь с этим образом она рассталась. В соответствии с новым зазывным обликом Мадонны, она теперь снималась в роли стриптизерки дешевого уличного аттракциона. В создании клипа «Открой свое сердце», помимо режиссера Жана-Батиста Мондино и оператора Паскаля Лебежа, принял участие ветеран Голливуда художник Дик Силберт, разработавший отличный изобразительный ряд. Под взглядами колоритных феллиниевских типов, пожирающих ее глазами из-за стекол кабинок, полуголая Мадонна вполне недвусмысленно расхаживает, танцует и извивается. Для вящего эффекта клип заканчивается тем, что Мадонна целует взасос двенадцатилетнего паренька, а затем исчезает с ним, растворяясь в закате. «Потрясающе соблазнительно, — восхищался кинокритик из „Нью-Йорк Таймс“ Винсент Кенби. — За эти насыщенные 4 минуты 22 секунды, напоминающие лаконизмом хокку, Мадонна предстает перед нами как самая невероятная и сладостная мечта любого подростка. Это маленькая смешная сексуальная классика видео». Мадонна рассчитывала, что вокруг этой «маленькой классики видео» по-новому забушуют споры о нравственности; и споры забушевали, обеспечив тем самым успех клипу. Чего она не предвидела, так это бури, какую он вызовет на ее собственном семейном фронте. Пенн, все еще обозленный ее дружбой с Ником Кейменом и отказом пройти тест на СПИД, был вне себя от ярости, просмотрев этот клип, рисующий его жену как приманку для всяких извращенцев. Более того, по словам одного из приятелей, Пенн нашел «омерзительным» ее далеко не сестринский поцелуй с ребенком. Последовала еще одна бурная сцена с хлопаньем дверьми и обменом «любезностями». Мадонна вновь вернулась в Нью-Йорк. Там, найдя утешение в обществе Ника Кеймена, она и провела рождественские праздники — без

мужа.

Глава 16

“Он больше бранится, чем сердится". "Надеюсь, Шон выйдет из тюрьмы лучшим человеком и даже более крупным актером”.

После нескольких месяцев уговоров замять дело мрачный Шон Пенн предстал перед уполномоченной Муниципального суда Лос-Анджелеса Джулиэнн Кэти. Он не отрицал предъявленного ему обвинения в оскорблении действием Дэвиду Волински в ночном клубе «Елена» десять месяцев тому назад. Снисходительная Кэти дала ему год условно с уплатой небольшого штрафа в тысячу долларов плюс 700 долларов судебных издержек. Но судебный опыт ничуть не охладил его пыла. На вечеринке после съемок фильма «Кто эта девушка?», — проходившей — ну где еще? — в «Елене», Пенн вновь затеял с женой ссору из-за ее отношений с партнером по фильму Гриффином Данном и из-за красавчика-протеже Ника Кеймена. Внесупружеские связи Мадонны стали у него навязчивой идеей. Подогреваемый изрядным количеством спиртного, Пенн совершенно потерял над собой контроль. Их ежедневные скандалы становились все неистовее. Он запустил стулом в закрытое окно и грохнул об пол полную супницу; она в ответ швырнула ему в голову цветочную вазу и дала волю кулакам. Он сунул ее голову в духовку. Однажды он бросил ее в одежде в бассейн. Он постоянно угрожал ее изуродовать, а то и сделать кое-что похуже. Впервые он перестал сдерживаться, когда на него находило желание ударить Мадонну, хотя позже и признавался: «Мне в драках доставалось больше».

Но семейные войны не так страшили Мадонну, как привычка Пенна срывать злобу на местной фауне. После каждой такой ссоры он хватал какой-нибудь ствол из своего арсенала, выходил на участок и принимался палить в сусликов, птиц, кроликов, в общем, по словам их бывшего работника, «во все, что движется». После чего в ярости исчезал из виллы и на четыре-пять дней затаивался в загородном домике кого-нибудь из знакомых. К концу февраля Мадонна дозрела до того, чтобы сменить место жительства. «Я желаю купить дом, — заявила она по телефону ошеломленному агенту по продаже недвижимости, — и немедленно! Цена до двух с половиной миллионов». В результате в ее белом «Роллс-Ройсе» вывезли осмотреть более дюжины подходящих домов в Биверли-Хиллз и Бель-Эр. Однако вскоре эта

непостоянная парочка вновь помирилась. Они отобедали в шикарном ресторане «Ле Бель Аж» в Биверли-Хиллз, а затем в любимом заведении Шона — «Таверне Патрика» в Санта-Монике. Он любовно называл ее Лу («ЛуЛу — это мое прозвище, потому что я обожала [звезду немого кино] Луизу Брукс».) Они клятвенно обещали ежедневно звонить друг другу ровно в три часа утра. «Где бы ты не выступала, — заявил Шон, — и где бы я сам не находился». Мадонне надо было возвращаться в Нью-Йорк, где были запланированы фотосъемки для юбилейного номера «Космополитен» (ей предстояло стать первой знаменитостью, украсившей обложку этого журнала). Перед отъездом Пенн подарил ей сапфировый браслет. Символично, что браслет украли в первый же день ее пребывания в Манхеттен. И все-таки стоило им разлучиться, как у каждого появлялись веские причины для подозрений. Как будто для того, чтобы переплюнуть жену, Пенн начал гулять по девочкам; как правило он выбирал высоких длинноногих блондинок или азиатского типа красоток. Он привозил их в шикарный отель «Мондриан», а наутро обзванивал друзей, чтобы похвалиться перед ними — со всеми пикантными подробностями — своими сексуальными похождениями. Будучи в курсе его измен, Мадонна подслушивала его телефонные разговоры и проверяла, действительно ли он в данный момент находится у такого-то друга, а не обхаживает «какую-нибудь очередную калифорнийскую штучку». Естественно, что и ее собственное поведение отнюдь не отвечало названию альбома «Такая тоска».

После роскошного ужина, который один пластиночный магнат устроил в апартаментах из трех соединенных квартир в верхнем Ист-Сайде, Мадонна и Эрика Белл забрались в черный лимузин и вновь, как бывало когда-то, принялись разъезжать по Авеню А в поисках партнеров. «Потрясно, совсем как в старое доброе время», — вспоминает Мадонна. Как рассказывает Белл, они расположились на заднем сидении, прихлебывая шампанское «Луи Кристаль» и разглядывали через дымчатые стекла автомобиля молодых латиноамериканцев. «Если Мадонна клала глаз на какого-нибудь пуэрториканца, она приказывала водителю остановиться, открывала дверцу, и мы затаскивали его внутрь». Мадонну ничуть не беспокоило, что ее могут узнать. «Естественно, все эти парни немедленно ее узнавали, как только оказывались в машине, — рассказывает Белл. — Но Мадонна ничего не боится. Ей было плевать. Пусть болтают, все равно им никто не поверит». 30 марта, памятуя о предстоящем выходе на экраны картины «Кто эта девушка?», Мадонна выступила в необычной для себя роли ведущей телерепортажа с церемонии

награждения «Оскаров». К тому времени продажа альбома «Такая тоска» вот-вот должна была достигнуть рекордной цифры — 17 миллионов экземпляров (прогресс по сравнению с 11 миллионами «Словно дева»). Поэтому поклонникам, собиравшимся в «Шрайн Одиториум», не было дела, что Мадонне еще предстоит подтвердить свои претензии на титул звезды кино; ее появление в сопровождении Пенна вызвала такой неистовый восторг, какой сопутствовал ранее только Ломбард или Монро. Спустя две недели на съемочной площадке фильма «Краски» Пенн учинил истерику со своей стороны. Он играл роль молодого легкомысленного лос-анжелесского полицейского; эпизод снимался в красочной Венеции (штат Калифорния), и Пенн, стоявший со своим партнером Робертом Дювалем на деревянных мостках, внезапно остановился посреди фразы. Джеффри Клейн, торговец утилем, один из двух сотен статистов, не состоящих в профсоюзе, а потому и получающих по 35 долларов в день, полез в карман, извлек фотоаппарат и принялся щелкать.

Режиссер Деннис Хоппер и Дюваль уставились, не веря собственным глазам, а Пенн подскочил к ошеломленному статисту, поливая того матом. "Ты чего здесь фотографируешь, а? — заорал он на Клейна, который своим ростом — пять футов десять дюймов — и весом — 210 футов — просто подавлял разозленного молодого актера. Клейн вежливо объяснил, что не только он, но еще несколько человек из массовки делали снимки. На это Пенн плюнул ему в лицо и, ухмыляясь, спросил обалдевшего статиста: «Ну, а что ты теперь будешь делать?» Тридцатидвухлетний Клейн взял и плюнул в ответ. Пенн двинул его по лицу и продолжал колотить до тех пор, пока их не разняли. Вообще-то разнимали их трижды, но всякий раз Пенн вырывался и вновь бросался на Клейна. На этом дело не кончилось. Даже когда всем показалось, что страсти поостыли, Пенн попытался через головы агентов службы безопасности дотянутся до Клейна и врезать тому в челюсть. Когда все улеглось, Клейн принялся считать синяки на лице, а перед Пенном замаячило превращение приговора из условного в настоящий. Хоппер, сам в прошлом алкоголик и наркоман, упрашивал друга лечь в наркологическую больницу. Пенн оценил дружеское участие, однако предложил Хопперу не лезть не в свое дело. Лиз Смит, обозревательница нью-йоркской «Дэйли-ньюс», пророчествовала ему быть «унесенным ветром», но Мадонна продолжала защищать мужа, по крайней мере на публике. Сценаристу Крису Чейзу она сказала: «Я считаю, что чем дольше мы вместе, тем больше любим друг друга и тем спокойнее становимся». Но сейчас не один только Пенн занимал ее мысли. Ее менеджер Фредди Де Манн, предвидя,

что предстоящее кругосветное турне Мадонны может послужить хорошей рекламой ее новому фильму, предложил ей взять девизом турне «Кто эта девушка?». Готовясь к этим гастролям, Мадонна начала тренировки, достойные спортсмена-марафонца. К ежедневным трехмильным пробежкам вокруг Центрального Парка и упражнениям с тяжестями она добавила новую нагрузку. Теперь день ее заканчивался бегом вверх-вниз по лестницам многоквартирного дома, где она жила.

Напряжение двенадцатичасового рабочего дня стало сказываться на Мадонне. Нервы шалили. Перебранки с режиссером турне Патриком Леонардом стали обычным явлением. На репетициях Мадонна взрывалась буквально из-за любого технического недочета, небрежного па или фальшиво взятой ноты. Лицо, участвовавшее в турне, вспоминает: «Мадонна постоянно ныла, дулась и взрывалась по любому поводу. Грозилась прибить Патрика Леонарда и отталкивала танцоров, если те не успевали вовремя увернуться. Она расхаживала по сцене, закатывая истерики. То есть буквально топала ножкой, как маленькая испорченная девочка, если что не по ней. Все мы ее боялись». Единственный мужчина, не боявшийся Мадонны, оставался в Лос-Анджелесе и должен был отвечать за очередной скандал. В День Поминовения его остановила полиция за превышение скорости и проезд на красный свет. Тест на кровь, которому подвергли Шона Пенна, показал 11%-ное наличие алкоголя в крови при норме 1%. Пенну предъявили обвинение за вождение автомобиля в нетрезвом состоянии (формулировку, впрочем, потом изменили на неосторожную езду). Это означало, что Пенн вторично нарушил испытательный срок. Казалось, ему не отвертеться теперь от тюрьмы. В это время Мадонна не поддерживала никаких связей с мужем, потому о его аресте она узнала как миллион граждан — из газет. Там же она почерпнула и последние сплетни о том, что якобы подала на развод. «У них есть проблемы, — сообщила репортерам вконец измученная Лиз Розенберг, агент Мадонны по связям с прессой, — и сейчас они обдумывают сложившуюся ситуацию. Но в данное время о разводе они не помышляют».

Мадонна не помышляла — у нее были дела поважнее, например, первое появление в программе «Вечернее обозрение». То было первое ее телеинтервью в ее жизни. На ней было столь же короткое, сколь и открытое черное платье; сраженному Джонни Карсону она заявила, что считает себя «в глубине души всего-навсего девчонкой со Среднего Запада», и призналась, что она невозможная кокетка. Карсон, заметив, что покорен ее умением подтрунивать над собою, вероятно, тем самым выразил и

отношение к ней миллионов телезрителей. Разделавшись со своим первым телеинтервью, Мадонна обратилась к вещам, более для нее привычным, а именно — к турне «Кто эта девушка?», которое должно было начаться в японии. Никому со времен Мэрилин Монро не удавалось еще настолько завладеть воображением японцев. Как и другие американские суперзвезды, не желавшие пачкать руки рекламой товаров в Соединенных Штатах, Мадонна не моргнув глазом подписала контракт на 3 миллиона долларов за появление в рекламных роликах «Мицубиси». Техническая сторона гастролей сама по себе была грандиозной. Чтобы перевезти через Тихий океан одно только оборудование, понадобилось два самолета — грузовой «Боинг 747» и «ДС-7», а для транспортировки паромами стальных конструкций сцены к месту сборки — двадцать три полуплатформы. На один лишь монтаж сценической площадки технической команде Мадонны из пятидесяти человек потребовалось три дня. Мадонна дала в Японии пять концертов, первый в Осака, где местным властям пришлось привлечь 1300 солдат, чтобы справиться с 25 тысячами исступленных поклонников, заплативших за билеты от 45 долларов и выше. Всего же, считают, на ее пять концертов продано было 150 тысяч билетов, но это явно не покрыло спрос; антрепренерам пришлось возвратить более семи миллионов долларов наличными, присланных по почте, поклонниками, как только объявили о ее предстоящих выступлениях. Через неделю в Токио дела приняли отвратительных оборот. Дождь и сильный ветер не позволили смонтировать сцену на бейсбольном стадионе «Коракуен». Более 40 тысяч зрителей с билетами оказались у закрытых дверей, причем многие из них не хотели мириться с отменой концерта. Сотни разгневанных поклонников певицы, в том числе множество зареванных девчонок, бросались на полицейские цепи, когда фанаты вступали в стычки с охранниками.

Те же 110 тысяч счастливчиков, которым удалось увидеть своего кумира, не остались разочарованными. За 95 минут каждого концерта Мадонна исполняла не менее шестнадцати песен и восемь раз полностью меняла наряды, придуманные модельером Марией Стюарт. Начинала она с песни «Открой свое сердце» (корсет «Грация» со вставками из тонких металлических пластинок), далее легко переходила от образа «Меркантильной Девицы» (цилиндр, лифчик, увешанный брелоками, резиновыми омарами и пушистыми игральными костями) к бальному платью 1950-х годов из синей тафты («Такая тоска»), а от него к ослепительному красному, расшитому бисером наряду в стиле фламенко для исполнения " La Isla Bonita ". Ее полные энергии

танцы были поставлены Джеффри Хорнади, хореографом, прославившимся благодаря работе в фильме «Зажигательный танец», имевшем большой успех. За все это японские театральные барыги запрашивали — и получали — по 700 долларов за билет. Мадонна завершила японские гастроли и была уже на пути в Майями, когда 24 июня уполномоченная Муниципального суда Джуэленн Кэти приговорила Пенна к двум месяцам заключения в тюрьме округа. За этим сроком, который мог быть сокращен до одного месяца при условии хорошего поведения, следовали два года условно. Вдобавок Кэти потребовала, чтобы Пенн прошел курс лечения у психолога. Пенн, явившийся в суд в синем костюме, темных очках и (впервые за долгое время) при обручальном кольце, имел покаянный вид, что было на него не похоже. Поскольку приговор вступал в силу с 7 июля, у них еще оставалось время для страстного воссоединения в Майами. Мадонна, пообещав Пенну «второй медовый месяц» до его отбытия в заключение, сняла для них шикарный номер в фешенебельном загородном клубе «Тернберри Айл». И вновь он преподнес ей подарок — крохотную карусель, точную копию той, которую по его заказу восстанавливали для Мадонны в Вермонте за 100 тысяч долларов. Четыре дня они провели, запершись в своем номере, — вплоть до первого концерта «американской» части турне, который прошел на стадионе «Орандж Боул» в Майами под неистовым тропическим ливнем и собрал 60000 зрителей. Пенн сидел на отгороженном для избранных участке поля. Отработав половину программы, Мадонна, выступавшая в черном корсете и сетчатых чулках, махнула рукой в сторону Пенна и воскликнула: «Эту песню пою для тебя!» — и вслед за этим трогательно исполнила «Живой расскажет», написанную ею специально для его фильма «Лицом к лицу». Но эта нежная для обоих минута была испорчена: из первых рядов кто-то бросил на сцену трусы; «Кончай кидаться своими портками!» — рявкнула разъяренная Мадонна, прервав пение. Потом еще кто-то швырнул ей под ноги запечатанный презерватив, что, как ни странно, вызвало у нее искреннее одобрение. «Вот это клево, — крикнула она, демонстрируя презерватив публике, — мы за безопасный секс!» Через неделю Пенну предстояло вернуться в Калифорнию отбывать наказание. У Мадонны очередной концерт был в Чикаго, где они и встретились. На прощанье она сказала: «До свидания, я люблю тебя, до свидания». Однако разлука оказалась не долгой. Уже через пять дней Пенн был на свободе — пусть временно. Тюремное начальство отпустило его для съемок фильма в Германии с условием, что потом он вернется и отбудет срок полностью. Решение властей вызвало серьезные споры по поводу

о льготах, предоставляемых знаменитостям, но вскоре все успокоилось.

13 июля Мадонна дала самое, по ее мнению значительное представление всего турне — благотворительный концерт в Нью-Йорке, посвященный памяти Мартина Бергойна; сбор от концерта (стоимость билетов составляла 100 долларов) пошел на борьбу со СПИДом. Пенн снова выступил в своем амплуа — за несколько минут до начала концерта он поймал Мадонну за кулисами и начал обвинять в том, что она спит с Ником Кейменом. Представление началось точно в назначенное время, Мадонны выскочила на сцену в своем мужском смокинге, который был ей велик, и запела «Кто эта девушка?». Но когда ее лицо появилось крупным планом на двадцатифутовых установленных над сценой экранах, стало видно чего ей стоила эта очередная ссора с Пенном. И все же она довела представление до конца и высказала все, что хотела. «Я не хочу вызывать к этой проблеме нездоровый любопытство, — обратилась она к публике, — но СПИД — это опасное и таинственное заболевание, с которым мы еще не в состоянии бороться». Она высказала надежду, что 400000 долларов сбора за этот вечер для АМФАР помогут скорее найти лекарство от этой болезни, после чего, не совсем к месту, спела «Счастливую звезду» из своего старого репертуара веселой девчонки. Откровенней всего девиз благотворительного концерта был сформулирован во время исполнения песни «Папа, не поучай», когда на экране за Мадонной вспыхнули слова «ЗА БЕЗОПАСНЫЙ СЕКС». В модном гриль-баре «Готем», где Мадонна устроила вечеринку по случаю концерта, «Паскудные Пенны» вернулись к предмету своего спора, начатого за кулисами. По иронии судьбы, в ресторане во всю мощь запустили запись Ника Кеймена как раз в момент выяснения отношений по поводу ее связи с этим британским певцом. Пенн в ярости выскочил вон. Фредди Де Манн мастерски провел рекламную компанию, в результате чего все лето 1987 года, когда гастроли Мадонны с триумфом шествовали по шестнадцати городам Северной Америки, ее изображение можно было видеть всюду — на афишах, в газетах и журналах. Вдобавок, заглавная песня ее диска уже занимала первое место сотне лучших хитов журнала «Биллборд». Пресса без устали писала о ее бурной личной жизни, что также способствовало рекламе. Звезда Мадонны взошла высоко на орбите популярности, предвосхищая невероятные кассовые сборы ее новому фильму. 6 августа десять тысяч ее поклонников запрудили Тайм-Сквер в надежде хоть одним глазком взглянуть на свою любимицу. Это был день премьеры картины «Кто эта девушка?» Когда с часовым опозданием ее

лимузин подкатил к «Национальному театру», толпа просто обезумела. Полицейские во всю старались оттереть народ, когда Мадонна поднялась на помост, возведенный на «островке безопасности». «Заткнитесь! — повелела она своим фанатам. — И Дайте мне сказать». Они заткнулись.

«Вот это, по-вашему, и значит привлекать к себе всеобщее внимание, — произнесла она в микрофон с эмблемой „Z-100“, одной из самых популярных местных рок-радиостанций. — Ну не смешно ли! Десять лет назад я впервые приехала в Нью-Йорк. Я здесь не знала не единой души. Я велела таксисту остановиться как раз тут, посредине Тайм-Сквер. Я стояла здесь в благоговении. И сейчас я стою и смотрю на всех вас в таком же благоговении. Спасибо вам, и, надеюсь, фильм вам понравится». К сожалению, очень скоро стало ясно, почему картина пошла по экранам без обычных предварительных просмотров для прессы. Критик Майк Кларк писал в «Ю-Эс-Эй тудей»: "Вопрос поставлен неверно. Не «Кто эта девушка?», а «В чем, черт возьми, дело?». «Лос-Анджелес Таймс» объявила, что фильм «с треском провалился», да и «Вэрайети» без обиняков назвала его «поражением». Винсент Кэнби в «Нью-Йорк Таймс» был менее резок, признав, что киноленте чуть-чуть не хватило, чтобы достичь «своей скромной цели».

С коммерческой точки зрения картина являла собой еще большую катастрофу. В первый же день после проведенной с такой шумихой премьеры в театре «Зигфельд», рассчитанном на 1151 зрителя, не набралось и шестидесяти. За первые девять дней показа «Кто эта девушка?», обошедшаяся в 20 миллионов долларов, принесла чудовищно мало — всего 5,1 миллиона. Дальше пошло еще хуже. Уже через три месяца фильм перешел в разряд видео, — своего рода рекорд. Винсент Кэнби сетовал, что Голливуду не удалось показать лицом такой потрясающий, как он выразился, источник актерского дарования. «Можно подумать, что в число ее консультантов просочился агент Синди Лопер, кто-то, всеми силами стремящийся испортить ей карьеру, не дать ей ни толком начаться, ни набрать силу… В лице Мадонны Голливуд имеет мощную карманную секс-бомбу. Но пока что она всего лишь тикает». Мадонна держалась с вызовом: если «Шанхайский сюрприз» она с самого начала считала отъявленной ерундой, то «Кто эта девушка?», настаивала она, — «хорошая картина. Я горжусь ею».

Вскоре вокруг Мадонны разразился очередной скандал — на сей раз из-за запаха, присущего ее родному городку. Джейн поли взяла у нее редкое интервью для программы «Сегодня» с целью рекламы фильма. Один из ее вопросов был о месте рождения

Мадонны.

Мадонна: Я родилась в Мичигане".

Поли: «А где именно?»

Мадонна: «В Бей-Сити».

Поли: «Это небольшой городок?»

Мадонна: «Угу. Маленький вонючий городишко на севере Мичигана».

По несчастному стечению обстоятельств программа «Сегодня» пошла в эфир как раз в тот день, когда она в рамках турне «Кто эта девушка?» приехала в Понтиак Силвердоум рядом с Детройтом. В честь ее возвращения в родные места на концерте присутствовал и Пенн, опять отпущенный из калифорнийской окружной тюрьмы «Моно». Посреди представления Мадонна сделала паузу, чтобы поделиться воспоминаниями о том, как в детстве каталась на велосипеде по лугам, на месте которых располагается Силвердоум. «Мне стало так пакостно, — поведала она 42 тысячам зрителей, — когда начали рубить деревья и строить все это»…

Затем она воспользовалась возможностью и разъяснила свое замечание о родном городе. «Я не считаю Бей-Сити вонючим городком. Я сказала, что там плохо пахнет. Я, понятно, имела в виду не жителей, а химический завод „Доу“. Он находится рядом с домом моей бабушки. Я и хотела вызвать шумиху, потому что сама родом оттуда. Но хватит болтать». И она запела свою новую песню, как нельзя лучше отвечавшую обстановке, — «Вызывая шумиху» ('Cousing A Commotion'). Незадолго до начала европейской части турне журнал «Пентхаус» снова поместил на обложке фотографию Мадонны, а внутри на восьми полосах — ее снимки в обнаженном виде, сделанные в те времена, когда она подрабатывала фотомоделью. Ее адвокатам не удалось запретить их обнародование — им предъявили подписанное ею еще тогда разрешение на публикацию. В довершение ко всему кто-то переслал несколько номеров журнала Шону в окружную тюрьму «Моно». Мадонна обвинила в этом редакцию журнала, без обиняков назвав этот поступок «просто гадким». Именно эти слова более всего подходят для описания четырех концертов, данных Мадонной в Англии. На Флит-стрит начали извлекать выгоду из увлечения британской публики Меркантильной Девицей за долго до ее появления в Лондоне 15 Августа. Как в большинстве цивилизованных стран, имя Мадонны и в Англии возглавляло таблицы популярных эстрадных певцов. Но ей еще предстояло сгладить неприятный осадок, оставшийся у англичан от провала полтора года назад «Шанхайского сюрприза». Управляющий шикарного Лондонского отеля «Ритц»

поклонником Мадонны решительно никогда не был; когда помощница Мадонны попыталась заказать для нее в «Ритце» номер, ей ответили твердым отказом. Не вдаваясь в объяснения, администрация отеля просто заявила, что Мадонна — «ННКМ — не нашего круга, милочка».

Как всегда, бульварная пресса в связи с ее прибытием довела публику до исступления. Когда шасси «Конкорда» с опозданием на полтора часа коснулись посадочной полосы аэропорта Хитроу, две сотни остервенелых фанатов начали скандировать: «Хотим Мадонну, хотим Мадонну!» Чтобы подхлестнуть страсти, она последней вышла из самолета, помахала рукой и уселась в ожидавший ее «Мерседес». По мнению полиции, пресса, заранее оповестив публику о точном времени прибытия Мадонны, поступила «крайне рискованно». Были и другие проблемы. Более двух тысяч лондонцев, живущих неподалеку от стадиона «Уэмбли» на северо-востоке столицы, письменно обратились к местным властям с жалобой на то, что им будет мешать шум от ее концертов, — хотя остается непонятным, чем ее выступления так уж отличались от других рок-концертов и прочих массовых мероприятий, проводившихся на том же стадионе. Для успокоения жителей на крышах близлежащих домов установили индикаторы децибелов, дабы контролировать уровень шума в пределах допустимой нормы. На премьере, однако, сам по себе шум оказался наименьшей из проблем. Когда Мадонна появилась на сцене в черном корсете «Грация» (песня «Открой свое сердце»), в семидесятисемитысячной толпе началось что-то невообразимое. Пошли рукопашные, так что охранникам пришлось применить водометы для приведения в чувство разбушевавшихся юнцов. Поклонников потерявших от перевозбуждения сознание, дюжинами переправляли через ограждение и относили в сторону, чтобы их не затоптала беснующаяся толпа. Царил хаос, к ногам Мадонны из толпы летело нижнее белье. Во Франции она также столкнулась с противодействием, но на сей раз это привело к совершенно противоположным результатам. Для своего концерта Мадонна облюбовала парк XVII века в городке Со к югу от Парижа, славящийся по все Франции ухоженными газонами и дорожками. Спроектировал этот парк знаменитый архитектор Андре Ленотр, создавший парковый ансамбль Версаля. Мэр городка Пьер Рингенбах решил наложить запрет на проведение там концерта из опасения, что стотысячная толпа фанатов уничтожит это произведение искусства. «Я не совсем ясно представляю кто такая Мадонна, — объяснил мер, — но отлично понимаю, что для концертов такого рода парк не самое лучшее место. Кое-что я о ней читал, и это меня не особенно впечатляет».

Однако Мадонне удалось произвести впечатление на двадцатичетырехлетнюю Клод Ширак, дочь премьер-министра и мэра Парижа Жака Ширака. Клод показала себя пылкой поклонницей Мадонны, настояв, чтобы в дело вмешался ее всемогущий папа. Ей удалось чуть ли не силой заставить Ширака с его консервативными вкусами прослушать пластинку Мадонны; она завалила его газетными вырезками о творчестве певицы. Ширак принял решение оказать на Регенбаха давление. Потом он дал интервью «Подиуму», популярнейшему во Франции молодежному журналу, и объяснил, что принял сторону Мадонны, так как «она великая и прекрасная артистка. Она просто грандиозна». Там же была помещена фотография: премьер-министр Ширак, чей гардероб состоит в основном из безупречно пошитых костюмов, слушает, натянув свитер и джинсы, песни Мадонны на проигрывателе «Сони», принадлежащем дочери. Скептически подчеркивали, что Ширак, которому на следующий год предстояло бороться за президентство, пошел на это лишь для того, чтобы завоевать симпатии молодежи. Неправда, возразил Ширак, и тут же снизил налог на добавленную стоимость на пластинки почти вдвое.

«А дальше он что — наденет сапоги и вставит в ухо серьгу?» — острил бывший министр культуры Франции Жак Ланг. «Монд» поместила фото Ширака в джинсах, сопроводив коротким вопросом: «Кто этот парень?»

Благодарная Мадонна приняла приглашение Ширака на прием в Городской Ратуше, где провела с премьер-министром и его семьей почти час, в основном вспоминая о своем давнем посещении Парижа, когда она подпевала в группе сопровождения Патрику Эрнандесу, звезде диско. Затем она вручила Шираку чек на 83 тысячи долларов на исследования в области СПИДа, за что была в истинно французском духе расцелована в обе щеки. В ответ она заключила Ширака в объятья, назвав это «медвежьими объятьями по-американски». В тот же вечер Мадонна выступила в парке Со перед 130 тысячами поклонников, собрав тем самым наибольшее количество зрителей, когда-либо являвшихся на концерты рока во Франции. Далее по расписанию следовал Турин — и нелегкое примирение с итальянскими кузенами. А Пенн тем временем в своей камере окружной тюрьмы «Моно» ожидал освобождения в средних числах сентября. Одному посетителю он сказал: «На воле бушует настоящий пожар. Я хочу спокойно заняться своим делом и думаю, что все уляжется». Однако, как он вскоре убедился, пожар только начинал разгораться.

Глава 17

«Ограничусь признанием, что я люблю Шона и надеюсь на лучшее».

За примерное поведение Шон Пенн был освобожден через тридцать три дня вместо положенных шестидесяти — причем все было устроено так, чтобы съемки его фильма не страдали. вернувшись с гастролей, Мадонна ждала его в Малибу, и именно в день его освобождения супруги узнали о слухах, захлестнувших Европу, Азию и Соединенные Штаты, о том, что она якобы погибла в автомобильной катастрофе в Калифорнии. Прежде чем слухи рассеялись, поклонники в желании выяснить правду атаковали редакции газет, телевизионные студии и компанию звукозаписи Мадонны. Истинной же трагедией для Мадонны явился публичный показ ее семейных проблем. Она надеялась, что Пенн вернется из тюрьмы изменившимся, но он почти сразу опять запил и принялся обвинять ее в том, что она спала с другими, пока сам он сидел за решеткой. В действительности к списку своих «протеже» она за это время добавила лишь бывшую фотомодель, а ныне актера с одухотворенной внешностью Сашу Митчела, звезду небольшого фильма «Шпиль Бенсонхерста». Она снизошла до того, чтобы исполнить роль модельера Митчела на журнальном развороте в «Интервью» Энди Уорхола. В течение четырехчасовых съемок она уложила его волосы в стиле Новой волны, а потом на глазах пораженных наблюдателей велела ему снять с себя рубашку, сама же в это время встала на колени и разорвала его брюки в нескольких местах. «Очень волнующая сцена, — сказал один из свидетелей, — всем стало ясно, что эти двое знают друг друга очень, очень хорошо». Дров в уже полыхающий костер добавил профессиональный спор между Мадонной и Пенном о ее планах сняться в заглавной роли в киноверсии «Эвиты». Пенн, как говорят, тоже хотел сниматься в одной из заглавных ролей, но Мадонна взяла сторону продюсеров, которые считали, что он подойдет в этом фильме только для эпизодов. Очередным камнем преткновения стал ее предполагаемый гонорар за «Эвиту», равный 1,6 миллиона долларов, — в четыре раза больше того, что предложили Пенну за его небольшую роль. Мужское самолюбие Пенна было достаточно уязвлено тем, что пластинки, концерты и видеозаписи обеспечили Мадонне личный доход около семидесяти миллионов долларов. Хотя он имел прочную репутацию кинозвезды, каковой она не была, теперь Мадонна могла превзойти его в доходах даже в

кино.

Их размолвки снова вылились в гневные ссоры, и Пенн снова покинул Малибу. Кто-то из друзей посоветовал им жить отдельно. «Мы все время живем отдельно, — устало вздохнула Мадонна, — и это совершенно не помогает». Последней каплей послужили события 25 ноября 1987 года, когда после четырех дней отсутствия Пенн объявился в нью-йоркской квартире, намереваясь провести с Мадонной на следующий день праздник Благодарения. «Праздник здесь ты встречать не будешь»! — взорвалась Мадонна. Она сообщила ему, что уже попросила своих адвокатов подготовить документы для развода. А теперь она собирается дать им ход. Их брак распался. И она уехала в Бруклин встретить День Благодарения вместе с сестрой Мелани. Несколько минут спустя Пенн добрался до своего любимого кафе «Коламбус». Он рассказал друзьям, что Мадонна разводится с ним, и пообещал надраться, что тут же и исполнил. Как только новости попали в газеты, на защиту Пенна поднялся его агент по рекламе. «Я знаю, что в таких вещах всегда винят Пенна, — говорил Луис Смит, — но горькая правда состоит в том, что эти двое любят друг друга». В День Благодарения Пенн вернулся в Лос-Анджелес, где продолжил пирушку. В «Елене» он заметил Винни Зуффанте, нью-йоркского газетчика, с которым когда-то повздорил; газетчик беседовал у стойки бара с рок-певцом Билли Айдлом. Фотоаппарата у Зуффанте не было, но для кандидата в экс-мистера Мадонны это уже не имело значения. Пенн громко потребовал, чтобы Зуффанте вытолкали взашей, что и было сделано. Чуть позднее, не желая стоять в длинной очереди в мужской туалет, Пенн вышел на улицу и на виду у прохожих стал мочиться у стены здания. Мадонна времени зря не теряла. В Нью-Йорке она стала появляться на людях с партнером Пенна по фильму «Поганцы» Исайей Моралесом, молодым латиноамериканским актером, умевшим большой успех в фильме «Ла Бамба». Ее также видели и сумели сфотографировать, когда она танцевала заполночь со смазливым английским рок-певцом Саймоном Ф.

Самой пикантной связью Мадонны в этот период была, без сомнения, связь с Джоном Ф. Кеннеди младшим, с которым она за несколько лет до того познакомилась на вечере. Мадонна, прочитавшая все известные биографии Мэрилин Монро, знала во всех деталях историю несчастного романа Монро с покойным президентом. Никем не оспариваемая наследница личности Монро, она поведала друзьям, что свое предназначение чувствует в том, чтобы сблизиться с единственным сыном Кеннеди. Кеннеди, со своей стороны, трепетал от одной мысли о

«свиданиях» с Мадонной, самой обаятельной, знаменитой и, несомненно, волнующей женщиной своего поколения. Они решили держать их отношения, по возможности, в тайне. Оба занимались в одном клубе здоровья, и поначалу это служило прекрасным предлогом для рандеву. Они вместе совершали пробежки в Центральном Парке, а позднее Кеннеди повел Мадонну знакомиться со своей матерью. Бывшая Первая Леди, Жаклин Кеннеди Онассис, холодно встретила Мадонну в своей громадной квартире на Пятой авеню; ее, естественно, занимал вопрос, какие виды на ее сына имеет непредсказуемая суперзвезда. Мадонна в книге гостей скромно записалась как «миссис Шон Пенн». Джэки, как говорил друг ее сына, новое знакомство не осчастливило. Кеннеди сказал ему, что после встречи с Мадонной его мать «подняла шум. Она посоветовала сыну держаться подальше от Мадонны. Она считала, что Мадонна воспользуется фамилией Кеннеди для рекламы, что она женщина беспринципная, безнравственная и… все еще замужем за Шоном Пенном». Единственное замечание в пользу Мадонны звучало так: «Джону не следует опасаться, что она охотится за его славой или деньгами. Она его в два раза знаменитее и в десять раз богаче». Тот факт, что Мадонна была католичкой, мог бы существенно поднять ее в глазах всех Кеннеди, если бы она столь часто публично не оскорбляла католические ритуалы и символы. «Джэки очень набожный человек, — говорил другой знакомый семьи. — По ее мнению, Мадонна святотатственно пользуется распятием и другими католическими символами. Джэки не хотела бы, чтобы ее сын связался с женщиной, которую считают богохульницей». Недовольство Джеки, весьма возможно, имело отношение не к Мадонне, а к женщине, которую она нарисовала в своем воображении. «Джэки была потрясена, увидев в „Лайф“ фотографию Мадонны, на которой та была вылитой Монро, — сказал ее друг. — Мэрилин встала из могилы, чтобы на этот раз украсть у нее уже не мужа, но сына». Для Джэки это было кошмаром. Мадонна и Кеннеди сумели сохранить свои отношения в тайне от газетчиков в Нью— Йорке, для чего им потребовалось даже раздельно посещать спектакли и вечеринки и встречаться после этого без свидетелей. И все же они теряли осторожность в Кейп-Коде, где бегали вместе трусцой по пляжам неподалеку от поместья Кеннеди в Хайеннис-Порт.

Несмотря на услады своих новых связей, Мадонна говорила друзьям, что по-прежнему любит Пенна и ждет, когда он возвратится и попросит у нее прощения, как это всегда и бывало раньше. в течение трех дней после разрыва она отказывалась говорить с ним по телефону. Когда же он перестал докучать ей

своими звонками, звонить ему начала она. Настала его очередь капризничать. 4 декабря адвокат Мадонны Майкл Инглис представил в верховный суд Лос-Анджелеса ее исковое заявление. В нем она просила возвратить ей девичье имя Мадонна Чикконе и ссылалась на соглашение супругов, заключенное еще до свадьбы, о том, что личные доходы каждого в браке объединяться не будут. В это время ей стало пугающе ясно, что на сей раз Пенн не прибежит к ней, моля о прощении. И неудивительно. Судя по самым разным сообщениям, он проводил все вечера со своими новыми приятелями кинозвездами — Тимом Хэттоном, Джаддом Нелсоном и Майклом Дж. Фоксом, каждый вечер уезжая домой с новой женщиной. Некоторые из друзей Пенна, в частности Хаттон и Дэннис Хоппер, пытались уговорить его встретиться с Мадонной. Для заключения перемирия потребовалось вмешательство Джэйми Фоули, которого и Пенн и Мадонна называли своим «лучшим другом». Фоули убедил Мадонну, что они все еще любят друг друга, и упросил дать Пенну еще один шанс. Пенн встретил радостную новость тем, что завалил жену цветами и любовными посланиями. Получив звуковую телеграмму, Мадонна рассмеялась — намеренная сентиментальность жеста одновременно злила и очаровывала. Супруги возобновили телефонное общение и однажды, вырабатывая условия примирения, проговорили битых два часа. Ко времени окончания трансконтинентальных переговоров Пенн согласился сократить потребление спиртного, держать себя в руках и обратиться к психиатру. Со своей стороны, Мадонна обещала меньше заниматься делами и завести ребенка в 1989 году. Четыре дня спустя после подачи иска о разводе Мадонна вылетела в Лос-Анджелес для примирения с мужем. Прибыв в черном парике и темных очках, она остановилась в их излюбленном месте свиданий до свадьбы — тихом отеле «Шангри-Ла» и ожидала Пенна в их любимом номере 607. В течение нескольких последующих дней они не покидали номера, который стоил сто тридцать долларов в день. Двенадцать дней спустя после подачи иска о разводе документы были забраны из суда «сохраняя за собой право» — эта юридическая формула означает, что Мадонна не отказалась ни от одного из своих исковых требований и что иск мог быть заново вчинен в любое время. Зачем она так спешила восстановить своей брак? «Мадонна боялась Рождества, — сказал один из друзей. — Ее мать умерла перед Рождеством, и в эти праздники она всегда была не в себе. Она не хотела, чтобы с Рождеством было связано еще одно ужасное воспоминание. Если бы все это произошло в другое время года, она бы так быстро не пошла на попятный».

Восстановив семейный мир — по крайней мере временно — Мадонна вылетела в Нью-Йорк, чтобы сыграть вместе с Дженнифер Грей и Мэттом Диллоном в телевизионной версии «Ищеек Бродвея» Деймона Ранниона. Одной из причин ее участия в этом спектакле было желание помочь режиссеру Хауэрду Брукнеру. Мадонна испытывала глубокое уважение к его мужеству. Брукнер, у которого был диагностирован СПИД, решил закончить съемки. «Я понимала, что что-то не так, — вспоминает Мадонна, — но давить на него не могла. Он имел право держать такую вещь в секрете». Позднее Брукнер позвонил ей и сказал: «Я должен сообщить тебе кое-что важное», но ему не хватило духу выдавить из себя правду. Мадонна призналась ему, что уже знает. «Мне кажется, это явилось для него облегчением, — говорит она, — порадовало его и то, что мое отношение к нему не изменилось». Съемки начались в сочельник около Дома рыцарей Колумба в Юнион-Сити, штат Нью-Джерси; Мадонна равным образом избегала и поклонников, и журналистов, отказываясь давать интервью и автографы. Когда мэр Роберт Менендес предложил устроить скромную церемонию и вручить Мадонне ключи от города, она резко отказалась. «Мадонна, — раздраженно заметил представитель мэрии, — не дает мэрам бесплатно рекламировать их деятельность». День за днем толпы подростков часами стояли на холоде, ожидая, что Мадонна отметит их присутствие хотя бы кивком или улыбкой. Но она не снисходила до них. Выяснилось, что во время бурного семейного воссоединения она многое подхватила от Шона.

«Ищейки Бродвея» кочевали из «Коламбии» в «Вестрон» и обратно в «Коламбию», пока, наконец, не вышла на экран в ноябре 1989 года — девять месяцев спустя после смерти Хауэрда Брукнера. Его похоронили в день его тридцатипятилетия. «За долго до того, как я что-то узнала, — вспоминала Мадонна, — Хауэрд спросил меня, видела ли я чью— либо смерть». Она рассказала ему о Мартине Бергойне, «Он хотел знать все кровавые подробности». Когда Брукнер лежал в больнице св. Винсента в Нью-Йорке уже после завершения съемок, Мадонна посетила палату больных СПИДом. «Казалось, Джуди Гарланд, — заметил друг Брукнера Брэд Гуш, — посещает новую страну Оз». Знаменательно, что Мадонна приняла первое предложение на заглавную роль в пьесе на Бродвее сразу после работы над «Ищейками Бродвея». На самом деле она начала работать над ролью скромницы в «Куй железо, пока горячо» Дэвида Мейметa еще год назад, как только узнала о пьесе от Майкла Николса. Она попросила режиссера пьесы Грегори Мошера иметь ее в виду — она работала с ним в постановке «Гусь и Том-Том» в 1986 году.

Тем не менее, роль получила актриса Элизабет Перкинс, которая начала свою карьеру в чикагской «Степпенвульф компании». Только после того как та неожиданно вышла из игры в январе, Мадонна позвонила Мошеру и попросила у него экземпляр пьесы для чтения.

"Я знала, что прыгаю в огонь, — скажет она позднее корреспонденту «Нью-Йорк Таймс Я знала, чего только люди не будут говорить о том, почему я взялась за эту роль — о! а я взялась за нее просто потому, что я такая, какая есть, и страстно хочу, чтобы люди поверили в серьезность моих актерских намерений. К тому же я люблю, как пишет Меймет… Когда я прочитала сценарий, мне захотелось сыграть эту роль. Вот и все».

Мошер и Меймет приняли решение после первой же пробы. «Она гипнотизировала нас, — восклицал Мошер, который понимал, что одно имя Мадонны на афише удвоит поступления в билетные кассы. — Она была великолепна! Ничего похожего на то, что она демонстрировала в кино. Мы наняли не рок-звезду, а актрису. Она заслужила это. Мы знаменитости для пьесы не искали». За шесть недель изнурительных репетиций Мадонна ни разу не подвела. Изумленный Мошер говорил: «Она кремень». В пьесе «Куй железо, пока горячо» — названия никто никогда так и не объяснил — Мадонна играла противоположный себе характер, невзрачную секретаршу-очкарика, которая нанимается на работу к двум голливудским «акулам», их играли ветераны сцены Джо Мантерья и Рон Силвер. Пока эта наивная размазня пытается убедить грубиянов — продюсеров, что из серьезной книги, которую она читает, может получиться хороший фильм, Силвер заключает пари с Мантерьей на пятьсот долларов, что тот не сумеет соблазнить ее. Переспав с Мантерьей, она выказывает неожиданную смекалку и заключает с ним сделку, но он ее без труда обманывает. «Карин, — говорит Мадонна о своей героине, — честная, искренняя, наивная и хочет власти, как все». Только в самый разгар репетиций Мадонну осенило, что ее героиня далеко не идеал. «Это был головоломный сценарий, — сказала она журналисту Кейвину Сессамсу. — Я и не подозревала, что… все остальные члены труппы видели во мне мегеру, темное, злое начало». Характер героини воздействовал на Мадонну и чисто эмоционально. Она чувствовала себя «опустошенной — и это сказывалось на всем, что я делала, поскольку мне было грустно». Каждый вечер во время репетиций, а затем и спектаклей, она готовилась к душераздирающей финальной сцене, выключив в уборной свет и сосредоточившись в темноте на трагедиях своей жизни. Изменения, вносимые в последнюю минуту в сценарий, не облегчали ей жизнь. «Каждый вечер о меня

словно ноги вытирали». Меймет, вспоминала она много лет спустя для «Вэнити Фер», «к сотрудничеству не стремился. Он просто фашист». Но Мадонна подчинялась решениям драматурга. В конце концов, в этой области она чувствовала себя не очень уверенно. А Меймет, несмотря на все свои «фашистские» наклонности, получил в 1984 году Пулитцеровскую премию за свою предыдущую пьесу для Бродвея «Гленгарри Глен Росс».

За кулисами «Куй железо, пока горячо», теперь более известная как «пьеса Мадонны», вызвала обычную вражду звезд, хоть и ограничившуюся словесной пикировкой. Премьеру пьесы сначала планировали провести в театре «Митци ньюхаус» в Центре Линкольна. Но Пэтти Люпон, получившая «Премию Тони» за исполнение заглавной роли в «Эвите», уже играла в другом театре Центра Линкольна — в «Вивьен Бомон»; она участвовала в новой постановке «Все идет» Клоула Портера. Люпон, которая, по слухам, все еще не могла забыть, как Мадонну предпочли ей в киноверсии «Эвиты», прикрепила записку на театральной доске объявлений. «Мисс Люпон, — гласила издевательская записка, — сообщает администрации, что этот театр не вынесет более одной сицилийской дивы одновременно». В это же время было объявлено, что премьера пьесы «Куй железо, пока горячо» переносится ради увеличения сборов в более вместительный театр. Премьера постановки «Куй железо, пока горячо» состоялась 3 мая в театре «Ройал». Шон, снимавшийся в это время вместе с Майклом Дж. Фоксом в фильме «Жертвы войны» в Юго-Восточной Азии, на премьере не присутствовал. На горе Мадонны, там присутствовали критики. «Ее беспомощность скандально очевидна, — заявил Дэннис Каннингем из Си-би-эс. — Она двигается по сцене, словно робот, управляемый на расстоянии из другого города». Дэвид Ричардс из «Вашингтон пост» заявлял без обиняков, что «Мадонна самый слабый исполнитель в пьесе», а Джон Саймон из журнала «Нью-Йорк» предположил, что «Мадонна могла бы себе позволить оплатить несколько уроков актерского мастерства». Клайв Барнс из «Нью-Йорк пост» пытался быть галантным:" Есть в ее игре какое-то непередаваемое очарование, но Бродвей она не впечатлила". Заголовок рецензии Хауэрда Кисселя в нью-йоркской «Дейли ньюс» говорил сам за себя: «Нет, играть она не может». Как это не удивительно, только обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Фрэнк Рич, самый влиятельный театральный критик Америки, похвалил «выверенную до деталей продуманную комическую игру» Мадонны, чем и вызвал ярость некоторых из своих коллег. «Я взбешен, — сказал Каннингем. — Мне кажется, Фрэнк должен извиниться перед всеми актерами, о которых он когда-либо дурно отозвался… Фрэнк просто

сбрендил».

Привыкшая к хвалебным оценкам всего, что она ни делала, Мадонна объяснила все без затей: «Я ожидала этого. Есть люди, которых крайне огорчает сам факт моего существования на этой земле, так что я благодарна тем, кому моя игра понравилась». Она, естественно, не разочаровала поклонников постановкой «Куй железо, пока горячо». Билетов было продано на сумму один миллион долларов, что явилось рекордом предварительной продажи на Бродвее для серьезной пьесы. Именно благодаря Мадонне многие зрители впервые попали в настоящий театр. Не вызывало у них протеста и то, что черноволосое невыразительное существо на сцене почти не похоже на раскованную рок-звезду. После многих спектаклей молодые зрители оставались на своих местах, объясняя удивленным капельдинерам, что собираются дождаться следующего представления. Как и все знаменитости, Мадонна жила в страхе, что какой-нибудь поклонник переступит черту, отделяющую привязанность от одержимости. В конце второй недели после премьеры устрашающего вида молодой человек со всеми панковскими атрибутами вскочил на сцену и направился к Мадонне, которая в это время произносила свой текст. Она замолчала и отступила в глубь сцены, а ее партнер Джо Мантерья схватил нарушителя и вывел его со сцены. Приблизительно в это же время чересчур преданный поклонник, некто Дарлин, стал поджидать своего кумира около театра «Ройал» и вблизи дома, где жила Мадонна. Непонятно как, но стоило Мадонне изменить засекреченный номер своего домашнего телефона, Дарлин узнавал его и звонил. Мадонна стала терять сон, ее преследовал кошмар, в котором сумасшедший поклонник убивал ее на сцене. Она заявила о Дарлине в полицию. Еще один, правда совсем другой, сон вызвал к жизни новую дружбу Мадонны, дружбу непростую и наделавшую много шума. Она рассказала подруге Эрике Белл, что во сне видела, как на земле разразилась катастрофа, которую пережили только она сама и комедийная актриса Сандра Бернхард. Мадонна мельком видела Бернхард и Уоррена Битти несколько лет назад, когда познакомилась с Пенном.

Вскоре после рассказа Белл о своем странном сне Мадонна была на представлении Бернхард «Без тебя я ничто», на котором Бернхард рассказала свою любимую фантазию о том, что она и Мадонна выживают в третьей мировой войне, а «Шон нет.» «Мадонну потряс рассказ Сандры, — сказала Белл. — Ей снился тот же самый сюжет, и она поняла его как предзнаменование об особом предназначении Сандры». После спектакля Мадонна отправилась за кулисы и представилась. Две женщины сразу

понравились друг другу. «Неудивительно, что они стали друзьями, — замечает бывшая помощница Мадонны Мелинда Купер. — Сандра такая же дикая, как и Мадонна, а кое в чем и еще похлещи. Эти две сумасшедшие объединились, чтобы дразнить людей и веселиться». Мадонна впервые встретила женщину более вульгарную и первобытную по вкусам, чем она сама. Она смеялась над грубыми шутками Бернхард — многие из которых были ниже всякой критики — и хотя бы на время сбрасывала с себя бремя сверхпопулярной звезды. Пока Пенн по-прежнему был на съемках в джунглях Таиланда, две женщины, «застрявшие» на лето в Нью-Йорке, стали, как вспоминает Мадонна, «вместе шляться и на пару всех отшивать направо и налево. Сандра была как раз то, что надо». Бернхард, объясняла их отношения следующим образом: «Мадонне по душе мой тип безумия». К середине июня Мадонна, Бернхард и главная героиня «Грязных танцев» Дженифер Грей (дочь лауреата премии «Оскар» за «Кабаре» Джоэля Грея) почти ежедневно стали посещать самые модные злачные места города. Прозванные Ужасным Трио, часто одетые вызывающе (короткий низ и длинный верх или прозрачные пижамы), они пугали посетителей ресторанов громкими конкурсами рыгания. Если Шон Пенн — член Банды Ублюдков, заявила Бернхард, то они тоже должны придумать подобающее название для своей группы. Они назвали себя Букетом Хваталок. Необычная дружба между Мадонной и откровенно бисексуальной Бернхард вскоре переросла в нечто иное. В таких местах, как «Одеон», «Эм-кей», «Канал-бар» и «Уорлд», эта пара прилюдно обнималась и целовалась. Они стали посещать лесбиянские бары, например, «Кабби Хоул» в нижнем Манхеттене, и, по более позднему признанию Мадонны, «флиртовали друг с другом».

У Мадонны уже был опыт сексуального общения с женщинами, но она не могла не обращать внимания на то, как сведения о подобных связях могут сказаться на ее карьере и — что не менее важно — на ее отношения с мужем и отцом, очень ревнивым католиком. Эта проблема разрешилась, когда Бернхард попросила Мадонну приехать с ней в одну из студий Эн-би-си на запись передачи «Поздний вечер с Дэвидом Леттерманом».

—Давайте поговорим о вас и вашей новой подруге Мадонне, — предложил Леттерман. — Во всех этих слухах есть хоть частичка правды?

— Есть, совсем малюсенькая, — ответила Бернхард.

Чем вы занимаетесь, когда проводите вечера вместе? — спросил Леттерман.

Мы устраиваем вечеринки, дурачимся… Пьем текилу,

говорим о прошлом, узнаем друг о друге все больше и больше. Чем, по-вашему, можно заниматься с подругой? И чем вы сами занимаетесь, когда встречаетесь с вашей подругой?

Здесь появилась Мадонна, одетая в том Бернхард (белая майка, короткие джинсы, белые носки и черные туфли).

— Давайте поговорим обо мне и Сандре, — безапелляционно предложила она. Леттерман спросил Мадонну о том, как они проводят время вместе и может ли он побыть с ними несколько вечеров.

— Только, если вы смените пол, — парировала Мадонна.

Иногда мы встречаемся с Дженифер Грей, — добавила Бернхард, — а порой только вдвоем. Обычно мы ходим в «Канал-бар» или «Эм-кей».

— А оттуда в "Кабби…— вставила Мадонна.

…Хоул", — закончила Бернхард.

Хватит ходить вокруг да около, надо говорить на чистоту, — сказала Мадонна. — Ей наплевать на меня… Она любит Шона. Она пользуется мной, чтобы добраться до Шона. Не желая, чтобы кто-то брал над ней верх, Бернхард хвастливо заявила, что спала и с Мадонной, и с Шоном. Воспоследовавший скандал обрадовал Мадонну. «Мы с Сандрой дурачились, — позднее утверждала она, — но когда я поняла, какова истинная реакция людей, я просто так оставить это не могла. Поэтому мы с Сандрой решили подразнить всех». Пенн, вернувшись в августе домой после завершения съемок «Жертв войны», не нашел ничего смешного в последних похождениях своей жены. Он не только не любил Бернхард (она отвечала ему тем же), но и пришел в ужас от публичного обсуждения вопроса, бисексуальна Мадонна или нет. Хуже того, он, принимая во внимание ее длительные связи с этой странной компанией, теперь решал, не лесбиянка ли она. Она отмахнулась от этого предположения, уверив его, что все это чистое позерство и что они с Бернхард всего лишь подруги.

Пенны снова были недалеки от разрыва, но сумели все-таки отпраздновать тридцатилетие Мадонны вместе с друзьями. Ее поклонникам повезло меньше. Телохранители от ее имени принимали в театре «Ройал» дорогие букеты роз, но поклонники в последствии с огорчением наблюдали, как она бесцеремонно выбрасывает их букеты из окна совей уборной. Одна четырнадцатилетняя девушка, которая из месяца в месяц каждый день ездила из пригородного Уайт-Плейс, только чтобы увидеть, как Мадонна входит в театр и выходит оттуда, купила билет и надеялась отпраздновать день рождения своего кумира, посмотрев спектакль с ее участием. Но Мадонна под тем предлогом, что, дескать, хочет избежать «беспорядков» в день

рождения, как говорили, попросила администрацию театра не пускать на спектакли «фанатов». Им просто возвратили деньги за проданные билеты. «Я ничего не понимаю, — рыдала четырнадцатилетняя девушка, — я не сделала Мадонне ничего дурного». Мадонну обуревала идея отметить на публично пристойном уровне три важнейших события — ее собственное тридцатилетие, а три дня спустя — одновременное запоздалое празднование двадцать восьмого дня рождения ее мужа и трехлетия их свадьбы. «Несмотря на все предсказания, — ликовала Лиз Розенберг, агент Мадонны по связям с прессой, — они все же вместе». Ненадолго. «Моя дружба с Сандрой только начиналась, — отмечала позднее Мадонна, — а отношения с Шоном умирали».

Глава 18

«Я всегда была романтиком». «Если папа римский захочет меня посмотреть, он может купить билет на мой концерт, как любой другой человек».

Мадонна перестала играть в спектакле «Куй железо, пока горячо» в сентябре; как и ожидалось, посещение спектакля упало на шестьдесят процентов. Потратив восемь месяцев на то, чтобы, несмотря на критиков, утвердить себя в качестве драматической актрисы, она снова решила сосредоточиться на музыкальной карьере. Хотя итальянская часть фильма о ее европейском турне именно в этом месяце вышла в виде видеоклипа «Чао, Италия», имя Мадонны явно исчезло из таблиц популярности. Встретившись в Лос-Анджелесе со своими сотрудниками Патриком Леонардом и Стивом Бреем, она начала работу над очередным альбомом. Новая долгоиграющая пластинка, которая, как надеялась Мадонна, будет представлять ее «взрослую» ипостась, посвящалась таким серьезным темам, как католичество, отношения между людьми, семья. В период занятости в спектакле «Куй железо, пока горячо» Мадонна написала тексты нескольких песен, отражавших мрачное настроение ее духа. Были и кое-какие технические новшества. Мадонна впервые записывалась в студии с живыми музыкантами, а не под фонограмму. Вместо того, чтобы возвращаться к первой записи и «чистить» отдельные изъяны, она повторяла запись полностью, оставляя все технические помарки — свистящие шумы, фон и прочее. Ей казалось, что результат будет более естественным, органичным и эмоциональным. На домашнем фронте она также апробировала новую тактику. Живя вместе в Калифорнии, вдали от Сандры Бернхард и других «хваталок», мистер и миссис Пенн воспользовались возможностью восстановить семейный мир. согласившись снова играть в театре в постановке «Громкий скандал», Пенн поставил условие, чтобы спектакль ставился в Лос-Анджелесе, где бы он мог быть рядом с женой. Во время репетиций Мадонна, теперь уже знавшая цену этому горькому хлебу, часто звонила за кулисы, желая подбодрить мужа.

Но на премьеру «Громкого скандала» Мадонна пришла с опозданием и в компании своей «подруги» Сандры Бернхард. Пенн не стерпел. На приеме после премьеры, который состоялся в ночном клубе «Твенти-20», он улучил момент и остался в женой

на едине.

—Ты, сука, — заорал он. — Как ты могла так со мной обойтись?

Среди гостей, которые могли слышать эту громкую ссору, был Сильвестр Сталлоне. «Представление было хорошим, — отозвался о пьесе один из администраторов студии. — Это же оказалось еще лучше». «Весьма ранимое мужское самолюбие Шона было уязвлено самым жестоким образом, — сказал один из друзей супружеской пары. — Она была намного знаменитее его, зарабатывала денег больше на несколько мешков, а теперь еще и ткнула носом во все свои лесбиянские делишки. Достаточно скверно, когда муж узнает, что жена уходит от него к другому мужчине — но к другой женщине? Шон этого стерпеть не мог». Не мог он перенести и известий о том, что его жена домогается роли Неоразимой Мейхани в давно планируемом эпическом фильме Уоррена Битти «Дик Трейси». Еще до того, как она стала претендовать на эту роль, ее друг, продюсер Дэвид Геффен, попытался уговорить ее сняться в фильме «Фантастические братья Бейкеры». Мадонне сценарий показался «путаным»; за эту роль взялась Мишель Пфайффер, исполнение ею в этом фильме роли певицы ночного кабаре было встречено критиками с восторгом.

Как бы решительно Мадонна не настроилась на роль Неотразимой Мейхани, встречной решимости со стороны Битти она не нашла. В режиссерском списке желательных исполнительниц впереди нее значились Кетлин Тернер, Ким Бесинджер и дюжина других актрис. И все же она позвонила Битти. «Я действительно хочу эту роль, Уоррен», — сказала она Битти. Позднее она вспоминала их беседу так: «Я увидела себя в самом конце списка, и мне стало не хорошо». Наконец, она заявила Битти, что готова играть за минимальную ставку 1140 долларов в неделю, на что никакая другая актриса никогда не согласится. Отказавшись от многомиллионного гонорара, Мадонна позволила Битти держаться в рамках тридцатимиллионного бюджета. Мадонна отправилась к Битти за спиной Пенна, нарушив свое прежнее обещание завести ребенка в 1989 году. Она сказала мужу, что им придется подождать с прибавлением семейства еще год. До сих пор она держалась давнего своего решения не иметь от Пенна детей, о котором в свое время сообщила Эрике Белл. Напряжение, связанное с праздниками, снова усугубило семейные проблемы Пеннов. 23 декабря Пенн неожиданно приехал к Мадонне в ее домик на студии «Юниверсал», чтобы выяснить, действительно ли она решила сниматься в «Дике Трейси». Ему сказали, что контракты уже подписаны. Пенн разразился грязными ругательствами;

говорят, представителям службы безопасности пришлось увести его силой. Разругавшиеся супруги провели сочельник раздельно — она с Бернхард, Пенн с какой-то стриптизеркой. Бернхард тем временем усиленно уговаривала подругу бросить своего своенравного мужа. Усадив ее она спросила:

—Что ты, черт возьми, с собой делаешь?

Мадонна признала, что страдает, но вместе с тем заявила Бернхард:

—Я все еще люблю Шона.

Рождество пришло в дом в Малибу словно день грозных испытаний. После очередной громкой ссоры Пенн переехал к своим родителям. Оттуда, как говорят, он несколько раз по телефону оскорблял Мадонну. Когда она перестала брать трубку, он диктовал на автоответчик грязные ругательства. Три дня спустя раздосадованный пьяный Пенн пробрался к дому в Малибу. Около четырех по полудни, когда Мадонна отпустила всех немногочисленных служащих на вечеринку, Пенн перебрался через забор, ворвался в дом и предстал перед до смерти перепуганной Мадонной. Избив ее, он связал ей руки и ноги, заткнул рот кляпом, а потом привязал к стулу. Он бил и истязал ее два часа кряду, а затем ушел вне себя от бешенства.

Связанная, с кляпом во рту, дрожащая от страха Мадонна ждала помощи. Трудно в это поверить, но через несколько часов снова вернулся Пенн; потягивая текилу прямо из бутылки, он вновь принялся истязать Мадонну. На сей раз ей удалось убедить Пенна отвязать ее. Освободившись, она бросилась вон из дома, вскочила в коралловый «Сандерберд» 1957 года, который Пенн подарил ей в день двадцативосмилетия, заперла дверцы и по радио телефону вызвала полицию. Затем поехала к шерифу в Малибу и подала жалобу на мужа. Там, вся в синяках и кровоподтеках, она рассказала пораженным полицейским о своих девятичасовых мучениях. Пока Мадонна пряталась в доме своего менеджера Фредди Де Манна, подчиненные шерифа нагрянули в дом к Пенну. Зная от Мадонны, что муж ее может быть вооружен, они окружили виллу и, вытащив пистолеты, через громкоговоритель предложили Пенну сдаться. Их команды разносились по каньону Малибу: «Шон Пенн, выходите с поднятыми руками». Доставленный без всяких церемоний и в наручниках в контору шерифа, Пенн сказал полицейским, что Мадонна выдумала обвинения, чтобы расквитаться за свидание со стриптизеркой. Это опровергли друзья, с которыми Мадонна делилась своими неприятностями. За несколько лет они не раз были свидетелями безобразного поведения Пенна. Через неделю после этого инцидента Мадонна подала заявление о разводе по

причине несходства характеров с мужем. В тот же день она встретилась с заместителем районного прокурора Лорен Вайс и сообщила ей, что решила забрать жалобу на мужа. «Мадонна попросила, чтобы уголовное дело замяли, — объяснил представитель прокуратуры Эл Олбергейт. — А уголовное обвинение можно построить только на ее показаниях, поскольку других свидетелей не было, так что и дела не будет». Иск Мадонны снова включал требование о возвращении ей девичьей фамилии и ссылку на досвадебное соглашение супружеской пары о разделе имущества. Если бы не это соглашение, между бывшими супругами могла бы разгореться грандиозная юридическая битва. Мадонна, чей ежегодный личный доход за три года замужества составил около тридцати миллионов долларов, к 1989 году являлась обладательницей состояния приблизительно в семьдесят миллионов долларов. Пенн, получавший по миллиону за каждый фильм, мог претендовать на сумму, не превышающую пяти миллионов долларов. В соответствии с условием брачного контракта каждый получал то, что принес в семью, и то, что заработал в браке. Пенн забрал себе дом в Малибу, оцененный в четыре миллиона долларов, а Мадонне досталась манхэттенская квартира.

Мадонна времени зря не теряла. Через неделю после развода она выложила два миллиона девятьсот пятьдесят тысяч долларов за десятикомнатный особняк, расположенный высоко на Голливуд-Хиллз, и подписала крупнейший по тем временам рекламный контракт. Кристофер Чикконе, брат и доверенное лицо Мадонны, осмотрел от ее имени более двадцати особняков, прежде чем пригласил ее полюбоваться гнездышком на вершине холма с прохладными мраморными полами, сверкающим зеркалом бассейна и роскошными видами раскинувшегося внизу Лос-Анджелеса. Имея «карт-бланш» («У него самый лучший вкус из всех, кого я знаю», — говорила Мадонна), Кристофер всего за две недели переоборудовал поместье на свой лад. Внешне современная усадьба была совершенно белой и прямоугольной. По контрасту устроенный интерьер являлся обманчиво эклектичным сочетанием классического и современного. Огромный рояль, перенабитые витые стулья с обивкой из золотой парчи, католические канделябры и банкетки восемнадцатого века, крытые оригинальной гобеленовой тканью ручной вышивки, придавали гостиной нечто сугубо итальянское. В громадной, увешанной зеркалами ванной — будуаре — спортзале сделанная на античный манер кушетка с подушками контрастировала с отливавшими матовым светом спортивными снарядами. Над унитазом — рисунок Дэвида Салля: обнаженная натурщица на

корточках. Кроме модной мебели, усадьба была прежде всего и главным образом вместилищем того, что ныне считается одной из крупнейших коллекций современного искусства в стране. Начиная с 1989 года, престижный журнал «Арт энд антикс» включает Мадонну в список «Ста крупнейших коллекционеров» Америки. Однажды Мадонна заметила, что начала коллекционировать, «как только появились лишние деньги». Свое первое приобретение — абстрактную картину Роберта Смитсона — она называла «моим ангелом хранителем». Картина висела над ее кроватью.

К 1989 году она уже имела собственного агента по искусству. «Она никогда не говорила „Эй, вот деньги, купите мне какую-нибудь коллекцию“, — утверждает он. — Она покупает только то, что любит и без чего ей трудно обойтись». Она любила и приобрела работы Тамары де Лемпика, Пикассо, Леже (абстрактные полотна которого висели над камином в ее спальне), своего друга Кита Херинга (посвященный ей коллаж висел в ее кухне рядом с громадным деревянным стеллажом, заполненным журналами, на обложке которых красовалась хозяйка дома), мексиканца Диего Риверы и его жены, неистовой Фриды Кало. Посетители дома при взгляде вверх видели мужские гениталии — пугающую версию Ланглуа обнаженных Гермеса, Купидона и Дианы, заказанную французским королем для Версальского дворца, а теперь украшавшую потолок гостиной Мадонны. Хотя изображения обнаженных тел в разных интересных позах составляли немалую часть коллекции Мадонны, самое неординарное висело сразу за входной дверью- оно служило тестом на совместимость посетителя с хозяйкой дома. Кровавое «Мое рождение» Кало изображало голову художницы, возникающую из промежности между широко расставленными ногами матери. «Если кому-то не нравиться эта картина, — говорила Мадонна, — значит, он не может быть моим другом». Чтобы получить деньги для новых приобретений, Мадонна подписала свой первый контракт на рекламу американского продукта. «Пепси-Кола» обязалась выплатить ей пять миллионов долларов, а также стала первым в истории рекламного дела спонсором видеоклипа новой песни — «Молитва» («Like a prayre»), заглавной вещи будущего альбома. Кроме того, «Пепси» согласилась выступить спонсором ближайших гастролей Мадонны. Решение Мадонны присоединиться к Майклу Джексону, Тине Тернер, Дэвиду Боуи, Глории Эстефан и другим рок-звездам в рекламной войне между «колами» основывалось на серьезном деловом расчете. «Я люблю сплав искусства и коммерции», — объяснила она корреспонденту

«Роллинг Стоун». — что касается меня, то видеоклип я тоже считаю рекламой. Манера «Пепси» — новый и прекрасный способ представления пластинки. Фирмы звукозаписи просто не в состоянии финансировать такой тип рекламы". Она также узнала, что ее музыка будет сопровождать рекламу, а сам продукт не будет «выпячен». Она отказалась пить продукт в кадре и согласилась подержать банку в руках всего два раза, причем лишь пару секунд.

И все же сотрудники «ББДО», рекламного нью-йоркского агентства, служившего посредником, тайных планов Мадонны не знали. Скандал был движущей силой ее карьеры. Ее основная стратегия — привлекать внимание к каждому новому альбому, выпуская предварительного его самую забойную вещь, — прекрасно сработала для пары хитов «словно дева» и «Папа не поучай». Она решила: видеоклип «Молитва», предшествующий новому альбому, должен вызвать небывалый скандал. «Мадонна не собиралась компрометировать себя как актрису, снимаясь как обычная зазывала, — говорит один из ее бывших сотрудников. — Она хотела большого шума». бывший сотрудник считает, что Мадонна обрадовалась решению «Пепси» отклонить ее проект. "Таким образом она попадала на первые полосы, что давало альбому рекламу, и в придачу сохраняла за собой пять миллионов долларов. Еще до подписания контрактов Мадонна знала, что видеоклип «Молитва», снятый Мэри Ламберт (которая снимала и видеоклип «Словно Дева»), будет самой вызывающей из всех работ. первоначальный замысел Мадонны состоял в том, что белая девушка-южанка влюбляется в черного юношу, поющего в церковном хоре. они пытаются бежать, но их выстрелами в спину убивают куклуксклановцы. Ламберт сохранила идею межрасовых отношений, но сдобрила ее множеством религиозных образов. В окончательной версии Мадонна с длинными черными волосами, похожая на Анну Маньяни, является свидетелем нападения белой банды на молодую женщину. Она видит как ей на помощь бросается черный мужчина (его играет Леон Робинсон), которого уводит прибывшая полиция. В страхе, что ее могут вовлечь в это дело, она бежит в церковь, где видит изображение черного святого, который очень похож на несправедливо обвиненного. Лежа на церковной скамье, она видит во сне, как святой оживает. Они целуются и музыка нарастает с развитием кресчендо их любовной игры. Проснувшись она бежит в полицейский участок и сообщает, кто на самом деле изнасиловал женщину; черного мужчину освобождают, звучит церковный гимн. Для усиления эффекта Мадонна, одетая в черное трико, танцует среди горящих крестов.

На руках ее появляются кровоточащие стигматы. Вся сцена заканчивается театральным появлением всей группы актеров и церемониальным поклоном. По свидетельству одного из участников съемки, "Она всегда говорила вещи типа «Ха, интересно, что скажет об этом Ненси Рейган?» или "На, выкуси, Джерри Фолуелл (лидер морального большинства). « Она знала, что скандал неминуем». Но даже кое-кто из ближайших ее друзей чувствовал себя не с своей тарелке. Никки Харрис, певица из группы сопровождения, впоследствии ставшая выступать самостоятельно, отклонила приглашение Мадонны поработать на съемках этого видеоклипа. «Горящие кресты, — объяснила она, — для меня, черной женщины, кое-что значат».

Для рекламного ролика «Пепси», который должен был предшествовать видеоклипу, агентство наняло Джо Питку, который снимал для «Пепси» в высшей степени успешный видеоклип с Майклом Джексоном. Словно ей было мало предстоящего шума по поводу видеоклипа, Мадонна предложила и свой вариант рекламного ролика. По ее версии, агентство должно было пригласить артиста, похожего на Джеймса Дина, на роль ее возлюбленного. Артист должен был подойти к ней с банкой пепси-колы в кармане брюк, а Мадонна должна его спросить в стиле Мэй Уэст: "Это у тебя пепси в кармане или ты так рад меня видеть? "Агентство по вполне понятным причинам отклонило эту идею. В окончательном варианте рекламного ролика под названием «Загадай желание» Мадонна с пепси в руке смотрит любительский фильм о ее собственном дне рождения, когда ей исполнилось восемь лет. Ребенок и женщина меняются местами, и пока маленькая девочка ходит по квартире взрослой женщины, Мадонна поет «Молитву», танцуя на улице, в коридорах своей старой школы и церкви. Вполне невинно. Но официальные лица «Пепси» не подозревали о характере видеоклипа «Молитва», и Мадонну их неведение устраивало. Роджер Москони, в то время ведущий режиссер отдела «ББДО» по международной рекламе, был непосредственно связан со съемкой коммерческого ролика. Он вспоминает: "Однажды Мадонна, любившая пошутить со мной, подходит ко мне и говорит: «Эй, Роджер, тебя устроит, если в банке пепси отразится горящий крест?» Я поинтересовался: «Какой крест?» Она улыбнулась и ответила: «Увидишь». На съемках «Пепси» Мадонна держалась превосходно. Всего лишь раз она раскисла, причем по вполне уважительной причине — потеряв серьги. Это были французские бриллианты XVIII века в платине, она купила их, чтобы поднять себе настроение.

А не романтическом фронте настроение у нее было неважное.

13 февраля ее агент Лиз Розенберг везла Мадонну по залитым дождем улицам на ужин в почетный голливудский ресторан «Массо энд Франк».

—Завтра день святого Валентина, Лиз, — вздохнула Мадонна. — первый раз за многие годы у меня нет возлюбленного в день святого Валентина.

Лиз ответила ободряюще:

—Еще не вечер. Найдется кто-нибудь, Мадонна. В ближайшие несколько месяцев бывшая миссис Пенн действительно найдет возлюбленного: герой серии коммиксов материализуется и оставит Мадонну, как и многих других женщин до нее… без ума.

Глава 19

«Сожаление разрушительно. Я многое узнала благодаря замужеству. Обо всем — но больше всего себе». «По-моему, любовь ненасытна».

2 марта 1989 года нашумевший рекламный ролик Мадонны, сделанный по заказу компании «Пепси», вышел на телеэкраны Америки в одном из самых популярных сериалов — «Шоу Косби». Он транслировался в самое лучшее время одновременно на сорок стран, число телезрителей оценивалось в двести пятьдесят миллионов. Несколько часов спустя пластинка и видеозапись песни «Молитва» поступили в продажу по всему миру. Реакция на видеоклип была мгновенной и свирепой. Американская ассоциация семьи (ААС), фундаменталистская организация, базирующаяся в Тьюпело, штат Миссисипи, заклеймила видеоклип как «откровенно оскорбительный». Хотя собственно реклама «Пепси» — по контрасту с видеоклипом, транслировавшимся по Эм-ти-ви, — показывала Мадонну поющей и танцующей со своей восьмилетней «альтер — эго», связь рекламы с видеоклипом была слишком сильна, и ААС призвала к национальному бойкоту продуктов «Пепси» в течении года. «Новый видеоклип Мадонны», — писал исполнительный директор АСС Дональд Уайлдмон в «Ю-Эс-Эй тудей», является частью «наблюдаемой в некоторых средствах массовой информации тревожной тенденции неуважительно и даже презрительно относиться к религиозным верованиям миллионов американцев». Вскоре после этого к бойкоту призвал и епископ римской католической церкви «Корпук Кристи» в штате Техас. «Очевидно я затрагиваю в их подсознании что-то такое, — размышляла Мадонна, — чего они очень стыдятся… Они, как Гитлер, хотят прочистить вам мозги». В Риме религиозные регористы обвинила Мадонну во всех смертных грехах. После появления в печати пресс — уведомления о выходе видеоклипа, группа католиков пригрозила выдвинуть против звукозаписывающей фирмы Мадонны и государственной телесети обвинения в святотатстве (что по итальянским законам является уголовным преступлением). Опасаясь протестов общественности, телесеть отменила показ видеоклипа, запланированный на 7 марта, чтобы, как было сформулировано, «избежать дальнейших споров». Когда две недели спустя видеоклип все же был показан по телевидению,

католические лидеры присоединились к хору проклятий. Пораженные и озадаченные волной общественного возмущения, должностные лица компании «Пепси» тем не менее не прервали сотрудничества с Мадонной: перед лицом требований снять рекламу они проявляли твердость. На заседаниях же совета директоров шел поиск минимизации убытков. Кроме пяти миллионов долга Мадоннне, компания истратила еще пять миллионов на поддержание деловых связей с ней. Пока суд да дело, компания сняла рекламный ролик с телепоказа заменив его другим, в котором главную роль играл пресный британский рок-певец Роберт Палмер («Опьяненный любовью», «Совершенно неотразимая») с группой своих невыразительных роботообразных красоток. Эта реклама, возможно, отличалась обезоруживающей сексуальностью, но в ней и не пахло религиозной символикой или же межрасовыми проблемами, которые и вызвали гнев благочестивых граждан. Три недели спустя, показав дорогой ролик в «Шоу Кробсби» всего дважды, «Пепси» закончила рекламную компанию — сразу после выхода альбома «Молитва». Получившая первостатейную рекламу, заглавная песня уже занимала верхние строчки в различных таблицах популярности. «Мы ожидали, что публика в конце концов отделит видеоклип от рекламного ролика», — объяснил представитель «Пепси» Тод МакКензи. Но тысячи писем и телефонных звонков «привели нас к выводу, — продолжал он, — что, к сожалению, общественность обеспокоена более, чем когда-либо. И поскольку мы производим продукты массового потребления, мы должны чутко реагировать на мнения потребителей». Для подобных действий компании «Пепси» существовали весьма убедительные прецеденты: «Ролстон Пурина», «Проктер энд Гэмбл» и несколько других спонсоров незадолго до этого после протестов потребителей, недовольных содержанием программ, вынуждены было отозвать рекламу или же обязали рекламные агентства не покупать более телевизионного времени для них. однако это был первый случай, когда кто либо возражал против спонсорской поддержки видеоклипа.

Лиз Розенберг доверили честь сообщить Мадонне, что «Пепси» прекращает компанию и соглашается выплатить Мадонне обещанные пять миллионов долларов. «О, Боже, — сказала Мадонна, — я надеюсь подать тьму пластинок». Она заслужила коммерческий успех своего нового альбома. В этом были согласны все критики. «Молитва», которую она посвятила «моей матери, которая научила меня молиться», стала ее самым серьезным и сугубо личным художественным манифестом того времени. В другой песне, тревожной «пока смерть не разлучит

нас» («Till Death Do Us Part»), она буквально обнажает душу, рассказывая о страшной жизни женщины с опустившимся пьяницей-мужем: «Все синяки в свой срок пройдут / Твои слова сильнее бьют». Стив Брэй, давний сотрудник Мадонны и один из продюсеров альбома, говорит: «Она из тех людей, которые изживают внутренние проблемы, делая их достоянием широкой публики, — эта ее черта меня ужасно привлекает. „Пока смерть не разлучит нас“ была очень к месту для того времени-времени, когда они (она и Пенн) решили развестись». Мадонна высказалась еще прямолинейней о том, почему написала «пока смерть не разлучит нас»: «Об этом пишут все кому не лень, все хотят все знать о каждом моем шаге — что ж, вот вам!».

Еще одна автобиографическая вещь, «О, отец» («Oh Father»), описывает женщину, вспоминающую смерть своей матери в далеком детстве и горе отца, который всю свою ярость выместил на невинной дочери. «Теперь ты не можешь ударить меня, — поет она под величаво нарастающий аккомпанемент, — я от тебя убежала, как тогда об этом мечтала». Песня и снятый на ее основе Дэвидом Финчером «черный видеоклип», в котором героиня Мадонны танцует на могиле матери, вызывают в памяти ее собственное детство и недвусмысленно намекают на то, что ее тоже терроризировали. «Она нанесла отцу жестокий удар как раз тогда, когда, по его мнению, все уже шло нормально, — говорит один из старейших друзей семьи. — Она знала, люди неизбежно решат, будто речь идет о ее собственном детстве, не подумав о том, много ли в этом правды. Это глубоко обидело Тони». Во время съемок видеоклипа «О, отец» Мадонне никак не удавалось выбрать наряд для кладбищенской сцены. В конце концов она остановилась на длинном пиджаке и кресте поверх него. Не желая полностью отказываться от привычной Мадонны, она под строгий пиджак одела только набедренную повязку.

Продолжая изгонять терзающих ее духов на публике, мадонна вызвала и призрак матери в печальной песне «Обещаю попытаться» («Promise to Try»). В ней она вспоминает первую Мадонну Чикконе, которая одаряет ее лаской и материнской заботой. Та же детская тема звучит и в «Дорогом Джесси» («Dear Jesse»), изобретательной психоделической смеси каруселей и розовых слонов. В энергичной песне «Держись» («Keep it Together»), которая потом, наряду с другими композициями альбома, станет хитом номер 1, Мадонна клянется в верности своей семье, несмотря на все трения и раздоры между родственниками. Ирония заключается в том, что больше всего неприятностей семье приносили как раз дурная слава Мадонны и ее упорное стремление скармливать публике семейные тайны.

Альбом состоял не только из душераздирающих песен. Чтобы уравновесить трагическую напряженность таких вещей как «Молитва», «Пока смерть на разлучит нас» и «О, отец», Мадонна и ее старая любовь Принс, переписываясь сочинили слова и музыку «Любовной песни» («Love song»). Потом они встретились и записали в студии сладострастный дуэт. Объявляя альбом столь близким к подлинному искусству, сколь им вообще может быть поп-музыка", Дж.Д.Консидайн, критик журнала «Роллинг Стоун», добавлял, что «Молитва» доказывает не только то, что Мадонну следует воспринимать как серьезную актрису, но и то, что «у нее один из самых неотразимых голосов восьмидесятых годов». Стивен Холден в «Нью-Йорк Таймс» восхищался тем, что «Мадонна никогда не выглядела так привлекательно и никогда не пела с таким чувством», как в ее «шедевре, который доказывает, что она является прекрасной рок-актрисой». «Держатели акций „Мадонна инк“ должны быть довольны, — говорит Уэйн Роббинс в „Ньюсдей“. — Прекрасно сделанный альбом — последнее творение корпорации из одной-единственной женщины, которая сумела выразить в нем самое себя». Не говоря об артистическом совершенстве, Мадонна не погнушалась прибегнуть к кое-каким трюкам, чтобы прибавить альбому притягательности. "Молитва должна еще и пахнуть успехом. Поэтому Мадонна приказала примешивать фимиамоподобные духи в клей на конверте диска и коробке кассеты. Лиз Розенберг объяснила такую экстравагантность желанием придать альбому «церковный дух». Кричащая реклама на обложке «Билборд» выглядела менее набожно: на снимке, пропитанном запахом резких духов, Мадонна демонстрировала обнаженный живот, украшенный надписями «Ныне выпущаеши» и «Введи нас во искушение.»

Случайное замечание Мадонны в интервью «Роллинг Стоун» об опубликованном «Плейбоем» материале, посвященным Латойе, сестре Майкла Джексона, еще больше способствовал раздуванию рекламы альбома. «Она наверняка работала стриптизеркой, — сказала Мадонна, увидев фотографии обнаженной Латойи. — Это от отчаяния. Хотя какую-то работу после этого она, может, и получит». Оскорбленная Латойа в долгу не осталась: «У Мадонны таланта ни на грош, чтобы сделать карьеру, с кем только она не спала. Так и выбилась наверх. В „Молитве“ следовало распять саму Мадонну».

Альбом «Молитва» завоевал популярность рекордными темпами; уже через три недели после начала продажи он входил в список десятка лучших. Но как обеспечить восторженные отзывы и рекламную шумиху, которые поддерживали бы интерес к альбому и в будущем, если все лето она собиралась работать над

«Диком Трейси»? Мадонна была не из тех, кто оставляет такие вещи на самотек, и поэтому еще весной сняла два видеоклипа песен из этого альбома. Время их выхода было спланировано так, чтобы имя ее не сходило со страниц газет, а песни не исчезали из списков самых популярных хитов. В первом, наиболее выразительном, сделанном в детройтском манере клипе «Будь собой» («Exspress yourself») Мадонна отказывается от образа Меркантильной Девицы и выступает в защиту некоторых старомодных принципов. Песня начинается с крика Мадонны «Эй, девушки, вы в любовь верите?», а продолжается советом «Золотые безделушки и колечки с бриллиантом вам не подойдут, а роскошные машины счастья вам не принесут — никуда не увезут». Идея песни, как считает Мадонна, — «Если вам что-то надо, не стесняйтесь просить. Говорите смело чего вы хотите». Идея же видеоклипа оказалась иной. (Вопреки совету менеджера Фредди Де Манна, Мадонна вложила в его создание собственный миллион долларов).

Под очевидным влиянием шедевра Фрица Ланга 1926 года «Метрополис» «Будь собой» задуман как футуристическая сказка с сильным садомазохистским подтекстом. В мрачном безлюдном мире, полном дыма, пота и железа, Мадонна в черном костюме деловой женщины и с моноклем находится на вершине промышленной пирамиде. Полуголые работники трудятся в мрачном нижнем мире, она же все это время извивается в постели, схватившись рукой за промежность, на ней рабские ошейник и цепи; в конце концов она призывает к себе на верх одного из мрачных работников (очередного протеже из фотомоделей по имени Камерон). Ей не нравилось, когда говорили, что «Будь собой» изображает женщину жертвой. До тех пор, пока она сама решает, носить ли ей цепи, возражала Мадонна, она контролирует ситуацию. Жертва? Напротив, в этом сценарии боссом является именно она. «Как бы вы ни контролировали себя в сексуальном общении, — объясняла она, — здесь всегда есть борьба за власть… какой-то компромисс. Своего рода чувство благодарности, если вам так нравится. Вы это делаете по собственному выбору. Ошейник я одела сама на себя. Я скована цепью моего желания». Тема «Будь собой», как считает Мадонна, такова: «Миром правит Лохматая. Именно так я считаю». С помощью видеоклипа «Будь собой» заняла первое место среди песен в июле 1989 года, встав в ряд пятнадцати песен Мадонны, вошедших в пятерку лучших одна за другой. Мадонна превзошла «Битлз» и уступала теперь только Элвису Пресли. Сам альбом был продан в невиданном количестве экземпляров — одиннадцать миллионов, общее число ее проданных дисков

перевалило за тридцать девять миллионов. Мадонна продолжала утверждать примат женского пола в видеоклипе «Надежда» («Cherish»), основанном на заводной песне, которая многое заимствовала из хита ансамбля «Ассосиэйшн» 1960-х годов с тем же названием. Мадонна наняла своего близкого друга фотографа Херба Риттса, который и снял эту черно-белую фантазию; Мадонна танцует на пляже с ребенком, а в это время хвостатые водяные резвятся в воде, словно игривые дельфины. У Риттса хватило мудрости выполнять во время съемок указания звезды. «Она очень властная, — сказал он. — Она в точности знает, чего хочет». «Я люблю перевернуть все вверх дном, — объясняла Мадонна. — Мне нравится идея хвостатых мужчин. Мне нравятся мужчины как объекты желания, мужчины в роли сирен, заманивающих женщин, а не наоборот. Некоторые скажут, будто я ненавижу мужчин и люблю лишать их силы, но не надо так глубоко копать». В конце концов она серьезно заинтересуется одним из здоровенных водяных, снимавшихся в «Надежде», — фотомоделью по имени Тони Уорд. Но в этот момент он ничем особо Мадонну не привлек. Взор ее был обращен на более крупную добычу. «Уоррену нужно было пойти в психиатры или же районные прокуроры, — говорила Мадонна об Уоррене Битти, с кем собиралась начать работу над фильмом „Дик Трейси“. — Когда он хочет кого-то узнать, то пускается в настоящее расследование. Чувствуешь себя, словно под микроскопом. Мало кто привык к людям, которые тратят столько времени, только чтобы тебя изучить. Но это замечательно. Каждый должен изучать людей, с кем предстоит работать, столь же тщательно, как он». Битти действительно был знаменит пристальным вниманием к кинозвездам, с которыми вместе снимался. Ворвавшись на голливудскую сцену в 1961 году фильмом «Великолепие в траве», невероятно красивый младший брат Ширли Маклейн с тех пор прочно удерживал звание первого ловеласа киностолицы. Он стал известен своими похождениями еще до выхода на экраны первой картины с его участием, когда одновременно имел роман с партнершей по фильму «Великолепие в траве» Натали Вуд (чем расстроил ее первый брак — с Робертом Вагнером), Джоан Коллинз и французской актрисой Лесли Карон («С ним одно мучение») прямо во время съемок. С Коллинз, которая потом прекрасно сыграла роль Алексис Каррингтон в телевизионной версии «Династии», в 1962 году дело дошло до помолвки. «Он был очень ненасытен, — говорит она. — Три, четыре, пять раз в день — для него было не редкость, при этом он еще умудрялся одновременно беседовать по телефону».

Битти снимался во всех новых фильмах.-"Бонни и Клайд",

«Мак-Кейб и миссис Миллер», «Шампунь», «Небеса подождут», «Красные» (за рижессуру которого он получил премию «Оскар»)-и завоевывал все больше известных женщин:Джули Кристи, Мишель Филлипс, Карли Саймон, Джони Митчел, Диану Китон, Бритт Экланд, Барбару Стрейзанд и Изабель Аджани. С этими его увлечениями могла соперничать только политика: Битти, известнейший либеральный демократ, был тесно связан с неудавшимися призидентскими компаниями джорджа Макговерна (1972) и Гэри Харта (1988). Теперь, когда он начал снимать для кино историю напористого героя комиксов Честера Гоулда, ему было пятьдесят два года, на двадцать два больше, чем Мадонне. она еще училась в школе, когда он впервые взялся за осуществление этого проекта в 1975 году. Ставить филь должен был Уолтер Хилл, но проект лопнул из-за разногласий, режиссера и звезды во взглядах на общий замысел. Битти хотел, чтобы «Дик Трейси» был ярким цветным бурлеском, вызывающим в памяти волшебство комикса. Хилл стоял за реализм. В конце концов, в 1985 году Битти выкупил права на постановку. Затем, в 1987 году, пришло время комедии «Иштар», которая вскоре встала в один ряд с «Вратами рая» и «Утенком Говардом» как один из самых успешных фильмов в истории кино. В следующем году Битти добился финансовой поддержки «Уолт Дисней студиоз» — с условием, что он уложится в двадцать пять миллионов. Оба — и Казанова Голливуда, и Мадонна нуждались в фильме, побивающем кассовые рекорды, и были полны решимости поставить именно такой. Но сначала Джеффри Катценберг, председатель «Дисней студиоз», хотел убедиться, что Мадонна подходит на роль Неотразимой Мейхани, развязной блондинки, певички из ночного клуба, которая замыслила отвратить Дики Трейси от его чистой и светлой любви — Тесс Трухард (ее играет Гленн Хедли). Кандидатура Мадоннны имела свои недостатки. Ее скандальная известность могла отвлечь от самой истории и отпугнуть наиболее консервативную часть кинозрителей. Но зато она была популярна среди той части зрительской аудитории, в которой мало кто знал Битти или Трейси. Ее невероятная популярность у подростков и молодежи, рассуждали Битти и Катценберг, могла перевесить тот факт, что большинство американцев до тридцати лет, как правило, понятия не имели ни о Битти, ни о серии комиксов, которая легла в основу фильма. В этом отношении «Дик Трейси» значительно отличается от неслыханно прибыльного «Бэтмена», обязанного своим успехом супергерою, мгновенно узнаваемому по книжкам комиксов, на которые ни разу не падал спрос, а также по популярному телесериалу. Кроме того, Мадонна согласилась работать

практически бесплатно. Мадонну взяли на роль. Позднее Мадонна признавала, что многолетний опыт Битти («Уоррен понимает это дерьмо. Он слишком долго служил иконой».) и покровительственное к ней отношение делали его в ее глазах похожим на отца. Это, однако, не помешало им стать любовниками еще до начала съемок. поначалу их связь ошеломила Мадонну. «Иногда я вспоминаю, что он был близок с одними из самых красивых, самых великих женщин мира. И восклицаю „О, Боже! О, Боже!“… Но кто-то другой во мне говорит, что я все равно самая лучшая». Что касается Битти, то он был очарован дисциплиной Мадонны, ее готовностью почти безропотно работать по восемнадцать часов кряду. В одном из эпизодов негодяй Большой Каприз (его играет Эль Пачино) заставляет Неотразимую репетировать танцевальный номер снова и снова, до полного изнеможения. Чтобы сделать сцену абсолютно убедительной, Битти и Мадонна сняли сорок дублей подряд. На съемках, однако, не всегда были тишь да благодать. Трения вызывали и нетерпеливость Мадонны, которую она сама признавала, и склонность Битти к тому, чтобы все делать постепенно. «Дава-а-йте работать, — ныла она во время долгих перерывов между дублями. — Поторапливайся, Уоррен!» Битти оставался невозмутимым и терпеливым родителем. Когда на нее нападало раздражение, он обычно ухмылялся, поднимал глаза к небу и ободряюще обнимал ее за плечи. Однако должный эффект это производило не всегда; частенько она в ответ вопила: «Не трогай меня!» — и уходила со съемочной площадки. Он с готовностью терпел частые приступы раздражительности Мадонны. То, что она предлагала ему как кинозвезде и мужчине, превосходило даже ее популярность и бесспорный профессионализм. У него дух захватывало от мысли, что он спит с первой секс — бомбой мира. Для него это означало подтверждение его мужской состоятельности и, что, возможно, не менее важно, — сексуального шарма, способного заставить женщин ходить на фильмы с его участием.

Они вели себя фривольно на съемочной площадке, обнимались открыто в самых посещаемых голливудский заведениях и даже придумали друг для друга ласкательные имена. Она называла его Стариком. Он ее — ракетой. В время съемок танцовщица из труппы, зайдя в студийную уборную Мадонны, застала двух звезд в весьма пикантном положении. «Они были слегка смущены, — вспоминает она, — но гораздо меньше меня. Быстро привели себя в порядок и вернулись к делам». Мадонне нравилось, что, в отличие от Шона Пенна, Битти не видел для себя угрозы в ее тесной дружбе с Сандрой Бернхард.

«Уоррен, — сказал один из друзей, — открыт для всего сексуального. Намек на бисексуальность лишь возбуждает его».

11 июня Мадонна и ее друг артист Кенни Шарф вели благотворительный концерт «Не губите джунгли» в бруклинской музыкальной академии. Сборы от концерта, составившие семьсот пятьдесят тысяч долларов, предназначались для спасения погибающих тропических лесов. Наделавший много шума концерт посетили такие знаменитости, как Мери Стрип, Кэлвин Клейн, Билли Джоэл Игленн Клоуз; на нем выступали Боб Уейр и ансамбль «Б-52», «Грейтфул дед» и «День Фуэгос» в сопровождении современных бесноватых танцоров. Бернхард выступала с сольным номером; завернувшись а американский флаг она спела «Вудсток». Но самое интересное началось, когда Бернхард и Мадонна вместе вышли на сцену в почти одинаковых покрытых блестками бюстгальтерах и разрисованных укороченных джинсах. Пара начала исполнять развязную «Теперь ты моя, красотка» — со всеми вульгарными ужимками, жестами и телодвижениями— и публика затаила дыхание. Мадонна и Бернхард как ни в чем не бывало обнимались и терлись друг о друга на глазах у потрясенных зрителей. Затем Бернхард стала за Мадонной в весьма откровенной позе и обняла ее за бедра. Пока они ритмично раскачивались, Мадонна бросила в зал: «Не верьте этим сплетням». Бернхард, оскорбясь, возразила: «Верьте!» Они ушли со сцены, взявшись за руки. Прием после концерта был устроен в шикарном вьетнамском ресторане «Индокитай»; чтобы проверить, так ли нежны Бенрхард и Мадонна вне сцены, как при свете рампы, туда пришли многие знаменитости. И они не разочаровались. «Мадонна и я — подруги водой не разольешь, — сказала Бернхард. — А все остальное-это наше личное дело. Совместным выступление мы делаем политическое заявление. Мы говорим миру: „Не суйте нос в чужие дела. Принимайте людей такими, какие они есть“. Тропические леса гибнут. Что вас больше беспокоит, джунгли или наша сексуальность?» Судя по реву, которым встретила публика вызывающее поведение подруг, спасение лесов занимает в национальном самосознании куда более скромное место. Битти у Мадонны объяснений не спрашивал, а сама она объяснять ничего не стала. Труднее для него оказалось смириться с ее интересом к другим мужчинам — например, к его старинному другу и соседу Джеку Николсону. Во время съемок «Дика Трейси» Николсон, известный коллекционер импрессионистов и современной живописи, частый посетитель нью-йоркских аукционов, разговорился с Мадонной об их общей страсти-художнице Тамаре де Лемпика. «Бэтмен» уже вышел на экран, и Джек был крупнейшей кинозвездой, — рассказывает

общий знакомый Битти и Николсона. — Он был заинтригован Мадонной, а Мадонне льстило его внимание, но Уорена не порадовало известие о том, что они встречаются. Чего ей решительно нельзя было делать, так это ставить под угрозу съемки «Дика Трейси».

В день рождения, когда ей исполнился тридцать один год, Битти подарил Мадонне фотографию работы Ильзы Бинг с изображением группы танцовщиц, одна из которых надменно вскинула голову, стараясь выделиться.

—Она, — сказал Битти, указывая на претендентку в солистки, — напоминает тебя.

—Ну вот еще, — ответила Мадонна, принимая точно такую же театрально-натужную позу в духе Айседоры Дункан. — Не понимаю, с чего ты это взял. После девятнадцати недель работы над «Диком Трейси» Мадонна выставила продюсерам счет в 27360 долларов. Настоящее вознаграждение пришло к ней позднее. Теперь она стояла перед задачей организации еще одного всемирного турне — на сей раз в середине 1990 года. После прошлых гастролей под девизом «Кто эта девушка»? она сказала своему брату Кристоферу и менеджеру Де Манну, что никогда больше в турне не поедет. «И я говорила вполне серьезно, — признавалась она. — Это нечеловечески тяжело».

Но надо было зарабатывать очередные миллионы и делать рекламу новому кинофильму. Никому не объясняя мотивов, она из мрачной брюнетки «Молитвы» снова превратилась во взрывную крашеную блондинку клипа «Будь собой» и «Дика Трейси». На сей раз, сказала она брату, затягиваясь неизменной «Мальборо», это будет турне под девизом «Вожделенная блондинка». В сентябре Мадонна начала многотрудный сбор армии дизайнеров, художников, мастеров оформителей, музыкантов, вокалистов сопровождения, танцоров и техников, которые понадобятся для воплощения ее замыслов на концертной сцене. В течение последующих семи месяцев она будет, по ее собственным словам, с веселой беззаботностью «нанимать и увольнять, нанимать и увольнять». Ее самая знаменитая жертва — хореограф — авангардист Кароль Армитидж. После переезда из Нью-Йорка в Лос-Анджелес та была уволена, как только ее взгляды не понравились шефессе. Армитидж сменил Винс Патерсон, который руководил гастролями Майкла Джексона под девизом «Паршивец». При встрече Мадонна спросила его без обиняков:

— Вы тот самый режиссер, который заставил Майкла Джексона схватить себя за причинное место (в видеоклипе «Паршивец»)?

—Нет, — ответил Патерсон, — он хватал себя за яйца еще до

того, как мы приступили к съемкам «Паршивца».

—Может, мне тоже так сделать? — задумчиво спросила Мадонна.

—Что ж, — ответил Патерсон, — имеет смысл, ведь у вас мужских достоинств побольше, чем у большинства известных мне мужиков.

Ее общее указание Патерсону звучало так: «Давайте нарушим все правила, какие только можно». Патерсон вспоминает: «Она хотела высказать в концерте свое отношение к сексуальности во всех ее видах, к церкви и многому другому. Но прежде всего мы старались изменить форму концертов. Вместо того, чтобы просто представлять песни, мы хотели вместе соединить моду, Бродвей, рок и артистическую игру». Это было фантастическое начинание; Мадонна подключила к нему своего брата Кристофера. Именно Кристофер убедил ее начать подготовку к гастролям, а взамен она поручила ему разработать концепцию одного из самых необычных концертов в истории рока. Французский модельер Жан-Поль-Готье, чья серебристо-серая короткая прическа очаровала Мадонну, был нанят для создания самых невероятных нарядов. Над миров, который лихорадочно создавали Мадонна и ее приближенные, предстояло работать еще несколько месяцев. Поскольку Битти с головой ушел в монтаж «Дика Трейси», Мадонна одна возвратилась в Нью-Йорк. Жизнь повторила искусство, когда вдали от Битти и любопытствующей голливудской прессы и предоставленная сама себе, Мадонна отправилась в секс-клуб.

Расположенный на верхнем этаже небоскреба в районе Пятидесятых улиц, клуб «Девятый» получил свое название по одному из условий приема — сексуальные достоинства мужчины должны были требовать презерватива именно этого размера. Жасмин Бойд рассказывает, что Мадонна прибыла на так называемый «специальный вечер» в облегающем черном платье и парике с золотыми блестками. При ней были трое молодых латиноамериканцев с обнаженными торсами и в рабских ошейниках. «Она называла их своими „игрушечными мальчиками“, — говорит Бойд, — и устроила им положенную проверку. Один из парней достал сантиметр, отдал Мадонне, и все трое расстегнули брюки. Она измерила у каждого с превеликим тщанием, а результаты записала в черную записную книжечку. Вела она себя возбужденно и много шутила — на самом деле это был спектакль. Потом она накинула силок на самого большого из парней — отнюдь не на шею — и увела его в спальню». Бойд добавляет, что «Мадонна хвасталась, будто может сказать, на что способен мужик, по одному тому как у него

выпирает в штанах». «Это не шутка, — свидетельствует человек из ее бывшего круга, — размер для нее важен. Ее не интересуют те, у кого… не больше среднего». Хотя в интервью одному из журналов Мадонна отрицала, что подобные соображения для нее что-то решают, она часто отводила своих подруг в сторону, чтобы отсудить относительные достоинства того или другого мужчины. «Встретив интересного парня, мы обычно шли в мужскую уборную, и она говорила: „Интересно, какой у него х…“.Причем говорила громко, намеренно шокируя присутствующих».

В другой раз Мадонна жаловалась секретарше «Уорнер» на паршивое качество мужчин, с которыми встречалась в последнее время. Секретарша спросила, что она имеет в виду. «У всех, — ответила Мадонна, разведя большой и указательный пальцы на дюйм, — вот такой». Ночи, проведенные в самых знаменитых клубах Нью-Йорка, принесли некоторые профессиональные удачи. В поисках новых пикантных идей для гастролей «Вожделенной блондинки» Мадонна со своей гримершей Деби М. нанесла ночной визит в заведение под названием «Звуковая фабрика». Там она увидела двоих мужчин, Хозе Гутиереса и Луиса Камачо, танцующих «вог», танец, вот уже два года популярный в гомосексуальной среде, но до этого неизвестный широкой публике. Мадонна заявила, что просто боится к ним подойти. На другой день она договорилась, чтобы клуб открыли специально для нее и чтобы танцевальная группа, которая называлась «Дом-Экс-травананца» исполнила перед ней всю программу танцев «вог». «Они танцевали в свободном стиле, — вспоминает Мадонна. — Я не знала, куда и глазеть. Они меня потрясли». Она пригласила Гутиереса и Камачо на пробы для своего шоу и в конце концов наняла обоих. Открытые пробы — «бычьи смотрины» — для отбора семи танцоров (без женщин) состоялись в январе 1990 года в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе под неусыпным наблюдением самой Мадонны. Объявления, помещенные в «Дейли верайети», сообщали, что требуются «темпераментные» мужчины для танцев, сопровождающих пение Меркантильной Девицы. «Конкурсанты должны владеть основами стилей „труп“, „бит“ и „вог“. СЛАБАКОВ И СОПЛЯКОВ, — гласило объявление, — просят не беспокоиться!» В черных обтягивающих лосинах, черной безрукавке на бретельках и черном котелке Мадонна сидела на полу репетиционного зала и смотрела выступления танцоров; в каждой смене продолжительностью сорок пять минут свое искусство демонстрировали десять человек. Конкурсанты исполняли три танца: «шут гороховый», «кролик Роджер» и «бегущий мужчина». Если конкурсант проходил первый тур, ему предлагали участвовать в следующих.

Нанятые танцоры, как и все другие служащие Мадонна, должны были подписать личное обязательство не говорить ни с кем о нанимательнице без ее прямого разрешения. Условие о неразглашение остается в силе до смерти Мадонны. 16 февраля Мадонна получает страшное известие — ее старый друг Кийт Херинг умер от СПИДа. Херинг вел смертельный поединок с недугом в открытую и даже встречался с молодыми людьми, чтобы поговорить с ними про мифы и страшную правду о СПИДе. За восемь месяцев до смерти он участвовал в скандальном концерте Мадонны под девизом «Не губите джунгли». За две недели до смерти он еще рисовал и ваял.

Убитая горем Мадонна, которая знала Херинга еще тогда, когда и она. и он пребывали в безвестности, выступила с заявлением. «Знаменитый человек, — писала Мадонна, которая посетила своего друга в больнице, — Кийт все же нашел в себе мужество сказать— „У меня СПИД, я гомосексуалист“. Он не испугался того, что такое признание может сломать его карьеру, он решился и сказал то, что хотел. Он укрепил в людях мужество и выдержку перед лицом смерти». Эрика Белл, также дружившая с Хэрингом, говорит, что его смерть заставила Мадонну почувствовать себя «особенно уязвимой. Он тоже был сильным и очень дисциплинированным человеком, настоящая рабочая лошадь. Поражение Кийта делало ее, пусть и ненадолго, не столь непобедимой, как прежде».

К этому моменту Мадонна уже успела пережить смерть от СПИДа нескольких знакомых гомосексуалистов. Но кончину Хэринга она восприняла особенно тяжело. Наряду с Мартином Бергойном он был, возможно, самым близким ее другом-мужчиной еще с первых трудных лет в Нью-Йорке. Смерть Хэринга означала также потерю дорогой ее сердцу связи с богемой центральной части Нью-Йорка. Энди Уорхл неожиданно умер в 1987 году после операции на желчном пузыре, Жан-Мишель Баскья погиб в 1989-ом от передозировки героина. Одержимость Мадонны кошмаром СПИДа далеко еще не развеялась. Ее бывший учитель танцев и наставник Кристофер Флинн, которому она более других обязана на начальном этапе своей карьеры, тоже был болен СПИДом. Он переехал в Мичиган в Лос-Анджелес, чтобы быть поближе к «моей девочке», как он любовно называл ее. Они уходили один за другим, оставляя Мадонну горевать… и размышлять над собственной бренностью.

Глава 20

«Моя кинокомпания называется „Сирена филмз“. Вы ведь сирен знаете, верно? Сирена-это женщина, которая ведет мужчин к гибели». «Раз люди жалуются и ругают меня, значит, я в них что-то разбередила».

В доме на Голливуд-Хиллз — справа от не ее Пикассо и ее Кало, черно-белых портретов обнаженных женщин сделанных лучшими фотографами мира, за столом, окруженном сияющими металлическими картотеками и жужжащими факсами, — восседает Мадонна. Это эпицентр Мадонны инкорпорейтид, империи одной женщины, которая за пять лет заработала около пятидесяти миллионов долларов. В тридцать один год она уже являлась самой процветающей женщиной в развлекательном бизнесе, ее среднегодовой доход составлял почти сорок миллионов долларов. Мадонна оказалась одной из самых деловых женщин в стране, но именно эту сторону своей разнообразной личности она всячески пыталась скрыть от широкой публики. Она до исступления не желала говорить на эти темы. «Публика не должна забивать себе голову такими вещами, — выдала она одному слишком любопытному журналисту. — Мой успех отчасти объясняется тем, что я хороший делец, но людям, по-моему, знать об этом не нужно». Образ Мадонны — магната — мультимиллионера — не легко сочетается с обликом женщины свободного поведения, который она так тщательно лепила. Короче говоря, за миллионершу публика не станет выкладывать деньги. Широкая публика большей частью не знала о деловой хватке Мадонны, но профессионалы считали, что ее вполне можно сравнивать с могущественными магнатами индустрии развлечений прошлого. Ведя дела с помощью нескольких компаний, и прежде всего свои с подтекстом названные «Сирена Филмз», «Слатко» и «Бой Той инкорпорейтид», она пользовалась услугами сотен людей на обоих побережьях. В ее мозговой трест входили такое известнейшие бизнесмены, как ее личный менеджер Фредди Де Манн (чьи комиссионные составляли пятнадцать процентов от общих доходов Мадонны), менеджер Берт Пэдел (пять процентов) и адвокат Пол Шиндлер из Нью-Йорской конторы «Грабман, Индурски и Шиндлер» (еще пять процентов). И все же каждая сделка несла отпечаток личности Мадонны. Управляющий

«Дисней студиоз» Джеффри Катценберг, ожидавший иметь дело с представителями Мадонны, был поражен тем, насколько «самостоятельно она ведет свое дело. Она лично участвует в каждом решении». Заработав около миллиона долларов для нескольких объединений — более половины этой суммы пришлось на ее собственную звукозаписывающую фирму, дочернюю компанию «Тайм Уонер», — она, естественно не вызвала неудовольствия у больших воротил бизнеса.

Очевидным исключением была компания «Пепси». После того как "Пепси из-за скандала с видеоклипом «Молитва» сняла рекламу с участием Мадонны, Мадонна начала высматривать новый продукт для рекламы и, следовательно новую компанию для поддержки гастролей. Ее соперница Паула Абдул отдала свое имя компании «Рибок». Мадонна согласилась рекламировать новую спортивную обувь для «Найк». Плата за это составила около 4,25 миллиона долларов. После того как Мадонна отказалась надевать эти туфли в рекламном ролике, компания сделку расторгла. Адвокаты Мадонны, однако, настаивали на том, чтобы ей были выплачены все причитающиеся деньги, несмотря на то, что реклама не была снята. В конце концов стороны пришли к согласию. Между делами Мадонна и Битти продолжали свой роман— попутно извлекая из этого максимальную пользу с точки зрения рекламы. В Лос-Анджелесе эту парочку видели вместе— в центральной кабинке ресторана «Адрианоз» в Бель-Эре, в модном ресторане «Луи XIV» и популярной закусочной с французской кухней «Ситрус» на Мельроуз-авеню. Между блюдами другие посетители глазели, как Мадонна сидит на коленях у молчаливого Битти. Она таскала его в танцевальные клубы типа «Луи». Там Мадонна, обычно одетая во что-нибудь черное, кружевное и откровенное, танцевала с кем ни будь — иногда с другой женщиной — а Битти наблюдал со стороны. Затем они перебирались в другое место, давая пищу для новых сплетен в завтрашних газетах. Но нигде не сообщалось, что куда бы не отправились Мадонна и Битти, очень часто там оказывалась и Сандра Бернхард. Две женщины любили уединиться в туалете, оставив Битти поскучать, и возвращались оттуда, переодевшись в одежду друг друга. Чтобы развеять подозрения, будто ее роман с Битти всего лишь рекламный трюк, Мадонна посвятила этой теме существенную часть своего интервью, ставшего «гвоздем» одного из номеров «Вэнити Фер». "Иногда я бываю ценичной и прагматичной и думаю, пускай все идет как идет— рассказывала она Кевину Сессамсу. — А потом становлюсь романтичной и думаю: «Мы идеальная пара». Битти был не столь разговорчив, но и он изменил своей привычке

хранить молчание в таких случаях. Его окончательная оценка звучала так: «У нас с ней не случайная встреча».

О непревзойденной способности Мадонны раздувать пламя, не опаляя себя, говорят фотографии, сопровождающие статью в «Венити Фер», Она решила сняться полуобнаженной— впервые после опубликованных без ее разрешения разворотов в «Плейбое» и «Пентхаусе». На одной из фотографий, снятых знаменитым Хельмутом Ньютоном, Мадонна танцует на стойке бара, а у ее ног сгрудились мужчины. На ней котелок, чулки в сеточку и жилет, который она открывает, обнажая правую грудь. Снимок получился не откровенно сексуальным, но тревожно намекал на двуполость. Это были только первые проблески того, зрелища, которое она собиралась предложить своим поклонникам во время всемирного турне «Вожделенной Блондинки». Прежде всего она выпустит на экраны видеоклип, который не вызовет ни гнева, ни раздражения. Имевший целью возродить давно заглохшую страсть к танцам «Вог» («Vogue») был задуман Мадонной как черно-белая хвалебная песнь блеску старого Голливуда — эдакое возрождение фотографий Хорста. Мадонна в сопровождении стройных мужчин, отобранных для гастролей, соблазняла, принимала обольстительные позы", пока она пела хвалу своим своим кумирам:" Грета Гарбо и Монро, Дитрих и Димаджио/ Стиль, и шарм, и милый смех / Рита Хейуорт лучше всех". У Эм-ти-ви было только одно замечание. Они хотели, чтобы она вырезала всего один кадр, в котором ее груди ясно просматриваются сквозь прозрачную блузку. Мадонна отказалась, и Эм-ти-ви вышла из игры. При поддержке сильного видеоклипа «Вог» взлетел на первое место в списках хитов — восьмой сингл за всю карьеру Мадонны. «Вог», разошелся в двух с лишним миллионах экземпляров — рекорд 1990 года для синглов.

До выхода «Дика Трейси» на экраны еще оставалось несколько месяцев, а Мадонна уже вынашивала планы следующего театрализованного фильма — видеоконцерта о ее всемирном турне. Незадолго до этого ее агенты в «Криэйтив Артистс» прислали ей талантливый видеофильм, сделанный новым клиентом, когда тот еще был студентом Гавардского университета. Это была версия «Грозового перевала» в жанре поп-оперы, в которой для раскрытия характера Кэтрин использовались песни Мадонны. Когда раздался звонок, двадцатипятилетний Алек Кешишьян сидел за компьютером, работая над своим очередным проектом. «Привет, Алек, это Мадонна, — произнес голос на другом конце провода. — Не знаю, слышал ли ты, но я собираюсь на гастроли по всему миру и хотела бы, чтобы ты снял об этом фильм». Это был баснословный

шанс для красивого длинноволосого режиссера, среди прежних достижений которого числились видеоклипы Элтона Джона и звезды поп-рэпа Бобби Брауна. Через два часа Кешишьян наблюдал за репетицией Мадонны в «Дисней студиоз». Она сказала ему, что хотела бы, чтобы фильм был посвящен выступлениям и почти не касался закулисной жизни. Несколько дней спустя Кешишьян, попросивший, съемочную группу носить только черное и не мешать никому разговорами, был на борту самолета, летевшего в Токио с Мадонной и ее командой.

13 апреля, в пятницу, Мадонна начала свое турне «Вожделенная Блондинка» перед тридцатипятитысячной толпой орущих поклонников в токийском пригороде Шиба — это разрекламированное событие явилось также официальным открытием модернистского стадиона «Марин». Несмотря на месяцы тщательных приготовлений, никому не пришло в голову, что середина апреля в Японии — сезон дождей. В последние часы перед концертом, видя, как собираются грозовые тучи, Мадонна запаниковала. Во время репетиций в Лос-Анджелесе случились несколько очень опасных технических срывов; например, раза два рабочий сцены не вовремя открывал люк, и Мадонна едва не проваливалась в бездну. С этой проблемой и некоторыми другими удалось справиться, но аварийных планов для мокрой сцены никто не предусмотрел. Консультанты Мадонны настаивали на отмене представления, напряжение росло по мере того, как близился час принятия решения. «Стоп, стоп, стоп! Говнюки! — орала она в своей обычной манере, когда во время репетиции зафонили микрофоны. — Если звук не исправят, я не участвую в представлении. Пусть кто-нибудь срочно сюда поднимется». Когда перед ней возник звукооператор с извинениями, она резко оборвала «дебаты». «Здесь выслушивают только мое мнение», — отрезала она. Посмотрев на раззадоренные лица зрителей и вспомнив беспорядки, возникшие после отмены в Токио ее представления «Кто эта девушка?», Мадонна отказалась отменять концерт. Словно назло дождь начался именно в тот момент, когда с помощью гидравлических устройств, спроектированных главным художником тура Кристофером Чикконе, на сцене поднялось и предстало перед публикой новейшее чудо техники— декорации для песни «Будь собой» стоимостью в два миллиона долларов. Мадонна с «хвостом» в стиле куклы Барби, в корсете цвета слоновой кости с заостренными чашками и поясе со свободно болтающимися подвязками, схватившись за промежность крикнула в бушующий зал: «Генки десу ка?» — и тут же вольно перевела: «Как дела?» Толпа истошно вопила.

«Вы и не подозревали, что у нас тут будет балет на льду, — бросила она в безликую массу, скользя по мокрой сцене. — Я Дороти Хэмилл». Шутки кончились, когда один из танцоров упал. «Там было страшно, — говорит Мадонна, — но пришлось выступать». Разумеется в решении начать представление определенную роль играли чисто экономические факторы, поскольку только за первые три концерта в Токио зрители заплатили около четырех с половиной миллионов долларов. И они не разочаровались. Задуманный с целью опрокинуть сексуальные, социальные и религиозные табу, 105-минутный яркий спектакль из восемнадцати песен предлагал публике изрядные дозы гермафродизма, гомосексуализма, садомазохизма и непотребного гетеросексуального секса. Виньетки, придуманные для каждой песни, создавали по мнению Мадонны, «эмоциональную дугу». Во время замедленного исполнения «Словно дева» двое мужчин с голыми торсами ласкали привязанные к их телам конические «груди», а Мадонна, разметав ноги, каталась в онанистическом экстазе по постели, накрытой алым бархатом; громыхало музыкальное сопровождение, мелькали всполохи стробоскопа. Временно насытившись, она подняла взор к небу и вскричала «Бог?» — это был переход к «Молитве». Будуарная мизансцена исчезала, ее сменили величественные коринфские колонны, жертвенные светильники и громадный крест, освещенный оранжевыми и розовыми лампами. Пока священник наблюдал за этой «исповедью», она частично разделась, оседлала алтарь и, делая зазывные жесты с помощью кадила, швырнула распятье оземь.

Я освобождалась от чувства вины перед католической церковью за секс и маструбацию", — объяснила она позднее. Переход от алого ложа борделя к церкви означал, что «теперь я собираюсь иметь дело с властными мужчинами, будь-то мой отец, священник или римский папа». Было и несколько сравнительно спокойны номеров: водяные с рыбьими хвостами возились у ее ног в «Надежде», пока она играла на арфе; в «Празднике» она отплясывала на сцене в манере, модной в шестидесятые годы. Но ударные номера были призваны шокировать зрителя. Так в одном случае она делала вид, что насилует танцора, а затем взбиралась на другого и имитировала соитие. Для песни с садомазохистским налетом «Держись», которую один из критиков описал как «встречу „Заводного апельсина“ с Веймарской республикой», Мадонна и ее танцоры одевали котелки с ремешками, черные ботинки, перчатки с обрезанными пальцами и наколенники. Насилие или пародия на него — было вправду одной из постоянных тем шоу. В различные моменты Мадонна делала вид,

что шлепает, бьет, толкает или же, напротив, ласкает двух своих вокалисток-танцовщиц. «Когда я делаю людям больно, — дразнила она аудиторию, — я чувствую себя лучше. Понимаете, что я имею в виду? — и, сделав вид, что пинает вокалисток ногой, добавляла: — Я знаю, меня считают безжалостной, жестокой и властной. Но вам же это нравится, верно? Когда вам грубят, когда бьют в спину, нужно же показать им, кто тут хозяин, верно? У нас, в Америке, любят бездумное насилие в малых дозах, а у вас? Каждому нравится причинить и испытать капельку боли».

Однако гвоздем программы являлись песни из фильма «Дик Трейси», собранные в новом альбоме «Неотразимая». Во время исполнения композиций «Рано или поздно» («Sooner or later») и «Теперь я иду за тобой» («Now I'm Following You»)— последнюю вещь она пела дуэтом с Битти, на концерте его голос звучал в записи— Мадонна скакала по сцене с одетыми в желтые шинели танцорами, а потом сбивала их всех на пол, словно кегли. Даже «Дик Трейси» пал жертвой намерения Мадонны нарушить все приличия. Уже в первой песне из нового альбома — «Шлепки» («Hanky Panky»), она честно призналась, что приемлет мазохизм, пусть в слабой форме («Мне достаточно одной твоей ладони»). Идея этой песни родилась после посещения ночного клуба «Девятый» и, по слухам, других секс-клубов на обоих побережьях тоже. Подставляя картинно зад для шлепка, она сообщила публике: «Все ведь знают, как приятна хорошая порка».

Для рекламы «Дика Трейси» во время шоу на большом экране мелькали сцены из отснятого фильма. Смешанное представление не отличалось особой утонченностью. В середине «Теперь я иду за тобой» музыка микшируется и Неотразимая Мейхани Мадонны выдает реплику: «Дик, очень интересное имя. У меня болит попка, стоит мне только подумать о нем». Но и это бледнеет в сравнении с ее монологом, посвященным самому популярному англосаксонскому слову: «Трахаться — неплохое слово! Трахатья — слово хорошее! Именно из-за этого я сейчас с вами! Если б ваши папа и мама не трахались, вас бы сегодня здесь не было… Так что трахайтесь!» Призыв к безопасному сексу, обязательная для нее часть программы, возможно, проиграл от манеры представления. Мадонна и ее вокалистки, сбившись у левой кулисы, шептались и бросали взгляды на мужчин — танцоров, собравшихся кучкой в нескольких метрах от них. «Эй, парни, — позвала Мадонна, пародируя акцент Нью-Джерси, — хотиче потрахаться? Парня по-настоящему узнаешь только тогда, когда попросишь его надеть презерватив. Ну-ка ты, — обратилась она к одному из застеснявшихся мужчин, — разуй ширинку и натягивай резинку». В тот вечер промокшая толпа одобрительна

заревела. Его сестра, сказал представителям прессы Кристофер Чикконе, была «очень довольна» результатами. «Она справилась с дождем, полнолунием, пятницей, тринадцатым числом и устроила потрясающее зрелище». На самом деле она была недовольна. «Я только потому не взрезала себе вены, — призналась она, — что предстояло возвращение в Америку». Алек Кешишьян, с другой стороны, был в полном восторге от фильма, который снял в Японии, и горел желанием показать его своей хозяйке. В Японии она с ним безжалостно цапалась. «Мне приходится бороться с ней и продолжать съемки, несмотря на ее крикливые требования прекратить работу, — вспоминает он. — Я снял на тридцать часов закулисной жизни, а также многочисленные интервью со всеми танцорами и самой Мадонной, я ловил их утром в постели, полуспящих, поэтому все интервью невероятно интимны по тону, кроме того, мне удалось заснять и много других забавных случаев на японских гастролях». Он показал Мадонне отснятый материал и ждал ее реакции. «Плевать мне на съемки концертов, — сказала она. — Мне нужна жизнь! Именно ее и нужно заснять». Теперь они договорись сделать не репортаж о концертах, а игровой фильм, построенный на закулисной драме, разворачивающейся во время трехмесячного турне. Для контраста концертные куски предстояло снимать в цвете, а закулисные в черно-белом изображении. Она согласилась сама финансировать фильм, выделив для этого четыре миллиона долларов. Прежде чем они начали тридцатидлвухдневую североамериканскую часть турне в Хьюстоне 4 мая, Мадонна потребовала от Кешишьяна твердости. "Ты должен знать, что когда-нибудь мне захочется вышвырнуть тебя из комнаты, — предупредила она его. — Ты должен набраться храбрости сказать «нет». Позднее она восхищалась тем, что Кешишьяну «хватило крепости в яйцах противостоять мне, что очень трудно… У него, верно, крепкие яйца». Кешишьян получил «карт-бланш» с единственным условием: не посвящать широкую бублику в то, что она является первоклассным дельцом. По этой причине Мадонна не допускала его на свои переговоры с управляющими, спонсорами, агентами и юристами. «Пошли вон! — приказывала она ему, когда его операторы пытались проникнуть на совещание. — У меня деловое совещание». она также не позволила заснять трогательную встречу с ее старенькой бабушкой. Американские гастроли начались с неуверенного старта из-за необъяснимого отсутствия Уоррена Битти на первом представлении, состоявшемся на стадионе «Саммит» в Хьюстоне, — и это несмотря на то, что она послала за ним своей собственный самолет в Лос-Анджелес. В ожидании Битти

Мадонна отложила начало представления на полчаса, но он так и не появился.

Битти позвонил после концерта, объяснив, что завален миллионом дел, связанных с предстоящим выходом на экраны «Дика Трейси». Так много для них обоих зависело от этого фильма, что, как он надеялся, она поймет. Но она не поняла. Страшно разочарованная и раздраженная, она в сердцах бросила трубку, лишь мельком появилась на ею же устроенном приеме по случаю начала американской части гастролей, отменила все остальные договоренности на этот вечер и заперлась в своем гостиничном номере. Гастроли перемещались из одного города в другой (она утверждала, что ненавидит Чикаго по той простой причине, что «там живет Опра Уинфрей»), а Мадонна раз за разом устраивала разносы своим сотрудникам. Во время первого концерта в Лос-Анджелесе ее наушник выходил из строя в середине песни, хотя вокалистки за ее спиной никакие трудностей не испытывали. После спектакля, за кулисами Уоррен Битти («Дядя Уоррен» или «Папаша» для молодого окружения Мадонны) спокойно стоял в стороне, она же потребовала объяснений у несчастного техника.

— Я пою а капелла, мой дерьмовый наушник отключается, и все думают, что проклятое шоу закончилось. Почему же у девочек все в порядке?

— Потому, что вы на разных частотах. Тогда переведи меня на их дерьмовую частоту, говнюк!

Затем она набросилась на менеджера Фредди Де Манна, жалуясь на хмурых дельцов от шоу-бизнеса, которые каким-то образом монополировали первые несколько рядов.

— Кто-то сажает впереди жирного толстяка, и тот всю дорогу пялится на меня масляным взглядом. Ей — Богу, Фредди, ты меня обманул… впереди одни деляги. Они совершенно выбили меня из колеи — сидели, сложив руки на груди, и сально смотрели на меня, клянусь Богом. Это противно и отвлекает… Три ряда сукиных сынов… Каждый выглядит, как проклятый агент Уильяма Морриса!"

Чтобы разрядить ситуацию Де Манн и другие обрушили на свою диву потоки льстивых похвал.

— Ктати, — заметил Де Манн, — сегодня ты была особенно неотразима.

— Теперь, видишь, какой я бываю хорошей, — улыбнулась Мадонна, — когда злюсь? Битти тоже вскоре досталось. -Не прячься там, Уоррен, — потребовала она. — Иди сюда, вонючка. Что с тобой, бабник?

Ты хоть понимаешь, что я работаю так каждый вечер? Ты

собираешься относиться ко мне лучше Уоррен? Позднее за сценой для встречи со звездой собрались знаменитости. Среди них были актер и режиссер Кевин Костнер, который благодаря фильму «Танцующий с волками» стал потом самым знаменитым достоянием Голливуда. Он поблагодарил Мадонну за приглашение на шоу, оценил его как «искусное», но сказал, что на вечер остаться не может, поскольку должен дома уложить детей спать.

— А «искусное» для тебя мало? — спросила она. Как только он ушел, она сунула палец в рот, словно хотела сблевать. — «Искусное»? Каждый, кто назовет мое шоу «искусным», -выпалила она перед запущенными камерами Кешишьяна, — должен убраться отсюда. В ту ночь ей приснилось, будто на ее концерт пожаловал Михаил Горбачев, и первое, что пришло ей в голову, — «Уоррен будет завидовать, что я встретилась с ним первой». На другое утро она обрывала у себя в номере лепестки цветка. «Любит, не любит, любит, не любит… Просто хочет трахнуть… я ему дорога… Любит! Ура!» Добродушное подтрунивание Битти и Мадонны друг над другом сменилось злыми ссорами во время двух заключительных концертов в Лос-Анджелесе. Раскапризничавшись, она забрала у администратора бесплатные билеты, выделенные для его приятелей; обидевшемуся Битти пришлось обзвонить друзей и отменить приглашение. В Торонто полиция преподнесла Мадонне сюрприз, пригрозив запретить шоу и арестовать исполнителей за непристойное поведение на публике. Недовольство вызывала сцена, в которой она под звуки «Молитвы» изображала маструбацию. Во время привычной молитвы перед концертом Мадонна в присутствии своих танцоров и вокалисток прокляла «фашистскую провинцию Торонто» и торжественно поклялась «устроить ей ад». (Обычно на молитве она просила Всевышнего даровать ей хорошее выступление.) Власти Торонто пошли на попятную, лживо утверждая, что ничем подобным не угрожали. Но Мадонна уже успела собрать рекордный урожай, увеличивший продажу и билетов на концерты, и альбома. Пока Мадонна мерялась силой воли с торонтской полицией, вышел в свет альбом «Неотразимая: Музыка из фильма „Дик Трейси“ или вдохновленная им»; альбом хорошо продавался и получил восторженные отзывы в прессе. Он включал в себя — хотя технически и не повторял звуковую дорожку фильма — три главных мелодии Стивена Сондхейма из фильма, а также «Вог» и «Шлепки». Сондхейм, бродвейский композитор, среди хитов которого были такие вещи, как «Глупости», «Суини Тодд» и награжденная пулитцеровской премией «Воскресенье в парке с Джорджем», дружил с Битти еще

со времени написания музыкальной темы для «Красных». Он возражал, когда говорили, что работа над «Диком Трейси» означает его переход в Голливуд. «Я просто написал три песни для „Дика Трейси“, — сказал он, — а это не то же, что писать для кино. Это всего лишь музыка для киношных выступлений, а они мало чем отличаются от эстрадных шоу». Тем не менее композитор едва ли игнорировал то, что Мадонна могла для него сделать, — познакомить целое поколение приверженцев Эм-ти-ви с работой человека, которого многие считали самым талантливым американским театральным композитором. Мадонна пришла в ужас, впервые услышав эти песни на съемках фильма. «Это еще что за дерьмо? Я это петь не смогу. Это не мое», — сказала она тогда. Мадонна не привыкла к тому, что она называла «зроматической дикостью» мелодий, одни из которых написана в тональности с пятью диезами. «Они превосходны, — признала она, — но очень трудны». Работая с Сондхеймом, она смогла преодолеть собственные страхи и сомнения критиков, которые до сих пор едва ли рассматривали Мадонну как мастера вокального стиля. «Неотразимая» — явно лучшая из всех пластинок Мадонны", — писал в «Нью-Йорк дейли-ньюс» Дэвд Хинкли. В «Ю-Эс-Эй тудей» Энн Эйрес назвала ее «изобретательной поп-музыкой, столь же увлекательной, как сюжет популярной бродвейской пьесы. Прекрасная работа!» Марк Коулмен из «Роллинг Стоун» не удивлялся: «Она преподносит все с помпой и шумом, но ведь все знают, что Мадонна чепухой не занимается». Это альбом еще раз продемонстрировал исключительные деловые способности Мадонны. Сделка, заключенная с Катценбергом из «Диснея», содержала условие, по которому она могла выпустить «Неотразимую» и под эгидой собственной фирмы «Тайм Уорнер», одно это принесло ей фантастическую сумму в четырнадцать миллионов долларов. Кроме того, она оговорила себе процент от киносборов и доходов от видео и продажи вещей с символикой фильма. Если фильм даст ожидаемую прибыль, это принесло бы ей, по крайней мере еще пять миллионов долларов. Гонорар Мадонны во время съемок мог быть ничтожен — 1440 долларов в неделю, но ее доходы от фильма после того, как подсчитают прибыли, могли составить почти двадцать миллионов долларов.

Она, естественно, считала, что заслуживала их. «Дисней» не просил меня помочь им в сбыте фильма, — сказала она в интервью «Ньюсуик». — Даваейт просто признаем, что одним выстрелом я убила двенадцать птиц. Это улица с двусторонним движением… Большинство людей не ассоциируют меня с кино. Но у меня гораздо больше поклонников, чем у Уоррена, и

большая их часть даже не подозревает о его существовании". Всегда готовая к новым рекламным хитростям, Мадонна решила застраховать свои груди, как когда-то сделала Марлен Дитрих со своими ногами. Поводом послужило то, что она буквально влипала в тесные открытые платья, которые носила в роли Неотразимой. «Я с ужасом думал о том, что у нее вспыхнет аллергическая реакция, — говорит гример Джон Кальоне. — Если бы у нее появился какой-нибудь пигмент на груди или что-то еще, она бы через суд потребовала от меня целое состояние». Однако план этот был оставлен, поскольку страховая компания отклонила сумму страхового полиса. Мадонна запросила за каждую из своих пухлых прелестей по шесть миллионов долларов. Мадонну нельзя упрекнуть в том, что она не пыталась привлечь внимание к себе или к «Дику Трейси». В начале мая она появилась в модном и весьма престижном телешоу Арсенио Холла, что для нее было необычно. В тот вечер Мадонна продемонстрировала только одну консервативную вещь — строгий белый костюм. В интервью, укороченном на все непристойные словечки, она намекнула на то, что ведущий Арсенио Холл и его друг кинозвезда Эдди Мерфи — любовники. Она также прошлась еще раз по поводу грудей Латойи Джексон, в чем ей немало помог сам Холл. — Никто из нас не верил, что груди у нее настоящие, — сказал он и добавил, имея ввиду обнаженную грудь Мадонны в «Венити Фер»: -Но ваши-то настоящие. — Зачем же скрывать такую красоту, — заметила она, пожав плечами. Холл поинтересовался происхождением «Шлепков», и Мадонна признала, что сомнительная ода порке восходит к ее личному опыту. — Настоящая порка-это не по мне. А вот слегка — в самый раз. — Что есть такого у Уоренна Битти, чего нет у вас? — игриво спросил Холл. Около миллиарда долларов. Джоан Коллинз однажды назвала Уоррена сексуально ненасытным, — продолжал он. Ему было двадцать в то время, — ответила Мадонна неожиданно зло. — Разве не все двадцатилетние ненасытны? Упоминание о Джоан Коллинз не вызывает у вас ревности? — Нет. Я хочу сказать, — ответила Мадонна, — вы ее видели в последнее время? Перехватив инициативу у не в меру любопытного ведущего, Мадонна ловко вставила замечание об отношениях Холла с певицей Паулой Абдул. При награждении лауреатов Эм-ти-ви, которое происходило в студии шоу Холла, по мнению Мадонны, «колготки Абдул чуть сползли. Интересно, не вы ли тому виной, Арсенио?» Затем она игриво погладила его левую руку и надела на палец большое золотое кольцо. Холл обиделся, и не только на ее намеки по поводу Эдди Мерфи и Паулы Абдул, но и на ее

замечание в эфире о том, что его прическа «вышла из моды». Она сказала ему, что если бы он служил у нее танцором, она не позволила бы ему носить такую прическу. Холл не стал защищать себя перед камерой. «Это противоречит законам телевизионного жанра», — объяснил он. Позднее, однако, он напрямую обратился к Мадонне на страницах журнала «Эбони»: "Во-первых, Мадонна, я бы никогда не стал работать на вас, поскольку денег у меня не меньше. Во-вторых, я видел ваших танцоров… я на них совсем не похож. Они работают на вас. Я работаю с вами. В-третьих, в детстве вы хотели быть черной, но вы не черная, поэтому не пытайтесь понять черных, вы заимствовали у нас звучание своих песен, но не наше чувствительность, так что не надо говорить мне, как я должен выглядеть.

Прежде чем зрители успели прийти в себя после выступления Мадонны в программе «Арсенио», она уже продолжала гастрольную поездку. Поскольку суровое расписание требовало огромной выносливости, на гастролях Мадонну сопровождал тренер Роб Парр, который вставал в шесть утра и выбирал маршрут для ежедневной пробежки Мадонны — обычно семь миль по пересеченной местности, неподалеку от отеля, но вне досягаемости поклонников, и еще тридцать пролетов гостиничной лестницы. Режим приносил свои плоды. Мадонна, рост которой составлял пять футов и четыре дюйма, сохраняла свои размеры 32-23-33. Размер бюстгальтера также не изменялся. Постоянное напряжение гастролей, тем не менее, сказывалось, и ко времени приезда в Детройт для встречи с отцом и мачехой Мадонна была выжата и физически, и эмоционально. «Это мой родной город, — говорила она Всевышнему на молитве перед выступлением, — поэтому я нервничаю больше обычного, хотя, казалось бы, совсем не важно, что они обо мне подумают. Так что я прошу тебя дать мне чуточку дополнительных сил, чтобы я могла показать им, что кое-чего добилась в этой жизни. Аминь». Мадонна, однако, ничем не выдала обуревавшие ее дурные предчувствия, когда пригласила отца на сцену и заставила толпу скандировать «С днем рождения». Поклонившись отцу, она заявила: «Я благословлю землю, по которой он ходит». Но во время представления в самые рискованные минуты она чувствовала себя «неловко». Она обещала отцу, что не будет раздеваться в этот вечер, но в сцене маструбации («Словно дева») ей было не по себе, и она постаралась проскочить ее побыстрее. И все же, даже жалуясь за кулисами своему помощнику на эти неприятности, она сняла бюстгальтер и принялась весело трясти голыми грудями перед вездесущими камерами Кешишьяна — а соседней комнате ее отец и мачеха в это время пили коктейль.

Трения между Тони Чикконе и его знаменитой дочерью никогда полностью не исчезали, но в этот вечер их объединяло беспокойство за брата Мадонны Мартина. Накануне Марти освободили после трехнедельного пребывания в реабилитационном центре для алкоголиков. Предполагалось, что он придет на концерт сестры, а потом поедет к ней в гостиницу. Вместо этого он, как сообщили, надрался и на представление не явился. В тот вечер после представления Мадонна аи Кристофер Чикконе ждали брата в ее номере. «Мой брат сумасшедший», — сказала она телохранителям и предупредила, что он может привести с собой толпу буйных дружков. В этом случае к ней наверх следовало допустить только самого Мартина. Мартин в конце концов прибыл, но Мадонна уже легла спать. Он постучал в дверь, но Меркантильная Девица не материализовалась. Он ушел подавленный. (Какое-то время Мартин работал диск-жокеем в Детройте, позднее безуспешно пытался продать себя в качестве рэп-певца «М.К. Чикконе») Семью Чикконе одолевала масса проблем. Паула, не сумевшая сделать собственную карьеру в шоу-бизнесе, как говорили, жутко завидовала успеху сестры. Сводный брат Марио, который был на девять лет моложе Мадонны, пытался избавиться от давней привычки к наркотикам и уладить свои отношения с правосудием — среди многочисленных обвинений против него фигурировали два оскорбления к угрозе действием. К чести Мадонны, она пыталась помочь брату, предлагая оплатить его адвокатов и лечение. Кроме очевидного давления ее славы на всех членов семьи, у Мадонны были и другие причины чувствовать, по крайней мере, частичную ответственность за беды Марио. Шон Пенн стал для него идолом, и иногда казалось, что он подражает агрессивности Пенна.

К тому времени, когда Мадонна добралась до Бостона, вирусная инфекция, не дававшая ей покоя еще в Чикаго, вынудила ее отменить три последних представления в соседнем Вустере — это был третий случай за всю карьеру, что она отменила концерт. Чтобы развеяться, Мадонна с братом Кристофером и двуммя телохранителями отправилась по магазинам. В парфюмерном магазине «Эссенс» на Ньюберри — стрит она выбрала для себя «любовную смазку» за 112 долларов 50 центов и вынула кошелек, чтобы расплатиться наличными. Она наскребла ровно 112 долларов мелкими купюрами, а мелочи у нее совсем не оказалось. Мадонна, однако, продолжала ковыряться в кошельке и извлекла оттуда упаковку японских презервативов. «Это возьмете?» — спросила она у владельца магазина. Он взял, а затем выставил на витрине с ее автографом. В разгар гастролей у Мадонны было предостаточно забот кроме

родной семьи. Ей больше и больше приходилось опекать своих танцоров и остальную гастрольную труппу — ее сюрреалистическую гастрольную «семью»… «Я выбрала людей чем-то эмоционально искалеченных, — признавалась она, — и нуждавшихся в моей опеке. Они невинны, а не пресыщены. Я хотела показать им жизнь во всей красе, чтоб до смерти запомнилось». С этой целью она водила их по самым шикарным магазинам и осыпала щедрыми подарками. Между ее единственным гетеросексуальным танцором Оливером Крамзом, которому был двадцать один год, и «голубыми» танцорами, составлявшими остальную часть кордебалета, возникли серьезные трения. Она пыталась их смягчить, но этого было мало. Он чувствовал себя одиноко, а порой затравленно. «Было страшно, — сказал он, — по — настоящему страшно. Потому что они хотели меня поиметь. Они говорили, что все равно достанут меня на этих гастролях. Так прямо и говорили». Мадонна старалась заботиться о нем больше, чем о других. «Я вступила с ним в Эдипову связь, мать и сын, — призналась она. — Мы этого до конца не понимали… Он привязался ко мне». Кто-то рассказал об этой «привязанности» представителям бульварной прессы, которая тут же растрезвонила, что Крамз сменил Битти в ее постели.

Мадонна не оброщала на эти сплетни никакого внимания, но «голубые» коллеги Крамза хихикали. «Оливер был игрушкой для Мадонны, — говорит Салим Гоулуз по прозвищу „Отпад“. — Он ныл и злился, а мы смеялись, потому что знали, что именно так оно и случится». Эти трения раздражали и тревожили Мадонну, поскольку угрожали нарушить слаженную коллективную работу, необходимую для успеха турне «Вожделенной Блондинки». «Все держалось на ниточке, — вспоминает она. — Я винила себя. Я чувствовала себя матерью, которая оставила детей, а вернувшись, обнаружила, что те натворили бед». Она приказала своим «голубым» танцорам, которые, по ее словам, вели себя как «злобные девки», держаться «прилично» по отношению к их нормальному коллеге. Сей междоусобный конфликт случился для Мадонны совсем не ко времени, она как раз собиралась посвятить концерт на стадионе «Медоулендз арена» (Нью-Джерси) памяти Кийта Херринга. Как же она могла со сцены вдохновить тысячи и объединить их на борьбу против СПИДа, когда « не в состоянии вдохновить семерых танцоров». Во время молитвы в тот вечер она не смогла сдержать слез при упоминании имени Херинга. Ее танцоры впервые видели Мадонну плачущей, и этого было достаточно, чтобы, по крайней мере, на время забыть о распрях ради успеха общего дела. Одно из благотворительных обществ, помогающих больным СПИДом, высказало недовольство

отношение Мадонны к своему гражданскому долгу. Дом Небесной Благодати проводил мероприятие для сбора средств и попросил Мадонну выступить с коротким приветствием перед публикой через спутник из концертного зала «Нассау Коллизеум» в Лонг-Айленде. Организаторы мероприятия, некоторые из которых были друзьями Мадонны еще с далеких нью-йоркских времен, ждали ответа почти два месяца и в конце концов получили отказ. «Она не платит долгов, — сказал певец Джонни Дайнелл, ее старый товарищ по Нью-Йорку. — Эти ребята придумали „вог“ — ее стиль. Они обеспечили Мадонне мировую грамзапись номер один. Все, что от нее требовалось, — это сесть на пару минут перед телекамерой и произнести пару фраз». Процитировав ее заявление в «Венити Фер» о том, что она готова «сделать все, что может, чтобы способствовать распространению информации о СПИДе, как его избежать, как с ним бороться и все прочее», организаторы Дома Небесной Благодати публично обвинили Мадонну в лицемерии. «Я не хочу начать войну с этими людьми, — сказала Лиз Розенберг, представитель Мадонны по связям с прессой, в интервью „Нью-Йорк пост“. — Я уверенна, что Мадонна хорошо к ним относится, но право любого артиста — выбирать благотворительные организации, которые он хочет поддерживать. Мадонна связанна с АМФАР [которою возглавляет Элизабет Тейлор] и многими другими благотворительными организациями по борьбе со СПИДом». Если верить одному из танцоров, Мадонна «взвыла от злости», прочитав статью в газете. «Почему они так ненавидят меня? — воскликнула она. — Почему меня ненавидят?» Затем она села за стол, выписала чек на пятьдесят тычят долларов и, отдав его танцорам Хозе Гутьересу и Луису Камачо, попросила передать Дому Небесной Благодати. На следующий день настроение у нее изменилось и она аннулировала чек.

Уоррен Битти тоже испытал на себе изменчивость Мадонны. Когда он вместе с Джеком Николсоном попытался пройти в ее уборную за сценой в Нью-Йорке, она отказалась впустить их, несмотря на настойчивые просьбы Битти. «Она сказала им, что у не болит голова, — рассказывает один из свидетелей, — но на самом деле ей было наплевать на обоих». И все же в ней жило сильное чувство к Битти. Когда одна из женщин ее труппы начал проявлять к нему слишком много внимания, по свидетельству человека из ее окружения, Мадонна тут же ее уволила. После последнего концерта в регионе Нью-Йорка, перед самым отлетом труппы на гастроли в Европу, Мадонна и Битти устроили шикарный прием во Дворце Красоты на Бродвее. Она покорно досмотрела, как актер-педераст Кока в женском платье изобразил

пение под фонограмму «Вог», и в знак признательности обняла его. Когда помощник официанта, дважды ходивший на ее выступления, застенчиво подошел к ней, чтобы получить ту же награду, она отпрянула. «Я на обнимаюсь, — фыркнула она, — с незнакомыми». К своим сотрудникам Мадонна тоже не всегда относилась тепло предусмотрительно. Когда в Нью-Йорке пытались изнасиловать ее гримершу, Мадонна высказала по этому поводу больше удивления, чем заботы. В странном приступе эгоцентризма она стала рассуждать о том, что на молодую женщину напали только после того, как она сболтнула в ночном клубе, что работает на Мадонну. Еще меньше благородства высказала она по отношению к тем, кто не входил в ее окружение. На гастролях она останавливалась в отелях под именем Кит Морсби, героини «Небесного полога». Входя в отель или выходя оттуда, она не препятствовала тому, чтобы ее телохранители остервенело расталкивали собравшихся зевак. Во всех городах, где происходили ее выступления, она запрещала служащим отеля произносить свое имя, заговаривать с ней и даже смотреть в ее сторону. Автографы и шутки были исключены совершенно. Каждая гостиничная кухня получала разнарядку на особое вегетарианское меню; если через четверть часа после заказа блюда не доставлялись в номер, она начинала жаловаться.

Мадонна пыталась контролировать буквально все в своем окружении, что действовало людям на нервы, однако не всегда ей это удавалось. Давнишний враг сильных наркотиков, она, тем не менее, не сумела добиться, чтобы все участники ее команды воздерживались от них во время турне. В путешествиях члены труппы часто злоупотребляли наркотиками, включая кокаин и героин. Сама Мадонна ограничивалась шампанским, сигаретами и изредка таблеткой снотворного. Если в турне Мадонна все более проявляла материнские наклонности, то публика думала про нее как раз обратное. Для некоторых, например, для ректора Бостонского университета и бывшего кандидата в губернаторы Джона Р. Зильбера, она была самим воплощение зла. «Никто в этом зеленом мире не имеет права поступать так, как заблагорассудится, — сказал он во время компании по сбору средств в пользу университета. — У Мадонне не больше прав служить примером для наших детей, чем было у Адольфа Гитлера или есть у Саддама Хуссейна». Мадонну это не смутило. «В нашем обществе, — заметила она, — откровенно сексуальную женщину либо считают отвратительной шлюхой, либо же боятся». Если тебя боятся, решила она, это «не так уж плохо». Учитывая относительно свободное отношение большинства европейцев к проблемам секса, не приходится удивляться, что по другую

сторону Атлантики Мадонна получила желанную передышку от критики. Ей нравилось показывать своим «детям» достопримечательности Лондона и Парижа или даже закатить им посещение магазина «Шанель», где они смогли неограниченно «оторваться» за ее счет. В Париже Мадонна была почетным гостем на роскошном обеде, устроенном журналом «Вог». В помещении было столько народа, что, дабы пробраться на свое место во главе стола, Мадонна задрала подол роскошного платья от Готье, влезла на стол и прошла по столешнице на своих точеных каблучках. «Как жаль, — вздохнул сам Ив Монтан, бывший в свое время любовником Мэрилин Монро, — что ее не было тридцать лет назад». Он послал Мадонне дюжину роз. Гастроли в Париже дали возможность Кристоферу Чикконе выставить свои собственные работы — в основном большие, смело коллорированные полотна на религиозные темы. На открытии выставки блистала Мадонна. Когда у нее просили автограф, она раздраженно бросала: «Дайте передохнуть! Я устала от автографов!» или уберите камеру, я не хочу сегодня сниматься!" Как сказал один из гостей, Мадонна «вела себя отнюдь не благородно».

В тот вечер гости отправились в ночной клуб «Шахерезада». Мадонна настояла на том, чтобы пригласили только мужчин. «Одна Мадонна — и сплошные мужчины, плюс модельер Готье со своими „голубыми“ мальчиками, — рассказывает один из сотрудников Готье. — Мадонне нравится считать себя самой вожделенной женщиной в мире… Я всегда любил ее за силу. При первой же встрече я понял, что она сильная, но в то же время и гадкая». Однако в римском аэропорту у Мадонны снова начались осложнения. За неделю до этого итальянские католические круги осудили шоу Мадонны как святотатство и потребовали отменить концерты в Риме и Турине. Выйдя из самолета в строгом черном костюме и при жемчугах, Мадонна зачитала собравшимся журналистам свое зачвление: «Если вы уверены, что я грешница, пусть каждый, кто без греха, бросит в меня камень. Я приглашаю вас, благонамеренные католики и католички, придти на мое шоу и судить самим. Мое шоу — это не просто рок — концерт, но театральное представление моей музыки, и подобно театру, оно ставит вопросы, порождает мысли и будит чувства». Мадонна была уверена, что за попыткой запретить ее шоу стоит сам папа римский. "Ватикан развернул пропагандистскую компанию с целью доказать святотатственных характер моего шоу, — замечает она, — что меня поразило и совершенно вывело из себя. Как они смеют судить о нем заочно, даже нее посмотрев. Намереваясь закончить турне «Вожделенной Блондинки» с

превеликим шумом, Мадонна вела с компанией «Хоум бокс офис» (ХБО) секретные переговоры о прямой трансляции ее заключительного концерта в Ницце (Франция) на Соединенные Штаты. Были задействованы корпоративные контакты: ХБО заплатила Мадонне за право одного концерта в прямом эфире один миллион долларов. С помощью шестнадцати камер — некоторые были установлены на вертолетах, чтобы показывать творящееся на улицах, — ХБО по своей кабельной сети привело Мадонну в миллионы американских домов. Это была прямая непосредственная передача с самым большим числом телезрителей в истории кабельного телевидения. Мадонна выступала в прическе «конский хвост» и в лифе; она подбегала к танцорам и делала вид, что бьет их. Во время гастролей она неоднократно разыгрывала эту сцену, но на сей раз произносимая ею фраза приобретала особый смысл. «Я, — крикнула она под рев толпы, — здесь хозяйка!»

Глава 21

«Это великолепно — осознавать, что имеешь власть над людьми. Всю жизнь я добивалась этого. Думаю, власть — это то, к чему стремиться каждый». «Уоррен — душка… из него можно веревки вить».

Лето 1990 года прошло под знаком Мадонны. Ее имя встречалось чаще других в списках лучших видеоклипов и грамзаписей (к этом у времени ее альбомы разошлись в 48 миллионах экземпляров); только что более двух миллионов людей в десятке стран побывали на ее концертах во время всемирных гастролей, широко освещавшихся в прессе; на экраны вышел самый громкий фильм сезона, где она исполнила главную роль. Опрос, проведенный по заказу кинопромышленников, обнаружил поразительную вещь: 100% кинозрителей знали о «Дике Трейси» до того, как прошла его премьера. Рекламная блиц-компания, включавшая распродажу самых разнообразных вещей с эмблемой фильма, от пластиковых стаканчиков для кофе и теннисок до дорогих шелковых пижам, и обошелся в 10 миллионов долларов, оправдала затраты: кадры из фильма и портреты актеров, сыгравших главные роли, заполнили обложки журналов. «Ньюсуик», «Пипл» и «Роллинг Стоун» — лишь некоторые из них. Хоть фурор был невероятный, один человек так и не видел фильма целиком. Этим человеком была Мадонна. Ее настолько расстроило то, как безжалостно обкромсали в процессе монтажа ее длинные песни, что она не могла заставить себя высидеть до конца просмотра. Оправдал ли фильм ожидания, возбужденные умело срежиссированным ажиотажем? Решенный Витторио Сторато, вопреки постановочному сценарию Дика Силберта, в восхитительных основных сцевах без полутонов. «Дик Трейи» сумел оживить героя комиксов и гротескные фигуры второстепенных персонажей: Кислой Рожи, Мямли, Приплюснутого, Большого Каприза. «Ньюсуик» возвестил о рождении «трейсимании», а критик Дэвид Энсен захлебывался от восторга: «Дик Трейси» — классная вещь: доступная, сильная, красивая. Эта ожившая история в картинках не похожа на другие фильмы Уоррена Битти, и все же в каждом важном кадре ощущается его индивидуальность". И о Мадонне: «Вожделенная, двуличная коварная— Мадонна потрясающе убедительна в роли роковой женщины».

У Мадонны «Дик Трейси» был первым фильмом со времени дебюта в «Безнадежных поисках Сюзен», принесшим ей крупный успех, Битти же впервые после «Красных» выступил здесь в качестве режиссера-постановщика. Чаще, чем обычно, их видели вместе, однако публика начала было сомневаться, не был ли их роман всего лишь рекламной уловкой. «Ну, она определенно вскружила ему голову, — объяснял человек из ближайшего окружения Мадонны. — Но это не значит, что у них любовь. Ее не привлекает зрелость в мужчине. Ей нравятся молодые. Все то время она держала свечу на окне для Шона». К середине лета обоим «героям-любовникам» стало ясно, что союз Мадонны и Битти сослужил им добрую службу. «Дик Трейси» имел грандиозный успех. Что касается Мадонны, то турне «Вожделенной Блондинки» только выиграло от шумихи, которую вызвал их роман. Они даже не пытались симулировать верность, поэтому не удивительно, что не ревность, а самолюбие окончательно развело их. В середине июля Мадонна узнала, что Битти согласился дать интервью «Ньюсуик» только в том случае, если он будет представлен на обложке один. Главный редактор «Ньюсуик» Рик Смит позвонил Джеффри Катценбергу, президенту «Дисней студиоз», и намекнул, что без Мадонны на обложке материалу о «Дике Трейси» не бывать. Компания обеспечила рекламный кадр из фильма. В бурном телефонном объяснении Мадонна обвинила Битти в том, что он не вполне честен с ней и что он путается с другими женщинами. через несколько недель Мадонне должно было стукнуть тридцать два, и Битти она казалась староватой; он уже увлекся подающей надежды актрисой, которой только что исполнилось двадцать два.

Битти Мадонне тоже казался староватым. На приеме, устроенном в Малибу по случаю ее дня рождения, Мадонна, дымя «Мальборо-лайт», все приглядывалась к собравшимся на пляже гостям, пока не заметила молодого человека без рубахи, который разговаривал с ее братом Марио. Она подошла и загасила сигарету о спину молодого человека. Тут только Марио Чикконе представил ей двадцатисемилетнего Тони Уорда, свой «подарок ко дню рождения» старшей сестрице. Вообще-то Тони Уорд был одним из водяных, которые плескались в видеоклипе Мадонны «Надежда», но тогда он не обратил на себя ее внимания. Этим вечером она увела его к себе. Спустя две недели Мадонна взяла его еще на один день рождения в Малибу, на сей раз к фотографу Хербу Риттсу. Она велела ему идти в одних джинсах, но он настоял на том, чтобы надеть черный кожаный жилет на голое тело. Мадонна — вся в черном — целый вечер просидела на коленях у молчащего Уорда. Перед гастролями Риттса она

приказала ему сбрить усы. Он повиновался. В день труда Битти услышал о новом любовнике Мадонны. Греша против истины, он отрицал, что волочился за другими женщинами, пока длилась их с Мадонной связь, и потребовал, чтобы она встречалась исключительно с ним. Мадонна поступила так, как поступала всегда, когда ей предъявляли ультиматум. Передавали, что она сказала Битти: «Катись к черту». Мускулистый, красивый брюнет Уорд — ростом пять футов семь дюймов и весом 170 футов — тем не менее неуловимо напоминал Шона Пенна. «В сущности, Мадонна всегда искала хорошего любовника, — говорит Эрика Белл, — и она нашла его в парне, которого выбрала. С физической точки зрения, он подходит ей идеально. Существует компьютерная служба по подбору любовников, то, введя в машину параметры совершенного, на вкус Мадонны, партнера, вы получите Тони Уорда. Что касается внешности, он вобрал в себя все, что ей нравится в мужчине». И, несомненно, все, что ищут в мужчине «гомики». Уорд, который выступал также под именами Энтони Бордела и Ника Нила, пользовался славой лучшей фотомодели в среде гомосексуалистов. На обложке и шести страницах фотографий лос-анджелеского «голубого» журнала «Ин тач фо мен» за 1985 год Уорд был представлен совершенно нагим, если несчитать браслета на лодыжке. Херб Риттс, привлекавший его для участия в видеоклипе «Надежда», тоже снимал его нагим для своей книги «Мужчины и женщины» (1989). Примерно в то же время, когда Уорд встретился с Мадонной, вышел альбом Грега Гордмана с серией больших, на всю страницу, фотографий Уорда в обнаженном виде. Мадонна не возмутилась, узнав, что Уорд был в прошлом фотомоделью для изданий «голубых». Как человек, которого клеймили в прессе за то, что в начале карьеры она позировала обнаженной, Мадонна хорошо его понимала. То, что «голубые» приходили в экстаз от уордова тела, а он не считал зазорным выставлять себя на показ, делало его лишь еще привлекательней.

Она также обнаружила, что Уорд, который теперь работал на респектабельное «Айс Моделинг Эйдженси», обожал кожаные вещи и маскарад в одежде. Шутки ради Мадонна скоро стала наряжать нового любовника в чулки, лифчик, панталоны, туфли на высоких каблуках, навешивала на него украшения, красила ему губы, клала тени, пудрила и ставила «мушки», чтобы он походил на нее. После этого Мадонна и ее новая «подруга» выходили на улицу. Кроме того они посещали секс-шопы, где Уорда больше всего восхищали кожаные ковбойские штаны и блестящие черные ботфорты. «Что касается Самой, — говорит Эрика Белл, — то чем больше он чудит, тем лучше для Мадонны».

Мадонна, которая теперь требовала, чтобы мужчины, с которыми она спит, пользовались презервативами, не интересовалась сексуальным прошлым Уорда. Он часто посещал бары, где собирались гомосексуалисты, — нередко в компании других мужчин и женщин, — но то же самое делала и Мадонна и многие из ее ближайших друзей. Он тоже отказывался пройти проверку на СПИД — предпочитая не знать правды, если действительно подхватил неизлечимую болезнь. Но и в гетеросексуальном прошлом Уорда было кое-что, придававшее их связи еще большую остроту. В первые недели он не позаботился сообщить Мадонне, что все еще помолвлен с двадцатитрехлетней модельершой Джейми Харрис. Годом раньше Уорд и Харрис встретились в баре «Клаб раббер» и через неделю сошлись. В апреле 1990 года Харрис, как говорят, поставила Уорда в известность, что беременна, и в ознаменование сего события парочка обручилась. Невероятно, но Уорд в Санта-Монике повел свою невесту в секс-шоп, где каждом проткнули сосок и вставили по золотому «обручальному» кольцу. Даже после того, как в середине мая у Харрис случился выкидыш, они не расстались и продолжали игру в «раба-любовника», когда он исполнял роль домашней прислуги и угождал ее любовным прихотям. Уорда еще до встречи с Мадонной часто посещала одна и та же фантазия: он спит с Мадонной, а потом Мадонна смотрит, как он трахает Харрис. У Мадонны были свои фантазии. Ей не нравилось, как выглядят на экране ее губы в «Дике Трейси». Несмотря на густой слой ярко-алой помады, ее тонкие от природы губы уступали сногсшибательному припухлому рту Ким Бесинджер, роковой женщины из вышедшего прошлым летом боевика «Бэтмен», поставленного по серии комиксов и давшего баснословные сборы. Никогда Мадонна не была полностью удовлетворена и тем, как она выходит на фотографиях, сделанных под Мэрилин Монро. И тут, она чувствовала, все дело тоже в губах.

Многие актрисы делали специальную операцию, чтобы придать губам чувственную припухлость. Это говорили про Джулию Роберст, игравшую в «Милашке», Барбара Херши, партнерша Бетта Мидлера во «Взморье», признавалась, что своими губами обязана хирургическому скальпелю. В начале сентября Мадонна отправилась к лучшему в Биверли-Хиллз хирургу, делавшему пластические операции, — вся процедура заняла десять минут и обошлась в пятьсот долларов. Поскольку имплантат поглощается организмом, отчего ткани вновь сокращаются, ей было велено приходить каждые четыре месяца для повторной инъекции. Мадонна продемонстрировала публике свои новые губы, выступив в программе Эм-ти-ви с призывом

принять участие в выборах 1990 года. Но ее выступления на ниве общественной деятельности могли рассчитывать лишь на отрицательную реакцию публики. С двумя танцовщицами из своего кордебалета по бокам, едва прикрыв тело минимумом белья и американским флагом, Мадонна призывала граждан исполнить свой долг и явиться на избирательные участки, иначе им «достанется на орехи». Выступление привело в ярость тех, кто счел игривый, на грани стриптиза, с легким привкусом садомазохизма, подход неподобающим, тем паче что речь шла о призыве к молодым телезрителям зарегистрироваться на избирательных участках. Ирония ситуации заключалась в том, что когда страсти улеглись, выяснилось, что Мадонна сама заслуживает порицания, но совсем за другое. Из всех своих выступлений на гражданскую тему за последнее время ее, вероятно, вызвало больше всего толков, но сама Мадонна проигнорировала собственный призыв и голосовать в ноябре не пришла. В том же месяце Мадонна поразила зрителей транслировавшегося на другие страны шоу, которым сопровождалось вручение премий Эм-ти-ви и которое состоялось в лос-анджелеском «Юниверсал Эмфитиэтр». Прямая передача грандиозного вечера завершилась исполнением хита номер один года — «Вог». Но в отличие от видеоклипа, где актеры производили впечатление живых манекенов, Мадонна предложила нечто неожиданное — она и ее кордебалет, наряженные в атлас, напудренные парики и туфли с пряжками, искусно воссоздали картину французского королевского бала XVIII столетия.

Те, кто ожидал от Мадонны шокирующего, не были разочарованы. В одном месте она подняла кринолин своего элегантного, в стиле мадам де Помпадур, платья, приглашая танцовщика заглянуть под юбку. Позже она прижала другого танцовщика носом к декольте. Под конец ее, игриво прикрывающую лицо веером, уносили со сцены в портшезе. Подтверждая образ вызывающе своевольной женщины, Мадонна прелетеат в Нью-Йорк, прихватив для забавы Уорда, где открыто появилась со своим новым любовником на демонстрации «славных ребят» Мартина Скорсезе в Музее современного искусства. Она представляла его всем как Ника Нила. Они остановились на ее квартире около Центрального Парка, и на другое утро фотографы сняли их, когда они вместе совершали пробежку по дорожкам парка. То было ее однозначным посланием Уоррену Битти. Впервые с начала их связи пятнадцать недель назад «Ракета» объявила всему свету, что место «Старика» официально перешло к другому.

24 сентября вышел сенсационный номер «Форбс» с ежегодным списком самых высокооплачиваемых звезд в мире. На обложке под шапкой «Самая Энергичная Деловая Женщина Америки» красовалась Мадонна в костюме Меркантильной Девицы: розовый атлас, меховая отделка, пуговицы с эмблемой доллара. Помещенная в журнале статья, переставляя слова знаменитой фразы из популярного фильма «Работница», восхваляла Мадонну за то, что она руководствуется принципом: «для греха — голова, а для дела — тело». По скромным подсчетам журналы приблизительный доход Мадонны в 1989 году составил 39 миллионов долларов, что позволяло назвать ее самой высокооплачиваемой среди звезд женского пола. Статья «Форбс» привела Мадонну в бешенство. Она отказалась иметь дело с журналистами и велела всем, кто работал в ее команде, и друзьям устроить обструкцию правдивой публикации. Человек из команды Мадонны, рассказавший о ней авторам статьи, позвонил в журнал и умолял не открывать его имени. «Меня ждут крупные неприятности, — оправдывался он. — А у меня семья». «Форбс» обращал особое внимание на то, с каким упорством, в отличие от большинства лиц, входивших в его ежегодный список, Мадонна продолжает свою гонку. Уже пять лет она держалась в группе лидеров, и это, как предположил журнал, стало возможно потому, что каждый год она «меняла стиль». Сам журнал подтвердил правоту своего тезиса: номер с Мадонной на обложке разошелся самым большим тиражом за всю историю «Форбс».

Кроме таланта и интуиции, главной составляющей успеха Мадонны как деловой женщины была ее невероятная самодисциплина. Каждый ее проект имел тщательно разработанный план, каждый шаг просчитывался на много месяцев вперед. Мадонна не позволяла себе расслабляться; одержимый организатор и планировщик, она каждый вечер перед сном составляла список дел на следующий день, разбивая его на получасовые отрезки, переходившие один в другой без всяких пауз. «Я никогда не сбавляю темпа, — говорит она, покуда хватает сил». Всю осень 1990 года Мадонна лихорадочно завершала проекты, отложенные на то время, пока она была занята на съемках «Дика Трейси» и в турне «Вожделенной Блондинки». Чтобы войти в образ мексиканской художницы Фриды Кало, чью жизнь она собиралась перенести на экран. Мадонна, в солдатских ботинках и шинели, помчалась с братом Кристофером на выставку мексиканского искусства в «Метрополитен». Она также встретилась с девяностошестилетней Мартой Грэм и уговорила легендарную танцовщицу продать ей права на экранизацию мемуаров, как сообщалось, за сто тысяч

долларов (грэм умерла спустя полгода). Она получала удовольствие, показывая Тони Уорду — как до этого своим танцовщикам на гастролях — «сладкую жизнь». Нигде к ней так хорошо не относились, как в Париже, где ее почитали в мире высокой моды как законодательницу новых стилей. Карл Лагерфилд из дома «Шанель» объявил Мадонну «единственной в мире, кто оказывает величайшее влияние на моду. Все мы глаз не сводим с нее, чтобы увидеть, что она изобретет в следующий раз». Ему вторил редактор «Вог» Леон Талли: «Я почитаю Мадонну богиней моды, особенно парижской высокой моды. Ее фантазия пленит всех, от восемнадцати — до восьмидесятилетних».

В Париже Мадонна сочла важным посетить шоу Жана-Поля Готье, чтобы поддержать своего любимого дизайнера. Как женщина года — журнал «Глэмор» возвестил об этом на своей обложке — и как одна из самых влиятельных женщин Америки, фигурировавшая в списке «Ледиз хоум джорнел» вместе с Первой леди Барбарой Буш и членом Верховного суда Сандрой Дэй О'Коннел, Мадонна на показе коллекции Готье сидела в первом ряду и ожидала появления на помосте Тони Уорда, который должен был демонстрировать модель костюма. Когда ее любовник проходил по помосту, она подняла подол, показывая Уорду — и остальным манекенщикам и манекенщицам, — что белья на ней нет. За несколько нарядов Мадонна выложила более тридцати пяти тысяч долларов, а ночью в своем номере устроила неповторимый показ мод для Тони Уорда и еще нескольких друзей. Для Мадонны Парижская эскапада была скорее развлечением делового человека. Звукорежиссер Шеп Петтибоун уже собрал блок «величайших хитов» для Мадонны с использованием квадрофонии — революционного прорыва в технологии звукозаписи, превращавшей обычные стереоколонки в систему звучания, приближенного к живому. Загоревшись новшеством — ее альбом должен был стать первым квадрофоническим диском — она записала для него две новые песни. Открывала альбом «Оправдай мою любовь» («Justify my love»), песня, которую они написали совместно с Ленни Крайвицем. Для альбома она нашла название, напоминавшее о ее недавней войне с Ватиканом. Очень простое название «Непорочная коллекция». Как всегда, Мадонна строила далекие планы. Она возлагала большие надежды на выход полнометражного документального фильма и турне «Вожделенной Блондинки» — «Правда или вызов» («Truth or Dare»: он же — в постели с Мадонной), и здесь требовался очередной забойный видеоклип — не только для того, чтобы лучше расходился альбом, но и чтобы сохранить то, чего Мадонна

уже добилась. Всякий раз, когда она выходила за рамки принятого, это давало впечатляющий результат; свидетельство тому — невероятный успех клипа «Молитва» в след за осложнениями с «Пепси». Что еще могло возбудить и раздразнить публику? Незадолго до этого один репортер спросил Мадонну, запрещало ли Эм-ти-ви ее клипы, и она почувствовала легкое замешательство, когда была вынуждена признаться, что такого с ней не случалось. Все ее клипы не только не сходили с телеэкрана, но шли и днем и вечером, без всяких ограничений. Даже у главной соперницы Мадонны, Шер, один клип передавали только поздно вечером — из-за рискованного наряда яркой звезды.

Взяв все это в расчет, Мадонна наняла режиссера Жана-Батиса Мондино, чтобы тот привнес эротическую нотку в клип «Оправдай мою любовь». «Это название будить воображение, — сказал Мондино, наслушавшись записи до „точки насыщения“ и придумав, что он будет делать. — В нем слышится невероятная чувственность. Манящий призыв искушенной в любви женщины». Оставшись в Париже, Мадонна, Уорд, Мондино и тридцать их помощников заняли на две недели целый этаж фешенебельного отеля «Руаяль Монсо». Они отсняли пятиминутный черно-белый сюжет, используя исключительно комнаты и коридоры отеля. «Мадонна была потрясающа, — говорит Мондино. — Она сделала все, что от нее требовалось. Она и ее партнер (Уорд) целовались, и целовались без дураков». Клип начинался с того, что Мадонна волочит чемодан по коридору отеля, потом наплывом возникают ее фантазии, связанные с бисексуальностью, трансвестизмом, подглядыванием, умеренным садомазохизмом и, конечно, наготой. «Это тайное человеческого сознания, — объясняла Мадонна, — Подобные фантазии и мысли возникают у каждого». Пока знакомые грозовые тучи собирались на горизонте, Мадонна получила сообщение, что 27 октября в Лос-Анджелесе скончался от СПИДа Кристофер Флинн. Флинну было шестьдесят, и он уже три года боролся с болезнью, тем не менее известие о его смерти потрясло Мадонну. Флинн играл в ее жизни особую роль. Ее бывший преподаватель балета в Мичигане стал первым взрослым, обратившим серьезное внимание на нее, тогда еще четырнадцатилетнюю, первым, кто ввел ее в мир искусства и театра, танца и ночной жизни, первым, кто сказал ей, что она красива, что непохожа на других. Мадонна всем была обязана Флинну, и она говорила о нем: «Мой наставник, отец, воображаемый возлюбленный, мой брат — все, что угодно, потому что он понимал меня». Но когда всего несколько месяцев назад он попытался увидеться с ней на примере в Лос-Анджелесе,

он не смог пробиться сквозь фаланги телохранителей и прихлебателей, отделявших ее от обожающей публики.

Столько друзей Мадонны по цеху умерли от СПИДа, что порой создавалось впечатление — жизнь состоит чуть ил не единственно из чередования премьер и похорон. Мадонна глубоко переживала смерть Флина, однако когда 2 декабря его друзья собрались в Лос-Анджелесе на заупокойную службу, Мадонна опять не пришла. Может, она опасалась, что ее присутствие вызовет возмущение публики или для нее самой это окажется непосильным испытанием. Так или иначе, решение Мадонны не посещать заупокойных служб по друзьям заставило живых друзей чесать затылки. «Я удивился, что она не пришла помянуть Мартина (Бергойна), — говорит один из них. — Но когда она не появилась на панихиде по Кристоферу Флинну, у меня возникло ощущение, что она просто избегает лишнего беспокойства». В конце ноября Мадонна опять оказалась в центре урагана, бушевавшего в средствах массовой информации. Эм-ти - ви планировало 1 декабря запустить 48-часовой «Марафон Мадонны», который предполагалось открыть мировой премьерой видеоклипа «Оправдай мою любовь». Но 26 ноября, ознакомившись с клипом, Эм-ти-ви отказалось от намерения показывать его. «Мы отдаем должное ее актерской работе, — говорилось в заявлении компании, объяснявшим такое решение, — и считаем, что она создает выдающиеся клипы. Но этот — не для нас». Все остальное, однако, в программе «Марафон Мадонны» осталось: интервью, полная запись концерта и отрывки из фильмов, равно как и видеофильмы, представляющие каждый этап ее карьеры. Мадонна предложила руководству Эм-ти-ви вырезать какие-то куски, чтобы подогнать клип к их требованиям. Но нет, их не устраивает «весь тон» клипа; ничего не могло помочь ему получить одобрение Эм-ти-ви. Была ли Мадонна, положа руку на сердце, удивлена запретом Эм-ти-ви? Да с какой стати? Обнаженное тело никогда не входило в в меню Эм-ти-ви, тем более они не могли подать столь острое блюдо, как «Оправдай мою любовь». Или Мадонна, с ее главным образом «голубым» окружением, с ее бисексуальностью и садомазохизмом, была настолько отгорожена от нормального мира, что уже не понимала, что можно, а чего нельзя? Как раз наоборот. Мадонна прекрасно сознавала, что делает, говорили посвященные. Созданием видеоклипа, который будет запрещен к показу даже на Эм-ти-ви, она давала толчок к общественному обсуждению вопроса о цензуре и таким образом вновь оказывалась в центре внимания.

Естественно, первой реакцией Мадонны было высказать

недоумение по поводу запрета. «Почему люди готовы смотреть фильмы с жуткими сценами бессмысленного насилия, — спрашивала она, — но никто не хочет смотреть, как целуются две девушки или обнимаются две мужчин? Я нахожу, что в моем клипе есть романтика, и нежность, и юмор». Однако, зная, что ее карьера зависит от постоянного появления перед публикой в музыкальных видеоклипах, она остановилась за шаг до объявления войны. «На Эм-ти-ви ко мне всегда хорошо относились, — признала она, — к тому же они знают своего зрителя. Если они говорит, что вещь слишком рискованная, я их понимаю». Для другой певицы отказ Эм-ти-ви пустить в эфир ее видеоклип означал бы катастрофу. Для Мадонны же это означало, что она располагает очередным супербоевиком. Запущенная на рынок как первый в истории пятиминутный видео — сингл, «Оправдай мою любовь» разошлась изрядным тиражом в двести пятьдесят тысяч экземпляров по 9,95 долларов за кассету, что составило 2,5 миллиона, свалившихся с неба, сама песня стала потом хитом номер один.

«Оправдай мою любовь» нашло предосудительной не только Эм-ти-ви. Центр Симона Визенталя обвинил Мадонну в том, что текст заново смонтированной версии записи под названием «Зверь внутири» отмечен откровенным антисемитизмом" — утверждение, которое Мадонна нашла абсурдным, а ее представители туту же опровергли. Скандал достиг апогея, когда 3 декабря 1990 года Мадонна появилась в ночной программе теленовостей Эй-би-си, чтобы в большом интервью Форресту Сойеру защитить себя и свое новое творение. В закрытом платье, стянув свои платиновые волосы в строгий узел, Мадонна, чье изображение передавалось по спутнику из Лос-Анджелеса, выглядела солидной деловой женщиной. Весь этот камуфляж не мог скрыть того, что Мадонне очень не по себе в такой серьезной программе, и из-за волнения она, по словам корреспондентки «Нью-Йорк Таймс» Керин Джеймс, «мямлила что-то невразумительное». Мадонна к месту и не к месту вставляла всякие «значит», «о'кей?» и «я хочу сказать» — от такой речи передернуло бы, учителя английского языка средней школы. Однако, если оставить в стороне грамматику, она вполне убедительно сумела разъяснить свою позицию. После показа по Эй-би-си клипа «Оправдай мою любовь» без купюр Сойер бросился в наступление. Надеялась ли Мадонна, что показ обнаженного тела выдержит редакторский контроль Эм-ти-ви? Напомнив, что в видеоклипе «Вог» ее грудь просвечивает сквозь блузку, Мадонна ответила Сойеру, что не видела причин, почему бы Эм-ти-ви не позволить ей еще раз «нарушить правила».

Мадонна: «Пожалуй, я и верила, что проскочу… и сомневалась. Нет, при… консерватизме, распространяющемся, вроде эпидемии, по стране, все не так просто».

Сойер: «Но в результате вы заработали даже больше, чем получила бы Эм-ти-ви».

Мадонна:" Да, мне повезло".

Далее Мадонна, обращаясь к телезрителям, сказала, что «насилие, унижение и деградация», которым открыт доступ на телевидение не по ее части. И с сарказмом предложила, что лучше бы Эм-ти-ви ввело «час насилия и час деградации женщин», чем демонстрировать видеоклипы вроде тех, что они гоняют двадцать четыре часа в сутки. Сойер спросил, не возмущались ил феминистки ее видеоклипом «Будь собой», где она, опутанная цепями, ползает под столом. «Я сама надела на себя цепи, — ответила она. — Не мужчина это сделал, а я сама. Это цепи моих желаний. И ползала я под своим столом, понимаете? Ни один мужчина не может меня заставить делать это. Все, что я делаю, я делаю по собственной воле. Я сама себе хозяйка». Сойер ухватился за феминистскую тему, вспомнив ее прежние образы эпохи «Бой Той» и Меркантильной Девицы, но Мадонна не дрогнула. «Я могу одеваться как обыкновенная шлюха, как угодно, но я самостоятельный человек, — стояла она на своем. — А разве феминизм как раз не за равенство мужчин и женщин? Разве я не сама распоряжаюсь своей жизнью, делая то, что мне нравится?»

Тот довод, что у десятилетнего ребенка, посмотревшего «Оправдай мою любовь», может возникнуть о сексе превратное представление, совершенно не тронул Мадонну. «Отлично, — парировала она. — Пусть возникнет, и пусть они попросят родителей все объяснить им». Несмотря на явное волнение, Мадонна заявила о себе как о путеводной звезде феминистского движения девяностых годов — женщине, которая решила быть сексуальной по собственному выбору. «В видеоклипе „Оправдай мою любовь“, — писала в „Нью-Йорк Таймс“ Керин Джейнс, — феминисток привлекает то, что Мадонна может строить свою карьеру столь же расчетливо, как любой мужчина». Миллионы людей отложили дела, чтобы послушать откровения Мадонны. Рейтинг ночных новостей Эй-би-си достиг высшей отметки за десятилетие существования этой программы; лишь однажды он поднимался еще выше — в разгар скандала вокруг телепроповедников Джима и Тэмми Фэй Беккер. Три дня спустя Мадонне пришлось улаживать неприятности более прозаического характера: суд предписал ей подстричь живую изгородь в ее голливудском поместье. Ее сосед Дональд Робинсон вчинил ей

иск в миллион долларов за то, что кустарниковая изгородь и сосна на ее участке разрослись на столько, что загораживают ему вид. Мадонна отказалась от встреч с Робинсоном и подала встречный иск, который свидетельствовал, что ею все больше овладевают маниакальные идеи; она обвинила соседей в посягательстве на ее частную жизнь, поскольку они, мол, подсматривают за ней из-за деревьев. Судья Верховного суда с подходящей фамилией Салли Лиско не нашла подтверждающих фактов и отвела иск Мадонны. Робинсону судья Диско миллиона тоже не подарила, но заставила-таки Мадонну сделать то, к чему никто не мог ее принудить, — подстричь изгородь. Если в середине декабря Мадонна казалась кому-то более беспокойной, чем обычно, виной тому, возможно, были неприятности со здоровьем. 10 декабря Уорд повез Мадонну на обследование в медицинский центр «Седарз-Синай» в Лос-Анджелесе. Как говорили, врач-гинеколог Рэнди Харрис, специалист по патологической беременности, сообщил Мадонне, что она в положении. Уорд и Мадонна ликовали, однако недолго — пока Харрис не сказал, что возможны осложнения, опасные для ее жизни. Четыре дня спустя с беременностью было покончено.

Когда Лиз Розенберг, ее агента по связям с прессой, спросили, был ли у Мадонны выкидыш (все-таки — не аборт), она отвечала отрицательно. Чтобы подтвердить, что Мадонна была беременна, журналистка под видом медсестры доктора Харриса позвонила Мадонне якобы для того, чтобы обсудить с ней результаты обследования. «Да, я знаю, что была беременна», — сказала Мадонна «медсестре», добавив, что ее грудь «набухла» и стала «нежной», а ей «известно, что это означает». Мадонна по-прежнему собиралась родить ребенка. Но первым пунктом шли прочие отношения с каким-либо мужчиной. «Отец, который всегда рядом, — это главное, — говорила она. — Я не хочу растить душевного калеку». Новый год Мадонна встречала наилучшим для себя образом — закатила вечеринку для сорока ближайших друзей. Собрались в ее восьмикомнатной квартире в Манхеттене, где были и сауна, и настоящий гимнастический зал, и по-современному оборудованная кухня. Прикупив смежную квартиру, Мадонна предложила пожилым соседям выкупить и их жилье, чтобы весь этаж принадлежал ей. Ни в коем случае, отказалась стойкая чета. Она же еще и выразила недовольство тем, что Мадонна — шумная соседка и что у нее до четырех утра играет громкая музыка. К полуночи гости Мадонны чувствовали себя как дома в комнатах, обставленных в стиле «ар деко» и увешанных картинами Пикассо, Дали, Леже и Тамары де Лемпика. Для развлечения гостей была приглашена хиромантка,

которая после долгих уговоров со стороны Мадонны с неохотой согласилась ей погадать. Гадалка сказала Мадонне, что та была несчастлива однажды и будет несчастлива снова, что ее теперешняя связь с Тони Уордом продлится недолго, что ее карьера кончится провалом и что она никогда не будет иметь детей. В ответ на такое предсказание Мадонна напилась мартини. Затем она направилась в ванную, где ее вырвало; тут она и рухнула на пол. Утром она очнулась в постели. Мадонна поверила гадалке. «Из головы не выходит, — жаловалась она. — Что за начало нового года!»

Глава 22

«Мне бы хотелось переспать с ней (Марлен Дитрих) тогдашней. В ней было ощутимо нечто мужское, но она сохранила сексуальную привлекательность».

Действительно, что за начало нового года! Пока бушевали страсти из-за клипа «Оправдай мою любовь», Вуди Аллен, известный своей нелюбовью к прессе, предложил Мадонне небольшую роль цирковой акробатки в своем новом фильме «Мгла и туман». Она приняла предложение, но атмосфера на съемочной площадке теперь была иная. Ее слава воздвигла непроницаемую стену между нею, другими актерами и съемочной группой, она уже не могла перебрасываться с ними шуточками. «Я чувствую, как рабочие и осветители смотрят на меня, — жаловалась она. — Я прямо кожей ощущаю их взгляды. Они смотрят на меня не как на актрису, а как на икону, и это безумно меня изматывает».

Не помогло и то, что Аллен почти не вмешивался в работу актеров. В начале ей было тяжело с ним работать, пока она не поняла, что его стиль работы — дать актеру быть самим собой, привнести в роль свою неповторимую индивидуальность. «Поначалу я чувствовала себя не в своей тарелке, — признавалась она. — Указаний почти не давали, и такая свобода ошеломляла. Но Вуди прекрасно видит, на что вы способны. Он помогает проявиться тому, что в вас заложено». Позднее «Ньюсдей» писал, что Аллен подсократил сцены с участием Мадонны, найдя ее игру потенциозной; Аллен ответил горячим опровержением. «Все это выдумки, — сказал он. — Ни единого ее кадра не было вырезано, даже мысли такой не возникло. Она превосходно сыграла свою роль». То была высокая похвала от знаменитого отшельника кино, но она не могла утешить боль, которую Мадонна испытала вскоре после Валентиновна дня. 18 февраля бульварная газета сообщила, что Тони Уорд трусливо, в тайне от Мадонны, женился на другой женщине.

Уорд уже год встречался с модельершой Амалией Пападимос, когда Мадонна загасила сигарету о его спину на своем тридцатидвухлетии. Без ведома своей беременной невесты Джейми Харрис Уорд навещал Пападимос всякий раз, когда летал в Нью-Йорк на демонстрацию моделей одежды. Опасаясь встречаться с Пападимос, австралийкой греческого

происхождения, в Лос-Анджелесе, где она могла столкнуться с Мадонной, Уорд вызвал ее в Лас-Вегас на несколько дней поразвлечься. Короткое их свидание переросло в брак. Уорд и Пападимос стали мужем и женой в лас-вегасском «Уэддинг гарденс» 21 августа — спустя пять дней после того, как он сошелся с Мадонной. Он туту же отослал Пападимос обратно в Нью-Йорк, а сам ввернулся в Лос-Анджелес, видимо, для того, чтобы закончить кое-какие дела. Но стоило Мадонне тепло встретить его после «деловой поездки», как Уорд понял, что совершил «ужасную ошибку», женившись на Пападимос. Он мог спрятать молодую жену от Мадонны, но утаить от Пападимос свою связь с Мадонной было непросто. Уорд уверил ее, что его отношения с самой знаменитой женщиной в мире носят чисто платонический характер, но с течением времени даже легковерной Пападимос стало ясно, что Уорд и Мадонна связаны любовными узами.

«Я вышла за него, — сказала Пападимос, — по любви. Я любила его и вышла замуж не для того, чтобы таким способом зацепиться в Америке, не забудьте мы с Тони встречались целый год и очень любили друг друга. Я даже собиралась увезти его в Австралию на медовый месяц и представить родителям». Но этому не суждено было осуществиться. Газетенка, сообщила о том, что Уорд женат, предположила, что Мадонна, узнав об этом, будет «рвать на себе свои белокурые волосы». И не ошиблась. Мадонна не понимала, как Уорд мог без зазрения совести лгать ей практически с первого дня их знакомства. Несколько раз, когда она заводила с ним разговор о браке, он поспешно менял тему. Теперь она понимала почему. Отчаянные мольбы Уорда не тронули Мадонну. Как заметил однажды один из друзей, «стоит сделать что-либо ей наперекор, и вы перестаете существовать для нее». Идеальный любовник Мадонны, бессильный оправдаться в том, что любил другую, похоже, стал для нее пройденным этапом. С Шоном Пенном это никак не удавалось. Мадонна по-прежнему не могла спокойно слышать, когда при ней произносили его имя, а корреспонденту «Вэнити Фер» она призналась, что ей нравится «перебирать белье Пенна, нравится складывать его носки. И знаете, что я люблю? Я люблю выдергивать ниточки из марлевой занавески». Когда она смотрела «Благодать», где главные роли исполняют Пенн и его новая любовница Робин Райт, у Мадонны, по собственному признанию, возникло такое чувство, будто «вторглись на ее территорию». Ей хотелось крикнуть: «Руки прочь, сука! Это мой бывший муж!» Райт тогда уже ждала ребенка от Пенна. Тем не менее было видно, что он чувствует, будто вторгаются на его территорию, когда речь шла о бывшей миссис

Пенн. После чествований Роберта Де Ниро нью-йоркским Музеем кинематографии Пенн присутствовал на приеме, данном по окончании официальной части в «Трибека-грил», где собирались Джереми Айронз, Мэтт Диллон, Пенни Маршалл, Лайза Минелли и другие знаменитости. Присутствовал там и Джон Ф.Кеннеди младший; увидев Пенна, болтавшего с приятелем, он протянул ему руку и представился. «Я не знаю, кто вы, — ледяным тоном ответил Пенн. — Вы еще не принесли мне извинений». Кеннеди нечего не сказал в ответ и отошел. Ясно, Пенн все еще не забыл разговоров насчет Кеннеди и Мадонны в те времена, когда она была его женой. На другое утро Кеннеди получил похоронный венок из белых роз с черно-золотой лентой, на которой была надпись: «Мои искренние соболезнования». На карточке стояло только: «Джонни, я слышал о том, что произошло вчера вечером». И подпись: "М".

Столкновение Пенна и Кеннеди совало с появлением еще одной большой статьи в «Вэнити Фер». Вновь Мадонна вызвала тень легендарной любовницы отца Кеннеди. Статью под названием «Неприкаянная» сопровождали два снимка Мадонны в обнаженном виде из коллекции «Дань восхищения Норме Джин». Теперь, когда кругосветное турне, «Оправдай мою любовь» и Тони Уорд ушли в прошлое Мадонна могла снова сосредоточиться на своей карьере и кино. На той же неделе, когда произошел ее мучительный разрыв с Уордом, она в переполненном звездами зале лос-анжелесского Музыкального центра, на гала-концерте, устроенном в честь Эндрю Ллойда Уэббера, вручала ему награду. Главная соперница Мадонны по «Эвите», Мэрил Стрип, сошла с дистанции, и Мадонна вновь заняла внутреннюю дорожку. То, что награду вручала Мадонна, льстило самолюбию Ллойда Уэббера, и Мадонна надеялась извлечь из этого выгоду. Тем вечером, приводя себя в порядок перед зеркалом в дамской комнате, Мадонна обронила: «Жаль, что Энди успел жениться. Я не могу претендовать на роль его третьей жены». «Вы ничего не теряете, — сказала дама у нее за спиной. — Вы можете найти себе что-нибудь получше». Тут Мадонна узнала говорившую, это была Сара Брайтмен, вторая жена Ллойда Уэббера, с которой тот недавно развелся, исполнительница заглавной роли в «Призраке оперы». Барбара Стрейзанд, сама не имевшая шансов сыграть Эвиту, продвигала, как поговаривали, на эту роль Брайтмен, превознося ее как блистательную певицу. Мадонну это не слишком беспокоило; Брайтмен никогда не снималась в кино и не могла обеспечить кассового успеха. Тем не менее, Стрейзанд своими хлопотами за британскую актрису едва ли снискала любовь Мадонны. Мадонна поз0вонила ей и открытым текстом

посоветовала ей «не выступать». В глазах голливудского истеблишмента Мадонне еще надо было доказать, что на нее можно ставить как на актрису. «Дик Трейси», конечно, укрепил ее позиции, но даже эта победа оказалась подмоченной, после того как Джеффри Катценберг из компании Диснея в свое м знаменитом «конфиденциальном» меморандуме осудил спиралеобразный рост стоимости кинопроизводства. В этом документе, который стал достоянием гласности, каким-то образом попав в «Нью-Йорк Таймс», он выразил сомнение, что время, энергия и деньги, которые были вложены в «Дика Трейси», в итоге оправдались. Мадонна неспроста согласилась исполнять 25 марта получившую «Оскара» песню Стивена Сондхейма «Рано или поздно (он всегда возвращается ко мне)». Церемония была организована Академией киноискусства. В самом начале Мадонна столкнулась с проблемой, которая встает перед каждой подлинной кинозвездой: найти достаточно знаменитого напарника для предстоящего шоу. Круг претендентов быстро сузился до единственной звезды, чей блеск был сопоставим с ее собственным, — Майкла Джексона. За неделю до события Мадонна и Джексон встретились в модном ресторане Лос-Анджелеса «Плющ», чтобы обговорить свои действия в Великий День. Джексон был в своих знаменитых темных очках и, едва они уселись, Мадонна перегнулась через столик, сорвала очки и небрежным жестом швырнула их через зал. «Ты теперь со мной, — сказала она. — Я хочу видеть твои глаза». Когда Джексон задержал взгляд на вырезе ее платья, Мадонна взяла его руку, прижала к своей груди и не отнимала несколько секунд. Мадонна и Джексон уже давно заворожено приглядывались друг к другу. В конце концов, оба они были непревзойденными поп-звездами и потому, как мало кто другой, могли понять друг друга. Джексона привлекала сверхъестественная способность Мадонны постоянно обновлять свой образ и ее умение «задавать тон» в индустрии развлечений. Он также завидовал ее успеху. «Не столь уж она хороша, — жаловался он приятелю после того, как в 1989 году ее назвали Актрисой десятилетия (на церемонии награждения Мадонна выразила свою признательность тем, что лизнула приз). — Подойдем непредвзято: певица она никудышная. Она всего-навсего отличная танцорка. В чем ее сильная сторона? В том, что она знает, как подать себя. Вот и все».

Ходили разговоры, что Джексон позвонил в руководство «Уорнер» и выразил недовольство тем, что премию присудили Мадонне и что это «роняет» его престиж. Тогда ему предложили, чтобы он попросил Эм-ти-ви назвать его самого Ведущим Актером десятилетия в категории видеопрограмм; он клюнул и якобы

сказал при этом: «Этой телке нужен хороший урок». Мадонна не испытывала такой неприязни к Джексону. Она благоговела перед его талантом, его легендарной загадочностью, а больше всего перед его деловой хваткой. Мадонна многому могла поучиться у мастера. Всего за пять дней до телетрансляции церемонии вручения «Оскаров» Джексон попал в заголовки газет, подписав самый выгодный за всю историю бизнеса грамзаписи контракт с японской корпорацией «Сони», поглотившей «Си-Би-Эс рекордз». Сделка, которая в итоге могла принести Джексону целый миллиард долларов, предусматривала шесть альбомов, кинофильмы, телевизионные проекты и его собственную эмблему для пластинок. Время объявления сделки было подгадано так, чтобы затмить младшую сестру Джексона Джанет, чей 50-миллионный контракт с «Верджин рекордз» несколько дней был крупнейшим в истории музыкального рынка. На вечере в «Шрайн одудиториум», где происходило вручение премий Академии киноискусства, голливудские знаменитости «ели глазами» Мадонну и Джексона, направлявшихся по проходу к своим местам в первом ряду. Они определенно обговорили друг с другом, как будут одеты. На Джексоне были ковбойские сапожки с золотыми мысками, белый с блестками френчик, громадная бриллиантовая брошь и, по причине особой торжественности события, не одна, а две перчатки. На Мадонне — сверкающее белое, с открытыми плечами, платье от Бобби Мэки, горностаевая пелерина и на 20 миллионов долларов брильянтов от Гарри Уинстона, любезно одолженных сыном покойного ювелира Роном. Ведущий Билли Кристел представил Мадонну. Напомнив, что вместо прежней категории X для фильмов введена новая категория, он объявил: «А теперь — фильм категории NC-17». Как никогда ранее похожая на Мэрилин Монро, Мадонна, стоя одна в луче прожектора, исполнила сондхеймовскую «Рано или поздно». Тут-то и случилась небольшая накладка: одна из сережек стоимостью в миллион долларов упала и запуталась в подоле расшитого жемчугом платья. Мадонна продолжала петь как ни в чем не бывало, хотя позже говорила, что «почувствовала небольшой разнобой с оркестром». (Мадонна призналась, что была «потрясена» тем, что ее необщительный отец позвонил и записался на автоответчик, назвав ее выступление на присуждении «Оскаров» «замечательным».)

Мадонна возликовала, услышав, что «Рано или поздно» получила премию Академии за лучшую песню из фильма. Был и другой приятный сюрприз. Когда Джереми Айроназ получил «Оскара» за лучшую мужскую роль в «Повороте судьбы» Клауса фон Бюлова, он прыгнул в зал и, не обращая внимания на прочих

звезд, бросился целоваться с Мадонной. Подобное проявление радости у примерного семьянина Айронза имело объяснение, лежавшее за пределами этого вечера: их сблизил «Дисней», пообещав ему роль аргентинского диктатора Хуана Перона в общем с Мадонной фильме «Эвита». «Мне просто не верится, — шептала Мадонна Джексону. — Это неправдоподобно. Что за вечер! Мне так хорошо!» Они, конечно, были в центре всеобщего внимания. «Они выглядели почти карикатурно, — сказала Бабара Уолтерс, глядя не шествовавших по проходу Мадонну и Джексона. — Они казались неприкосновенными существами не из нашего мира». Когда все закончилось, новая более чем странная пара отправилась в Спаго на пирушку, ежегодно устраиваемую по случаю присуждения «Оскаров» у литературного агента Ирвинга «Свифти» Лазара. Фельетонист Ами Арчер спросил у Мадонны, как ей удалось уговорить Джексона прийти к Лазару. «Майкл становится общительней», — ответила она с улыбкой. Но оказавшись в Спаго, где не было наставленных на них телекамер, они разделись, Мадонна чтобы пофлиртовать со своей старой любовью Уорреном Битти (которого подвела манекенщица Стефани Сеймур), а Джексон — чтобы обниматься с Дайаной Росс. Меркантильная Девица и Человек в Одной Перчатке сошлись для еще одного снимка, лишь когда прощались с хозяевами. Мадонна пригласила Джексона на эксцентричную вечеринку при свечах к себе в дом на Голливуд-Хиллз. В три часа утра они выгнали из дома телохранителей и, как писали газеты, разоблачившись при тусклом свете свечей, стали разглядывать друг друга с любопытством созданий с других планет. После чего, по-прежнему голые, до рассвета смотрели старые фильмы по ее видео, грызя кукурузные хлопья. Когда ее спросили, чем занимались две суперзвезды, оставшись наедине, Мадонна пошутила: «Обменивались пуховиками, пудрили себе носы, а еще сравнивали, сколько у кого на счету в банке». У них действительно был деловой разговор — они собирались записать дуэт для очередного альбома Джексона «Опасен». Но Мадонна ставила свои условия. Утверждая, что «никто не купит дурацкую балладу или любовный дуэт», она сказала: «Учти, Майкл, если хочешь, чтобы мы сделали что-нибудь вместе, ты должен быть готов пойти со мной до конца, иначе я не буду сотрудничать».

Что же она имела в виду под «до конца»? Начать с того, что она решила изменить внешность Майкла. «Я бы хотела полностью изменить его имидж — говорила она, — чтобы он подстригся „под цезаря“, — ну, это очень короткая стрижка, а кроме того, снял свои жуткие сапоги на пряжках и прочую ерунду». Джексону она сказала: «Я бы хотела, чтобы Хосе и Луис (ее „голубые“

танцовщики, учившие ее танцу „вог“) поработали с тобой недельку». На все это, заявляла она, Майкл послушно "говорил «да». Прежде чем Мадонна смогла приступить к созданию нового образа Джексона, она оказалась в центре очередного скандала. Через неделю после трансляции присуждения «Оскаров» Киноассоциация Америки объявила, что анонс ее документального фильма «Правда или вызов: В пути за кулисами, в постели с Мадонной», заявленного по категории R, слишком откровенен даже для категории PG-13. Режиссер Кешишьян трижды переделывал анонс, чтобы получить разрешение фильму числиться хотя бы по категории PG-13, но Ассоциация была неприклонна: анонс может быть показан только в кинотеатрах, демонстрирующих фильмы категорий R и NC-17.

Прокатчики из «Мирамакс» были уверены, что большинство кинозрителей фильм примут. Для своеобразного исследования рынка они посетили магазины грампластинок в Нью-Йорке и его окрестностях, опрашивая людей, что они думают о Мадонне. "Когда они говорили, что смертельно ненавидят ее, объяснял Гарви Вайнштейн из «Мерамикса», — мы предлагали: "Хорошо, если вы пойдете на этот фильм и заполните анкету, мы предоставим вам два бесплатных билета на следующую премьеру «Мирамикса». Затесавшись в толпу из ста пятидесяти своих откровенных ненавистников, Мадонна проскользнула в зрительный зал манхэттенского «Трибека филм сентр» на сеанс «Правды или вызова». Впервые она смотрела фильм вместе со зрителями и была готова к тому, что он вызовет у них возмущение. «Мы знали, что поклонникам Мадонны фильм понравится, — говорил Вайнштейн. — Но мы хотели узнать, прежде чем выпускать фильм на рынок, понравится ли он кому-нибудь еще». Внушительное число ненавистников Мадонны — 65% из присутствовавших на просмотре — вынуждены были признать, что фильм им понравился; «Мирамакс» убедился, что имеет дело с потенциальным боевиком. Те, кто любит пощекотать нервы, получили желаемое. по выражению одного остряка, «Правда или вызов» (название заимствовано у игры, которой увлекался кордебалет Мадонны)-это «праздник для любителей подглядывать в замочную скважину». Фильм, конечно, перенасыщен восхитительными подробностями. В дополнение к кадрам очень вызывающих выступлений, раздраженной Мадонны за кулисами, ее острых высказываний о Костнере и За-За Габор («Она свинья»), болтовни с Битти и ее раздевания перед камерой, когда в соседней комнате находится отец, «Прада или вызов» содержит кадры, где Мадонна с помощью бутылки «Эвиана» демонстрирует оральный секс. Она велит танцовщику вытащить,

чем тот богат; смотрит, как двое парней целуются взасос («О Боже, я сама возбуждаюсь!»); выделывает курбеты в постели с двумя обнаженными танцовщиками; декламирует «поэму пука»; описывает свои сексуальные игры с подругой детства Мойрой Макфарлин (Мойра разозлилась на то, что в титрах переврали ее фамилию — «Макфарланд»), холодно отказывается быть крестной матерью ее ребенку («Маленькая дрянь», — бросает Макфарлин вдогонку Мадонне) и выставляет своего брата Мартина «тронутым» алкоголиком. В сцене, когда она завтракает в парижском отеле после бессонной ночи, за окном неистовствует толпа ее поклонников. «Даже когда мне совсем дерьмово, — говорит она прозаично, — они все равно меня любят».

В фильм не вошли съемки того, как танцовщик Луис Камачо по приказу Мадонны изображает любовь со стеной или как Мадонна страстно целует свою вокалистку Ники Харрис. На протяжении всего турне «Вожделенной Блондинки» ее небольшая «семья» ни в чем ей не отказывала. «В ней чувствуется сильная и властная натура, — говорит Камачо. — Она улыбается, но взгляд ее так и пронизывает». Даже в сценах, где души побольше, чувствуется расчет на внешний эффект. Вот ее брат Кристофер Чикконе стоит на заднем плане, прислонясь к дереву, как некая дополнительная деталь сцены с великой Мадонной, а она лежит на могиле матери, «думает как она сейчас выглядит. Просто кучка праха». Много в фильме сцен, исполненных материнской любви Мадонны к своим танцовщикам, но это тоже все пустышка. В одном месте врач осматривает ее горло, и зрителя заставляют любоваться поданными крупным планом миндалинами Мадонны. «Ей не интересно жить, когда на нее не направлена кинокамера, — говорит Битти за кадром, — и еще меньше — разговаривать». Импресарио Фредди Де Манн умолял Мадонну смягчить тон, сгладить углы: он опасался, что сцены, подчеркивающие такие черты ее натуры, как расчетливость, жестокость, страстность, вызовут негативную реакцию. Она отказалась. Однако в последнюю минуту по настоянию Битти в фильме были сделаны кое-какие сокращения. Он потребовал, чтобы выбросили телефонный разговор, записанный без его ведома, где он признавался Мадонне в любви и говорил всякий сентиментальный вздор. Слово Мадонне: «Я считала, что в нем (разговоре) есть подлинное волнение, трогательность, откровенность… В конце концов, мне кажется, что он без уважения относился к тому, что я делала, и воспринимал фильм несерьезно. Он просто считал, что я маюсь дурью, снимая домашнее кино». Это ее «домашнее кино» не раскрыло подлинного характера звезды, но было достаточно сочным, чтобы

привести в восторг как критиков, так и зрителей. Ричард Энсен из «Тайм» назвал его «эпически зрелищным… красочным вызовом», тогда как Дэвид Энсен из «Ньюсуик» объявил, что фильм «чарующий… распахнутый, пикантный! Поднимаемые ею проблемы сексуальности, власти, личности — все это делает ее самым влиятельным поп-кумиром, которому стремятся подражать!» «Правда или вызов», — соглашалась в «Нью-Йорк Таймс» Джанет Маслин, — можно рассматривать как умный, бесстыдный, яркий автопортрет, необычного развитие образа Мадонны, созданного на потребу публики". понравился; «Мирамакс» убедился, что имеет дело с потенциальным боевиком. Кое-какие черты этого образа раскрыл на своих страницах «Адвокат», лос-анжелесский журнал сексуальных меньшинств. В своем интервью, опубликованном в двух номерах журнала, где договаривалось то немногое, что казалось недосказанным в фильме, Мадонна признавалась, что свой ранний сексуальный опыт получила в общении с девочками и что ей очень нравилась мужеподобная певичка, исполнительница «кантри» К.Д.Лэнг. Она назвала католицизм «по-настоящему нездоровой религией», предположила, что Иисус и Мария Магдалина «возможно, поладили» и что нормальные мужчины нуждаются в «доброй затрещине. Каждый „нормальный“ парень должен хотя бы раз ощутить мужской язык у себя во рту».

Может, она извращенка, поинтересовался ее интервьюер Дон Шьюи. «Меня возбуждает, когда женщина любит меня, а мужчина или другая женщина присутствуют при этом. Это — извращение?» «Нью-Йорк пост» считала, что извращение. На своей первой полосе газета поместила изображение Мадонны затянутой в кожу, с сигаретой приклеенной к губе. Заголовок вопил: «Какова шлюха! Вульгарная Мадонна — дегенеративная Королева подонков». Мадонна чересчур поздно обнаружила, что по крайней мере в двух случаях перегнула палку. Майкл Джексон был зол из-за того, что она раззвонила о своем намерении пересоздать его облик. А брат Кристофер пришел в ярость, когда узнал, что в беседе с журналистами она коснулась его гомосексуализма. Юрисконсульты Мадонны позвонили в последнюю минуту в редакцию «Адвоката» с просьбой снять нежелательные для Джексона и Кристофера Чикконе фразы, но звонок опоздал — номер уже ушел в печать. В интервью Мадонна упоминает об их с Кристофером особых отношениях — «мой брат Кристофер -»голубой", и в нашей семье мы всегда были самыми близкими людьми", — что отражает ее слабость к «гомикам». «Я всегда работаю с мужчинами -гомосексуалистами… Для меня они полноценные люди, куда полноценнее, чем большинство

нормальных мужчин, которых я знаю». Она, по ее словам, впервые поняла, что Кристофер гомосексуалист, когда взяла его с собой на урок балета и он познакомился с ее преподавателем Кристофером Флинном. «Я просто увидела, что между ними возникло что-то такое, даже не могу объяснить вам что. Но я тогда подумала: ага! понятно. Ему тоже нравятся мужчины. Для меня это было откровением». Кроме всего прочего, разоблачение вывело Кристофера из себя уже хотя бы потому, что впервые заставило их отца посмотреть правде в глаза. Отношения отца и сына и так были натянуты, и эту щекотливую тему, конечно, не следовало поднимать. Самое главное, Кристофер обиделся и решил, что Мадонна предала его. Это была первая их серьезная размолвка, и Мадонна сожалела о ней. Она попросила у брата прощения, но не в силах была исправить содеянное.

Между тем она и ее фильм продолжали пожинать бурю откликов. Буря набрала еще большую силу, когда перекинулась через Атлантику во Францию, где Мадонне предстояло присутствовать на показе «Правды или вызова» 13 мая 1991 года на сорок четвертом кинофестивале в Каннах. Уже ее прибытие в аэропорт Ниццы сопровождалось большим шумом. Власти получили информацию, что на самолете, которым летела Мадонна, перевозят наркотики, и устроила тщательный досмотр; развинтили даже ее гантели, чтобы убедиться, что в них не спрятана контрабанда. Не стоит и говорить, что ничего не нашли. Одни лишь присутствие Мадонны на фестивале вызвало подлинное безумие. Сотни поклонников собирались у разных отелей и общественных зданий только потому, что прокатывался слух, будто она где-то поблизости. Специальный полуночный показ внеконкурсных лент в «Пале дю фестиваль» вызвал небольшое столпотворение — многотысячная толка собралась, чтобы хоть мельком увидеть Мадонну. Когда она наконец выбралась из лимузина, укрываясь за спиной Алека Кешишьяна, толпа встретила ее оглушительными воплями. Мадонна использовала фестиваль как возможность явить публике новую сногсшибательную прическу — блестящие черные волосы, собранные на макушке, спадали локонами, похожими на кольца кинопленки. Но и от прежнего облика сохранилось вполне достаточно, чтобы привести толпу в транс. Отказавшись поначалу распахнуть свою алую атласную накидку до пят перед неотступными фоторепортерами, Мадонна в точно выбранный момент уступила просьбам, продемонстрировав, что под накидкой у нее одно белье: белые атласный конусообразный бюстгальтер и просвечивающий пояс. Под вспышки блицев и щелканье затворов она повернулась кругом, вихляя

проступающими сквозь тонкую ткань ягодицами. Полицейские сумели оттеснить толпу, но заодно они не дали пройти в кинотеатр и двум сотням обладателей билетов, одетых в черные костюмы. По иронии судьбы, когда началась демонстрация фильма, звезда и ее спутники оказались в окружении пустых кресел. Однако самыми вожделенными были билеты не на просмотр, а на пышный прием, устроенный в ее честь. Между признанными звездами развернулось отчаянное соперничество — приглашение на прием было равнозначно включению в число первых фигур Каннского фестиваля.

Вупи Голдберг, член жюри фестиваля, не была от приема в особом восторге. Когда произошла заминка с угощением — ждали Мадонну, — Голдберг не сдержалась. «Мадонна, Мадонна, Мадонна! — заявил он официанту. — Я уже слышать не могу о Мадонне. Я голодна и хочу есть сейчас!» Тем не менее Винсент Кенби из «Нью-Йорк Таймс» отметил, что именно Мадонна придала всему мероприятию «подкупающее безумие», и назвал ее и японского режиссера Акиро Куросаву подлинными звездами Каннского фестиваля. «Нынешнему не редко серому фестивалю, — писал Кенсби, — определенно требовался шик поп-звезды и престиж Акиро Куросавы». Шик стоил недешево. По окончании фестиваля Мадонна оплатила счетов на миллион долларов: за два этажа в «Отель дю Кап», стаю лимузинов, вертолет, яхту и несколько экстравагантных вечеринок.

Актера-ветерана Энтони Куина развлекала вся эта суматоха вокруг Мадонны, но ему не терпелось улететь сразу после закрытия фестиваля. Билеты первого класса на ближайший рейс, как ему сказали, все проданы, однако ему всеми правдами и неправдами удалось разжиться двумя, для себя и для жены. Когда, однако, чета Куинов вошла в самолет, салон первого класса был пуст, лишь две женщины сидели впери по другую сторону прохода. Одна из них не снимала темных очков и скрывала лицо под капюшоном. Куины узнали Мадонну. За все время полета она не проронила ни слова, а когда поднялась, чтобы пройти в туалет, опустила голову и отвернулась, хотя в салоне никого, кроме Куинов, не было. Жена попросила Куина представиться Мадонне, но он возразил: «Зачем? Она просто скажет: Так вы Энтони Куин? И что с того?» Когда самолет уже подруливал к причалу, Мадонне сообщили, что из-за неразберихи ей не подали автомобиль. «Что? — воскликнула она в панике. — Не подали? Что значит не подали?» Спустя несколько минут Мадонна, по — прежнему закрывая лицо, втиснулась вместе с Куинами и половиной пассажиров, летевших туристским и деловым классами, в аэродромный автобус. Кто-то совершил

ошибку, вежливо попросив у Мадонны автограф. «Да пошел ты в…» — последовал автоматический ответ. По триумфальном возвращении с Каннского фестиваля Мадонну ждало известие, что «Правда или вызов» дает ничтожные кассовые сборы и что глава Диснеевской киностудии Джеффри Катценберг перечеркнул ее планы сыграть главную роль в «Эвите». Ссылаясь на собственный призыв к жестокой экономии, с которым он собрался в знаменитом, просочившимся в печать, меморандуме, Катцйенберг отказывался выделить на съемки «Эвиты» больше 25,7 миллиона долларов. Это было почти на четыре миллиона меньше того, что продюсер Роберт Стгвуд просил на фильм с Мадонной в главной роли. «Ужасно, — вздохнула Мадонна. — Джеффри Катценберг трясется над каждым центом. Мы все расплачиваемся за его дурацкий меморандум. Если они не хотят тратиться на „Эвиту“, не надо. Но я не желаю сниматься в фильме с нищенским бюджетом».

Режиссер Пенни Маршал (автор «Предубеждений») и "Коламбия пикчерз не поскупились пригласив Мадонну на роль младшей сестры героини, которую играла Дейра Уингер, в фильме с бюджетом в 30 миллионов «Их собственная лига»; фильм был посвящен женской бейсбольной команде 1940-х годов. Решающее слово в определении состава было за Томом Хэнксом, для которого Маршал ставила «Большого». Мадонна с головой окунулась в подготовительную работу, начав с того, что в частном порядке встретилась с некоторыми знаменитыми игроками у них дома и при закрытых дверях. Фоторепортеры, которых навел кто-то из аппарата Мадонны, появились возле ее нью-йоркской квартиры и застали Хосе Кансеко, оклендского игрока высшей лиги, выходящим из ее дверей в пять утра, после чего, естественно, поползли слухи. Когда какой-то болельщик на стадионе стал выкрикивать нечто обидное насчет Мадонны, Кансеко, в это время живший с женой врозь, рванулся на трибуну и затеял драку. На другой день Мадонна позвонила Кансеко обсудить, как им договориться с прессой, и сказала, что он заслуживает «порки» за свое поведение той ночью, что они провели вместе. Убедившись, что Мадонна начала оттеснять ее своими выходками на второй план еще до начала съемок, Дебра Уингер отказалась от участия в фильме. Дебра могла бы остаться, не раскритикуй Мадонна во всеуслышание ее игру в киноверсии «Под кровом небес». «Это совсем не то, что нужно, — сказала Мадонна о Дебре в роли Кит Морсби. — Совсем, не то. Ни капли сексуальности. Какой-то ужас». За месяц до начала съемок, которые должны были происходить в Чикаго и частично в Индиане, место Уингер заняла обладательница «Оскара» Джина

Дэвис. Мадонна подписала еще и контракт на исполнение главной роли в фильме о женской дружбе под названием «Леда и лебедь», но там работа откладывалась в долгий ящик из-за того, что ее партнерша по фильму Деми Мур ждала второго ребенка от актера Брюса Уилиса. Тем не менее Мадонну ничуть не удивляло, что Уингер не считает ее одаренной актрисой. Говоря о совей «неудавшейся» карьере в кино, Мадонна винила в этом себя. «Я никогда не относилась к работе в кино с должным уважением. Я не подходила к ней столь же серьезно, как к музыкальной карьере».

В июне 1991 года другая поп-дива, которая осуществила успешный переход в кино, не стала церемониться когда речь зашла о Мадонне. «Никто не умеет поставить дело так, как умеет она, — признала Шер в телевизионном интервью, — но кое-что в ней мне не нравится… Она бывала у меня пару раз и со всеми перессорилась. Она могла бы позволить себе чуть больше великодушия и чуть меньше стервозности». Полная решимости оставаться притчей во языцах, Мадонна позвонила в редакцию телепрограмм «Джеральдо» (беседы со знаменитыми людьми), которая транслируется по всей стране, и предложила себя в качестве гостьи программы, если ведущий Джеральдо Ривера «уговорит» придти другого гостя — журналиста Курта Лодера, пишущего о роке. И тот и другой вежливо отказались. Мадонна, без сомнения, была единственной самой влиятельной женщиной в музыкальной индустрии, оперирующей миллиардами. Теперь, когда Майкл Джексон заключил контракт с «Сони» на миллиард долларов, Мадонну заинтересовало, во сколько ее работодатели оценивают ее. Этот-то вопрос она и ее высший консультативный совет прямо поставили перед представителем «Тайм Уорнер» Стивеном Россом и главой «Уорнер бразерз рекордз» Мо Остином. На личной встрече с Россом и Остином Мадонна в общих чертах набросала план создания собственной компании, сферой деятельности которой будут не только производство пластинок, но и фильмы, теле— и видео программы, а также концерты. По слухам, доля, что она намеревалась урвать от общих доходов, должна была составить семьсот миллионов. В личной ее жизни, в отличие от деловой, царил хаос. Ей все еще хотелось стать матерью, но кандидата на роль отца ее ребенка на ближайшем горизонте не наблюдалось. («Как мать, я буду суровым наставником — дисциплина у меня будет железная»). Она никак не могла успокоиться, что у не поженившихся Шона Пенна и Робин Райт в апреле родилась девочка, и послала им детского приданого в количестве, достаточном, чтобы лишить Райт душевного равновесия. В поздравлении Пенну она написала:

«Дурачок, если б ты дал мне ребенка, мы бы и сейчас были вместе».

Теперь Мадонна часто и пылко заявляла о привязанности к своему бывшему мужу. В «Правде или вызове» на вопрос, кто ее самая большая в жизни любовь, она без колебаний отвечает: «Шон». Предполагали даже, что Мадонна предприняла эффектное завоевание Канн лишь для того, чтобы произвести впечатление на Пенна, который был на фестивале с Райт и дочерью Дилан, пытаясь продвинуть свой новый фильм «Индийский бегун». По настоянию своего друга, пластиночного магната Дэвида Геффена, Мадонна начала посещать женщину-психоаналитика. «Все мои поступки я оцениваю с точки зрения ее вероятной реакции, — рассказывала клиентка того же врача Керри Фишер. — Я так боюсь, что она будет недовольна… Но она осуждает все, что я сделала с тех пор, как стала наблюдаться. Поэтому я последнее время к ней не хожу». Однако у Мадонны появились причины снова возлечь на кушетку у психоаналитика, когда актриса Аннетт Бенинг объявила, что с сожалением отказывается от желанной роли Женщины-Кошки в фильме, которого все ожидали с большим нетерпением, — продолжении «Бэтмена», поскольку у них у Уорреном Битти скоро будет ребенок. «Сперва ушел Шон и стал отцом ребенка другой женщины, а теперь еще и Уоррен, — заметил ее друг. — Ей больно, она в замешательстве». К августу 1991 года Мадонна простила Тони Уорда и позволила заблудшей овце вернуться в стадо. Тем не менее, ведя переговоры о покупке за восемь миллионов виллы площадью в десять тысяч квадратных футов, состоящей из двадцати одной комнаты и расположенной вблизи загородной резиденции Рональда Рейгана в Бель-Эр, она не походила на женщину, которая готова посвятить себя единственному мужчине. Больше чем всегда занятая мыслью о своей квартире, Мадонна проводила почти без сна, анализирую ошибки минувшего дня и расписывая по минутам день завтрашний. «У меня запоры, — говорит она. — Я работоголик. Страдаю бессонницей. Обожаю командовать. Вот почему я не замужем. Кто меня в силах вынести?»

Эпилог

«Я выросла, повторяя, что хочу стать знаменитой. Я пыталась стать другой внутренне и внешне. Когда, наконец, получаешь то, чего добиваешься многие годы, приходится прятаться всю оставшуюся жизнь».

Другой такой женщины в мире нет. Находясь на вершине шоу-бизнеса с 1984 года, Мадонна, попросту говоря, — самая знаменитая женщина в мире. Она не только первая на планете поп-звезда, альбомы которой разошлись тиражом свыше 120 миллионов экземпляров и которая имеет больше песен-хитов, чем «Битлз», но нечто большее — кумир, создавший самое себя. Она привлекает внимание публики, постоянно ее шокируя и оскорбляя. Кажется разбивая вдребезги одно табу за другим, она руководствуется девизом «Больше ненависти!» Словно жалящую пощечину от разгневанной любовницы, Мадонну трудно выносить, но невозможно игнорировать. Хотя ее поступки часто кажутся прозрачными, Мадонна и простота — вещи противоположные. Она являет собой Гордиев узел противоречий: школьница-отличница из зажиточного пригорода Среднего Запада становится на музыкальной сцене уличной городской мегерой; школьная заводила высмеивает традиционные американские ценности; девушка, одевавшаяся в магазинах уцененной одежды становится величайшей законодательницей моды; феминистка, откровенно гордящаяся своим телом, которая публично заявляет, что любит насилие в сексе, приковывает себя цепью к кровати и защищает рожающих девочек-подростков; светская львица, именующая себя «законченным трудоголиком»; воспитанная в глубоко верующей католической семье, она декларирует уважение ритуалам и святыням своей религии, одновременно беззастенчиво эксплуатируя их; «папина дочка», как она сама себя называла, уважающая отца, она делает все, чтобы поставить его в неловкое положение; ниспровергатель авторитетов, чей финансовый нюх настолько остер, что «Эн-би-си найтил ньюс» окрестила ее «империей успеха», и вместе с тем сама авторитет, который журнал «Форбс» объявил «самой красивой деловой женщиной Америки». (Подтверждений этому больше чем достаточно. По оценкам, доход ее в 1991 году составит свыше 65 миллионов долларов.) И что самое неприятное, она выступает за безопасный секс и в то же время

ведет столь беспорядочный образ жизни и являет собой для всех своих поклонников такой пример эротического поведения, который лишь с большой симпатией к ней может быть назван «непоследовательным».

Она является исключительным примером беззастенчивой саморекламы и самообнажения. И все же публика ненасытна. Поэтому Мадонна бесстыдно меняет один свой образ на другой, а мы все жадно ждем ее очередного воплощения. Будь она девчонкой «Бой Той» или Меркантильной Девицей, полуодетой кающейся католичкой или платиновой красоткой — во всех своих ипостасях она заставляет нас задаваться вопросом, кто эта девушка или, во всяком случае, кем она будет в следующий раз.

Мадонну удивляет почему нас так заботят ее личные проблемы. Она порой испытывает короткие периоды сомнений, но быстро, пока другие не успели заметить, справляется с ними. Королева может быть и голой, но в прошлом Мадонне даже это удавалось обращать себе на пользу. Судя по числу почетных колледжей и университетов, которые предлагают ныне курсы, посвященные Мадонне, ее влияние на нашу культуру неоспоримо. В Гарварде курс о творчестве Мадонны предлагается в рамках семинара «Женщины в поп-культуре.» Ее личность и творчество серьезно изучаются также в Массачусетском и Калифорнийском университетах, в университете Лойолы, в государственных университетах Флориды и Нью-Йорка и дюжинах других высших учебных заведений.

Естественно влияние Мадонны намного шире ее музыки и выступлений на Эм-ти-ви. Эксплуатируя распятия, четки, стигматы, церковные свечи и другие предметы католического обихода, она вызывала ненависть, но одновременно и поднимала вопросы, касающиеся влияния религии на нашу жизнь. Ее грубо-задорное 2эй, морячок" включает в себя элементы флирта времен Бетти Буп и Мей Уэст, Мэрилин Монро и Бриджит Бордо — своеобразное возвращение к дням, когда женщины влияли на мужчин главным образом сексуально. Это бесит твердолобых феминисток, но подтверждает тот факт, что, если женщина решает стать приманкой, это, в конце концов, ее выбор.

Столь же противоречивы нескончаемые попытки Мадонны уничтожить сексуальные стереотипы. Заигрывая с бисексуальностью, промискуитетом, переодеваньем в мужские наряды и даже садомазохизмом, она размывает грань между мужским и женским началом. Она называет это «свободным от пола сексом», поскольку «свободный от пола секс не ограничивает. Будь вы мужчиной или женщиной, вы сами выбираете, повелевать вам или подчиняться. Он позволяет

мужчине одеваться женщиной, а женщине — мужчиной. Это очень важно — свободно проявлять все свои стороны». Психологическая мотивация невероятных курбетов и непрерывных превращений Мадонны коренится в трагической безвременной смерти ее матери и последующей борьбе с мачехой, а также братьями и сестрами за внимание отца. Это центральная зависимость Мадонны. Она порождение Тони Чикконе. Она признается: «Я до сих пор заражена философией моего отца». После ее ухода из дома на поиски собственного успеха их отношения колебались от любви до неприязни. Совсем недавно, летом 19991 года, Мадонна утверждала, что отец никогда не признавал ее феноменальных достижений, боясь разозлить ее завистливых сестер и братьев. Когда она приезжает домой на праздники, никаких специальных приготовлений не происходит: суперзвезда по-прежнему спит в спальном мешке на полу в гостиной.

Что касается человека, которого и в 1991 году она назвала «любовью всей моей жизни», — Шона Пенна — многое остается необъяснимым в почти фатальной привязанности этих двух людей друг к другу. Она утверждает, что Пенн ее привлек прежде всего своим умом и талантом. Но более правдоподобно, что ее зачаровывала аура опасности, исходящая от ветреного молодого актера. Как в общественной, так и в личной жизни она всегда делала сознательный выбор в пользу риска и принимала все последствия такого выбора. Куда все это может завести Мадонну? Все, что она делала до сих пор, оказывалось в тени ее личности, и в этом заключается основная проблема ее будущего. Она концентрировалась не на своей работе, а на себе. Личность и имидж, конечно, важны. Но в длительной перспективе публика часто остается верна творческим артистам, но отказывает в любви карикатурам на них. В отличие от Кэтрин Хепберн, Бетт Дейвис или даже более современных Барбары Стрейзанд, Бетт Мидлер и Мэрил Стрип, Мадонна построила карьеру почти полностью на свое разносторонней личности, а не на актерской разносторонности и творческом потенциале. Сколько ей пребывать на вершине — зависит от того, как быстро она сумеет сделать карьеру в кино и превратиться из курьеза в профессионального мастера.

Годы спустя после того, как она начала пародировать Монро в своем видеоклипе «Меркантильная Девица», Мадонна и сегодня изыскивает новые способы воздать должное несчастной богине секса. Не меньше времени она тратит на то, чтобы с не меньшим пылом опровергнуть их сходство. Я не Мэрилин, повторяет она снова и снова. Я люблю мою жизнь, я хозяйка своих поступков, а

не жертва. И до сих пор это, пожалуй, было так — она Мэрилин без мученичества. И все же между жизненными историями двух самых знаменитых женщин есть тревожные параллели. Подобно Монро, Мадонне знакомы боль, и трагедии — достаточно назвать раннюю смерть матери, несколько запутанных связей, аборты, ад в замужестве за человеком, которого она, по словам, продолжает любить, смерть многих друзей от СПИДа. Как и Монро, она обнаруживает серьезные признаки перенапряжения из-за постоянной охоты на нее поклонников и прессы.

Когда Монро перевалило за тридцать — именно столько сейчас Мадонне, — она поняла, что, полагаясь всецело на свою увядающую сексуальность, она совершает прискорбную ошибку. В тридцать пять она попыталась исправить ошибку, и в ее последних фильмах чувствуются нежная проникновенность и подлинный актерский талант. Но она чуточку опоздала. Мадонна тоже может упустить время, если, конечно, не сумеет признаться себе в том, что допустимое на сцене в тридцать выглядит гротескно неуместным в пятьдесят. Однажды Мадонна неискренне назвала утрату ею девственности «шагом к карьере». Но для таких идолов, как Монро, Джеймс Дин и Элвис Пресли, шагом, завершившим карьеру, стала безвременная смерть. Это не тот шаг, который планирует Мадонна, хотя неподтвержденных слухов курсирует предостаточно. Одно из самых любопытных сообщений — о том, что она якобы купила склеп рядом с могилой Монро, чтобы вечность провести и с ней бок о бок.

Сегодня, однако, она очень даже жива, и миллионы молятся у алтаря Мадонна, Нашей Девы Вечной Саморекламы. Она вездесуща и присутствует практически в каждом доме. Она не только зеркало времени — она целый ряд кривых зеркал, и искаженные расчлененные изображения, что они отбрасывают, слепят и пугают одновременно. В своем фильме «Правда или вызов» она говорит: «Я знаю, что я не лучшая певица. Я знаю, что я не лучшая танцовщица. Но мне это неважно. Мне важно оказывать влияние на людей».

Прислушаемся.